

*Владимир
Колганов*

Превратности судьбы

*Часть I. Лулу
Часть II. Дорога на Таити*

18+

Владимир Алексеевич Колганов

Превратности судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848592

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98943-6

Аннотация

Действие первой части романа происходит в 90-е годы. Влад, бабник и выпивоха, пробует разбогатеть на нелегальном бизнесе, однако встреча с Лулу, которая в силу обстоятельств оказалась вовлеченной в сферу секс-индустрии, заставляет его усомниться в правильности выбранного им пути. Влад спасает Лулу от сутенёров, но девушка куда-то исчезает. Действие второй части романа происходит через десять лет. Влад вроде бы получил всё, что хотел: у него приличный доход, он популярный писатель и пользуется успехом у красивых женщин. Приехав во Францию, Влад случайно встречает Лулу.

Содержание

Часть I. Лулу	6
Глава 1. Незнакомка в лифте	7
Глава 2. Каждый вечер...	19
Глава 3. Когда наступает уик-энд	32
Глава 4. Исповедь Лулу	49
Глава 5. Припоминая...	58
Глава 6. Вопросы и ответы	70
Глава 7. В постели с Томочкой	80
Глава 8. Бритоголовая	97
Глава 9. Нежданные визитёры	115
Глава 10. Рабочая гипотеза	128
Глава 11. Три Лу	139
Глава 12. Уже ничто не остановит	155
Глава 13. Параллельные миры	166
Глава 14. Ультиматум	177
Глава 15. Что делать?	185
Глава 16. Прости!	196
Глава 17. ...	206
Глава 18. Промежуточные итоги	213
Часть II. Дорога на Таити	218
Глава 19. Москва – Гренобль	219
Глава 20. Случайная встреча	229
Глава 21. Письмо	242

Глава 22. Второй визит	259
Глава 23. Круглый стол	276
Глава 24. Первое свидание	288
Глава 25. «Ты мне веришь?»	295
Глава 26. В Париж!	308
Глава 27. Искушение	320
Глава 28. Эротический скандал	328
Глава 29. Развязка	338
Глава 30. Конформист	349
Глава 31. Если любишь...	359
Глава 32. Эстер	373
Глава 33. Воспоминания	382
Глава 34. Зачем?	390
Глава 35. Катрин	398
Глава 36. Он	409
Глава 37. Проблемы выживания	417
Глава 38. Предчувствие	426
Глава 39. Возвращение в Москву	435
Глава 40. Раис	446
Глава 41. «Жан-Поль»	457
Глава 42. Он и она	468
Глава 43. Та женщина	477
Глава 44. Дети Клариссы	489
Глава 45. Ужин с депутатом	499
Глава 46. О Моисеях	506
Глава 47. Ну вот и всё!	514

Владимир Колганов

Превратности судьбы

Часть I. Лулу

«Путь к наслаждениям ведёт вниз», Сенека

Глава 1. Незнакомка в лифте

Бывает так, что вроде бы приснился сон, но после пробуждения уже не помнишь ничего. И остаётся только ощущение, будто что-то неминуемо должно произойти, но, что это такое, даже не догадываешься. Вы можете мне не верить, но предчувствие этой встречи тревожило меня с некоторых пор почти что постоянно. Словно бы некое видение возникло наяву, заслоняя собой все прочие события и предметы. Однако если я скажу, что был вполне способен случившееся предвидеть, вот уж тут вы с полным основанием можете назвать меня пройдохой и лжецом. Нет, не было для этого никаких причин! И всё же я не мог избавиться от некоего подобия страха – наверное, именно так дикий зверь предчувствует беду...

Лифт внезапно затормозил, хотя при движении вверх ему останавливаться вовсе не положено, само собой, пока не доползёт до нужного мне этажа. Створки двери раздвинулись, и в кабину влетела растрёпанная женщина с безумными глазами и разинутым в отчаянном крике ртом, из которого, впрочем, так и не донеслось ни звука. Одной рукой придерживая полы короткого халатика, надетого, как можно было видеть, на совершенно голое тело, другой она стала нажимать сразу на все кнопки лифта, видимо, так и не решив, куда же ей следует отбыть. Надо сказать, что в нашем доме есть,

по меньшей мере, две подозрительные квартиры, от обитателей которых можно ожидать чего угодно, начиная от забрасывания соседских иномарок пустыми пивными банками до хорового пения по ночам. Впрочем, все эти квартиры располагаются гораздо выше, примерно там же, где и моя скромная обитель. Вот потому-то я и предложил этой странной даме, отбросив прежние, весьма сумбурные намерения, нажать на кнопку семнадцатого этажа – в конце концов, рано или поздно мне предстояло попасть именно туда, так чего же канителиться? Только теперь крэйзи вумен обратила внимание на то, что она здесь не одна, причём я бы не сказал, что моё присутствие её очень испугало. И вот, по-прежнему тараша на меня свои огромные, красивые глаза – а они и впрямь оказались приятного, изумрудно-пепельного цвета – дама осторожно скосила взгляд в сторону зеркала, висевшего на стене кабины лифта.

– My God! It's impossible, – почти беззвучно прошептали алые, изящно выгнутые губы. И вслед за тем, видимо, начисто забыв про обстоятельства своего появления здесь и уже несколько не обращая внимания ни на кого, то есть в этой суматохе попросту отводя мне роль беспристрастного лифтёра, незнакомка принялась приводить себя в порядок.

Представьте, что где-нибудь в фойе шикарного ресторана, в котором вы вознамерились в уютной обстановке отдохнуть, поужинать, перекинуться парой слов с коллегами или друзьями, к вам вдруг подскакивает этакая расфуфыренная

стерва, впивается ногтями вам в ладонь и пронзительным, совсем каким-то не здешним голосом орёт, чуть ли не присосавшись к уху: «Спасите! Помогите! Избавьте меня от...»

Нет уж, это вы бы меня избавили, мадам! В самом деле, я и так, и сяк прикидывал, как бы сподручнее втолковать свалившейся на мою голову иностранке, что негоже ей шляться по этажам да по квартирам в неглиже, рискуя в некотором роде репутацией. Хотя с другой стороны мы же здесь люди современные, без излишних предрассудков, можем оказать посильное содействие в случае чего. Однако загвоздка состояла в том, что мой запас английских слов на поверку оказался жидковат, то есть, ну просто крайне ограниченным. Что я мог сказать? «Гуд найт», «бонжур», «направо туалет»... В конце концов, не приглашать же для объяснений переводчика.

И вдруг, не оборачиваясь ко мне и продолжая прихорашиваться, дама на хорошем русском языке с едва заметным малороссийским выговором произнесла:

– Можешь называть меня Лулу.

Я так и присел. Ну ё моё! Везёт же мне – опять на одну из этих самых напоролся. И что они липнут на меня, как вша на мёд? По улице ночью не пройдёшь – «Ну что, мой миленький, может, развлечёмся?». Мало им московских пляс-пигаль, теперь уже и в лифтах стали клеиться!

Но вот когда эта самая Лулу, наконец-то как бы закончив макияж, оборотилась лицом ко мне, от изумления, и правда,

впору было лечь – то есть хоть не вставай, хоть падай. Теперь уже я глядел на неё полуосоловевшими, полувосторженными, какими-то боготворящими, словом, более чем идиотскими глазами, моля Всевышнего лишь о том, чтобы никогда не кончался этот сон. Ну можно ли себе представить, чтобы, не затратив, фактически, ни малейшего труда, я оказался в одной компании, чуть ли не в тесной близости со столь очаровательной, прелестной юной леди, да ещё в положении, когда просто обязан ей чем-нибудь помочь? Вы не поверите, но подобное произошло со мной впервые. Стоит ли удивляться, что меня то ли отчасти развезло, то ли чем-то легонько оглушило. Так, в этом не совсем привычном состоянии я вывалился из остановившегося лифта, достал ключи, открыл дверь своей квартиры и пригласил незнакомку за собою в дом.

Увы, должен признаться, что неумеренная эйфория поначалу чередовалась у меня с мыслями вполне утилитарного предназначения, то есть, куда бы мне это милое создание поскорее сбыть и как бы не пришлось мне заниматься выяснением причин её появления здесь, вроде того – а кто ж её до такого беспардонного состояния довёл, пренебрегая общедоступными нормами приличий? Нет, правда, ну не совершать же поквартирный обход с целью опроса всех жильцов? Причём, и это очевидно, сама она мало расположена к интимным откровениям, даром, что назвалась явно вымышленным именем. Во всяком случае, прежде мне не прихо-

дилось слышать что-нибудь подобное, ведь даже девки из нашего ночного клуба выбирали себе клички посolidнее – Алёна, Ева, Ксюха, Агриппина... А тут – вульгарное Лулу! С другой стороны, само по себе выяснение сопутствующих этому событию обстоятельств не вызывало у меня особого восторга ещё и потому, что было чревато, как принято у нас говорить, непредвиденными осложнениями. Надо же понимать – ведь я не на работе, где такое занятие мне как-никак по статусу положено. А что же делать здесь? База данных на эту публику у меня начисто отсутствует. Я было подумал, а не вызвать ли для полного удовольствия милицейский наряд. Однако, как бы девчонке не досталось, поскольку, говорят, они на это мастера. И кто потом будет разбирать, что было сперва и чем, к примеру, кончилось? Да ладно, я же всё это не со зла.

Нет, в самом деле, положение для меня складывалось совсем не шуточное. К примеру, ну во что же мне её переодеть? Вряд ли кому-то в голову взбредёт, будто я в платяном шкафу складирую про запас подборку женского белья самых разнообразных фасонов и размеров. Однако в одном халатике не выгонишь её на улицу, даже если на такси денег наскребу. А тогда чем я оказываюсь лучше тех, от кого она только что сбежала? К тому же, и перед консьержкой как бы не пришлось оправдываться уже в который раз. Скажет потом, мол, с девчонки всё, что нужно, поимел, да и выставил бедняжку за порог, в чём мама родила, а вещички продал на барахолке

за «литру самогонки». Да, именно так и скажет, мне ли не знать, хотя самогона я сроду в рот не брал, разве что один единственный раз – на комсомольской свадьбе. Было дело, помню, еле-еле пришёл тогда в себя – даже не уверен, что перед вами сегодня именно я, а не тот, что только выпить собирался... В общем, похоже, влип я в скверную историю с этой незнакомкой.

Впрочем, называть незнакомым чем-то очень памятное мне лицо было бы явно не разумно, я бы даже сказал, крайне легкомысленно. И вот, надевая комнатные шлёпанцы, я старательно, буквально изо всех сил пытался сообразить, а как же её зовут на самом деле... Ну ладно, пусть будет эта самая Лулу. Мало того, что в одном тоненьком халатике, Лулу к тому же оказалась босиком, но мне так и не пришло в голову предложить ей что-то на ноги, да и, судя по всему, ей было так привычнее. А вот почему?

И вдруг я понял, что могу с ней делать всё, что мне захочется.

Знали бы вы, как это противно, когда все вокруг считают тебя добреньким и милым, словно бы ты пушистый, бело-снежный, синеглазый кот. Ну такой... то есть попросту совершенно безобидный. В общем, тоже кот, но то ли кастрированный в ветлечебнице по наущению хозяев, вконец одуревших от бесконечных воплей похотливого самца, а может, и того проще – перед вами самое обыкновенное чучело, набитое опилками или поролоном, способное разве что про-

мурлыкать популярную мелодию, когда его нежной рученькой погладят. Ах, как же мне всё это надоело! И вот для того, чтобы доказать, что я вовсе не такой...

– Ты не возражаешь, если я приму ванну? – вдруг сказала Лулу.

А почему бы и нет? Да ради Бога! Я даже спинку, если больше некому, потру. Так и подумал, распахивая перед Лулу дверь ванной и протягивая ей банное полотенце. Если уж совсем начистоту – я же всю жизнь о том только и мечтал, чтобы такая вот юная красавица, стоя передо мною на коленях, просила сделать ей ребёночка!

Итак, ещё чуть-чуть и может сбыться моя давняя мечта. Сегодня вечером мне выпадет желанный жребий! Я чувствую, как в груди рождаются звуки, подобные ударам парового молота, как по жилам разливается горячая, насыщенная гормонами кровь, как...

Но вот только не надо это делать сгоряча. Давай-ка, дружище, не будем форсировать события. Потому что, если действовать нахрапом, напролом, всё дальнейшее может пойти совсем не так, как я задумал. В конце концов, если захочет, может некоторое время пожить здесь, у меня. Ну хотя бы до тех пор, пока не подберём ей что-нибудь взамен этого халатика. Впрочем, меня бы вполне устроило, если бы она осталась голышом. Да и погода нынче для того, чтобы оставаться в неглиже, более чем подходящая. Вы только представьте себе – нудистский пляж в отдельно взятой однокомнат-

ной квартире! На этой многообещающей мысли я постепенно успокоился.

А между тем Лулу, стоя перед зеркалом, уже расчесывала волосы на косой пробор, смыла тени, стёрла ярко-красную помаду с губ и вот предстала предо мной заметно посвежевшая, без следов недавнего отчаяния на лице, без страха и без слёз. А вместо халатика её чуть влажное после купания тело прикрывало розовое полотенце.

Вот она, долгожданная мечта! Вот оно, то счастье, которое само постучалось в мои двери. Неужели всё это мне – и эти ласковые руки, и нежные плечи, и этот словно бы завораживающий, манящий взгляд?

И всё же Лулу смотрела на меня как-то странно. Примерно так щурятся на яркий свет, выходя из темноты подъезда на улицу безумно ярким, летним солнечным днём. Нет, пожалуй, это было бы не совсем точное сравнение, потому что даже подобия улыбки на её лице не обнаруживалось. Скорее, были только недоумение и почему-то – стыд. И ещё нечто не вполне конкретно выраженное – сказать или не сказать? И если да, то что, чёрт возьми, должно за всем этим последовать?

Лулу ходила по комнате, оглядываясь по сторонам – словно бы путница, заплутавшая в лесу, надеялась обнаружить знакомую тропинку, которая выведет непременно к дому. Казалось, что в её голове вертится, не находя пристанища, одна лишь мысль – а с какой стати я сюда явилась? На самом

же деле всё было очень просто, и подобная нерешительность девочки по вызову даже вызывала у меня сочувствие. Я уже представлял себе, как стаскиваю с её нежной попки трусики, как ласкаю её грудь... Стоп! Можете мне не верить, но почему-то здесь одно с другим не связывалось.

И только тут я её узнал!

Да, это была та самая девчонка, которую в прошедшую пятницу выставили на аукцион в нашем ночном клубе. Я видел её лишь мельком, и потому не смог сразу определить, что называется, кто есть кто! Как же она здесь оказалась? Признаться, я не в том возрасте, когда ещё верят в такие совпадения. И потом – что она искала, обшаривая взглядом мой дом? Валюты я в своей квартире не держу, драгоценностей – кот наплакал, одни лишь серебряные карманные часы, доставшиеся мне от деда, волостного писаря во Владимирской губернии. Кто-то подослал? Кто и зачем? Да кому я нужен!

А Лулу тем временем просматривала наш семейный альбом. Уж и не знаю, что она там углядела, но вдруг я слышу: – Папочка! Ну и как тебе жилось без меня всё это время? Ни фиги себе!..

Прежде, чем делать такие заявления, полагается человека подготовить, валокординчика накапать, что ли, а тут... Нет, ну надо же, родственница объявилась! Видимо, проездом из Нижнего Новгорода в Тверь с короткой остановкой у столичной родни.

Если честно сказать, то всю свою сознательную жизнь, ис-

ключая лучезарные детские годы и отрочество, я отбивался от провинциальных родственников, чем только мог, то есть всеми доступными мне средствами. Эта орава, нагруженная баулами с варёной колбасой, сметённой с полок ближайшего продмага, вваливалась в наш дом обычно без предупреждений, привнося в обстановку неспешного, размеренного и сытого столичного бытия признаки отчаянной борьбы за своё существование. Слава Богу, что борьба эта происходила в основном на уровне живота, поскольку выстоять километровые очереди за импортными сапогами, тюлем и прочими принадлежностями семейного уюта у них уже просто ни сил, ни времени не оставалось. И вот, стоило им похлебать хозяйского борща, слопать только что купленные сардельки и выпить чаю, как с улицы доносился призывный вой автобусной сирены, и вся орава мгновенно исчезала, оставляя в квартире немытую посуду, пустую кастрюлю из-под борща и запах натруженных конечностей. До новых встреч, внучатые племянницы и троюродные тётки!

Итак, девочка по вызову считает себя моей дочкой. Несмотря на весь свой жизненный и профессиональный опыт, а может быть благодаря ему, я ну никак не мог поверить вот именно в этот неожиданный расклад. Вообще-то, всякое бывает. Случается даже, что только на закате жизни узнаёшь про себя такое, чего и врагу не пожелаешь. А впрочем, надо же и то понять, что на моих глазах всё рушилось – я имею в виду нечто уже почти реально осязаемое, что уже

в подробностях представлял в своих мечтах. Вот и не верь после этого в скверные предчувствия.

Знали бы вы, как я не люблю, когда мои поступки заранее планируют! Словно бы я робот или услужливый арапчонок какой, ну как ещё сказать? Помнится, один приятель мой надумал вдруг жениться... Впрочем, всё было несколько иначе. Ну вот, представьте себе, что в вашей квартире раздаётся телефонный звонок и ваш давнишний друг вполне деловым, если не сказать елейным голосом сообщает, что вы назначены шафером на свадьбе. Более того, что через четверть часа вам надлежит, напялив самый лучший камзол, явиться по известному адресу для личного знакомства с его обожаемой невестой. На смотрины, так сказать... И кто же на кого должен смотреть, прикидывая, подходит оно или не подходит? То есть я или она? А между тем из телефонной трубки явно доносились звуки размеренных шагов. Если бы не догадался, что это женские каблуки, наверняка узнал бы походку своего начальника.

Вы уже поняли, наверное, что я таких сюрпризов просто-напросто не переношу. Вот и теперь – даже не посоветовавшись, меня назначили папашей!

Что ж, я налил две рюмки коньяка – свою я залпом выпил, а Лулу только пригубила – и приготовился выслушать историю о том, как, то есть каким неповторимым образом, сам ничего подобного не предполагая, я докатился вдруг до жизни такой. Новоявленная дочь забралась с ногами на диван

и, закурив предложенную мною сигарету, приготовилась к рассказу. Однако прежде, чем позволить ей начать, я должен пояснить кое-что из того, что предшествовало этому свиданию. Очень уж не хотелось бы прерывать исповедь Лулу или отвлекаться в область метафизических гипотез по поводу того, что было бы, если б мы не встретились или я выбрал себе другое место для работы. Опуская воспоминания о лучезарном детстве и не менее беззаботной юности, я возвращаюсь всего лишь на пару дней назад. Так ведь иной раз и одного дня вполне достаточно, чтобы радикально изменить чью-либо судьбу или же понять, что вся прошедшая жизнь была не более, чем подготовкой к этому событию. Итак, начнём всё по порядку.

Глава 2. Каждый вечер...

Каждый вечер, едва зажгутся уличные фонари, я собираюсь на работу. Летом темнеет поздно, а в тех столичных кварталах, где добропорядочные горожане уже готовятся отойти ко сну, к этому времени становится и вовсе жутковато. Однако, несмотря на окутавшую город духоту, на опасение быть ограбленным или избитым, я надеваю малиновый пиджак с потёртыми розовыми отворотами, по своему покрою скорее напоминающий ливрею, выдавшие виды парусиновые штаны, сандалии на босу ногу и, сунув в карман свёрток с бутербродами, выхожу за порог своего дома.

Надо ли говорить, что обозначенные мною приметы были бы очевидной неправдой, случись описываемые события в иное, менее подходящее для прогулок время года. Но на дворе всего лишь середина августа, и потому не стоит напрягать своё воображение, пытаясь представить себе, как выглядело бы моё одеяние в осеннюю слякоть или же в лютый январский мороз.

Столь же бессмысленным было бы намерение поразмышлять о превратностях унылого ночного бдения безвестного портье в пятизвёздочном отеле, поскольку признаюсь сразу, что не довелось мне обретаться в этой должности ни в «Рице», ни в «Шератоне», а потому случайных и явно нежелательных встреч с призраками прошлого, способными потре-

вожить не слишком отягощённую воспоминаниями мою совесть, вовсе не предвидится. Тем более, если даже покопаться в памяти ещё раз, вряд ли в ней что-либо достойное сожаления найдётся хотя бы потому, что ничего такого, похоже, у меня и не было. Ну разве что два-три романа с замужними дамами, да и то, пожалуй, их тогдашних супругов я бы не отнёс к числу своих ближайших друзей.

Из всего сказанного существенно лишь то, что моё рабочее место располагается не в солидном отеле, и даже не в меблированных комнатах, сдаваемых, как правило, всего-то на несколько часов либо на одну бессонную ночь бесприютным парочкам, которым не терпится дать друг другу немного душевной теплоты и ласки. А то ведь ещё бывают и на редкость стеснительные клиенты, чем-то похожие на меня. Те самые, что не решаются привести девчонку в свою холостяцкую квартиру на виду у сидящих на скамейке близ дома пожилых матрон, да к тому же под пристальным взглядом бдительной консьержки. Она бы и сама не прочь приглубить старичка, сколько краски изводит, чтобы скрыть седину, а толку-то... Нет, правда, в последнее время и вовсе – как приговор! То и дело стали возникать прежние подружки, заботливо осведомляясь, мол, ты по-прежнему один или свято место пусто недолго оставалось? Ну и что им на это отвечать – что-то вроде «вам-то, милые дамы, какое дело?».

Впрочем, по поводу «старичка» я, видимо, загнул. Больше сорока, ну, скажем, сорока пяти, мне не дают – конечно,

если не заглядывать в мой паспорт. Однако соседи всё про всех знают. Можно подумать, будто вылёживались мы всем подъездом в одной палате для недоношенных детей в том самом роддоме имени Грауермана, что располагался когда-то на Арбате. И с той поры по должности либо по велению души надзирали они за мной с превеликим тщанием, а потому все сколько-нибудь существенные события моей личной жизни знают наперечёт. Во всяком случае, такое иногда складывается впечатление, если судить по их вроде бы ни с того ни с сего приветливым, а иногда и просто до омерзения сочувственным взглядам, словно бы понимают они обо мне гораздо больше, чем в собственной биографии разбираются. Но это к слову, притом выражаясь их не слишком-то изысканным языком.

Обязанности мои с виду совсем не хлопотные. Сидя в полумраке своей каморки недалеко от парадной двери, тычу пальцем в клавиатуру компьютера. Никому и в голову не придёт, что здесь закладываются основы финансового благополучия нашего заведения. А дело в том, что изображения всех входящих посетителей направляются в мой ноутбук, который, покопавшись в памяти, сам определяет, кто есть кто, а уж затем выкладывает на дисплей всю подноготную – где, да как, и в чём недостойном сей господин был уличён. Само собой, речь не идёт о том, что некто привык сморкаться в занавеску – в нашем деле обмен полезной информацией более чем основательно налажен, особенно в тех случаях, когда

реальный владелец нескольких заведений оказывается один. Увы, но даже самая совершенная техника, тот знаменитый западный хай-тек, нередко даёт сбой, молчаливо признаваясь в собственном бессилии. В том ли заковыка, что заглянул к нам новичок либо ранее проштрафившийся клиент явился тщательно загримированный, но, в чём бы ни заключалась на этот раз причина, крупье в игорных залах могут оказаться безоружными перед лицом завязтого шулера либо многоопытного профессионала, ну а податливые на ласку девчонки в шикарных номерах рискуют подцепить какую-нибудь хворь, чреватую длительным отлучением от любимого занятия.

Вот тут-то и наступает мой черёд! И гаснет экран компьютера, и топтуны у входа по моему тайному сигналу вынуждают посетителя так или иначе проявить свой нрав либо похвастать содержимым кошелька. Моя же задача зафиксировать его реакцию и на основе личных впечатлений нарисовать психологический портрет, максимально соответствующий неведомому покамест оригиналу, либо же выявить черты, однозначно указывающие на внесённого в чёрный список фигуранта. Ну а дальше...

Здесь следует пояснить, что мои скромные познания в практической психологии востребованы, в основном, лишь в период летних отпусков, когда обычная московская клиентура находит удовлетворение своим пагубным страстям вдали от мест привычного обитания. Её же отсутствие воспол-

няют заезжие гастролёры да охочие до российской экзотики туристы, для которых летняя Москва – это всё равно, что Лимассол или Монте-Карло для москвича, само собой в зависимости от уровня задекларированных доходов.

В этой ситуации вполне резонно возникает вот какой вопрос, который уже не раз мне задавали:

– Послушай, а зачем тебе всё это надо? Что ты нашёл в таком малопочтенном деле, которое подходит скорее уж тюремным цирикам или же опытным соглядатаям?

Что тут ответить? Вероятно, не будь я начисто лишён иных способностей, наверняка нашёл бы себе занятие куда более достойное. Но так уж повернулась моя судьба, так уж сложились воедино прежде разрозненные, к тому же не вполне доходчиво выраженные обстоятельства, что здесь, в старинном особняке, принадлежавшем в самодержавные времена какой-то богатенькой купчихе, здесь, в крохотной каморке поблизости от входа, за огромным полупрозрачным стеклом в золочёной раме, замаскированным под зеркало, и находится место моего ночного заработка.

Не следует думать, что работы у меня каждой ночью невпроворот. Случается иногда и временное затишье, когда клиент по независящим от нас причинам куда-то пропадает, словно бы ни с того и ни с сего возникли у него совсем иные, не свойственные свободному, я бы сказал, вполне самодостаточному индивиду обязательства, быть может, связанные именно с лишением свободы. Вот стоило предположить та-

кой исход, как словно бы слышу:

– Ох, не накликай бы тебе беды!..

А и чёрт с ними – без работы точно не останусь! Так вот, в такие-то для дела не слишком благоприятные, наполненные тоскливым ожиданием часы самое подходящее занятие – почитать какую-нибудь книжку. Не столько для души, а исключительно, чтобы в уединении и с пользой скоротать освободившееся время – спать-то у нас на службе не положено. Конечно, имей я столь распространённую ныне склонность к пустопорожней болтовне, мог бы и с топтунами поговорить о том, о сём. Топтуны ведь тоже люди, всё-то они про нас с вами понимают, им ведь тоже хочется немного душу отвести. Вы спросите – с чего бы это? Так ведь наболело! Дай только ему волю, он такую прорву отборного компромата про любого из вас выложит, что мало не покажется... Увы, согласно с давних пор сложившемуся у меня, проверенному опытом убеждению, разговоры по большей части сокращают нашу жизнь ровно на то самое время, в течение которого они и продолжаются. А там, кто знает – разговориться не успеешь, и вдруг оказывается, что жизнь-то прожита...

Можете мне не верить, но иногда я и сам кое-что пишу. Обычно это происходит сразу же после сна и, что особенно обидно, на пустой желудок, так что более двух-трёх страниц не наработаешь. При этом в голове возникает некое шуршание, напоминающее шелест переворачиваемых страниц и словно чей-то голос, спросонья кто именно и не раз-

берёшь, прокашлявшись для порядка, начинает зачитывать мне текст, только успевай записывать... Знаете, поначалу собирался сочинить нечто маловразумительное в стиле «фэнтэзи» – уж это нынче в моде! Но тут ведь вот какая происходит несурезица. Спрашивается, зачем писать и кому всё это нужно, если более или менее здравомыслящему человеку с умеренным воображением достаточно просто-напросто прилечь на свой любимый, кое-где уже слегка продавленный диван в весьма уютном обрамлении – торшер, подушка, рюмка коньяку – и фантазируй себе, сколько душеньке угодно! Кому что требуется и кому какой предпочтителен сюжет... Далее следовало бы привести полный перечень наиболее привлекательных видений, ну словно бы порекомендовать самый ходовой товар – да ладно, уж как-нибудь сами разберётесь. Словом, в итоге с «фэнтэзи» не задалось, да и с написанием очередной главы «Истории проституции в России» тоже не слишком удачно получается. И на то есть свои, не менее важные причины...

Должен признаться, что с недавних пор в минуты вынужденного простоя я предпочитаю наведываться в Интернет. Хоть и не в восторге я от всяких новомодных, стильных штук в духе нашего продвинутого времени, однако согласитесь, что во Всемирной паутине есть чем позабавиться. Нет, вы только не подумайте, что я охоч до порнографии – мне это непотребство совершенно ни к чему! Куда интереснее побродить по виртуальным форумам. Не знаю, как вам, но мне

уж точно прежде в голову не приходило, будто кричать, гримасничать, закатывать глаза, сокрушаться, иронизировать, наглеть без всякой меры, нудеть, увиливать от ответа, орать и лгать в лицо, восклицать и лицемерить, пытаться доказать недоказуемое и просто говорить – всё это могут делать одновременно ВСЕ! Сдаётся мне, что это есть ни что иное, как случай группового мазохизма, когда взаимное унижение выступает в качестве неременного условия присутствия:

– Ой, ущипните меня, если я не сплю!

С другой стороны, ежедневно предназначенная вам, в отличие от Сети более или менее осязаемая, вполне обыденная реальность по существу оказывается из разряда странных снов. Там черед явлений возникает вроде бы сама собой, то есть помимо вашей воли, а вы оказываетесь не в состоянии что-либо в происходящем изменить. Там, в этих полукошмарных видениях наяву, протянутая для рукопожатия рука нередко повисает в воздухе, а прежде знакомый человек вас попросту не замечает, проходя сквозь ваше тело, как будто вы мираж, бестелесный образ, порождение большого разума. И только там слова недоумения застревают в горле, а бесконечно надоевшие упрёки самых близких и наставления тех, кому по должности положено заботиться о всеобщем процветании, уже изрядно соскоблили вам лицо. Но это всё потом...

Ну а пока что я прохожу через парадную дверь, так мне гораздо ближе, чем если бы я шёл путём, более привычным

для obsługi, и топтуны радостно приветствуют меня у входа:

– Здравия вам желаем, Вовчик! – хором шепчут топтуны.

Это у нас ритуал такой, своеобразная традиция, что ли.

– Здравствуйте и вам, товарищи! – отвечаю тоже тихо.

И правда, незачем солидную публику пугать, а то ещё подумают чего... Вроде того, что власть переменялась.

Кстати, на Вовчика я не обижаюсь. Было бы даже странно – ведь такое обращение даёт уверенность в том, что меня воспринимают не вполне всерьёз. А это при моём теперешнем положении совсем не помешает, даже создаёт иллюзию, будто я один из них. Тут ведь требуется иметь в виду, что мне и за топтунами надобно приглядывать.

– Бутылочку, небось, припас?

Это спрашивает один из топтунов, незаметно ощупывая мои карманы. Их ведь тоже следует понять, что подделаешь, у каждого своя работа. Однако же и то знать полагается, что по пятницам я ничего подобного себе не позволяю, ни бутылочки, ни фляжки, ничего. Уж очень важный день! А то ведь в самый ответственный момент некстати развезёт, ну а тогда...

Тут самое время признаться, что я себе мало симпатичен. Иногда, ну просто отвратителен бываю. Особенно в тех случаях, когда приходится сообщать швейцару, что юная леди, не в пример прочим довольно привлекательная в свои семнадцать, ну, скажем, в восемнадцать лет, должна покинуть наше заведение. И дело даже не в возрасте, это мы бы ей как-

нибудь простили, даже совсем наоборот. Но при всех достоинствах явный недостаток её именно в том, что явилась она сюда с известным в «карточных» кругах профессионалом, а потому и уйти обязана вместе с ним, так и не составив ему компанию у игорного стола. Уж так и хочется сказать ей:

– Мадмуазель, мои самые искренние сожаления! Не будь при должности, пригласил бы вас отужинать в нашем ресторане. Надеюсь, что сандалии на босу ногу вас не очень-то смутят?..

Однако размечтался! По счастью, подобные обстоятельства возникают здесь довольно редко, даже и не припомню, когда в последний раз...

Вообще-то дамы у нас есть свои, и, кстати, не самого худшего свойства, уж вы поверьте моему слову. Те же, что приходят с кавалерами, как правило, ничего примечательного собой не представляют. Раздень их догола, и что останется? Востроносое личико, не вполне сформировавшаяся грудь да неумемное желание преподнести себя как нечто выдающееся. Будь у меня такая уникальная возможность, я бы и этим кое-что сказал:

– Поймите, леди, вы даже на гарнир к порционному омару не годитесь! Примерно так ощипывают курицу прежде, чем сварить из неё бульон. На скромную роль смазливой коротконожки, очередной девушки «Плейбоя» ни одна из вас не выдержит экзамен, скинь вы со своего возраста хоть десяток лет. И не мечтайте, разлюбезные владелицы «лексусов»

и «мицубиси»!

Впрочем, во избежание неуместных кривотолков, чреватых отстранением от должности, спешу внести необходимую ясность и сразу же оговорюсь, что всё выше сказанное не более чем неизбежные издержки моей нынешней профессии, особенно присущие людям пожилого возраста. Ну в самом деле, отчего не побрюзжать? Но и на то, как водится, есть достаточно веские причины. Вы не поверите – однажды в незапамятные времена такая вот жадная до плотских шалостей девица в порыве жуткой страсти едва не откусила мне нижнюю губу... Словом, и в мыслях не было над кем-то поглумиться. А причины... причины столь нелицеприятных откровений не очень старого брюзги по большей части вот из чего проистекают.

Есть такое понятие – лень ума. Откуда что взялось, то есть, почему вам именно это предназначено, тут каждый должен разобраться сам. Скажу лишь, что меня способно довести до столь безрадостного состояния только равнодушие. Когда не нахожу ни смысла, ни понимания, когда я сам словно бы растение в глиняном горшке, часами прозябающее на подоконнике в ожидании поливки. Мне солнце полагается видеть только через мутное стекло окна, дышу я выдохами и испарениями хозяев, а уж на то, чтоб кто-нибудь спросил, что у меня творится на душе, рассчитывать и вовсе не приходится. Увы, привычное состояние засиженного мухами, полусохшего цветка... Так вот, для того, чтобы разбудить ле-

ниво дремлющий, но ещё вполне дееспособный разум, нужна причина. Злость! В основе злости – инстинкт самосохранения, а уж угроза более или менее достойному существованию кого угодно выведет из умственной дремоты. Кто-то полезет в подпол доставать загодя припрятанный обрез, кто-то на митингах срывает голос до хрипоты, кто-то готов угомониться, с особым «пиететом» обругав власть на виртуальном форуме. Ну а я... я вот устроился на службу, безумно тягостной и бесконечно долгой ночью находя сомнительное удовольствие в том, чтобы одних с почтением пускать, других до времени придерживать у входа, а прочим и без того должно быть ясно: **ВСЁ ЭТО НЕ ДЛЯ ВАС!**

На самом деле я не такой уж злой. И напрасно обожатели взаимных комплиментов время от времени упрекают меня в излишней жёсткости и чуть ли даже не в злорадстве. Скажу вам больше, некоторые дамы склонны признавать, возможно, в оправдание собственных, не всегда достойных упоминания легкомысленных поступков, что иногда и я бываю на редкость обворожительным – да, именно так! – обворожительным и остроумным. И даже под настроение могу нечто задушевное изобразить, подпевая вполголоса тому, что тремя пальцами трендыкаю в меру своего скромного таланта на гитаре. Однако публика – в восторге! Во всяком случае, та единственная дама, для которой я пою...

Но гораздо чаще случается не так и будто что-то ломается во мне. Ни с того ни с сего внезапно ухожу в себя, гла-

за тускнеют, голос становится невыразительным, и всё лицо словно бы вытягивается в гримасе уныния и вопиющей заурядности... Впрочем, и с этим признанием я поторопился. А между тем...

Глава 3. Когда наступает уик-энд

А между тем события, случившиеся с вами прежде, кажутся иногда кошмарным, кем-то выдуманном сном. В другие минуты вызванное из закоулков памяти воспоминание способно лишь рассмешить, как фраза из забавного анекдота, услышанного ненароком. А бывает так, что оказываешься в состоянии произнести одно лишь слово «ах!»... и больше ничего. Потому что изменить свершившееся уже нельзя, а по поводу того, что было бы, поступи ты по-другому, остаётся лишь строить догадки и ругать, ругать себя за мнимую нерасторопность и не ко времени возникшее будто бы благонаравие души. Вот и в этот вечер...

По пятницам у нас устраивают аукционы. Всё начиналось когда-то с бутылки выдержанного виски на католическое рождество и кресла-каталки, которое доставалось наиболее упившемуся посетителю, а уж таких было немало. Как правило, счастливец оказывался тот, кто попросту лыка не вязал, а то и вовсе пребывал в продолжительной отключке. Надо полагать, в последнем случае интересы победителя представляла заботливая жена или же не в меру алчная подруга. Вот уж подфартило! Что ж, от халявы даже вполне успешная бизнес-леди не откажется. Тем более, если речь идёт всего лишь о частичной компенсации довольно внушительных затрат на возлияния, которые последовали сразу вслед за тем,

как наш «герой» продулся в пух и прах в американскую рулетку!

Со временем хозяева переориентировались на живой товар. Нет, только не подумайте чего... Или вы уж совсем без чувства юмора? Так вот, кто больше всех заплатит, тому и достанется выставленная на продажу барышня, причём в полное рабовладение до самого утра. Распоряжайся, пользуйся – это, конечно, если сможешь! – но не позднее заранее оговорённого часа изволь вернуть прелестное создание на то самое место, откуда взял. Причём в более или менее приличном виде, иначе придётся солидную неустойку заплатить. Короче, всё по справедливости! Однако обычно проблема состояла в том, чтобы найти для аукциона подходящий «лакомый кусочек», способный не только возбудить уже слегка подвыпившую публику, но и заставить её изрядно раскошиться, иначе ставки составляли более чем скромную величину, грозя изрядно пошатнуть и без того не слишком привлекательный в последнее время имидж заведения. И в самом деле, чего ж тут может привлекать, если солидные клиенты обречены всё время пялиться на своих подмазанных, подтянутых, подкрашенных подруг, которые и без того обрыдли до полной невозможности. Я словно бы слышу их настойчивые голоса:

– Нет уж, ты подавай нам свеженькое! А уж за ценой мы, как водится, не постоим.

Вошедшая пара сразу привлекла моё внимание, тем более,

что компьютер стыдливо промолчал, так и не выразив желания подсказать, с кем предстоит иметь дело на этот раз. Видимо, заграничная машина была не в состоянии вообразить, будто такое в принципе возможно – ну что поделаешь, если не случилось в её практике подобных обстоятельств. Пожалуй, и в этом случае придётся рассчитывать только на себя.

Сразу скажу, что рассматривать входящего клиента – не самое приятное для меня занятие. И что за мужики теперь пошли – плечи узенькие, головки маленькие, бывает, что смотрю и чуть не плачу! Да, кепок моего размера с недавних пор уже не шьют, надо полагать, за ненадобностью, то есть из-за отсутствия какого-либо спроса. Вот и этот гражданин – хоть и умеренно широк в плечах, но с удивительно маленькой головкой. Успокаивало лишь предположение, что она ещё растёт. Я отчётливо представил себе, как раздвигаются лобная и теменная кости, как набухает мыслями по-юношески девственный, не испорченный вульгарными знаниями мозг, и его речевой отдел, уже вполне укомплектованный тем, что ненароком позаимствовано из бесед со сверстниками во время перекуров в туалете, начинает нескончаемый, никем не прерываемый, велеречивый и вместе с тем насквозь пронизанный практической направленностью разговор. Но это было, судя по всему, предметом отдалённого будущего. Сейчас же передо мной стоял довольно рослый юноша в защитного цвета куртке с надписью «Стройотряд» и даже его линялая футболка хранила на груди свидетельство

небывалого энтузиазма, оформленное в виде ёмкой фразы. «Даёшь!» – вот именно так и было там написано. При этом всякий малоподготовленный читатель оставался в крайнем недоумении по поводу скрытого смысла столь откровенного признания:

– А что же такое он намерен здесь забрать?

И в самом деле, вряд ли на трезвую голову кому-нибудь могла явиться мысль, будто надумал сей юноша экспроприировать всё, что только под руку ему ни подвернётся. А впрочем, чёрт с ним, куда больший интерес в тот момент вызывала у меня его подруга.

Бывает так, что утомлённый зрелищем безликой, бессмысленной толпы, ты ничего уже не ждёшь, то есть, почти зажмурившись, смотришь на входящих посетителей, словно бы оцениваешь абсолютно не одушевлённые предметы. То есть фиксируешь наличие ушей, цвет губ, покрой костюма, форму носа... Признаться, вся эта псевдоаналитическая дребедень уже изрядно мне поднадоела. Но вот посреди парада мужеподобных барышень и человекообразных мужичков, манишек, смокингов, штиблет и остроносых туфель на о-о-очень высоких каблуках, среди фальшивых драгоценностей и дорогих нарядов будто бы от самого Версаче вдруг возникает нечто...

Я вижу светлые, расчёсанные на пробор волосы, закрывшие едва ли не половину её лица. Слегка раскосые «татаро-монгольские» глаза с лёгкой поволокой. Фигура... фигу-

ра, в общем-то, не идеальная, немного худовата на мой вкус, однако вполне приемлема для топ-модели уездного масштаба. А между отворотами как бы случайно распахнувшейся блузки сияет белоснежно-розовая, неповторимая в своей изяществе, в своём всегдашнем совершенстве, её нарочито полубогажённая грудь, и словно бы помимо воли своей владелицы хочет нам сказать:

– Мне всё тут нипочём, мне на ваши ханжеские нравы и на завистливые взгляды наплевать. Смотрите, какая я красивая!

В ней было что-то от женщин, которых можно видеть на полотнах Дега, неуловимо лёгкое и почти воздушное. Казалось, что вот сейчас она взмахнёт рукой и поплывёт среди ошеломлённой публики подобно божественному существу или хотя бы явится реальным воплощением неведомого, недоступного вам прежде, а может быть за давностью лет забытого или утраченного чувства.

И ещё мне показалось, что между нами что-то было, то есть, наверное, не было, но вполне могло бы быть... Возможно, в той, прошлой жизни мы встречались. И вот уже представляется мне старый сад, и дом на берегу окружённого плакучими ивами пруда, и тёмные занавеси на окнах, вспорхнувшие как испуганные птицы, когда она вошла... Беззвучно шелестящий шёпот губ, покорно замирающих и лёгкой дрожью вновь пускающихся в безумный разговор. В изысканности их изгибов – давно забытые слова, не высказанные ощу-

щения и чувства, сомнения и стыд. Мольба и ненасытность, отзвуки и боль... Сонно цепенели губы... Порыв жаркого ветра растревожил сплетение ветвей в саду и пустил лунные тени в головокружительную пляску по стенам комнаты. Всё исчезло, унесённое в душную ночь запоздалым пробуждением...

Вообще-то на блондинок мне везло. Правда, одна была почти шатенка, другая многократно перекрашена, причём, как ни старался, я так и не смог определить тот цвет, который был присущ ей изначально, надо полагать, ещё в младенчестве. Впрочем, говорят, что от рождения до зрелости оттенки шевелюры нередко испытывают самые неожиданные, никем не предусмотренные превращения, то есть, произведённый на свет отъявленным брюнетом к моменту своего совершеннолетия может стать несчастным обладателем блекло-пегих или же ещё более «непрезентабельных» волос. А некий, вчера ещё кудрявый гражданин однажды утром обнаружит, что теперь имеет полное право сэкономить деньги на импортном шампуне, да и расчёска ему отныне не понадобится, поскольку указанные средства ухода за привычной внешностью оказываются вовсе ни при чём. Одна надежда, что к этому времени вновь возвратится мода на бритьё голов и всё как бы само собой устроится. По счастью, женщинам подобные метаморфозы пока не угрожают. И то ладно!

У неё было совершенно не подходящее ей имя, странное, так мне казалось тогда, но удивительно чётко предопреде-

лившее всё, что потом случилось. Звали её... Впрочем, может, это и покажется не вполне учтивым, но имени я вам не назову. Скажу лишь, что это имя древнегреческого происхождения и означает то ли печальную песнь, то ли печальную судьбу. Во времена нашего знакомства я в мифологии разбирался ещё хуже, чем сейчас, поэтому более разумным мне представлялось следующее толкование, которое основано было почти на буквальном понимании этого созвучия. Ну, в общем, словно бы кто-то с самого рождения разлиновал ей жизнь, как разлиновывают школьную тетрадку, и в каждую строку вписал по одному событию, быть может, не из самых важных, но совершенно обязательных к своевременному исполнению. В четыре года у тебя выпадет молочный зуб, в шесть с половиной ты должна будешь отправиться впервые в школу, в двенадцать твой отец найдёт себе более подходящую жену, правда, и мамаша тоже без партнёра не останется. Ну а незадолго до того, как тебе исполнится шестнадцать лет, прыщавый одноклассник попытается лишить тебя невинности в полутёмной раздевалке во время празднования наступления нового года. Там было совсем не жёстко, на сваленных в кучу зимних пальто и, кажется, что-то у него даже получилось. А на одной из строчек этого будто бы заранее написанного кем-то дневника – и наша встреча. Знойным летом, на далёком южном берегу, в выгоревших под жарким августовским солнцем предгорьях Кара-Дага, где на каждом повороте узкого шоссе висело по огромно-

му полотну Сёра и музыка моря упорно вторила пению Синатры, а белое крымское вино с успехом заменяло столь желанную прохладу...

Было ли в дневнике написано о том, что молодость не вечна, а потому распорядиться ею нужно в полной мере уже сейчас? Я этого не знаю. Помню лишь её рассказы о своих поклонниках, то ли правдивые, то ли выдуманные, наполненные непривычными для меня подробностями. Похоже, эти воспоминания возбуждали её гораздо больше, чем робкие ласки малоопытного любовника, заменяя что-то крайне важное, чего я пока не в состоянии был дать. Нет, не думаю, что в постели я оказался так уж плох. И всё же от меня требовалось совсем другое – персональная «Волга», диплом доктора каких-то там наук и ещё целая куча почётных степеней и званий. Признаюсь, её фантазии, наполненные ясным смыслом и заботой о совместном процветании, поначалу увлекали и меня.

– Ты будешь делать карьеру, а я тебе буду помогать! – нежно шепчет мне на ухо Полина, будем называть её здесь так.

И я млею от восторга, прижимаясь к её белой, такой желанной, такой восхитительной груди.

А вот интересно, как она себе эту помощь представляла? Возможно, и никак – просто, не особенно задумываясь, выполняла то, что было запланировано на страницах того самого дневника, используя его то ли как хрестоматию, то ли как наглядное пособие.

Когда мы возвратились в Москву, и я названивал ей, стараясь ненароком не нарваться на мужа, всё становилось ещё непонятней и запутанней. А уже после того, как Полина сообщила, будто ждёт ребёнка, я и вовсе оказался в положении случайного попутчика, от которого ожидают признания в краже чемоданов, которых он не брал. Надо же понимать, Москва – это вам не крымская вольница, где хоть и не было в те времена домов свиданий, но подыскать подходящее пристанище не составляло особого труда.

Должен вам заметить, что каменистая причерноморская земля не очень приспособлена для того, чтобы на ней более или менее регулярно заниматься тем, что прежде принято было называть любовью – теперь всё больше говорят про секс. Так вот, даже на диком пляже к ночи может сложиться столь неподходящая обстановка, когда без фонаря и шагу не пройдёшь, либо рискуешь нарваться на пограничный патруль, что тоже не особенно приятно. Словом, если вы ограничены в выборе доступных вариантов и вам не пришло в голову нечто экстраординарное вроде намерения расположиться на крыше старинного княжеского особняка, рискуя при этом провалиться сквозь обветшавшую кровлю прямо кому-нибудь в постель – в этом случае самое милое дело это сговориться с какой-нибудь хозяйкой и арендовать на ночь комнатку. На крайний случай подойдёт даже специально, к открытию курортного сезона слегка «облагороженный» сарай. Простыню можете захватить с собой, посудой запасать-

ся совсем не обязательно – летней ночью шампанское куда приятнее пить прямо из горла. Ну а остальное зависит от вдохновения, состояния вашего здоровья и жизненного опыта... Да, не забудьте прихватить с собой томик «Камасутры».

Случаются, впрочем, обстоятельства, которые словно нарочно подталкивают к тому, чтобы, забыв об осторожности и о советах бывалых донжуанов, испытать именно то, что предназначено, сполна, без каких-либо скидок на настроение и врождённую разборчивость при выборе любовных связей. Представьте себе – ночь, скалистый берег моря неподалёку от обширного вольера, надёжно ограждённого рыбацкими сетями, и удивительно большая, просто громадная луна. И вот в ярком свете этого небесного светила сразу несколько дельфинов выныривают вдруг из глубины, встают на хвост и с шумом, с грохотом, подобным океанскому прибою, падают, разбрызгивая вспыхивающую огненным фейерверком воду... Ночь, луна и мы в компании с бывалыми киношниками и начинающими кинодивами, которые снимались, помнится, в какой-то короткометражке о подводном мире. Мы учимся пить спирт – тот самый спирт, что выделен на промывку аппаратуры для подводных съёмок – и за неимением более приличествующей случаю еды закусываем его консервированными керченскими мидиями. Если кто сомневается в том, что произошло потом, пускай попробует всё повторить, но только с самого начала...

Между тем факт остаётся фактом – в последние три ме-

сяца наши отношения с Полиной ограничивались едва ли не дружескими встречами, буквально накоротке, если не считать нечастых вояжей по московским ресторанам и поцелуев где-нибудь на скамейке в сквере, в подъезде или же в такси. Можете мне верить, всё обходилось без «постельных сцен», что было прямым следствием нерешённого квартирного вопроса. И вот неожиданно-негаданно случается весьма огорчительный итог. Логика подсказывала, что простофиля-муж оказался не таким уж простофилей, если очень вовремя сделал Полиночке ребёнка, меня же оставив, по сути, не у дел.

Да, на счёт плакучих ив у заросшего осокою пруда я, наверное, приврал. Похоже, это не могло быть с ней. Что поде-лаешь, надо же делать скидку на мою совсем не юношескую память. И всё же остаётся не до конца осознанное подозре-ние. Всё дело в том, что я так и не решился задать себе вот какой вопрос:

– Я или всё же не я отец ребёнка?

Вам никогда не доводилось искупаться ночью в море? Представьте, прямо в тельнике, в парусиновых штанах, в сан-далиях на босу ногу, при этом строго выдерживая выбран-ное направление, вы ровным шагом идёте через пляж и, вы-зывая изумление у влюблённых парочек не берегу, не оста-навливаясь, то есть буквально аки по суху, и словно бы аб-солютно ни в одном глазу, неторопливо бредёте себе в море. И продолжаете так двигаться, пока вода не окажется вам по грудь. И вот тогда бодрым, нельзя сказать, чтобы очень уж

техническим кролем, вы совершаете заплыв до темнеющего в отдалении буя и тут же, не тратя время попусту на досужие размышления о том, о сём – в частности, а не стоит ли плыть дальше, скажем, в Турцию – лихо разворачиваетесь и тем же приблизительно манером возвращаетесь обратно. Затем как небезызвестный дядька Черномор... нет, скорее уж как совершенно некстати воскресший из небытия утопленник, вы появляетесь из моря, небрежно отряхиваетесь примерно так, как это делает собака в жаркий полдень, после рекомендованного ей заезжим ветеринаром лечебного купания, и вновь всё также нарочито медленно, словно бы совершая привычный моцион, отправляетесь туда, откуда вы и пришли всего-то несколько минут назад... А вот теперь представьте себе, можно ли при столь своеобразно, столь прихотливо обустроенной вашей жизни, в состоянии ли окажетесь вы в этих обстоятельствах ответить на категорически поставленный вопрос? Да полноте, и не пытайтесь!

Вы, вероятно, догадались, что в молодости я изрядно покуролесил в компании не слишком обременённых запретами особ. Нет, только не подумайте, что я водился исключительно с пьяницами да нимфетками. Приходилось мне общаться и с весьма достойными, интересными людьми, уже тогда их известность была широка, разнообразна и неоспорима, как поясной портрет на обложке журнала «Огонёк». Однако так уж случилось, что все они как бы промелькнули мимо, словно бы и не заметили меня, либо же по странности или по

недоразумению оставили без должного внимания факт моего не вполне осмысленного существования. Не скрою, иногда возникает подозрение, будто в этом я сам куда больше виноват. Распорядись я как-нибудь иначе тем, что предоставила судьба, глядишь, и жизнь могла бы сложиться по-иному...

Возможно, такое отступление кому-то покажется совершенно неуместным, поскольку обстоятельства моей юности, так уж мне представляется теперь, были для своего времени вполне типичны, а потому вряд ли могут стать причиной всего того, что произошло со мною позже. Скажи на милость, ну кого волнует, что было бы, сохрани я хорошие отношения с известным театральным режиссёром или популярным комиком-конферансье из мюзик-холла? Не думаете же вы всерьёз, что благодаря знакомству я бы нашёл своё призвание где-нибудь на подмостках сцены? Да нет, мне думается, что ничего непоправимого в моём прошлом не было да и случиться не могло. Похоже, и сейчас всё идёт в соответствии со своим, однажды то ли мною, то ли ещё кем-то установленным порядком – и поиск информации в компьютере, и предварительный осмотр, и более кропотливое дознание, и соответствующие выводы, и приговор... Надеюсь, вы понимаете, что приговор – это всего лишь образно, проще говоря, условно. А вот что оказалось более реальным, так это странные особенности вошедшей пары, которые вынудили меня отвлечься от воспоминаний и приступить к выполнению сво-

их прямых обязанностей, то есть заняться поиском выхода из неожиданно возникшей ситуации.

Так вот о странностях. Странно было прежде всего то, что милая барышня появилась в обществе этого разгильдяя и долдона. Нет, ну правда, до сих пор не могу никак понять – неужели трудно было подыскать себе кавалера поприличнее, и стоило ли вообще тратить силы на поиски этого сокровища? Скорее уж, он сам её где-то отыскал. Да, похоже, эта девица не из тех, что рыщут в поисках завидного жениха, и строят планы, и безумно огорчаются, потому что не сбылось, и наконец-то успокаиваются – вот это именно то и есть, что я заказывала, заверните, плиз! Ведь надо же понимать, что самый главный критерий в этом деле – прочность, основательность, как за воротами особняка, обнесённого внушительным забором. И не забыть про разделение обязанностей:

– Ты, милый, будешь делать карьеру, а я тебе стану помогать!

Нет, в самом деле – каким образом?

Тем временем топтуны у входа засуетились, намереваясь подсказать с виду не состоятельному клиенту, мол, сударь, куда вы прёте, вы ведь явно не наш! Возможно, к этому их подталкивал ещё и не совсем обычный его вид в сочетании с патлатой шевелюрой. Такое сочетание явной бедности и вопиющего нахальства в обрамлении пучка диковинных волос, под цвет слегка подгнившего фрукта неустановленной природы – это у кого угодно способно вызвать раздражение. И

если бы не моё вмешательство, в результате чего удивлённые служаки расступились, всё могло бы закончиться если не кровавым мордобоем, то уж, во всяком случае, длительной истерикой не в меру ретивого ухажёра, по-видимому, возмечтавшего о карьере игрока.

К слову сказать, его настойчивость уже тогда вызывала у меня немалые сомнения. С чего бы это он ломится напролом, словно смысл его, по сути, только-только начавшейся взрослой жизни в том и состоит, чтобы поставить на кон жалкие остатки стипендии или то небольшое, что заработал в стройотряде. И для чего, подскажите, ну зачем? Чтобы перед девчонкой пофорсить или же банально испытать удачу? Однако для этого не обязательно лезть на рожон – возьми, да прыгни с Крымского моста или же прокатись на крыше скоростного лифта в высотке на Котельнической. В наш ресторан с таким «богатством» в кармане не зайдёшь, а в номера без баксов тем более соваться незачем... Ну разве что юноша на известных основаниях запишется к нам в штат – находятся любители и на такого рода особые интимные услуги. Ах, да! Сегодня же аукцион – так ведь и там ему не светит! Чуть позже я топтунам об этом и сказал:

– Ладно, пусть пялится, лишь бы не буянил, а то в случае чего...

Нет, ну в самом деле, что мне оставалось делать? Не пускать? Однако это всего лишь означало бы, что я её больше не увижу. Можно, конечно, попытаться придержать кавале-

ра, скажем, для личного досмотра по подозрению в распространении наркоты, а барышню тем временем галантно пригласить в наш ресторан, мол, я вас развлеку, откушайте мороженого с лимонадом, пока там не уладится. Подобные сюжеты у нас прежде наблюдались, если подружка приглянулась кому-то из владельцев заведения, а личность её спутника, судя по внешности, не представляла из себя буквально ничего – не депутат, не сын министра, не вор в законе и даже не известный журналист, а так, перебивающийся с хлеба на воду кооператор, в недавнем прошлом кандидат наук или безвестный инженеришка. Но одно дело хозяева, которым любое нарушение наших местных, ими же установленных понятий с рук сойдёт, и совсем с другого боку я. Тут ведь можно и доверия, и должности лишиться – это если совсем не повезёт.

И было ещё одно обстоятельство. Уводить очаровательную барышню у такого бедолаги, ну согласитесь – это уж ни в какие ворота не влезает! Всё равно, что оставить без куска мыла пришедшего помыться в бане или же вырвать из руки страждущего поднесённый ко рту бутерброд с паюсной икрой. Нет, решиться на такое надругательство я был положительно не в силах. Так что оставалось лишь единственное – дать топтунам отмашку, чтобы пропустили, и надеяться, что парень не поволочёт девчонку в номера.

Прежде, чем подняться по лестнице в наш игорный зал – именно там, как я уже сказал, по пятницам проводятся аук-

ционы – он благодарно, как домохозяйка, неожиданно-негаданно выигравшая в лотерею миллион, посмотрел в мои глаза и, тихо, почти беззвучно, произнёс ту фразу, которую я буду помнить все оставшиеся мне годы:

– Это... верное решение!

И отчего-то подмигнул.

Глава 4. Исповедь Лулу

Так вот о чём мне поведала Лулу, если опустить слёзы, всхлипывания и прочие малозначительные детали.

Отец, то есть тот, кого она считала отцом, умер через несколько лет после её рождения. Как потом рассказывала мать, видимо, сердце не выдержало слишком уж активной, напряжённой жизни – работа, женщины попеременно с выпивкой и картами. Эта гремучая смесь не доводит до добра. Впрочем, кому как повезёт, однако умный поостережётся.

Вскоре мать нашла себе нового дружка. Был он в отличие от прежнего долговяз и тощ, но уж никак не меньше расположен к общению с женским полом, а всего более, как оказалось – с малолетками. Со слов Лулу, я представляю себе это примерно так.

Жил-был некий гражданин, звёзд с неба не хватал, здоровье так себе, личиком тоже вроде бы не вышел, а потому, что называется, за бабами не особенно приударял, хотя бы потому, что ничего ему там не светило. Как так получилось, что обратила на него внимание мать Лулу, в свои тридцать с небольшим лет довольно привлекательная женщина, вряд ли кто-то сможет объяснить. Самое большее, что скажут – просто повезло бедняге. Если же мать спросят, та скорее всего промолчит, хотя вполне допустимо предположить, что не смогла бы она найти другого такого, негулящего, да ещё имея

на руках ребёнка.

Итак, о нашем нынешнем «герое», отчиме Лулу. Нужно признать, что если с взрослыми женщинами он иногда робел, то вот с молоденькими девчонками держался значительно свободнее. И пошутить мог, и пикантный анекдотец рассказать, нередко вызывая у юных особ явные признаки смущения, а сам между тем еле сдерживал желание кого-нибудь из них, как бы это сказать поделикатнее, немного «приласкать». Это желание словно бы въелось в его натуру навсегда, как энцефалитный клещ впивается в нежно-розовую девичью попку. Всякий раз, стоило ему припомнить обстоятельства своей женитьбы, сознание его обволакивало знакомое чувство и вновь тревожило дремавшую доселе плоть. Вспоминал, как стояли они перед алтарём – нет, нет, конечно же, это было в загсе! – а чуть поодаль обреталась прелестная девчушка, подарок судьбы, плод несчастливого первого брака будущей супруги. Припомнил он и то, как украдкой заглядывался на тело юной падчерицы через приоткрытую дверь в детскую, как однажды будто бы спросонья не разобравшись, что к чему, то есть не заметив присутствия Лулу, вломился в ванную комнату и начал раздеваться, готовясь принять душ. И как потом оправдывался перед женой, мол, ни сном, ни духом... Ну что поделаешь, если накануне немного перебрал?

И вот однажды, когда жене полагалось быть на службе, он застал падчерицу дома одну – тогда-то всё между ними и случилось. Она не сопротивлялась, словно бы только того и

ждала, только и прикидывала, когда же это произойдёт и наконец-то она станет женщиной. И приняла его удивительно легко, без криков и без стонов, только смотрела на отчима широко раскрытыми глазами, ожидая, а что ещё будет и как он это сделает, как повернёт её гибкое тело, как облапит её лоно, потом обхватит за тонкую талию, прижмёт к себе больно-пребольно... и удовлетворённый откинется на подушку. А она продолжала смотреть на его лицо, фиксируя все разнообразные оттенки его вожделения. И зачем только ей это было нужно?

А потом всё внезапно кончилось. Их застукали в самый неподходящий момент. Они уже закончили и почти оделись. Лулу убирала постель, он взглянул на её едва прикрытый кружевными трусиками зад, на полуобнажённое девичье тело, склонившееся над тахтой, и желание пересилило осторожность... В этот момент раздался звук открываемой входной двери и хотя любовники успели наспех привести себя в порядок, однако присутствие их обоих в спальне, подле неубранной постели не оставляло никаких сомнений в том, что здесь произошло.

От ногтей жены ему посчастливилось увернуться, но заявление в органы последовало вопреки готовности искупить вину, естественно, если компенсация будет в приемлемых размерах. И если бы не его мамаша, в то время заместитель районного прокурора, сидеть бы ему на нарах, и не один год. Да и то в лучшем случае, поскольку совратителей малолеток

на зоне не особенно-то жалуют. Это – мягко говоря.

А потом её мать стала пить, причём всё чаще и помногу. К тому времени, когда Лулу окончила школу, мать была совсем плоха. Вскоре её не стало. Надо было на что-то жить...

– А ведь я уже видела тебя когда-то, очень давно, там, у нас дома, – еле слышно прошептала Лулу сквозь слёзы.

Вот те на! Душещипательная история, которая вроде бы уже подошла к концу, снова затягивается в узелочек. Неужто и мне пора всплакнуть? В сущности, всё, что она мне тут порассказала, могло не иметь ни малейшего отношения к реальности. Подобные сценарии, надо полагать, уже давно обкатаны, как те же скорбные просьбы бедолаг, с утра до вечера побирающихся по вагонам метро и электричек. Мне ли этого не знать! Не на того напала!

Так бы, наверное, я и сказал, если бы не эта неожиданная фраза. Самое неприятное заключалось в том, что это не был вопрос – тогда бы при желании не составляло особого труда так или иначе отвертеться. Каждый раз, когда нечто подобное случается, делаешь привычный финт ушами, и всё как бы само собой постепенно успокаивается. Но когда тебя ставят перед фактом, да ещё при столь печальных обстоятельствах... Надо же всё-таки и меру знать! Ну и что мне теперь делать? Изобразить, будто не расслышал? Я стал прикидывать, где и когда всё это могло произойти. Но отчего-то мои аналитические способности на сей раз не срабатывали. И то, что они мне изменили – это было явно неспроста. Ко-

роче, ничего другого не оставалось, как самому задать Лулу вопрос и с замиранием сердца ожидать, что же она мне на это скажет.

– Её звали Полина, – словно бы читая мои мысли, произнесла Лулу. Но лучше бы она этого не делала, лучше бы молчала.

Вот, значит, как...

А Лулу тем временем продолжала свой рассказ:

– Я помню, как ты довольно часто приходил в наш дом. Обычно вы с мамой уединялись где-нибудь вдвоём, как правило, на кухне. Пили вино, смеялись, а мне в это время уже полагалось спать. Но я тихонько подкрадывалась к чуть приоткрытой двери и всё видела. Видела, как ты тискал мою мать, как вы целовались, видела, как она садилась к тебе на колени и... Мне уже тогда всё это было интересно. Ну не знаю, почему интересно – просто так... А потом ты перестал к нам приходиться.

– Да, я как раз уехал в длительную заграничную командировку, – эти слова сорвались у меня с языка как бы сами собой, помимо моего желания. Тем более что о причине долгого отсутствия я загнул. При тогдашней должности мои поездки ограничивались разве что одной-двумя неделями. Но, честно говоря, не было уже никакой возможности молчать, то есть не было сил противиться тому неизбежному, что уже готово было свалиться на меня.

– И кто же тебе сообщил, что именно я твой отец?

– А разве не так?

Ну что ты на это скажешь? И вот снова появляется в глазах Лулу панический страх, словно бы и в самом деле она что-то сделала не так, словно бы по ошибке забежала совсем не в ту квартиру, и даже не в тот дом и не на ту улицу... Ответ напрашивался сам собой. Мог ли я ответить ей иначе?

Прошло несколько минут, к счастью, без взаимных упрёков и радостных лобзаний. Лулу понемногу успокоилась, а я... Я в меру скромных сил пытался привести свои тягостные воспоминания в порядок. Припомнил, наконец, когда я мог в последний раз видеть Лулу – как же её тогда на самом деле звали? По-видимому, это было десять лет тому назад. Я тогда, как только увидел её, взглянул в эти большущие печальные глаза, сразу подумал – как жаль, что это не моя дочь. Судя по всему, такие мысли изредка приходят в голову эгоистичным сластолюбцам, никчёмным болтунам, проплутавшим большую часть жизни, следуя незатейливым изгибам подсознания. Тогда-то и появляется эта слегка припозднившаяся, эта запоздалая, эта поздняя грусть.

Вот ведь как оно бывает. Держишься всё время молодцом, полагая, что так и будет всегда, то есть хотя бы очень долгое, предолгое время. А потом случится внезапно некое событие и сразу осознаёшь, что – старый. Старый престарый, совсем никчёмный гражданин...

И всё же, так и остаётся невыясненным один вопрос – каким же образом Лулу оказалась здесь, то есть, почему имен-

но со мной она столкнулась в лифте? Не всё же нужно объяснять волей неведомого Провидения. Должны же быть причины и более доступные для ума.

Так вот и появляется в её рассказе некто Антон, с которым Лулу познакомилась вскоре после смерти матери. Судя по описанию, довольно привлекательный молодой человек, студент какого-то там то ли института, то ли колледжа. Именно он в самую трудную пору оказывал ей посильную поддержку, подыскивал работу с таким заработком, чтобы можно было кое-как сводить концы с концами, успокаивал, когда было совсем не в состоянии. Да, ей было очень не легко. После того, что случилось с отчимом, к своей ближайшей родне Лулу обратиться не могла. И стыдно было, да и, похоже, что на них с матерью давно рукой махнули. Никаких сбережений в семье не было. Обменять квартиру на меньшую жилплощадь Лулу не могла, поскольку необходимо было время на то, чтобы вступить в права наследства. Попробовала сдать комнату квартирантам, но это был сплошной кошмар – трудно предположить, чем могло бы кончиться, если бы не вмешательство Антона. Всё чаще в голову приходили ужасные мысли, поскольку ещё чуть-чуть и останется одна единственная перспектива – отправляться на панель. Ко всему прочему недавно выяснилось, что на часть квартиры претендует отчим, с которым Полина не успела развестись, так что, похоже, не обойдётся без суда, на который тоже требуются деньги. По счастью, на интимные услуги отчим уже не претендовал.

А где-то с месяц назад Лулу стала всерьёз задумываться о профессии путаны. К этому её подтолкнул один, пожалуй, очень странный разговор, в котором Антон описывал шикарную жизнь своей бывшей одноклассницы, ставшей элитной проституткой, иначе говоря, девочкой по вызову. По его словам, клиентами её состояли весьма приятные и почтенные люди – банкиры, топ-менеджеры крупных компаний и прочие видные представители мира сего. Так что высказываемые Лулу опасения по поводу того, что придётся «отдаваться» подонкам с толстым кошельком, здесь явно не катили. Вполне можно было рассчитывать на солидный доход и взаимовыгодное общение с интересными людьми.

– Речь ведь не идёт о том, чтобы ты всё время трахалась буквально с кем попало. Я думаю, что очень скоро ты получишь право выбора.

В общем, долго ему уговаривать Лулу не пришлось, и в итоге она наконец-то согласилась.

У кого возникла идея предложить её для розыгрыша на пятничном аукционе в нашем клубе, мне выяснить так и не удалось. Сославшись на мнение сведущих людей, Антон ей объяснил, что лучшей возможности, чтобы заявить о себе в мире секс-бизнеса, не найти, а потому нечего раздумывать – надо соглашаться.

– Сразу получишь приличный куш, двадцать процентов от выручки аукциониста, это чего-нибудь да стоит. Плюс бонусы от владельцев клуба, если им понрависься. В общем,

было бы из чего конкретно выбирать... На первое время можешь даже маску на лице носить. Я думаю, никто против этого возражать не станет. Напротив, будет некий элемент таинственности. Клиентов это ещё больше возбуждает.

Так и случилось. И вот вчера Лулу взяли да и выставили на продажу. Если б только знать...

После аукциона Лулу стала нарасхват. Видимо, в нашем доме она и в самом деле оказалась случайно – надо признать, что даже здесь есть несколько элитных квартир с богатенькими обитателями. Но вот отчего остановился лифт? Неужто она вбежала в него на моём, семнадцатом этаже, а всё остальное было просто следствием царившей в моей голове сумятицы после неожиданного появления полуобнажённой юной леди? Будто я голых девок не видал... Нет, ничего не понимаю!

Лулу я постелил на кухне – там у меня шикарнейший кожаный диван, пережиток прежней роскоши. Ну а сам расположился в комнате, на тахте, изрядно поизносившейся от длительного и интенсивного употребления. Уже засыпая, я подумал, что всё не так уж плохо складывается – Лулу останется у меня, здесь её почти наверняка искать не станут. От этой мысли мне немного полегчало.

Глава 5. Припоминая...

Иногда всё складывается так, что хочется остаться одному. Нет, не в квартире, не в доме, а чтобы вообще на много, много вёрст вокруг не обнаруживалось ни единого живого человека. Чтобы ни голоса, ни шёпота, ни стопа, ни дыхания. И даже чтобы все тропинки травой заросли. Такое вот странное, неодолимое желание. Неодолимое до тех самых пор, пока...

Ах, как жаль, что это не моя дочь! Судя по тому, что написали по этой теме классики, схожие мысли приходят в голову самовлюблённым идиотам, проплутавшим всю сознательную жизнь где-то в отдалении от радостей и огорчений, которые способна дать семья. Уютный дом, хорошая работа, красавица жена и дети, дети... Ну и, само собой, машина, дача... Тьфу, чёрт, чуть не сказал – любовница! Так уж бывает, что никем не контролируемое подсознание в самый неподходящий момент подкидывает именно то, что хотелось бы забыть.

Итак, о запоздалых сожалениях. Да, хорошо иметь семью, было бы кому позаботиться обо мне, если состарюсь, одряхлею, словом, окажусь совсем без сил. Признайтесь, что и вы подумали именно об этом. Да нет, на самом деле у меня даже и мысли такой не возникало, только горечь, что вот была бы у меня дочь... И что особенного мне от неё надо? Лишь бы

смотреть да радоваться, и больше ничего.

Вообще-то, лень – это у меня наследственное. Вместо того чтобы, как принято говорить, взять да засучить рукава и ковать, ковать своё семейное счастье, я оказываюсь способен лишь на то, чтобы вот так смотреть как бы совсем со стороны. Да, это занятие вряд ли вызовет ко мне уважение обществу. Скорее уж наоборот – мы вот тут корячимся, терпеливо переживаем семейные скандалы, стараемся пропустить мимо ушей занудливые причитания жены, каждый вечер ложимся с ней в постель и потом в крошечной темноте, да притом ещё чуть ли не зажмурясь, работаем над продолжением рода человеческого. А этому всё ни почём, ему, видите ли, всё это лень! Да как так можно!

Ну что поделаешь, если на самом деле лень? Лень уходить из дома навсегда, лень видеть слёзы, слышать крик и плач, лень убеждаться в том, что так жить дальше просто невозможно. Вот прожили вместе год, ну пару лет, и вдруг видишь перед собой совершенно чужого человека. В нём всё чужое – мысли, чувства и слова. Даже то, как он, то есть она называет своих сослуживцев по фамилиям. Как пересказывает, кто чего сказал. Как повторяет в разных вариантах одну и ту же много раз слышанную мною фразу, лишь бы не молчать. Потому что в тишине и ей тоже в голову может прийти такая же ужасная, такая же необходимая мысль, которая то и дело возникает у меня. А мысль как никогда проста – встать, уйти и больше никогда не возвращаться.

В тот год Полина предложила отдохнуть вдвоём в Мисхоре. Дочку можно оставить у свекрови, та вроде бы на всё лето дачу в Кратове собралась снимать.

– Ах, как чудесно было бы! – воскликнула она, пытаясь при этом повиснуть у меня на шее. Видимо, запомнила, что я этого не люблю, и уж совсем не переносит таких нагрузок моя поясница.

Впрочем, против поездки я не возражал. Пришло то самое время, когда надо расставаться с прежними привычками, с раздольной жизнью где-нибудь на диких пляжах под Судакком или недалеко от Коктебеля. И шампанское впору уже научиться пить только из бокалов, а консервированным сосискам «мэйд ин Дания» следует предпочесть более солидное меню. Вот именно так мы тогда и порешили.

Надо сказать, что к тому времени малышка, дочь Полины, подросла, и при встречах на квартире у Полины временами нам становилось как-то даже не по себе, словно бы мы занимались чем-то непристойным. И ещё иной раз возникало ощущение, что там, за дверью притаился то ли человек, то ли угрюмый призрак, чем-то отдалённо напоминающий покойного мужа, и всё подглядывал, подсматривал за нами, словно намереваясь накопить изрядно злобы и жестоко отомстить. Понятное дело, что встречаться у меня дома тоже было невозможно – совсем не интересно фантазировать на тему, как бы на это прореагировала моя тогдашняя жена. Да и очередным отпуском грешно было не воспользоваться.

Так что поездка во всех смыслах оказывалась очень кстати. Правда, стоило немалых трудов представить её как срочную командировку по служебным делам.

После нескольких попыток нам удалось снять приличную квартиру – не очень близко к морю, но зато уж в относительной тишине. Помнится, как-то в Гагре мы с ребятами жили в доме, неподалёку от которого вниз по склону горы располагался ресторан, весьма популярная, особенно по вечерам, достопримечательность местного курорта. «... За жизнь нашу цыганскую, за жизнь нашу армянскую...» – вот эта знаменитая, бессчётное число раз, на самые разные лады повторяемая фраза из какого-то романса возникала в моих ушах каждый раз, стоило увидеть где-нибудь на черноморском берегу даже самое захудалое кафе или закусочную. Возможно, именно поэтому я с тех пор и предпочитаю отдыхать преимущественно дикарём, вдали от мест скопления курортников и кочующих по городам оркестров. Но это был особый случай.

Надеюсь, все согласятся с утверждением, что свобода лишней не бывает. Свободой надо пользоваться, пока она есть, пока дают. Поэтому стоит ли удивляться тому, что, наскоро подкрепившись после утомительной дороги, мы первым делом, не дожидаясь ночи, решили опробовать кровать. Двухспальная, деревянная, она на первый взгляд производила весьма благопристойное впечатление, обещая много приятных дней, часов, ну или хотя бы минут.

Скрип колёс несмазанной телеги и даже скрежет рессор изрядно перегруженного тягача, слейся они в унисон и воедино, не смогли бы сравниться с тем, что огласило ближайшую округу и вершины окрестных гор. Стаи чаек поднялись над гаванью и скрылись в отдалении, ласточки и стрижи спрятались на чердаках. Местные жители и тихо-мирно отдышающие квартиранты высыпали из домов и из курятников на улицы, ожидая катастрофы – что поделаешь, если у всех одновременно возникла мысль, будто эти звуки издавала нависшая над побережьем огромная гора, которая совсем некстати, то есть по какой-то кошмарной, никем не предусмотренной причине вдруг пришла в движение.

На самом же деле, это не земля разверзлась, и крымские горы тут были явно ни при чём, и незачем было возводить на них напраслину. Эти неприличные звуки издавала наша великая труженица, наша производительница, наша заботливая попечительница – деревянная кровать.

Самое время было это безобразие прекратить, но что-то не вполне понятное творилось в эти мгновения с Полиной, я даже подумал, уж не потеряла ли она на время слух. Трудно было поверить, чтобы в её сознании, а может быть, где-то глубоко в подкорке именно эти звуки ассоциировались с таким понятием, как секс. О тонких и возвышенных чувствах я вообще не вспоминаю.

И тут Полина прокричала:

– Это же чудо какое-то!..

В этот момент словно бы что-то стукнуло меня, причём самым непозволительным образом – так, наверное, бьют исподтишка. Э, нет! А вот об этом мы не договаривались. Так ведь, чего доброго, ляжешь в постель совсем свободным, а наутро проснешься закованным в стальные кандалы. Стоит мне только поддаться этим, столь настойчиво внушаемым мне Полиной настроениям, как всё – пиши пропало!

Но видимо, оголтелый скрип кровати способен напрочь заглушить те робкие сомнения, которые время от времени рождаются в нашей голове. Тем более что голове при этом деле положено быть в довольно длительном невразумлении. А может, всё гораздо проще, то есть я был пьян, вот только не вполне уверен – от любви или от чего-нибудь другого. Ещё менее вероятно, чтобы в тот вечер стрелы Амура по нелепой или кем-то подстроенной случайности все до единой пронзили только Полину и меня.

А наутро она меня и спрашивает:

– Ты помнишь, что говорил вчера? – и делает такие прощительные, такие умные и такие наивные глаза.

И что я мог ответить? Если честно – я был просто ошарашен! Нет, ну в чём бы я ни признавался накануне, какие бы романтические предложения ни высказывал, нельзя же словно бы нож к горлу приставлять – скажи да скажи, ты правду говорил или же опять... Ну как так можно? То есть, может быть, я что-то и говорил ещё вчера, но вот сейчас именно – ничего, ну просто абсолютно ничего не в состоянии припом-

нить. И вообще, в чём собственно дело и почему я обязан что-то вспоминать?

Ах, эти нежные, милые создания! Уж так они любят красивые и ласковые слова. Их хлебом не корми, дай только послушать. Я ещё могу понять, когда дело происходит в колумбийской мыльной опере. Но если мужчина изрядно подшофе, да ещё оба находятся в известных обстоятельствах, когда ни она, ни он не имеют возможности оценить реальность беспристрастно, можно ли доверять сгоряча высказанному мнению? Приятно слышать – тут я с вами соглашусь. И верить в искренность намерений тоже можно. Даже нужно! Но ведь и то необходимо понимать, что всё, что при этом было сказано – это ведь не для протокола!

С тех пор прошло, наверное, с десяток лет. Впрочем, осенью того же года мы в последний раз встретились с Полиной. Был сырой и слякотный октябрь. Выйдя из ресторана, не торопясь отправились в сторону метро. Однако честно вам скажу, что в этот раз провожать её домой мне отчего-то не хотелось. Она словно бы сама это почувствовала и предложила зайти к своей подруге, обитавшей там же, недалеко от площади трёх вокзалов, в районе Каланчёвки. В сумерках мы проплутали с полчаса, пока нашли в глухом, еле освещённом фонарями переулке стоявший на отшибе дом с покосившейся входной дверью и кривыми деревянными ступенями, ведущими вверх. Там-то и жила её подруга, коллега по работе, вроде бы недавно к ним на службу поступила. Звали её

Нина. Не знаю, зачем Полина привела меня туда, но мне отчего-то показалось, что это было сделано вовсе не случайно, словно бы об этом было написано в том самом дневнике, который назывался Полининой судьбою.

Так вот о её подруге. У Нины была удивительно нежная, ласкающая одним лишь своим видом кожа, я даже не представляю, с чем бы её можно было сравнить. Все известные мне на этот счёт метафоры ничего не говорят, скорее, просто вводят в заблуждение. Вот, кажется, что стоит вам закрыть глаза и провести ладонью по шелковистой ткани, и вы испытаете то самое чувство, которое я испытал, прикоснувшись к руке Ниночки. Да ничего подобного! Ну ни в какое сравнение не идёт.

Нина приехала в Москву в надежде поступить в торговый институт. Родители последние несколько лет почти весь заработок откладывали на оплату обучения – сажали картошку на продажу, а когда наступал грибной сезон, отец брал отпуск и каждое утро на рассвете заводил свой мотоцикл и гнал куда-нибудь во Владимирскую глухомань, под Вязники или под Муром. В тех местах опытному грибнику не составляло особого труда за несколько часов набрать сотни три-четыре отборных боровиков, а больше и не помещалось в коляске мотоцикла. Я было подумал – вот мне бы туда как-нибудь попасть, но признаюсь, опять же лень-матушка не отпускает.

Однако в Москве у Нины что-то не заладилось – то ли денег не хватило, то ли экзамены не сдала. В отличие от из-

вестных мне, весьма и весьма разговорчивых провинциалов Нина была довольно скрытна, мало, о чём мне рассказывала, словно боялась, будто стоит кому-то поведать о своих делах, так непременно сглазишь, и всё потом пойдёт наперекосяк. Но тут, по-видимому, у каждого свой опыт, и потому свой взгляд на жизнь срabатывает. Впрочем, у меня возникло подозрение, что приметы тут были ни при чём. Скорее всего, кто-то из экзаменаторов глаз на нашу Нину положил и даже не исключено, что предъявил ей нечто вроде ультиматума – либо вместе ляжем в койку, либо в другом месте придётся тебе воплощать в жизнь свою заветную мечту. В пользу этого предположения говорило намерение Нины поменять желаемую профессию и соответственно поступать в какой-нибудь другой вуз. Ну а внешние данные этой юной провинциалки говорили сами за себя и, конечно же, подтверждали высказанную мной версию. Жаль только, что росточком она явно не дотягивала до стандартов топ-моделей, а то ведь не исключаю, что её могла ждать совсем, совсем иная судьба. Что до меня, такое развитие событий вашего покорного слугу вполне устраивало.

Сам не знаю, и зачем я теперь про Нину вспоминаю? Видимо, потому, что просто время для этого пришло. Время вспомнить о том, как через год, тоже осенью гостили мы с ней в выходные дни на даче у приятеля, даже успели рано по утру в лес сходить, а после тёплых проливных дождей в том сентябре грибов в лесу было видимо-невидимо. Да, что-

то я опять всё про грибы – ну так ведь август, сезон только начинается... И вот, чтобы вернуться нам на дачу, нужно было перейти шоссе. Если бы знать заранее, что, пробежав несколько метров, она остановится на полпути, остановится только для того, чтобы потянуть меня обратно... А слева под горку катилась огромная машина тяжелого грузовика и за ним дальше нескончаемый поток машин – его-то я и хотел опередить, чтобы не торчать нам на обочине.

Удар грузовика пришёлся Нине в грудь. Собственно, ещё чуть-чуть и грузовик задел бы её лишь по касательной, потому что в последнее мгновение водитель всё же попытался машину отвернуть. У меня до сих пор при воспоминании об этом возникает в ушах жуткий визг автомобильных тормозов, а перед глазами – мокрое от недавнего дождя шоссе, сплошь усыпанное нашими грибами. И лежащая среди них Нина...

На суде адвокат водителя, работавшего в какой-то крупной фирме, настаивал на том, будто Нину под колёса чуть ли не намеренно толкнул я. Да с какой стати? Чтобы я ни с того ни с сего кого-то под колёса бросил? Это, каким же надо быть уродом, чтобы такое предположить! Ну да, ещё бы рассказали, что была проведена операция спецслужб. И ведь никто не обратил внимания, что я и сам в этом деле пострадал – меня ведь тоже садануло по руке, той самой, в которой я удерживал руку Нины. Но вот случилось так, что не удержал.

В общем, вскоре после того случая у меня начались неприятности по службе – что поделаешь, если на моей прежней работе от персонала требовалась кристально чистая репутация, а тут... Да и то сказать, когда опытный сотрудник попадает в подобный оборот, это либо означает, что к работе он уже совершенно не пригоден, либо позволяет предположить преступное намерение, в данном случае, как ни странно, именно с моей стороны. И конечно, сыграла свою роль наша с Ниной, правда, толком не доказанная связь и её беременность, хоть я, как мог, пытался убедить судью, что мы с Ниной практически даже не были знакомы, так что и умысла с моей стороны, каких-то житейских разборок в принципе не могло быть. Ну в самом деле, не мог же я признаться в том, что между нами как раз накануне произошёл крайне неприятный разговор, в котором я просил, даже умолял Нину избавиться... Нет, просто говорил, что вот сейчас нам это совершенно ни к чему. Видимо, там, на середине шоссе Ниночка и приняла решение. Поэтому и попыталась словно бы всё вернуть назад, возвратиться туда, где кругом были только лес, птицы, звери и не было ни меня, ни других охочих до женских прелестей лживых и лицемерных мужиков.

В общем, слава Богу, для меня всё более или менее удачно обошлось. Хотя при увольнении потерю бдительности всё же приписали, причём с соответствующим понижением воинского звания. Я, правда, попытался оспорить это решение, однако все старания оказались ни к чему.

Увы, но чем больше я задумываюсь обо всех этих событиях сейчас, чем чаще перебираю в уме причины и последствия, тем всё отчётливее в моём сознании возникает следующая мысль. По-видимому, вот именно такой я то ли уродился, то ли кем-то был «запрограммирован» именно вот так, и только поэтому помимо своей воли приношу несчастье всем, и, прежде всего, самому себе. Впрочем, последнее утверждение основано лишь на эмоциях, а посему его следует считать довольно спорным. Однако не потому ли Полина так и не призналась, что у меня есть дочь? С другой стороны, сказав об этом Лулу, могла ли она наверняка знать, что именно я отец её ребёнка?

Припоминая хитросплетения своей бурной жизни, я проворочался в постели довольно долго и, наконец, забылся тяжким, беспокойным сном.

Глава 6. Вопросы и ответы

Знали бы вы, как нелегко признаться в том, что когда-то совершил. Даже если это не преступление, не предательство, не подлая измена. Да просто так сложилась жизнь, просто так, а не иначе распорядилась мной судьба. Что тут поделаешь?

Вот и с Полиной, вроде бы убеждаешь себя, что иначе поступить не мог, а потом вдруг словно бы тяжкий груз навалится на тебя, так что дыхание перехватит и что-то неумолимо сдавит сердце. И вынужден выслушивать о себе такое, в чём даже при куда более грустных обстоятельствах не признаётся никто и никогда. А в результате происходит бог знает что, и даже выпасться как следует не успеваешь.

В последнее время, что в глубоком сне, что наяву, на меня накатывает что-то непонятное. Я даже слышу чьи-то голоса. А стоит мне закрыть глаза, как перед мысленным взором возникает совсем не то, что меня на самом деле окружает. И будто бы я это, и вроде бы уже совсем не я. Мысли и желания какие-то необычные, прежде ничего такого меня не посещало, ну разве что совсем чуть-чуть. А тут ведь целый ворох мыслей и проблем – ума не приложу, и откуда что берётся?! В конце концов, должно же быть этому логическое объяснение, однако никто ничего не говорит, да и мне самому ничего путного в голову так и не приходит. Вот и оста-

уюсь в полном на этот счёт неведении, но ведь и то верно, что с таким тяжёлым багажом проблем, с таким обилием мучительных вопросов спокойно жить нельзя. И вот уже открыл глаза, но по-прежнему ничего не понимаешь.

А между тем со стороны кухни потянуло запахом яичницы и ароматом свежемолотого кофе. Удивительное дело, не мог же я за ночь настолько раздвоиться, поделившись частицей своего «я» с неким воображаемым двойником, чтобы одновременно лежать в постели и готовить себе завтрак. Успокаивало отчасти то, что кофе я по утрам не пью, ну нет такой потребности. С другой стороны, это означало, что в моей квартире присутствует кто-то чужой, либо наоборот – я нахожусь в неизвестной мне квартире. Впрочем, так это или не так, проверить не составляло особого труда. Я мельком глянул на противоположную стену, затем боковым зрением налево – да, всё на месте. И «Одинокий пианист» по-прежнему играет джаз, а странные, полуобнажённые фигуры всё также находятся в плену «Психоанализа». Для непосвящённых – там висят мои картины, в некотором роде, образы далёких, полузабытых лет.

Итак, судя по всему, у меня гостя. А поскольку не подаёт завтрак прямо мне в постель, мы с ней ещё не достаточно близки, чтобы заниматься любовью, одновременно поглощая яичницу и бутерброды с кофе. Тут неизбежно возникает вопрос – а кто в таком случае это может быть? Впрочем, подобные задачки решаются элементарно просто. Я потянул-

ся, помассировал себе немного руки, шею, грудь, после этого не торопясь откинул одеяло и стал выбираться из постели, одновременно засовывая ноги в шлёпанцы. И лишь затем, в чём был, то есть в голубых сатиновых трусах отправился выяснять, что там и как, на кухню. Сразу скажу, что после недавно случившегося разочарования с некой Томочкой, ничего хорошего от посещения даже своей собственной кухни я не ожидал.

За сервированным к завтраку столом сидела юная леди в моей любимой, динамовской футболке, которая, подчёркивая некоторые особо выдающиеся особенности девичьей фигуры, целомудренно прикрывала верхнюю часть ног. Надо признать, всё, что я увидел, было сделано со вкусом, то есть именно так, как полагается – и сервировка, и яичница-глазунья из четырёх яиц на пышущей жаром сковородке. И даже светлая чёлка моей гостьи вполне гармонировала с интерьером кухни, в основном выдержанном в бежево-коричневых тонах с отдельными вкраплениями оранжевого и бледно-зелёного. Сама же гостья, изящно подперев рукою голову, выжидательно смотрела на меня.

– Доброе утро! Если не хочешь, чтобы кофе остыл, тогда поспеши, пожалуйста.

Какое отношение к приготовленному кофе имел предстоявший мне утренний туалет, я так и не осознал, видимо, спросонья это трудно сделать. Но было ясно, что чаю мне сегодня не видать и даже для бритья времени уже не остава-

лось. Что ж, тем хуже для неё, ну а я без утреннего поцелуя как-нибудь да обойдусь – по правде говоря, не одобряю я все эти телячьи нежности. Наскоро сполоснув лицо и надев рубашку, я присел за стол.

Интересно, надо ли мне первым представляться или же она сама своё имя назовёт? С некоторых пор я стал замечать, что по утрам у меня случаются провалы в памяти. Можно предположить, это оттого, что плохо спал, либо насыщенный событиями сон смешал всё в кучу, так и не связав отдельные фрагменты впечатлений в некие безвредные для моего сознания сюжеты. Итак, а что же будет дальше, пытался я угадать, кусок за кусочком отправляя в рот горячую глазунью.

– Вкусно? – неторопливо прихлёбывая кофе, поинтересовалась Лулу.

Ну да, конечно... То есть, именно так я и ответил. Но если вы решите, что после того, как я всё вспомнил, сразу захотелось есть, тут-то вы уж точно ошибётесь, поскольку ничто так не возбуждает мой аппетит, как неразгаданная тайна или незавершённое расследование. К слову, именно на этот случай я и таскаю с собой на работу бутерброды. А вы что думали – неужели и впрямь поверили, будто меня там из рук вон плохо кормят?

Так вот, переходя от гастрономических изысков к проблемам личного характера, перво-наперво следовало определить – моя ли это дочь? И если так, то зачем она сюда явилась? Впрочем, ответ на чётко сформулированный вопрос

вполне мог повлиять на то, смогу ли я поверить в остальное, потому как самое надёжное средство выяснения истины – это поймать подследственного на противоречиях, иными словами, вынудить к тому, чтобы он неопровержимо свидетельствовал против самого себя...

Ну что за дела! Нет, всё-таки не выпив с утра чаю, я способен исторгнуть из своей утробы лишь форменную чепуху. Надо же и то понимать, что кофе я пью по ночам, когда это требуется для работы. Отсюда и все эти экзерсисы насчёт клиентов с их невыносимо надоевшими противоречиями – то есть просто-напросто срабатывает чисто профессиональный интерес. Здесь же ситуация в корне отличается от вполне привычной. Вот и думай теперь, что делать и что бы такое предпринять – эти самые вопросы и вертелись в моей голове, пока я допивал понемногу остывавший кофе.

Собственно говоря, всё, что требовалось сейчас, это просто продолжить диалог, поскольку Лулу, похоже, исчерпала свой запас банальных фраз, необходимых для поддержания застольной, ничего не значащей беседы. Что же касается меня, то для того, чтобы я с утра связал хотя бы пару слов, требуются усилия невероятные и даже не столько от меня, сколько от предмета моего внимания. То есть я сам всего лишь готовился к тому, чтобы внимать. Внимать – это потому, что вроде бы с моей стороны всё, что только можно, было ещё накануне сказано.

И тут вдруг Лулу задала неожиданный вопрос:

– Я тебе нравлюсь? – и сделала грустное, слегка задумчивое лицо.

С чего бы это? Вот так вот я сижу, смотрю на неё и не могу понять, то ли я сплю и вижу сон, то ли наяву всё происходит. И снова она повторяет эти дивные слова:

– Я тебе нравлюсь?

А я повторяю тоже, но уже вслух:

– С чего это ты?

– Я же вижу, как ты мучаешься.

Господи! Ну и о чём ещё тут нужно говорить? Взять бы её под белы ручки и в койку! А потом... И вот когда явь кончится, начнётся снова сон. Или же нет, наоборот, прекрасный сон вдруг обернётся мерзкой явью. И ощущаешь себя полным и окончательным подонком. К вашим услугам, господа!..

Однако какие только видения не возникают в этой бедной голове! Я даже иногда задумываюсь, а всё ли у меня с головой в порядке? К несчастью, заболевший разум не может сам распознать свою болезнь. Впрочем, все эти то ли придуманные мной, то ли сами собой возникшие видения оказываются здесь совершенно ни при чём.

На самом же деле, я был просто потрясён – оказывается, всё-то девчонка понимает и, возможно, даже гораздо лучше, чем могу понять я. Трудно было предположить такое в её возрасте, но не в том ли дело, что Лулу пошла в отца? Речь, конечно, идёт о психологии, о способности разобраться в ха-

рактерах и желаниях людей. Но тогда почему она не раскусила этого Антона? Разве что жизнь заставила ему поверить. После таких догадок или, если хотите, довольно убедительных предположений, мне стало грустно. Самое время было закурить.

– Видишь ли, в чём дело, – эти очень умные, весьма значительные слова, затянувшись, как следует, «голуазкой», я с трудом выдавливал из себя, по ходу монолога прислушиваясь к произносимым звукам и пытаюсь сообразить, что бы ещё такого ей сказать. Но более всего я озаботился тем, как это вымученное мною красноречие отзовется, то есть как отреагирует на него Лулу. – Так вот, люди с такими взглядами, какие примерно у меня, очень ценят свою личную свободу. Точнее, то не вполне внятно выраженное ощущение, которое можно было бы этим словом обозначить. И вот приходишь ты, причём появляешься передо мной, надо сказать, очень, очень странным, если не сказать, экстравагантным образом, отчего даже возникают некоторые подозрения, а потом вдруг заявляешь: «Здравствуй, папа! Я твоя дочь!» Ну согласишься хотя бы, что с таким резким изменением в привычной обстановке любому человеку нелегко бывает свыкнуться.

В общем, если по сути, то я так и не решился ответить на её вопрос. Прежде всего, потому, что сам в себе, в своих ощущениях ещё разобрался не достаточно. Что делать, но иногда правда оказывается куда опаснее, чем самые лживые слова. Вполне возможно, что и Лулу примерно так же рас-

суждает. Ну говорю же, вся в отца! Однако ограничиваться одними недомолвками – так не полагается.

– Итак, каким образом ты попала именно на мой этаж? С какой стати сразу же заговорила по-английски? И, наконец, откуда у тебя взялся этот малороссийский выговор, чёрт его возьми?

Произнося эти слова, я даже сам был себе не рад. И дело даже не в том, что с малороссийским выговором на английском языке говорить совершенно невозможно. Однако в какое же положение я поставил симпатичную девицу? Вот сейчас, поняв, что разоблачена, она уйдёт, а я опять останусь при своих. И всё, что предстоит мне в ближайшей перспективе, это заглядываться на чужих подруг и подбирать на улице беспризорных шлюшек вроде Томочки. Не лучше ли было бы просто признать в Лулу свою дочь и на этом, хотя бы на сегодня, успокоиться?

Но к моему удивлению, Лулу после моих слов ничуть не возмутилась, и не устроила скандал, и даже не заплакала. Только повела легонько головой в сторону окна и едва заметно улыбнулась.

– Какое утро замечательное! – эти удивительно простые, добрые слова словно бы выпорхнули сквозь чуть приоткрытые губы из её крохотного рта и тут же рассеялись в пространстве, предварительно вызвав многочисленные отражения от стен, от потолка. И продолжали звучать даже тогда, когда на самом деле слышалось лишь слабое её дыхание, да

ещё глухие звуки, издаваемые моим сердцем.

Впрочем, должен признаться, что этих своих вопросов я так и не задал, и потому реакция на них Лулу явилась всего лишь плодом моего воображения. Но я уже готов был поверить в то, что я спросил, а она ответила. Да, я был готов простить ей всё! И ту, ничем не объяснимую встречу в лифте, и поначалу вульгарный макияж. И даже закрыть глаза на некоторую неряшливость в её одежде я бы тоже согласился. Только бы продолжалось это наше свидание, только бы Лулу снова произносила эти свои волшебные слова, а я бы слушал её, покуривая сигарету и мысленно воздавая хвалу необыкновенному, чудеснейшему утру. Правда, вот именно это оказывалось не совсем так. Во-первых, потому что на смену утру давно уже пришёл день, да и с чудесами в наше время всё обстоит не так-то просто.

Не просто, потому что невозможно всё отыграть назад. Время, как ни изощрайся в мысленных оправданиях или догадках, летит неотвратимо. Разве что где-нибудь в недрах подсознания оно несётся вспять, пытаюсь расчистить прежние завалы из наслоений подлости, лжи и самообмана, или хотя бы частично восстановить то, что было окончательно разрушено здесь, рядом, наяву. А ведь другого нам и не дано – можно лишь чего-то ждать, можно лишь надеяться на что-то...

Вот и теперь предстояло ожидание. Только чего мне ещё можно ждать?

Признаюсь, немногословие Лулу меня поначалу несколько смутило. Словно бы она плохо вызубрила кем-то написанную роль. Словно и взаправду её наняли всего лишь для того, чтобы к чему-то вынудить меня или спровоцировать на опрометчивый шаг, а то и вовсе на уголовно наказуемое преступление. Вот ведь вполне может оказаться, что моей новой квартирантке и шестнадцати-то ещё нет. Приехала на заработки то ли из Саратова, то ли из Таганрога, забросив школу и выучив на всякий случай несколько выражений по-английски. «My God!» – так впору выразиться какой-нибудь американской кинодиве, а не девчонке из глухого захолустья, ещё недавно торговавшей семечками на базаре по червонцу за стакан. Впрочем, теперь вроде бы девчонки другие занятия для себя находят.

В конце концов, ей можно посочувствовать. Не исключено даже, что и в самом деле осталась без отца, без матери и вынуждена пуститься во все тяжкие в поисках средств к существованию. Поэтому так и хочется себе сказать: «Охолопись, родимый!» Так нет же, только гнусные намёки готовы сорваться с языка, а в голове сумбур из подозрений...

Однако всё началось гораздо раньше. В тот день, выключив компьютер и обсудив со словоохотливыми топтунами последние события в клубе, я самую малость подремал и несколько позже, находясь примерно на полпути от столика в кафе до стойки бара в ресторане, повстречал Клариссу с Томочкой. Как было таким подарком не воспользоваться!

Глава 7. В постели с Томочкой

Ну вот опять! Сколько уже раз давал себе слово не напи-ваться, и вот, изволите ли видеть – снова... Чего я там вче-ра нагородил? Ах, как стыдно! Помнится, писал когда-то – «слабость останется, враг иль скиталица?» Ну ясное же дело – враг! К скитаниям это мероприятие совсем не приспособ-лено. Сидишь и наливаешь в себя, как в тот бездонный бур-дюк... Впрочем, мысль, она, и взаправду, теперь незнамо где скитается, а на душе только глухая тоска и пакостное ощу-щение, будто в который уже раз вляпался в дерьмо. Фу, мер-зость! Да чтобы ещё хоть раз! По-видимому, правы мудре-цы – смысл падения именно в том, чтобы подняться. Встать из небытия, проснуться утром после жестокого подпития и просто в меру сил постараться сохранить себя среди живых. Кстати, я сам это только что придумал. Ах, если бы не сон...

Томочка задумчиво посапывает. То ли придуривается, то ли и в самом деле спит. Я продолжаю настойчиво мусолить её сосок, но ответной реакции по-прежнему не наблюдается. Видимо, потребность в здоровом, полноформатном сне пересиливает другой не менее значительный инстинкт – необ-ходимость продолжения рода человеческого. В сущности, она права. Если бы люди могли раз за разом отдаваться друг другу исключительно во сне, точнее сказать, в кристально чистой, непорочной фазе сновидения, это занятие потеряло

бы значительную долю того, чем оно до сих пор многих привлекает, доставляя ощущение душевного комфорта и приятности. Ещё более огорчительным кажется мне то, что в состоянии сонной прострации можно непоправимо перепутать заранее выбранный объект с совершенно никчёмным персонажем. А уж дамы, склонные к сомнамбулическим блужданиям по чужим постелям, рискуют вовсе неведомо от чего зачать.

Вот поэтому я настойчиво пытаюсь разбудить Тамару. Мешает только то, что по другую сторону от её пышного, едва прикрытого простынёй и такого соблазнительного тела располагается свояченица, по крайней мере, так она представилась. Кстате, весьма и весьма неглупая баба, однако в личной жизни, как показывает опыт, совершенно бесполезная, если не сказать – вреднее не бывает! Нет, ну только представьте себе, что будет, если дипломированного филолога, редактора солидного журнала, а по совместительству лектора из общества по распространению гуманитарных знаний обрядить как на торжественный приём и заставить раздеваться при солидной публике. Кому смешно, а меня от этого юмора мутит, как с очередного перепоя...

На кухне тем временем всё громче и громче грохочет табуретка, затем вдруг устанавливается непонятная, ничем вроде бы не объяснимая тишина и чьё-то нежное сопрано, переходя в шипящий шёпот, умоляет:

– Не надо! Он же всё узнает... ах, не надо... я его люб-

лю-ю-ю...

Но тут же следует сдавленный крик:

– О, Господи! Хорошо-то как! – и вновь начинают раскачиваться качели. Ну до чего же выносливый народ, оказывается, эти тамарины сожители!..

Я снова просыпаюсь под грохот табуретки. Нет, должно быть, это моё сердце. Из последних сил грохочут клапаны, выполняет свою тяжкую работу миокард, блуждают в отравленном алкоголем организме потоки то ли алой, то ли бурой крови – да кто её там разберёт? И самое главное, что непривычно тяжело, с натугой и абсолютно без всякого желания дышится. Если б можно было, так и вовсе б не дышал... Я вспоминаю то, что произошло вчера, и не могу решить, что лучше – снова заснуть или же совсем не просыпаться? И всё-таки, скажет кто-нибудь, что это стучит – моё уставшее от бестолковой жизни сердце или деревянный молоток патлатого затейника, подрядившегося вести торги на пятничном аукционе?

Так уж случилось, что меня при этом не было – мне по службе не положено из своей каморки отлучаться, разве что по неотложным делам. Топтуны из тех, что обычно околачиваются в игорном зале, говорили потом, что подобной схватки за барышню, выставленную на аукцион, никто из них не видывал ни разу прежде. Соискатели «приза» едва не передрались между собой. Их нервных спутниц, оскорблённых в самых лучших чувствах, выносили из игорного зала и укла-

дывали на диван в фойе, где они, ошалело поводя глазами по сторонам, по-видимому, пытались вернуть себе утраченное на время восторженное восприятие окружающей их жизни. Но, отлежавшись, снова возвращались туда, словно бы жаждали вновь и вновь пережить мучительное унижение при виде увлечённых роскошным зрелищем, чуть ли не рыдающих от вожделения мужиков. «Чудо как хороша!» – читалось на алчущих губах. При этом изо рта, заполненного до краёв сладкою слюной, вместо предложения очередной ставки доносилось лишь бульканье, как будто в медном тазике варится фруктовое повидло. Надо полагать, именно по этим звукам и ориентировался аукционист.

По счастью, на этот раз дам к торгам не допускали. И, тем не менее, ставки на удивление резво, словно бы повинувшись кем-то установленному закону, продолжали расти. Хозяева, разумеется, уже довольно потирали руки – ну как же, наметился знатный куш, да при этом ещё и бесплатная реклама заведению, так что в следующую пятницу народ вне всякого сомнения валом повалит!.. И вдруг всё кончилось. Присутствующие, как утверждают, даже не заметили, как прозвучал гонг после удара деревянного молотка и аукционист прокричал своё последнее слово: «Продано!»...

Однажды в глухом замоскворецком переулке я чуть было нос к носу не столкнулся – вероятно, уж так было намечено неласковой судьбой – с некой небезызвестной мне служивой дамой, числившейся в штате расположенного непода-

лёку районного суда. Судья по всему, заканчивался обеденный перерыв, поэтому в руках она несла туго набитые кошёлки с только что купленной про запас разнообразной снедью. Пока я размышлял, что лучше, то ли не заметить, то ли обойти крайне неприятное видение стороной – а переулочек как назло был довольно узкий – судья остановилась словно бы остолбенелая, в глазах у неё возник животный страх, одна кошёлка со стеклянным звоном выпала из рук, в другой же, видимо, находилось что-то очень ценное, поскольку она прижала её к груди. И вот, не отводя полубезумного взгляда от моего лица, хотя куда логичнее в этой ситуации было бы следить не за лицом, а за руками, она стала судорожно рыться среди бананов, огурцов и помидоров, как я потом уж догадался, в поисках оказавшегося на самом дне кошёлки служебного «макарова»... Ну что поделаешь? В сущности, всё было предопределено – это я позже выяснил из разговоров с товарищами по несчастью, подобно мне наивно полагавшими, что можно добиться хоть какой-то справедливости в суде. Что тут поделаешь, если дочь воспитывала без мужа, ценного имущества – всего лишь крохотная квартирка где-то на окраине Москвы, так что подниматься приходилось утром спозаранку, чтобы успеть вовремя добраться до работы. Да, прямо скажем – незавидная судьба! И, что совсем не маловажно, святой обязанностью считалось накануне решающего заседания выслушивать авторитетное мнение председателя суда, нередко напрочь опровергавшее лю-

бые установления и законы, но зато уж обещавшее в ответ на послушание... А что, быть может, именно новехонького муженька он ей на этот раз и обещал. Ну а какие ещё могут быть пожелания у одичавшей от невнимания самцов служительницы правосудия? И в результате – невнятной скороговоркой произнесённое судебное решение, где в каждой фразе угадывался один лишь смысл, одно лишь слово – «Продано!». А далее – быстрое завершение процесса, лишь бы не слышать запоздалых возражений, лишь бы не смотреть в глаза. И вот уже прыгающий в руке, ну совершенно непослушный пистолетик, словно бы не мне, а ей предназначены были те самые, пресловутые «девять грамм»... Славная была бы смерть – погибнуть от руки судьи, и по возможности, сразу после приговора. Всё просто, всё проплачено, всё продано! И не было бы этого ужасного аукциона. Зачем, если аукционист подкуплен, крупье в игорном зале только и делает, что следит за тем, как бы кто не отхватил солидный куш, ну а судейские – все как один под хромовым генеральским сапогом, под чутким взором недрёманного ока блюстителя понятий? Разжалован, уволен, жалоба отклонена... И победитель торжествует. Ох, и скучно с вами!

Но тот, патлатый хлюпик, на деле-то оказался совсем не прост, ведь вокруг пальца всех обвёл! Я даже представить себе не мог, что явился он именно для того, чтобы участвовать в проведении аукциона. Тогда зачем потребовался весь этот бездарный маскарад? Не для того же исключительно, чтобы

посмеяться надо мной, да и, признайтесь, господа хорошие, что не смешно вроде...

И только тут меня наконец-то осенило – всё дело в барышне, той самой, которая с ним пришла! Той самой, которую... – теперь-то уж я об этом знаю – которую чуть позже выставили на аукционные торги. А мне в этом паскудном деле была предназначена роль не ведающего ни о чём поклонника девичьей красоты и заурядного пособника пронырливого сутенёра. Все же остальные оказывались как бы ни при чём, поскольку не дай я отмашку топтунам, вообще ничего бы не случилось. Провели как лоха! Ай да хлюпик! Видать, с хозяевами всё обговорил: «Я вам преподношу желаемую наживку, а вы назначаете меня ведущим аукцион с выплатой доли от вырученной суммы». Ну правила-то он, должно быть, вызубрил заранее, а костюмчик подобрать – для наших это уж и вовсе плёвое дело. Если пожадничают взять напрокат приличный фрак, так хоть малиновый пиджак снимут с кого-нибудь из обслуги... Эй, этого ещё только не хватало!

Я встал и, спотыкаясь в темноте о расставленные тут и сям, судя по всему, ну абсолютно никому не нужные предметы, стал пробираться ошупью примерно туда, где рассчитывал найти свои штаны. И где-то поодаль от них, вы не поверите, ногами запутался в рукавах столь милого моему сердцу малинового пиджака, никем не превзойдённого произведения столичного портняжного искусства...

Вообще-то, совести у них нет – вот именно так я и счи-

таю! Где ж это видано, чтобы свояченица была приставлена для надзора за соблюдением супружеской верности, то есть, чтобы на стороне – ни-ни? Нет, ну словно бы вахтёр... Знал бы заранее, так и лежал бы сейчас в своей постели трезвый, как мадагаскарский таракан, досматривая десятый сон, и ведасть не ведал бы о существовании Тамары. А тут ведь сколько сил пришлось употребить, чтобы напоить бдительную её тень, сам чуть раньше времени не слетел с катушек. Кто же мог предполагать, что все свояченицы злы, как черти, а пьют, особенно на дармовщину, как потомственные алкаши либо и того хуже – как закоренелые извозчики? Или же наоборот?

По дороге домой Тома то и дело приговаривала:

– Да ты не беспокойся, зубы-то я вставлю. Я только боюсь к дохтуру идти. А так... отчего ж не вставить? – и всеми своими выщерблинами широко улыбалась, а потом, спохватившись, стыдливо прикрывала ладошкой рот.

А я думал: «Вставит или не вставит?» Силком ведь не потащишь её к протезисту. С другой стороны, куда потом с ней при такой-то личности? Как её угораздило остаться без передних зубов, ещё только предстояло выяснить. Впрочем, особого интереса это для меня не представляло, разве что снова объявится некто, скажем, её бывший ухажёр и придётся защищать новоприобретённую подругу от ненужных посягательств... Но это вряд ли! То есть навряд ли мы ещё будем знакомы уже к следующему утру.

Да, было как-то – ночь провели с одной начинающей,

но уже довольно известной балериной. А наутро... наутро, нежась на песчаном пляже, вдруг встречаю её вопрошающе-невинный, словно бы обязывающий меня к чему-то эдакому взгляд и оказываюсь не в состоянии понять, а что же это с нами было, и главное – зачем? Ах, сколько красивых юных леди прошмыгнуло мимо! Иногда, признаюсь, был не в себе, то есть, не расположен к тесному общению, иногда – так просто жутко пьян. Но сожаление почти что напрочь по этому поводу отсутствует, потому как рано утром встретить этот самый взгляд и ни фига не знать, и даже на совершенно трезвую голову не имея возможности уразуметь, как этим взглядом по взаимному согласию распорядиться... Нет, уж это точно: всё, что было – всё оказывается к лучшему. А почему? А потому что каждому уготована своя судьба, вот так и только так, и не иначе!

Вообще-то я предпочитаю не случайные, а наоборот, как бы запланированные и тщательно проверенные связи, и только потому, что уличных знакомств с давних пор в принципе не признаю. А то ведь так бывало, что сам заговоришь и не сообразишь потом, как отвязаться. Вот с этой подругой именно это и произошло.

Пока сидели и пили за столом, Тома поведала, что будущий муж, по странному прозвищу Николаша, подцепил её где-то на Кавказе, куда его занесло вскоре после окончания третьего курса физфака МГУ. Если верить взволнованному рассказу Томочки, к этому времени Николаше стало совсем

невмоготу, от интегралов и конформных отображений ломило голову, как после тяжкого похмелья. Представить себе, что весь этот вполне метафизический ужас продолжится ещё хотя бы год... Нет! Ему уже казалось, будто он лежит на дне собственными руками вырытой могилы и чувствует, как сыпется сверху мёрзлая земля попеременно с конспектами бесполезных лекций, как комья глины забивают нос и рот, и глаза уже не видят ни голубого неба, ни набухающих почек на ветках, ничего! Ничего, кроме ползущего с шипением гадюки движка логарифмической линейки и зеленовато мерцающей пасти монстра-осциллографа.

В итоге тягостных раздумий, совершенно обморочившись от навязанного ему квазимыслительного процесса, Николаша – надо полагать, что исключительно в знак протеста против тогдашних физфаковских порядков – рванул через уссурийскую тайгу в направлении границы, откуда и был успешно препровождён в ближайшее СИЗО. Следующий период его замысловатой жизни до сих пор остаётся покрыт непроницаемым мраком неизвестности, хотя мало кто сомневается, что в тюрьме его таки удалось сделать «петушком». И если бы не вмешательство влиятельных родителей, всё могло бы закончиться ещё более прискорбно.

Восстановление подорванного здоровья заняло на удивление мало времени – злые языки потом утверждали, что случившемуся с ним на нарах Николаша был вполне морально подготовлен предшествующей практикой интимного об-

щения. Ну так что же, каждому своё! Вот и Николаша наконец-то сделал окончательно свой выбор – возможно, это решение ему подсказали воспоминания о блуждании по тайге. Рюкзак, палатка, дым догорающего костра, семиструнная гитара и очаровательные смуглые «туземки» – что ещё надо, чтобы стать счастливым? Летом того же года он был зачислен на третий курс другого института, без особой натуги пере­квалифицировавшись из недоучившегося физика в будущего специалиста по морской фауне, и тут же оказался в экспедиции на Чёрном море. Аромат вечнозелёной растительности и ощущение внезапно обретённой свободы так опьянили его, что первая же смазливая «туземка» прибрала его к рукам с лёгкостью необыкновенной. Была Тамара в полном согласии с юными летами – стройна, очаровательно наивна в том, что касалось квантовой механики и вообще сколько-нибудь сложных для девичьего понимания проблем. Однако её скромных способностей и типично провинциального образования вполне хватило, чтобы уже осенью поселиться с новоиспечённым мужем в уютной однокомнатной квартирке на юго-западе Москвы.

В этой самой квартирке мы и сидели теперь, а накануне днём познакомились где-то между Манежем и Смоленской площадью. Я был тогда уже изрядно навеселе, то есть душа воспарила над землёй, мозг все ещё способен был просчитывать варианты, а тело приобрело ярко выраженное состоянию вседозволенности, когда любая напасть оказывается ни-

почём и невозможно даже представить себе, что ещё остались на свете непреодолимые для него преграды.

Николаша, как обычно, пропал где-то в экспедиции на заморских островах, а потому свояченица с нерусским именем Кларисса опекала Тому, как могла, то есть в меру своих скромных сил и почти неограниченных физиологических возможностей. И хотя от слов давно пора было переходить к делу, я вынужден был улаживать Клариссу, поскольку только от неё теперь зависело, кому достанется разыгрываемый приз в лице желанной Томочки. И только когда под тяжестью выпитого голова свояченицы глухо стукнула по поверхности стола, едва разминувшись с остатками гусяного паштета на тарелке, моё сверх всякой меры сдерживаемое нетерпение получило необходимое развитие, то есть, меня буквально прорвало и я, по пояс высунувшись из окна, что было мочи возопил на всю округу: «Продано!». И тут же, немедля принялся раздевать Тамару, ну а Тамара, само собой, принялась раздевать меня:

– Ах, ну скорей же! – это не я, это она...

Известно, что люди, особенно те из нас, что склонны к угрызениям совести, нередко в попытках разобраться, что к чему, прибегают к самоанализу, иначе говоря, к занудному самокопанию, рассчитывая в результате долгих поисков и умозрительных попыток построения неких психологических конструкций прийти к успокоительному для себя итогу. Примерно так же делаю и я – стою обычно перед зерка-

лом и разглядываю свой... пупок, до рези в глазах напрягая зрение:

– Ну что, прелестный, несравненный, дорогой ты мой пупок, чем на этот раз ты не доволен и что такое я должен предпринять, чтобы поднять твоё, увы, совсем не радостное настроение? Чем усладить твою когда-то нежно-розовую плоть, теперь уже еле просматриваемую сквозь многолетние мышечные наслоения?

– Да ладно тебе, – отвечает мне пупок, – всё как-нибудь обойдётся, всё сладится, время залечивает любые раны, многое ещё можно поправить, даже если иногда кажется, что потерянное вернуть уже нельзя. Было бы желание!

Ну, что касается желания, то этого добра у меня невпроорот, мог бы и поделиться с кем-нибудь, если б только была для этого практическая возможность. Иногда вроде и не хочется ничего, но словно кто-то подсказывает – надо, надо, надо! И вот, отбросив сомнения, зажмурившись, чтоб ненароком не передумать, я снова ныряю в бездонный омут тамаариной постели...

Кстати, сдаётся мне, что сомнения есть ни что иное, как результат чрезмерно развитого здравомыслия. А что такое здравый смысл? На мой взгляд, это что-то вроде облака у горизонта. Облака, которое меняет цвет в зависимости от погоды, особенностей местного климата и уж тем более от времени текущих суток. Более того, бывает так, что выглянешь в окно – улицы широки и не спешат, и необыкновенно чётки

мягкие, словно бы нарисованные кем-то тени, и путь твоих мыслей лежит туда, где рождаются, растут и лопаются ажурно-розовые пузыри заката... А на завтра вдруг налетит холодный ветер, пригонит облака и что тогда останется от этих, вчера ещё таких многозначительных, таких глубокомысленных раздумий? Капли росы на изумрудно-малахитовой траве и больше ничего. Впрочем, не исключено, что где-то мои мысли выпадут живительным дождём, ну, это кому как повезёт или покажется... Нет, ну ей-богу, ещё чуть-чуть и я начну жалеть о том, что в юности так и не решился стать поэтом. Да ладно уж...

А утром я проснулся и первым делом, как обычно, направился на кухню с намерением заварить себе крепкого чайку – я пива в качестве «опохмелки» с некоторых пор не перевариваю. Спинай ко мне стояла женщина в трикотажных, застиранных трусах, в линялой майке и неторопливо мыла грязную посуду, оставшуюся после вчерашнего застолья. Пахло недоеденным винегретом, смешанным с вонью прокисшего за ночь табака в тарелках, которые мы использовали как пепельницы. Совершенно невозможно было представить себе, что накануне я лежал с этой женщиной в одной постели, бухой и тёпленький после изрядной доли выпитого коньяка... Она сопела и охала, и время от времени спрашивала: «Ну как, тебе уже хорошо?» Нет, в самом деле, именно так и спрашивала! Только чем же я мог с ней этой ночью заниматься? Разве что кроссворды разгадывать или обсуждать виды

на грядущий урожай. Я представил себе, как держу в ладонях её неразделимо слившуюся с животом слегка припухлую грудь с двумя крохотными пупырышками-сосками, как поглаживаю её набитую жировыми отложениями не первой свежести подушку-попу. Ну не было же этого! Просто потому, что не могло быть никогда! Вот с той девчонкой с фотографии на черноморском берегу двадцатилетней давности – могло, вполне могло быть, но не с этой!

Я уже готов был прилюдно расписаться в собственном половом бессилии, лишь бы не признавать столь очевидный факт грехопадения. Но только и смог невнятно вымолвить: «Я сейчас...», будто только что вспомнил о каком-то крайне неотложном деле и, прихватив по дороге малиновый пиджак, устремился прочь из дома, что называется – подальше от того самого греха ...

Надо сказать, что поначалу я и впрямь перепугался не на шутку – ведь из-за этих затянувшихся изрядно за полночь блудливых шашней можно и работу потерять. Будет сидеть теперь в крохотной камерке у входа в ночной клуб какой-нибудь отставной служака, и цепким, намётанным глазом цепного пса, заработавшего себе геморрой в должности начальника над лагерной зоной, оглядывать входящих посетителей, мысленно ощупывая самые интимные места у дам и шаря по карманам их вальяжных покровителей. Но нет, сегодня очень кстати выдался тот редкий случай, когда у вашего покорного слуги самый что ни на есть законный выходной, как

накануне любезно сообщило мне начальство. А какие у него были на то соображения, нам знать, понятное дело, совершенно ни к чему. Не ясно только, они ещё кому-нибудь такие каникулы устроили или только мне, родимому? От этого зависело, как мне их за это целовать – взазос или ограничиться воздушным поцелуем. Впрочем, это я опять шучу...

Когда-то слышал, что у физиков очень популярен метод последовательных приближений. В первом приближении вы видите некий заинтересовавший вас предмет или явление. Во втором – начинаете понемногу различать его детали. В третьем, при наличии подходящей методики и инструментов проникаете в его внутреннюю суть. Ну а в четвёртом приближении, разобравшись наконец-то, что к чему, убеждаетесь, что всё не так, как вам казалось сначала – бездарно, не красиво и не обязательно... Вот и в обыденной жизни случается так, что несмотря на то, что оказываешься дважды разведён, даже такой бесценный опыт от повторения ошибок несколько не спасает. И чёрт меня дёрнул связаться с этой дурой Томочкой!

Обычно женщины прощали мне ничем вроде бы не спровоцированное расставание. Ну что поделаешь? Бывает так, что не сложилось, не сбылось, заботливая её подруга не сумела убедить, что вот оно, счастье, чуть ли не под ногами у тебя валяется, чего ж ты не берёшь?.. Ха! Не мог же я ответить – извините, не досуг, мол, нагибаться. Просто уходил, не слушая упрёков, не оглядываясь. И только затылком чув-

становал на себе печальный взгляд недавно ещё столь милого и желанного, волнующего воображение существа. И куда всё подевалось? Если б только знать заранее, что Томочка не прощает никогда и ничего!

Глава 8. Бритоголовая

В полном интеллектуальном изнеможении сижу на скамейке у пруда и покуриваю «голуазку» в надежде, что никакая мысль мне в голову не явится, ну хотя бы в ближайшие полчаса. Я в этакое пекло, то есть при такой погоде, гожусь разве что на то, чтобы меня намазали на бутерброд. Да и тот явно в глотку не полезет...

Признаться, всё чаще подумываю о том, чтобы оставить нынешнее своё занятие и жить на скромный «пенсион». Хотя я и не из робкого десятка, но столь радикальное изменение привычных жизненных обстоятельств потребует не только смелости. Надо прежде всего свыкнуться мысленно с тем, что должно произойти, как это будет в материальной сфере обозначено, а вот уже потом... В конце концов, нельзя же, по сути дела, ни с того и ни с сего принимать воистину судьбоносное решение. Тем более что в своих пристрастиях, как вы могли прежде убедиться, я весьма непостоянен, а потому любое новое занятие, которому предпочту нынешний служебный пост, навряд ли сможет меня увлечь, как принято у нас говорить, на длительную перспективу. Так что, пожалуй, покручусь, помыкаюсь здесь ещё чуток, а там и видно будет. Всё бы ничего, да только не даёт покоя странная, навязчивая мысль, возникающая в самый, казалось бы, неподходящий момент, когда требуется повышенная концентра-

ция воли и внимания. Верно ли, что, выбрав себе однажды сферу деятельности, ты оказываешься к ней привязан, как мул к повозке, и везёшь неведомую тебе поклажу вопреки всему? Каюсь, но я до сих пор так и не понял смысла этой фразы, словно бы не сам её придумал, а кто-то неведомый, попросту насмешливый и даже очень злой нарочно мне её подбросил. Знать бы – для чего? Сам чёрт не разберёт, откуда возникают эти каверзные, на первый взгляд невинные вопросы.

Вот вы скажите мне, может ли посредственность создать шедевр? Хотя бы в виде исключения, ну, предположим, один единственный раз в жизни? К примеру, некто, который и кисти-то прежде не держал в руках, изобразит маслом на холсте что-то, сравнимое с «Джокондой» Леонардо. Горлопан, которому к тому же слон на ухо наступил, соорудит симфонию «си-бемоль-мажор» для голоса с оркестром. Зануда-графоман получит литературную премию, описав унылые похождения интеллигентного бомжа, а потомственный урод, у которого давно уже, что называется, морда кирпича просит, произведёт на свет красавицу, которую, как ни старайся, но ни пером описать, ни.... Ну, словом, возможно ли, чтобы со мной случилась вдруг подобная невероятность? Эта самая мысль уже не первый день лишает меня послеобеденного сна, так что всего только и остаётся какая-то зыбкая, беспоконная дремота.

А вот допустимо ли представить себе, что у почтенных

родителей дочь становится путаной? Нет, ну не то, чтобы очень уж почтенных, но не полная же гнусь, в конце концов. И почему, и отчего такое? Признаться, пока проанализируешь все возможные причинно-следственные связи, все изначальные мотивы и обстоятельства, можно мозги себе набекрень свернуть. Когда же дело доходит до проверки рабочей гипотезы, тут вообще полный и окончательный облом, чреватый длительным проявлением половой дисфункции... Или я что-нибудь не так сказал? Тогда пусть доктора меня поправят.

Кстати, о докторях. Как я уже успел вам рассказать, нередко свой досуг, за вычетом приключений особо деликатного характера, я посвящаю работе над весьма занятной книгой. Впрочем, случается, даже интимные дела работают в том же направлении, а направление одно – как можно более толково описать ситуацию с правом граждан на так называемую «продажную любовь», ну и всё, что полагается к этому в придачу. В конце концов, рынок – он и есть рынок. Общество должно знать, что ему положено, а чего нельзя, иначе какая же это свобода, если нет понимания, что почём и где всё это можно раздобыть. В некотором роде, получается у меня энциклопедия по всем таким делам, разве что иллюстраций не хватает. Ну, тут уж читателю собственное воображение обязано что-то подсказать. В общем, в книге это вполне доходчиво и даже образно изложено, а здесь приведу лишь кое-какие пояснения – так, для того только, чтобы не подумали,

будто вам голову морочат.

А началось всё с тоненькой брошюрки «О пользе воздержания», которую я прочитал ещё в далёкие студенческие времена. Речь шла о том, что способность к усвоению профессиональных знаний находится в прямой зависимости от длительности воздержания. Ну, вы понимаете, что имеется в виду. Позже, получив на практике резко отрицательный эффект, я неоднократно консультировался по этому поводу с врачами. И что бы вы думали? Ни один не удержался от того, чтобы порекомендовать мне адресок, где за умеренную плату оказывают необходимые услуги. Собственно, тогда и сформировался мой нынешний взгляд на указанный вопрос. А вы-то думали, что это у меня с пелёнок...

Идея же написания книги возникла много позже, как говорится, уже на склоне бурно прожитых лет, когда накопленный опыт настойчиво требовал всеобщего признания. И было ещё одно соображение, без которого я вряд ли бы решился взяться за перо. Но об этом позже.

Итак, после свидания с Томочкой я распечатал несколько глав, заложил в папку-скоросшиватель и понёс для ознакомления Клариссе. Название, я его уже упоминал, получилось офигительно убойное, а посему я ничуть не сомневался, что ежели у них там, в журнале сидят не полные «адъёты», так у меня рукопись с руками оторвут, выдадут аванс, да ещё и продолжение попросят...

Тут я вам должен поподробнее описать эту томочкину

б..., в общем, ту, что в ближнем кругу её вроде бы околото-гемных и околотитературных обожателей называют строго и почтительно – свояченицей. То есть понимай так, что, мол, своих не выдаём!

Продолговатая головка обрита почти что наголо, одна лишь чёрная чёлка, напоминающая чуб запорожского казака, то и дело свешивается на лоб, создавая досадную помеху и без того плохому зрению. И тогда Кларисса отработанным движением откидывает голову назад и непокорная прядь волос возвращается на своё привычное, одной лишь ей предназначенное место, демонстрируя непоколебимую уверенность своей хозяйки в собственной правоте, причём в любом, даже самом незначительном вопросе. К примеру, ни один тост в том нашем памятном застолье, ни один переходящий в бабью истерику спор не обходился без того, чтобы Кларисса не укоряла меня пренебрежением сугубо личным интересом, забвением того самого простого и свойственного любому человеку принципа, о котором она не уставала напоминать – если есть возможность сделать деньги, глупо же этим не воспользоваться! Более всего её возмущала моя врождённая брезгливость к вульгарным торгашам. «Ну и что тебя смущает? Вот ты и будешь первый не вульгарный, почти такой же гладенький и чистенький, как я.» При этом Кларисса поглаживала свой породистый, хотя и несколько шокирующий поначалу чрезмерной открытостью чубатый череп и шаловливо ухмылялась, одновременно испытывая и досаду от

того, что я не поддаюсь на уговоры, и тайное удовлетворение тем, что уж ей-то есть, что противопоставить моему тупому «бессребренничеству».

А собственно, что она пыталась мне внушить? Какой ей от меня толк? Можно подумать, что, откликнувшись на её призывы, я брошу всё, размалюю румянами лицо, надену до умопомрачения коротенькую юбку и выйду на панель. А там уж сами будете разбираться, что и по какой цене вам требуется. В конце концов, что в этом странного, если спрос повсеместно диктует предложение? Да уж, весьма заманчивая перспектива! Особенно, если Кларисса выступает в роли бандерши.

Итак, Кларисса служила редактором в журнале. Через её руки проходили сотни рукописей, из которых едва ли десятую часть она дочитывала до середины и ещё гораздо меньше – до самого конца. Каждый раз после прочтения очередной страницы опуса какого-нибудь самодовольного графомана-просветителя у неё возникало неудержимое желание послать куда подальше и его самого, и эту мерзкую работу, да и весь журнал со всеми его бездарными писателями. Время от времени, чувствуя, как закрываются глаза, Кларисса остервенело дёргала себя за волосы, закуривала сигарету и, мучительно преодолевая некстати накатившую дремоту, продолжала читать. В итоге рукопись оказывалась усеяна пеплом от сигарет и обрывками Клариссиных волос, я так полагаю, что не меньше дюжины на каждую страницу. Так вот и по-

лучилось, что со временем остатки её кудрявой шевелюры расположились на полках редакционного архива, составляя, по мнению Клариссы, едва ли не самую ценную его часть. Впрочем, говорят, что теперь тексты хранят по большей части в памяти компьютера, однако я почти уверен, что и там без её предметного участия тоже не обходится.

Но было у Клариссы ещё и тайное увлечение, о котором ни среди подружек, ни в журнале не подозревал никто. Вечерами, раза два в неделю её путь лежал в театр. Массивные колонны, чугунные жеребцы где-то там, над головой, весь облик храма Мельпомены внушал ей трепетное уважение, ещё более крепнувшее при виде немалого числа желающих приобщиться к «таинству». По счастью, никакого билета ей не требовалось – сотрудничающим в «кляке», в зависимости от требуемой мощности бисирующих голосов, выдавались контрамарки. Кларисса, понятное дело, проходила за двоих. Апофеоз её посильного участия в спектакле наступал, когда своим хриплым, словно бы изрядно пропитым, неженским баритоном она до полной одури орала «Браво!» и хлопала в ладоши, рискуя спровоцировать преждевременный обвал и без того уже изрядно обветшавшего строения.

Именно в цепкие, мозолистые руки Клариссы и попала моя рукопись. Согласитесь, что такое близкое знакомство обидно было не использовать. Да кабы знать...

Вечером того же дня, по дороге на работу я, следуя приглашению Клариссы, отправился к ней домой в намерении

услышать если не похвалу, то хотя бы парочку полезных для себя советов. Дверь открыла какая-то невзрачная на вид личность в кружевном переднике, то ли приживалка, то ли домработница. А кто её разберёт! Можно предположить, что сама Кларисса хозяйством не занималась, в её ведении оставалась лишь сфера интеллектуальной деятельности, в частности, общение с не вполне определившимися в возможностях своего мнимого таланта, наивными и не по возрасту озабоченными представителями не самой лучшей части человечества.

Кларисса приняла меня, полулёжа на тахте. Цветастый балахон свободного покроя прикрывал очевидные изъяны её расплывшейся фигуры, а полумрак в комнате создавал иллюзию намечаемого волшебства, к которому всяк входящий был обязан подготовиться. Тому же способствовали и многочисленные фотографии «великих», коими были увешаны все стены вперемежку с образами самой Клариссы в пору её девичье зрелости. Вот Станиславский, Чехов, Фрейд, а рядом симпатичная толстушка в купальнике, на берегу моря. Далее кто-то, видимо, из особо почитаемых танцоров и певцов. И снова та же, только уже слегка подросшая девица – на этот раз она разверзла пасть в попытке надкусить очень большое, просто невиданное по своим размерам яблоко. И глядя на неё, даже малейшего сомнения не возникало, что уж она-то с этим делом справится!

Кларисса листала мою рукопись. В изящно выгнутых пух-

лых пальчиках дымилась тонкая сигарета на очень длинном мундштуке, и всё в этом храме интеллекта указывало на независимость и самодостаточность хозяйки. Типичная «эмансипе»! Подобным образом мог бы выразиться какой-нибудь насмешливый резонёр в начале прошлого столетия. Ну а я от суждений воздержусь, по крайней мере, до завершения нашей встречи...

– Так, Вовчик! Знавала я графоманов и лгунов, но таких, как ты, прежде не встречала, – примерно в этом тоне развивалась наша приватная беседа, точнее, говорила-то в основном она. Причём полнейшее впечатление складывалось, что намереваются меня сию же минуту взгреть по партийной линии и за какие-то немислимые прегрешения, не взирая на заслуги перед обществом, влепить очередного «строгача». – Вам, мужикам, главное, чтоб перед дамами покрасоваться. Вот я, какой талантливый, сладкоголосый, плодовитый! А на поверку грош вам всем цена. Плод своей похотливой страсти мне на шею кинешь, а сам и был таков. Сижу, читаю, так одно расстройство, я тебе честно говорю.

– Что, будто вовсе некого и похвалить? – поинтересовался я, тем временем тщетно пытаюсь уловить, о каком подкинутом плоде может идти речь, и не было ли, в самом деле, чего такого между нами.

И впрямь, бывает, что стиснут могучими задами и чреслами в обезличенной толпе и даже определить не в состоянии, кого же ты только что по недоразумению облапил и кто ми-

лостиво позволил себя легонько приласкать... А после, когда выберешься из этого скопления потных тел, оказываешься в недоумении, с кем же ты минутой раньше чуть не переспал? И холодея от нехорошего предчувствия, жадно осматриваешь разбегающихся по сторонам людей. И вдруг из хоровода симпатичных цыпочек, расталкивая их в нетерпении локтями, вываливается... Ну ладно, хорошо хоть, не мужик.

– Нет, отчего же. Я некоторых наших авторов очень уважаю, особенно из числа интеллектуальных дам, – милостиво пояснила мне Кларисса. При этом, глядя в зеркало, поправила причёску, как будто было там что-нибудь такое, что ещё стоило бы поправлять.

– Ну вот! Прикажешь мне плиссированную юбку нацепить и колготки фельдиперсовые с люрексом? – даже косвенные намёки на моё не вполне подходящее для того или иного случая происхождение всегда вызывали у меня решительный протест. Ну не женщина, не рафинированный интеллигент, не бывший парработник в Вологодской волости, так что же из того? Нельзя же только по национальным, идеологическим или же половым признакам заносить человека в разряд совершенно безнадёжных графоманов.

– Такое перевоплощение тебе уже несколько не поможет, – ухмыльнулась редактрисса. – Я конечно могла бы порассуждать с тобой о планете расширений. Однако Венера в Водолее сделала тебя совершенно безответственным, особенно в том, что касается склонности к внебрачным сово-

куплениям и запоям, – видя, что я собираюсь возразить, Кларисса взмахнула ручкой, мол, так и быть, проехали, и продолжала: – Ладно уж, я понимаю, гороскопы не представляют интереса для большинства Весов, но посмотри, как интересно. Скажем, у одного известного поэта Меркурий был в обители, почувствуй разницу!

Блин, только этой долбанной астрологической обители мне не хватало! Кто же мог предполагать, что голосистая Кларисса увлекается ещё и этим? Ну, допустим, Меркурий у меня в изгнании – и что с того?

– Я так понимаю, теперь стало модно восторгаться не вполне удобоваримым глубокомыслием признанного диссидента, к тому же где-то мученика. Но и что же получается – если был гоним, так однозначно считается великим?

– Плутон неторопливо переходит в Козерога... Так для тебя и нобелевский лауреат оказывается не вполне поэт? – лицо Клариссы стало покрываться красными пятнами, демонстрируя клинические признаки нарастающего раздражения.

Ох, уж эти мне снобливо-занудливые лицемеры, охочие до пляжных, вагонных и салонных споров и бесед. Ну никуда от них не деться! Полным-полно болтливых, наголо обритых дам. И хоть бы одна приятная мордашка... А если что-то симпатичное и углядишь, так на поверку дура душой всякий раз оказывается! От неё же за версту непроходимой глупостью несёт. Конечно, для этих дел мозги совсем не обязательны, но хоть какое-то их подобие должно же быть!

А тут ведь всё наоборот – передо мной расположился словно бы опутанный проводами и мигающими лампочками электронный мозг, одной своей «извилиной» подключённый к фондам государственной библиотеки, другая же расположилась в ближайшей кондитерской, среди эклеров с заварным кремом, бокалов с сельтерской и мятных леденцов. И всё это в густых клубах табачного дыма, вместе с которым улетает куда-то единственная, высказанная за несколько часов непрерывных разговоров стоящая мысль – «ах, мужика бы!». А вот, извольте, и ещё одно откровение, видимо, тоже почерпнутое из анналов:

– В отличие от тебя, у настоящих писателей персонажи существуют сами по себе, живут своей, не подконтрольной автору полнокровной, интересной жизнью...

Это как же так? Скажем, пошлю я своего героя в магазин за коньяком, а он приволочёт мне бесплатную брошюру о пользе воздержания. Витёк, а деньги где?! Да что тут говорить, похоже, что она из тех, которые, даже увидав меня в гробу, начнут претензии предъявлять – не так лежит, не те тапочки надеты...

– Твоя бездарная концепция, будто алчные и циничные люди оказываются в состоянии заставить торговать собой целый народ, не выдерживает ни малейшей критики, – продолжала вещать Томочкина родственница.

Выдержала бы страна, а без сопливых рецензентов мы как-нибудь да обойдёмся. Впрочем, такое ли это необычное

дело – торговать людьми? Да и не было у меня написано ничего такого про народ, мне бы только кое с кем из власть имущих разобраться.

– Слушай, а может, тебе стоит про собачку написать. Ведь все великие с этого начинали. Вспомни хотя бы про Тургенева, про Чехова.

– Должен тебе признаться, что собак я не люблю. Предпочитаю кошечек.

– Да уж, не повезло, – огорчилась редактрисса. – А вот, кстати, надо бы проверить, вроде бы я уже встречала твою фамилию в нашем чёрном списке. Жаль только, что нет его у меня сегодня под рукой.

– Разве такой есть? – я был, и в самом деле, удивлён. Неужто и здесь собираются вводить некое подобие формы допуска?

– А что ты думаешь? В любом деле порядочные люди стараются оградить себя от нежелательных особ. Тех, что не из их круга, не тех убеждений, и вообще, не вполне симпатичные им люди. Ну ты и сам понимаешь, о чём я, – тут Кларисса слегка смутилась и, поправив привычным движением причёску, изрекла: – Вот и лирическая линия у тебя прописана крайне слабо. Дамы вроде ничего, а мужики какие-то хилые, невзрачные...

Мосластных ей подавай! Уж она бы им прорычала свои бесценные «брависсимо!» и «браво!».

– Подруга, здесь ведь не «Бахчисарайский фонтан» и даже

не ярмарка спортивных тренажёров, – отбивался я, чем мог, выискивая повод, как бы мне эту сволочь напоследок побольней ужалить. Другой бы на моём месте пожалел её, приласкал бритоголовенькую, а там, глядишь, и роман бы напечатали. Но, как известно, стоящие мысли приходят опосля, когда из разорванного в клочья моего творения и на рассказик два-три непуганых абзаца не останется. Ну и пусть!

Когда в посудную лавку вваливается слон, когда сотня разъярённых дикарей из племени оголодавших каннибалов высаживается десантом на Соборной площади, всё это производит гораздо меньшие разрушения, чем вмешательство такого вот «редактора» в творческий процесс, притом, что память у Клариссы была отменная, а мстительности – хоть отбавляй.

И только тут меня словно осенило. Вот ведь, прежде гонимых теперь с какой-то стати чтут. А сам-то я, почему меня к мученикам нельзя причислить? Господи! Да как же мне раньше такое в голову не приходило? Ведь я же и есть самый что ни на есть исконный мученик, к тому же пострадавший вовсе ни за что, то есть за совершенно чуждые мне идеалы.

Случилось это в незапамятные времена, когда в числе прочих симпатичных крох, усвоивших правила примерного поведения и послушания заветам старших, единственного не то, что в классе, но из всей школы, выбрали меня для вручения цветов членам правительства, причём не где-нибудь, а на Мавзолее, во время первомайской демонстрации. По-

взрослому гордый и упоительно счастливый сознанием близости к тем, к кому не каждому приблизиться дано, стоял я на трибуне, едва достигая подбородком до парапета, на котором покоилась приготовленная для меня огромная коробка шоколадных конфет. Каждая конфета была завёрнута в золотистую фольгу, притом, как выяснилось позже, содержала необыкновенно вкусную начинку – таких мы раньше и в глаза не видывали. Как дорогую реликвию показывал я потом соседям и одноклассникам ту коробку и сверху, и даже изнутри – с пустыми обёртками из-под конфет. Можете сами догадаться, что мои родители не уставали докладывать всем знакомым и даже посторонним об очередных успехах своего чада, за которым «наверняка уже установлен особенный надзор, и куда уж денешься, если секретнейшим приказом предназначена чрезвычайная карьера».

Недолгое торжество сменилось отчаянием и, что ни говорите, это было настоящее человеческое горе. Что тут поделаешь, если тот, вроде бы лысый и в пенсне, кавказского происхождения гражданин, рядом с которым я имел неосторожность обретаться на трибуне – а уж все видели, должно быть, фотографию в журналах и газетах – вскоре был судим и по приговору трибунала расстрелян как злейший враг народа.

Вы и представить себе не можете, какое это было горе! Надо же такому случиться в самом начале столь много обещавшего жизненного пути. Как ни оправдывался я, что знать ничего не знал, как ни убеждали родители, что цветы я вру-

чал вовсе не тому, что справа, а совсем наоборот, то есть тому, чья фамилия над входом в метро была в то время обозначена, однако сомнения оставались. И уже чудилось мне, что вот приходит за мной дядька в шароварах с генеральскими лампасами и, грозно щуря глаз, спрашивает: «Как же это ты, агенту империализма – и цветы?»

Но понемногу всё утряслось, меня никто не вызывал, до меня никому не было никакого дела – даже после, когда того, второго, которому я тоже вроде бы вручал цветы, сместили со всех постов и обвинили в принадлежности к недопустимой антипартийной фракции. Само собой, ту злополучную коробку из-под конфет, дотоле бережно хранимую, поспешно отправили в мусоропровод.

Ну, вам, быть может, это всё смешно, а у меня во рту на всю последующую жизнь остался сладковато-приторный вкус тех самых шоколадных конфет, который усиливался иногда неведь от каких физиологических причин, но особенно донимал накануне событий, так или иначе имевших значение для моей карьеры.

Вот и судите теперь, кому из нас больше не повезло – тому антипартийному засранцу, который скоропостижно отправился на покой, но дожил припеваючи до весьма почтенных лет, или же мне? Особенно если учесть, что с подачи не в меру болтливового кадровика, которому я по доверчивости при поступлении на службу рассказал про ту историю, – «всё, как на духу!» – начальство присвоило мне кодовый псевдоним

«Цветочница».

Но бритоголовой тётке всё это было невдомёк. Да, ей бы в органах служить – злости хоть отбавляй, голосок очень даже басовитый, да ещё и тяжёлая рука, судя по тому, как она Томочку отделала, уж в этом я теперь не сомневался. А в самом деле, может и есть в нас что-то общее? Может, и вправду, возможен некий взаимовыгодный альянс? Но только ведь недаром говорят, что в жизни сходятся противоположности, поскольку имеется вроде бы у них потребность одна другую дополнять. Однако чем же я мог пополнить коллекцию достоинств неподражаемой Клариссы? Разве что самому стать в этой коллекции одним из ценных экспонатов – скажем, изобразить некое подобие усатой бабы в питерской кунсткамере.

Словом, про свой конфуз я так и не решился рассказать. И вовсе не потому, что в своё время дал расписку о неразглашении. Но одна только мысль, что придётся поведать о несостоявшейся карьере, что надо будет оправдываться, объяснять ей что, да как, да почему – это способно было огорчить меня куда сильнее, чем незавидная судьба рукописи, которой, судя по реакции Клариссы, была уготована роль хранителя остатков её волос на полках редакционного архива. Ну ладно, допустим, если бы я этой историей про майские цветы её разжалобил – но что такое она могла бы мне сказать? Почаще перечитывай классику, поработай ещё как следует над словом, глубже вскрывай пласты неведомых характеров

– и тогда, родимый, всё-то у тебя помаленьку сладится... Вот так породистая сука облизывает безобразное дитя.

В общем, очень полезный получился разговор, хотя бы и без ожидаемого результата, что поделаешь. Так ведь кому везёт в любви, тому, как говорят, в делах не стоит особенно рассчитывать на удачу. Эта мысль не давала мне потом уснуть, несмотря на вполне привычное подпитие. Надо ли и что именно надо предпринять, чтобы в деле повезло? Полагаю, не один я маялся бессонницей от этого вопроса. Несомненно одно – требуется что-то в жизни изменить. Но что? Вот ведь и мучайся теперь до самого утра в ожидании ответа.

Глава 9. Нежданные визитёры

А вот интересно, почему? Почему её имя упорно вызывает у меня воспоминание о набоковской Лолите? И дело даже не в схожести имён, но просто-напросто не покидает ощущение, будто кто-то настойчиво, исподволь подталкивает меня к тому, от чего я даже мысленно теперь пытаюсь отстраниться. Однако же этот некто продолжает мне твердить, мол, почему бы не попробовать? Ну что особенного ты при этом потеряешь? Да, конечно, вроде бы и ничего. Разве что уважение к самому себе, если малая толика его ещё где-нибудь осталась. С другой стороны, явное несовпадение обстоятельств заключается в том, что Лулу уже вовсе не подросток, если верить хотя бы моим собственным глазам, которые то и дело упираются в довольно соблазнительные изгибы девичьей фигуры. Но вот опять же, если окажется, что я её отец, то для меня она всего-навсего любимый, или позабытый, или отвергнутый, но всё же обязательно – ребёнок! И это при всём при том, что выпало на её долю за последние дни.

Такие противоречивые мысли занимали меня утром, после завтрака, пока я смотрел, как проворно Лулу убирает со стола, как ловко, даже изящно моет грязную посуду... Впрочем, меня так и подмывало её спросить: «А чем же за постой расплачиваться будешь, милая?» Ну, это скорее уж из обла-

сти чёрного юмора, а если честно, я хотел бы ей задать другой вопрос:

– Послушай, а тебе не приходило в голову, что я никак не могу быть твоим отцом? Просто потому хотя бы, что ты на меня совершенно не похожа. Ну ни капельки!

Надо признать, что эта мысль пришла мне в голову с явным опозданием – ещё чуть-чуть и вообще нельзя было бы повернуть назад. А продолжать всё так, как оно идёт... это же просто невозможно! Ну потому хотя бы, что жить постоянно вместе с кем-то – нет, уж извините, такое совсем не для меня. С недавних пор я однозначно осознал – ни молодая, ни пожилая, ни даже юная мне в этом смысле совершенно ни к чему. Поверьте, я вовсе не кокетничаю. Видимо, так уж я устроен или, что более вероятно, такая у меня судьба.

В младенческие годы самым любимым для меня занятием было гонять на трёхколёсном драндулете по коридору коммуналки взад-вперёд, покамест кто-то из соседей не донесёт моим родителям. На некоторое время помогало, но через день-другой всё продолжалось с новой силой, как будто бы за время вынужденного простоя у меня, и в самом деле, прибавлялось сил. Что, впрочем, и неудивительно – в столь юном возрасте организм растёт, как ему и полагается. Но вот однажды незабвенная Маруся, низкорослая толстушка с добрым, вечно улыбающимся лицом, после очередного моего велопробега эдак вот поманила пальчиком и говорит:

– Вовчик! Тут для тебя кое-что есть.

Надо сказать, про Марусю поговаривали, что в спецстоловой, где-то близ Старой площади, там она служила поварихой, ей выделяют солидный дополнительный паёк. Говорили даже, будто она сама на счёт этого пайка подсуетилась. Однако же мало кому приходилось его видеть, а уж попробовать – кто только об этом ни мечтал!

Когда я вошёл, к угощению уже всё было готово – колбасы твёрдые и варёные, разнообразные сыры, копчёная рыба нескольких сортов, пирожные, конфеты, яблоки, бананы... Словом, глаза просто разбегались. И всё это она предложила съесть. А если вам говорят «угощайся!», кто ж откажется? Тем временем, пока я осторожно принимался за еду, Маруся вознамерилась кое-что поменять в своей одежде. И вот, помню, я таращу глаза на её полуголую грудь циклопических размеров и, позабыв про всё на свете, само собой, не задумываясь о последствиях, пихаю в себя эту самую еду...

Как и чем меня потом лечили, память отказывается подсказать. Помню только, что после выздоровления взамен трёхколёсного велосипеда мне купили двухколёсный, подростковый, для которого наш коммунальный коридорчик однозначно не годился. Так что, если погода позволяла, я катался по двору, а при появлении Маруси старался улизнуть, что называется, с глаз долой, подальше от очередного промывания желудка. В общем, в памяти осталась лишь огромная белая грудь, почти такая же, как у той бабёнки в «Амаркорде», какие-то смутные, весьма запутанные вкусовые ощу-

щения и уже гораздо позже сформулированное убеждение по поводу того, что даже в удовольствиях надо знать тот самый свой предел, дойдя до которого, непременно следует остановиться. И ещё временами возникает некое сомнение – а тем ли увлекался я тогда, и не стоило ли заняться мне с Марусей чем-то более приятным, нежели набивать колбасой свою утробу? Впрочем, я, кажется, уже упоминал, что прошлое частенько даёт мне повод для подобных сожалений.

Так вот я вам и говорю, что удовольствия следует чередовать с недолгим ожиданием, когда всего лишь мысленно готов себе представить, как хорошо было бы вздремнуть, или пойти к кому-то в гости, или наоборот – пригласить подружку повечерничать к себе домой. А ежедневная услада с утра до вечера либо же с вечера до самого утра – это, на мой взгляд, ну просто явное излишество, чреватое такими же малоприятными последствиями, как и то давнее обжорство.

И всё же попробуйте представить себе на миг, что я признал в Лулу своё внебрачное дитя и, следуя неписанному закону, мы стали бы жить вместе. И тут вы спрашиваете меня – а что же дальше? Признаюсь, что не готов ответить на ваш вполне логично возникающий вопрос, потому как прежде, чем о будущем задумываться, требуется расчистить завалы настоящего. Нынешние же мои проблемы в том, чтобы доказать соседям, консьержке, милиции, начальству на работе, которому кстати на всё на это наплевать – доказать, что Лулу всего лишь моя дочь, а вовсе не молоденькая квартирант-

ка, вынужденная время от времени исполнять обязанности наложницы или супруги. Нет, правда – ну кто же разрешит одинокому холостяку удочерить какую-то пришлую девчонку? Я бы ни в коем случае не позволил. Однако вслед за таким умозаключением неумолимо возникает другой, по сути, риторический вопрос: а тогда зачем мне это нужно? Эх, если бы всё дело было исключительно во мне!

Итак, в том, что касается будущего, моего с Лулу – сплошной туман, а сквозь эту мутную пелену проглядывает дорожная развилка у булыжника, на котором нацарапано что-то непонятное, не исключая даже, что слово из трёх букв. Прошрое Лулу по-прежнему весьма расплывчато, но есть надежда на некоторое просветление. На мой взгляд, только это и стоит обсуждать, а всё остальное – лишь суета сует и пошлые намёки, чреватые кровосмешением. И всё же, если озаботиться вопросом, откуда она всё-таки взялась, тогда в результате вот какое у меня возникает подозрение. Лулу – это самый натуральнейший двойной агент! Вот именно так я рассудил, и, если верить этому всерьёз, легко понять, в каком состоянии я сам в эти минуты находился. Кстати, почему именно двойной? Да потому что разобраться с более тривиальным случаем особого труда мне не составит. Итак, агент, попавший в крайне непростую переделку, что уж тут таить – в беду! Более того, лишь благодаря случайной встрече в лифте агентесса избежала печальной участи быть замурованной в подвале или упокоиться на дне расположенного поблизо-

сти пруда. Ох! Жуть, какие мысли иногда приходят в голову! Однако же и то верно, что очень кстати у меня в квартире оказался интернет – агенту было бы удобно поддерживать связь со своим непосредственным начальством. А согласитесь, звучит многообещающе, будто Лулу, только представьте – Мата Хари двадцать первого века! Впрочем, не знаю, чей она там агент на самом деле, но своей дочери я бы такой судьбы не пожелал. Да и что особенного могла она узнать из общения с привычной клиентурой? Аморалку по партийной линии вряд ли им пришьёшь – не те у нас нынче времена! И кто поверит, что, обнимая юную прелестницу, банкир способен выболтать самые сокровенные секреты? Подобные предположения – явно из области фантастики, а это, как я уже признался, не мой жанр.

Не знаю, кому такая мысль в голову взбрёт, что будто бы носит при себе каждый олигарх зашитую в трусы флэшку с компроматом на самого себя, любимого – что-то на манер Кашеева яйца. Да и не могла Лулу ничего такого выкрасть – я тоже ведь не прост, халатик её уже прошмонал, прощупал, всё как полагается. Другое дело, если она вещь эту у меня в квартире спрятала. Надеюсь, не пришло ей в голову заныкать перстень с бриллиантом вместо того пресловутого яйца? А ну как заявятся после этого ко мне с постановлением на обыск? Вдруг это заранее заготовленная кем-то из недоброжелателей подстава, чтобы меня как следует прижать? А и не важно, для чего. То есть, может статься, про-

сто так, без никакого повода, для профилактики, поскольку у людей моей профессии всегда есть что-то, способное вызвать пристальный, прямо-таки жгучий интерес...

Словом, как ни гадай, как ни крути, однако единственным доступным источником некой деликатной информации оказываюсь для неё один лишь я, и это всего более смущает. Нет, правда, ну кому какая разница, знаю я чего-то или нет? Но в том-то и беда, что разницы буквально никакой, для них ведь главное в другом – в том, чтобы меня сцапать!..

В этот момент раздался знакомый улюлюкающий звонок – ну вот и делай после этого добро людям! На всякий случай мысленно держась рукой за ножку табуретки, я осторожно отодвинул щеколду и приоткрыл дверь.

Честно скажу – чего угодно ожидал, но вот только этих мне и не хватало. Передо мной стояли уже знакомые вам персонажи, можно даже сказать, властители моих дум ещё пару дней назад – те самые Кларисса и ненасытная её подруга Томочка. Им-то что понадобилось? А в придачу оказался ещё и некий субъект малопривлекательной наружности.

На голове – бейсболка, надо полагать, чтобы спрятать плешь. Загривок породистого пса... нет, скорее, уж быка-производителя. Толстые, плотоядные губы обрамлены колечком из густой щетины, тщательно ухоженной, как и полагается столь важному предмету на лице. В этом средоточии банальностей явно не к месту были красивые и печальные глаза, видимо, доставшиеся ему в наследство от мама-

ши. Что-то подсказывало мне, будто это и есть небезызвестный Тамарин муженёк. Видимо, из дальних странствий возвратясь, обманутый супруг решил, само собой, по наущению Клариссы – кто бы сомневался! – поставить кои-какие точечки над «и». Да мне-то что с того? Может, оно и так, да только я и говорю – мне-то к чему вся эта делегация?

Пускать или же не пускать? Вариантов наклёвывалось всего-то ничего, то есть в общем-то совсем немного – либо же сразу их спровадить, избрав в качестве надёжного аргумента табуретку, либо подождать, пока им самим это противостояние у чужих дверей не надоест. В сущности, сейчас только скандала мне и не хватало. А слышать наяву то самое, чем довелось давеча насладиться в Интернете – это я про томочкино-клариссину перебранку на виртуальном форуме – нет, опасаясь, как бы вполне благопристойное общение не завершилось вульгарным мордобоем. Я ведь на то, что они в юбках, не посмотрю – приложу так, что мало не покажется! Короче, пришлось сделать вид, будто я ничуть не удивлён тем, что они меня наконец-то разыскали. Любовь, или как там это у Томы называется, сама укажет верный путь, ну а мне суждено, как водится, строить самооборону. Поставив на пол табуретку, я вышел из квартиры и предусмотрительно захлопнул за собою дверь. Чтоб заставляя гостей ждать – это уж точно не в моих правилах.

– Сударыня, вот вы и вы! – я по очереди упёрся взглядом то в одну, то в другую посетительницу. – Боюсь показаться

неучтивым, но никак не смогу сегодня вас принять.

Признаться, я и сам удивился тому, что только что сказал, настолько произнесённые мною слова оказались очень кстати. Всё выглядело так, будто я беседую со своими пациентами. Ну ясно же – кому, как не мне, полагалось знать, в чём обе подружки отчаянно нуждаются. Другое дело, что амбулаторно, без госпитализации такое вылечить нельзя, об этом даже я знаю.

– Это почему же? – возмущение Томочки выразалось в том, что она упрямо демонстрировала мне свою ощерившуюся пасть, забывая, что кусать-то ей пока что, по большому счёту, нечем.

– Как бы это вам подходчивее объяснить? Вот он, наверное, поймёт, – я ткнул пальцем в Николашу. – В общем, я сегодня не один, и полагаю, что вмешательство в мою личную жизнь будет в данных обстоятельствах не вполне уместным.

Хорошо, что я догадался обозначить довольно приличную дистанцию между собой и незваными гостями, иначе наверняка не миновать Тамариных когтей. Николаша ощущал себя явно не в своей тарелке, в то время как Кларисса незаметно для Тома ухмылялась, делая вид, что поправляет свалившийся на лицо казацкий чуб.

По правде говоря, я готовился к тому, что вот ко мне приходит некто в штатском, вооружённый огромным пистолетом, и под прикрытием накаченных бойцов в армейском камуфляже начинает мне давить на психику в намерении взять

для чего-то на испуг. Ситуация, что называется, чревата, но всё же нельзя сказать, что совершенно безнадёжная – у нас, у мужиков, всегда есть возможность так или иначе столкнуться. Ну а с бабами о чём мне говорить?

И тут неожиданно вперёд выдвинулся Николаша:

– Мне очень неприятно. Но есть основания предполагать, что в вашей квартире скрывается некая особа, – Николаша замялся, покосившись на Клариссин чуб, и после паузы продолжил: – Второй день уже, как нет от неё никаких известий, а подозрения у нас на этот счёт возникают очень нехорошие. Вот ведь и вы сами признаёте, что у вас в квартире дама. А ну как найдут её тут без документов, без одежды? Сами понимаете, какой может произойти конфуз.

Отдавая должное фундаментальному образованию Томочкиного мужа, хотя бы и прерванному на половине долгого пути по причине нездоровья, я вынужден был признать, что мало-мальски доступной логики в его словах даже теперь не ночевало. Видимо, на способе мышления сказалось длительное отлучение от интеллектуального сообщества в период отсидки в хабаровском СИЗО, а также в глубинах мирового океана, если только припомнить нынешнюю Николашину профессию. Не исключая также – пожалуй, так оно и есть – что Николаша по рождению просто-напросто болван! Ну в самом деле, симпатичная леди, да ещё и без одежды – это же самое оно! Нет уж, ему этого явно не понять, а потому и незачем тратить время на пустые объяснения.

Видимо, ответ, равно как и моё мнение о Николаше, однозначно читались на моём лице, поэтому пришла пора вмешаться тяжёлой артиллерии.

– Слушай, Вовчик, давай сделаем это по-хорошему. Если ты выдашь нам девчонку, обещаю, что всё обойдётся без последствий, – молвила Кларисса.

– Радость моя, но ведь это произвол. Рабство у нас давно отменено. С какой стати я должен вообще всё это от тебя выслушивать?

– Моё дело предложить. Ну а ты как знаешь. Но уж если что случится... – тут Кларисса многозначительно, как бы с налётом неизбежной грусти закатила глаза, сложила руки на груди и словно бы приготовилась произнести заупокойную молитву. – Если что случится, в этом ты уже сейчас можешь обвинить только самого себя.

Честно вам скажу, что вот именно ей мне почему-то захотелось верить. Да, уж если так, то значит и впрямь положение моё нешуточное. Ох, как бы тут не погореть! Потому что, хотя на мнение этой троицы мне глубоко начхать, однако яснее ясного, что кроме них есть в этом деле и куда более солидные персоны.

И вот когда я уже готов был согласиться на некоторые уступки, то есть прежде, чем поддаться наглому нажиму, приготовился выслушать условия, на которых мне надлежало их предложение принять, в этот самый момент за моей спиной послышался скрип открываемой двери. В образовав-

шуюся щель высунулась голова в косичках и произнесла удивительно ёмкие и понятные слова:

– Папа! Ты скоро? А то обед остынет.

Вслед за этим столь же неожиданно дверь захлопнулась. Должен признаться, что поначалу я озаботился лишь тем, откуда могли появиться у Лулу эти самые косички. И только потом подумалось, что может так оно и есть, то есть этот совершенно неожиданный для меня экспромт случился очень кстати. В самом деле, хотя смысл обращения Лулу не вполне соответствовал ранее произнесённым мной словам, предложенный ею вариант разрешения конфликта оказался гораздо эффективней, потому как сразу после слова «папа» в рядах атакующих наметилось обратное движение. И правда, если рассуждать по логике, ситуация кардинально поменялась – ну кто осудит несчастного родителя, пытающегося спасти от полного бесчестия своё дитя? К тому же дочь – она и есть дочь, чего же здесь противозаконного, если живёт она со своим отцом в одной квартире? А есть ли на то надлежаще оформленные документы – да кто их сразу разберёт?

Томочка наконец-то прикрыла ладошкой свою неотреставрированную пасть. Зато Николаша в явном изумлении раззявил рот, обнажив крепкие, натруженные, заждавшиеся сытного обеда зубы. И лишь одна Кларисса через амбразуры-прорези свалившегося на лицо чуба взирала на меня насмешливо и агрессивно. Но даже и она вынуждена была отступить.

Лиха беда начало! Ну что ж, по случаю маленькой виктории я выставил к обеду бутылочку красного вина. Что будет завтра, меня уже не очень волновало.

Глава 10. Рабочая гипотеза

«Было бы удивительно, если бы было не так!» Я эти слова частенько повторяю про себя во время полночных бдений, на дежурстве. И в самом деле, никогда не знаешь наперёд, к чему может привести поначалу совершенно невинный разговор, на лету подхваченная мысль или наивное предположение о том, что всё, что ни делается, всё в итоге оказывается, так или иначе, к лучшему.

В эту ночь, помимо обычных не хлопотных обязанностей, моя голова была занята куда более важным делом, а именно, поиском решений, которые помогли бы отыграть назад всё то, что произошло с Лулу. Имелись в виду всякие там взаимные обязательства, но уж конечно не контракт – насколько я понял, до этого дело не дошло, если вообще на это можно было бы рассчитывать в данной ситуации. Но кто-то же держит всё в руках, к кому-то сходятся нити власти, кто-то дёргает за них, сообразуясь с некими, одному ему ведомыми обстоятельствами. Увы, досужими размышлениями делу не поможешь – тут нужен факт, его величество факт, как самая надёжная основа для того, чтоб сделать выводы.

Собственно, уже появление у порога моей квартиры столь представительной делегации должно было навести на некоторые подозрения. Нельзя же требование вернуть Лулу рассматривать всего лишь как проявление заботы о нравствен-

ности одинокого холостяка. Конечно, Томочка сама не отказалась бы сыграть роль соблазнительной дочурки, если бы возраст и прочие её кондиции это позволяли. Представляю, какой в квартире воцарился бы бедлам – секс в ванной, секс на электрической плите, сидя верхом на сковородке... Ну с этой всё понятно. Но кем является для них Лулу – знакомая, родственница, товарищ по работе? Понятно было лишь то, что для убедительных выводов информации явно не достаточно.

Как принято говорить в подобных случаях, на ловца и зверь... Было уже изрядно за полночь, когда через входные двери в фойе ввалилась шумная ватага, всего-то каких-нибудь шесть душ, типичные представители праздной шатающейся публики и среди них – о, господи, кто бы такое мог подумать! – среди них маячила знакомая мне бритая голова с казацким чубом. Я даже отпрянул от стекла, на мгновение забыв, что здесь меня разглядеть никто не сможет. Должен признаться, что причина такой реакции была проста – ни Клариссе, ни Томочке я о своём нынешнем занятии не сообщал, ограничившись неясными намёками на службу в интересах бизнеса. Однако не успел я сообразить, что пора бы приниматься за работу, то есть начать отсеивать из вновь прибывших чуждый нашему элитному заведению элемент, как на самом верху парадной лестницы появился управляющий, известный среди персонала как Гога-колобок, собственной персоной. И вот, радостно повизгивая, он скаты-

вається вниз по лестнице навстречу дорогим гостям, по ходу свого перемещення давая отмашку топтунам у входу, мол, пропустите их немедленно. Взаимным комплиментам, прочим обязательным любезностям, включая лобзания взасос, не было числа и, что характерно, даже Кларисса удостоилась отеческого поцелуя куда-то чуть повыше своего чуба.

Вот это номер! Оказывается, мир тесен гораздо более, чем я предполагал, исходя из тех отрывочных, а иногда, как выясняется, и вовсе недостоверных сведений, которые можно почерпнуть из разговора под рюмку коньяка. А коли так, то появление Клариссы здесь, да и у дверей моей квартиры теперь уже никак не назовёшь случайным.

Надо сказать, что столь категоричный вывод, сделанный мною как бы ни с того и ни с сего, на самом деле основывался на целом комплексе длительных и скрупулёзных наблюдений. В самом деле, мне ли было не знать, что представляют собой наши боссы, коль скоро я даже книгу об их проделках собирался написать. И если Гога к какой-то женщине проявляет интерес, а уж тем более, когда доходит до поцелуев и объятий, к тому же в присутствии обслуги, тут вывод может быть один – эта дама имеет прямое отношение к его бизнесу.

И вот пока они неторопливо поднимались по парадной лестнице, направляясь напрямиком в игорный зал, в моей голове выстраивалась цепочка из недавних происшествий и событий, на каждое из которых нанизывался, если хотите, соответствующий неопровержимый аргумент. И всё это в сово-

купности должно было превратиться в нечто довольно убедительное.

Представьте себе некую страдающую из-за недостатка ласки тёлку, назовём её, к примеру, Тома. В принципе, ей можно посочувствовать, поскольку муж есть, а вроде бы и нет – по большей части, болтается он где-то там, вдали, на просторах мирового океана. А чем на самом деле занят – размышления об этом кого угодно могут гарантированно свести с ума. И вот наша Тамара в поисках компании, чтобы скоротать по мере надобности вечеров, наведывается в интернет и своими когда скандальными, а когда и слезливыми текстами на виртуальных форумах пытается вызвать к себе если не сочувствие, то хоть какой-то интерес. Не обходится и без упоминания вечно странствующего мужа. Что там у неё на этой почве сладилось, что нет – то мне неизвестно. Но вот однажды среди собеседников возникает некая Кларисса, причём именно ей удаётся найти те задушевные, те ласковые, те необходимые слова, без которых Томочке и жизнь давно уже не в радость. Короче, Кларисса предлагает подыскать приятного во всех отношениях мужика, мол, уж она-то к этому племени двуногих жеребчиков подход имеет. Не суть важно, как это поначалу было сделано, ну а потом... словом, может, кто и забыл про нашу встречу на Арбате, но мне-то она ещё долго будет помниться.

Проходит время, и, наконец, после одного из этих легкомысленных свиданий Томе предъявляют реальные свиде-

тельства её интимной связи с неким известным уркаганом, к тому же находящимся в бегах. Поскольку Тома не желала зла ни мужу, ни его почтенному семейству, а ещё более опасалась остаться в случае развода без квартиры – кому захочется возвращаться обратно в Геленджик? – ей и пришлось согласиться на вполне достойный выход из крайне неприятной ситуации. А что ещё оставалось, в самом деле, не лезть же ей в петлю? Как раз на пути к пониманию важности поставленного перед ней вопроса Тома и потеряла часть своих зубов. Если кто-то посчитает, что их отсутствие есть не заслуживающий внимания, нет, даже не решающий факт для подтверждения моей гипотезы, ну тогда уж я не знаю...

Когда Николаша возвратился из не очень дальних странствий, а в последнее время они периодически где-то в Красном море дрейфовали, ему, естественно, не без участия Тамары, был преподнесён некий соблазнительный сюжет. Нет-нет, не беспокойтесь, это не про Томочкины шалости. Итак, Николаша, используя авторитет своей фамилии и дополнительно выделяемые денежные средства, устраивает дело так, чтобы на их исследовательском судне переправлялся за границу, по преимуществу, в арабские страны очень ходовой, но нелегальный товар. Вы угадали, речь зашла о девочках, причём в основном о тех, кого иначе переправить не было возможности. Ну в самом деле, не отправлять же столь деликатный, нежный, скоропортящийся товар в грязном трюме какого-нибудь сухогруза – это ж вам не негры, не лати-

носы! А тут сложнейшее научное оборудование очень кстати – можно запихнуть дюжину девчонок в батискаф, на время досмотра опустив его на дно морское. Поскольку за юных белокурых россиянок или чёрнооких красавиц из Хохляндии арабские шейхи выкладывали любые баксы, буквально не считаясь ни с чем, на этом деле можно было многим прокормиться. Казалось бы, тут же возникал вопрос – а согласился ли на это Николаша? Ну уж если Томочка рука об руку с Клариссой по-прежнему ловит на Арбате мужиков, полагаю, нет ни малейших оснований усомниться в покладистой натуре учёного супруга. Что до привычек Томочки, включая не шибко богатое по сей день бытие – это на её совести оставим. К тому же им с Николашей предстоит ещё поднакопить денег на более приличную квартиру, не вечно же ютиться в однокомнатной.

Что, сомнительно? Вы правы, издатели за последнее время воспитали публику, которая способна воспринять лишь незатейливый сюжетец, что-то вроде птичьего щебетания и непременно со счастливым, что называется, не утруждающим сознание концом, либо многостраничную пустышку с претензией на значимость. Здесь же накручивается нечто невообразимое – сам чёрт ногу сломит, однако всё равно мало что поймёт. Вот и я, поначалу нагородив в мыслях всю эту замысловатую конструкцию, засомневался. Всё уж очень однозначно, без вариантов получается. И самое главное – это тут причём? То есть, какое мне дело до Клариссы с Никола-

шей, если основная для меня задача – выручить Лулу?

А что? Может быть и правда, стоит вымарать из текста Клариссу, Николашу, Томочку? Вымарать раз и навсегда! Ну сделали чёрное дело, и с какой стати они и дальше здесь будут ошиваться? На фиг они нам теперь нужны! Останутся лишь два главных персонажа – я, да прелестница Лулу. И будете захлёб читать страницу за страницей про связь похотливого старика и легкомысленной девчонки, попеременно то вздыхая, то проглатывая слюни.

Стоило только мне представить себе такой вот вариант развития событий, как перед глазами моментально возникла отвергнутая мною Томочка. Виданное ли дело так со щербатой поступать! Чего доброго напьётся и будет каждый вечер под окнами распевать любовные романсы, это с её-то шепелявым голоском. Эй, тётка! Ну ты-то с какой стати ко мне так привязалась?

Вот потому и возникает поначалу неясно выраженная догадка, что этот кадрёж во время променада по Арбату был явно неспроста. Складывается впечатление, будто меня нарочно заманили, чтобы затем каким-то образом использовать. А что такого особенного во время памятной той пьянки мне рассказала малопочтенная Кларисса, чтобы я непременно должен был это самое узнать? Возможно, просто хотела отвести подозрения от себя, но тогда следует предположить, что и про Лулу, и про меня она знала всё заранее. Ничего себе заявочки! Такому знанию деталей своего бизнеса могу

позавидовать даже я. И что-то мне подсказывает – по мере распутывания этого клубочка будет ещё очень много удивительного. Да, по всему видно, это так, с ними явно не соскучишься.

А теперь посмотрите, как выглядят в свете сказанного все эти Клариссины словеса по поводу её помощи в публикации трудов того самого писателя-изгнанника. Выходит, что слезливые сожаления по поводу случившегося с Митей это всего лишь примитивный обман, за которым скрывались исключительно шкурные, я бы при случае прямо ей сказал – омерзительные волчьи интересы!

Кстати, что меня особенно в Клариссе восхищает, так это умение обаятельно лгать в лицо и выражать сочувствие по каждому, даже незначительному поводу. Так и представляешь, что перед тобой второразрядная голливудская актриса, прошедшая курс ускоренного обучения в тамошней школе драматических искусств. При этом, чтобы достигнуть желаемых высот, ей достаточно всего лишь освоить, или точнее вы зубрить, стандартный наборчик типовых приёмов. Скажем, если требуется сыграть удивление, надо поднять брови и по возможности вытаращить глаза. Если это сильное удивление, то следует ещё и приоткрыть рот. Чем больше удивление, тем шире следует раззявить пасть, как можно дольше сохраняя её в этом положении. Впрочем, что да как, это уже решает режиссёр. Но самое удивительное, что срабатывает! Это я о своих первых впечатлениях от уникальных способ-

ностей Клариссы.

Вот тут-то мы и подбираемся понемногу к самому интересному – а кто же в этом деле режиссёр? Однако, не всё сразу...

Итак, именно об этом я и рассказывал Лулу, когда на следующее утро, придя домой с работы, собирался завтракать. Должен признаться, что, несмотря на понятную усталость, мне всё никак не удавалось успокоиться. Возмущению не было предела, и я продолжал бичевать всю эту наглую свору, потворствующую порокам и изменным страстям людей и сделавшую источником своих доходов, по существу, работоторговлю. А как иначе это безобразие следует назвать?

Пока я изрекал итоги своих полночных размышлений, попивая чай и пережёвывая бутерброды, Лулу задумчиво смотрела на меня. И тут я снова почувствовал этот её странный взгляд, которым она озадачила меня ещё в тот раз, когда, впервые попав в мою квартиру, оглядывалась по сторонам, рассматривала фотографии, а затем вот точно так же на меня взглянула. Так смотрят на неразумное дитя – с любовью, но немного снисходительно, словно бы с готовностью простить всё наперёд только потому, что ничего другого и не остаётся. Поскольку изменить в принципе ничего уже нельзя, ну так и нужно постараться, чтобы обошлось без лишних сложностей, как-нибудь без обид, по-свойски, что ли, по-хорошему...

И вот, уткнувшись носом в чашку и ощущая на себе этот

как бы насквозь пронизывающий меня взгляд, я вдруг похолодел от мысли, что Лулу знает гораздо больше, чем мне кажется. Меня буквально начал бить озноб, я даже попросил Лулу подлить горяченького...

Что если это и в самом деле так? Тогда к чему весь маскарад? Ведь вы только представьте, что эта история со вновь обретенным после стольких лет отцом словно бы написана неким весьма осведомлённым в моих проблемах сценаристом с единственной целью – завоевать доверие и, сделав Лулу незаменимой для меня, получить доступ к приватной информации. Ну это ведь как раз понятно, по принципу – введите имя и пароль. Однако тут есть одна особенность – чтобы получить пароль, требуется подобрать ключик к моему сердцу.

Тем временем вполне логично явилась в голову другая мысль – дальше это продолжаться не должно, слишком уж рискованно. И словно бы кто-то стал мне настойчиво твердить: «Ты что, совсем ослеп? Куда ты ввязываешься? Да оставь ты эту дурочку в покое! Ну просто выгони из своей квартиры, в чём она была, и закончи на том дешёвую мелодраму с взаимными признаниями. Вспомни, как она к тебе попала – ведь совершенно невероятный, надуманный сюжет. Такого в жизни просто не бывает! Очнись же, наконец!»

Всё правда. То есть очень может быть. Но вот если девочка и впрямь оказалась в незавидном положении, если попала в компанию накаченных наркотиками извращенцев или того

хуже – пьяной шоблы залётных бандюков? Я только представил себе, чем всё могло закончиться, если бы Лулу не удалось от них сбежать. Один держал, другой насилдовал, а третий неторопливо, тупым ножиком пытался резать горло... Перед моими глазами всё явственнее возникала эта сцена, будто бы и сам я в ней участвовал. Но нет, именно этого не могло быть никогда. Всё, что угодно, господа, но только не это! Мерзость! Мерзость! Мерзость!

И вот из глубин моего растревоженного подсознания возникло, разрослось глухое, внешне никак не проявившееся раздражение. Оно нарастало и уже звучало во мне сотней кричащих голосов. Ещё немного и оно превратилось бы в звериный рык и тогда, кто знает, чем бы всё это закончилось?

Глава 11. Три Лу

Ну отчего вдруг сердце разболелось? Никак всё же не пойму, где это я слишком уж превозмог себя, немного силы не рассчитав. Однако странно – похмелья нет, а что-то мучает. Впрочем, можно подумать, что в первый раз со мной такое. Всякое бывало, особенно, если случалось хотя бы на минуту забыть об осторожности. Но даже когда пырнут ножом, рану можно перевязать и обратиться к докторам. А вот если душа болит, что делать?

Вот уже второй день мы с Лулу живём, как единая семья – папаша и любящая дочка. Это если не считать время от времени возникающих у меня гнусных подозрений на её счёт. Представьте, возвращаюсь я домой, а в моей квартире уже устроили притон. Положим, если бы она подругу себе в партнёрши пригласила, я бы по большому счёту не очень возражал. А так ведь даже и не знаешь, с кем её найдёшь в постели. Ну что поделаешь – издержки моей профессии сказываются даже здесь. Не мудрено, что я Лулу на ночь запирал, а днём и сам не выходил из дома без особой надобности. Короче, всё шло своим путём, если бы не поиски выхода из этой жуткой ситуации, отчего иногда буквально раскалывалась голова. Видимо, лишённый привычной дозы коньяка мой организм вопил буквально каждой своей клеточкой – дайте выпить! Но мог ли я позволить себе наплевать на нормы добро-

порядочного общежития, находясь в соседстве с юной родственницей? А что ещё при этом оставалось делать? Ну в самом деле, не обращаться же в лабораторию, чтоб срочно сделали анализ ДНК? Да я всем этим экспертам-аналитикам ни на грош не верю! Вот ведь и мучайся теперь.

Утром, едва придя со службы, я тихо-тихо, на цыпочках подошёл к её постели – Лулу ещё спала. Глядя на её нежное, пожалуй, чем-то даже одухотворённое лицо, невозможно было представить себе, что оказалась она здесь не просто так, а по работе, выполняя чей-то заказ, смысл которого по-прежнему оставался непонятен. Столь же трудно было вообразить, что это и в самом деле моя дочь. Я осторожно присел на край её постели в надежде выяснить хотя бы что-нибудь, основываясь на том, что мне подскажет, так сказать, моё внутреннее естество, те самые блуждающие в организме жизненные соки. Кажется, я правильно всё понял, а потому ещё сильнее захотелось выпить коньяка. Потому что в своём воображении я уже приник губами к её обворожительной груди, уже ласкал руками эти удивительные бёдра. Что тут поделаешь, если квартира располагалась на южной стороне, и оттого в ней даже летним утром жара стояла нестерпимая? Понятное дело, что Лулу спала «без ничего»... Но тут она открыла глаза. Уже не глядя на неё, я поспешил в ванную, чтобы принять холодный душ после работы...

И всё же, с какой стати я поначалу принял Лулу именно за иностранку? Ах, да, она что-то там такое произнесла на ан-

глийском языке. Ведь даже имя себе выбрала очень подходящее. В прежние времена таких вот долларовых путан красиво и со вкусом называли за глаза «берёзками», подразумевая что-то вроде ходячего спецмагазина для счастливых обладателей валюты. «Вы, кажется, потом любили португальца...» Ах, бедная Лулу! Мне ли не знать, сколь незавидная судьба у тех, кто жаждет счастья за счёт падких на женскую красоту богатых иностранцев. Богатыми и щедрыми они бывают только здесь, а там, на родине сдадут тебя в бордель или назначат наложницей в гареме – и это в лучшем случае. Впрочем, возможны варианты.

Итак, для начала ты подыщешь себе симпатичного поляка. Поляки, они, как говорится, тоже люди, особенно, если им с работой повезло – тот поляк и вовсе оказался гинекологом. Если не знаете, то я вам подскажу – в любые времена очень полезная и прибыльная специальность. Однако ревность гинеколога не самый лучший советчик в супружеских делах. Да разве это жизнь, когда он ходит за тобой, словно бы пришипленный?

И тут на горизонте возникаю я, в отличие от прежнего, совсем не злой, довольно симпатичный и даже чуточку наивный. Ну и, разумеется, по уши в неё влюблённый.

– Ты для начала повесь мне люстру, затем карниз для занавесей припей над этим вот окном. Ну а потом... – так говорила она, играя глазками, а сама тем временем выпроваживала свою мамашу переночевать к подруге.

Мне поначалу даже в голову не пришло, что надо бы всё это переиначить, как бы повернуть задом наперёд – сначала в постель, а уж потом все эти карнизы, люстры и прочие принадлежности квартирному уюту. Сказывают, что век живи и век учись. А зачем, спрашивается, мне этому учиться? Для каждого дела есть свои замечательные мастера, а уж как вы собираетесь расплачиваться с ними – это уж решайте сами, в зависимости от содержимого кошелька, а также наличия стыдливости и признаков благоразумия. Словом, карниз я, кажется, успел повесить, но после этого мне уже больше не хотелось ничего.

Разочаровавшись в поляке и во мне, ты вскоре заарканишь итальянца. Неаполь, много солнца, моря... И прорва апельсинов. А в придачу свёкор, патриарх семейства, который обеспечивал вставными челюстями всю округу. Но быть женой одного из пяти его взрослых сыновей, согласись – это не совсем то, на что рассчитывала. Ну всё равно, что быть спицей в колесе, в одном из колёс той доверху нагруженной заботами телеги, которая зовётся «счастливая итальянская семья». Тем более, что невозможно было шагу ступить из дома без того, чтобы кого-то из домочадцев не приставили в качестве соглядатая.

И вот за пару месяцев до родов ты ненадолго возвращаешься домой, чтобы увидеться с родными. И тут с какого-то боку рядом оказываюсь я. И как бы сам собой, вроде бы из ничего возникает один с виду очень простенький вопрос:

– А что будет, если я вернусь в Россию?

Впрочем, честнее было бы спросить иначе:

– Разве ты не знаешь, что бывший муж обязан будет выплачивать мне алименты, наверное, в лирах или в долларах? Ну так и что?

А мне-то почём знать, в какой валюте? Это как получится. Честно говоря, я и сам не помню, что сказал. И долгое время неопределённость принятого мной решения не давала мне покоя. Во-первых, я в этих делах не специалист, но мне казалось, что она может рассчитывать лишь на небольшие отступные. Мол, я тебе, наивный итальяшка, сына родила, ну так и ты, будь добр, оплати мои расходы. А во-вторых... А во-вторых, ну кто её разберёт, то есть смогу ли я жить счастливо с путаной? Тем более что никто ещё не знает, когда ей эти скитания по мужикам наскучат и возможно ли такое вообще. И, наконец, самое главное – как это на мою карьеру повлияет? Пожалуй, вы скажете, что именно с этого и надо было начинать, но кто тогда знал, где мне предстоит работать? Собственно, вот когда меня на службу пригласили, мы с ней и расстались окончательно.

Обо всём этом я и размышлял, стоя под холодным душем и потом, растирая махровым полотенцем то, что осталось от моих бицепсов. Да нет, вроде бы ещё ничего, при известных обстоятельствах вовсе не обязательно прятать свою «личность» под пижамой.

И всё же, кто она такая, эта милая, эта загадочная, эта

прелестная Лулу? Увы, её подлинное имя остаётся неизвестным. И что же мне делать? В надежде хоть как-нибудь приблизиться, если не к разгадке, то к более или менее приемлемой гипотезе я заставил себя покопаться в происхождении имён. Та, что утешит и успокоит – такое толкование её имени меня вполне устраивало. Огорчало же совсем другое – отдалённое, несколько даже надуманное, вполне возможно, что не имеющее никакого смысла, сходство с именем Лукреция. Та самая Борджиа, побочная дочь какого-то там римского понтифика, которая с малых лет видела такое, от чего, как утверждают, «покраснел бы сатана», она уже в двенадцать лет становится любовницей своего папаша. Увы! То, что мне про свою жизнь поведала Лулу, уж очень напоминало события, известные из преданий о распутнице Лукреции. Ещё более огорчало предположение о том, что общность судеб могла иметь весьма печальные, если не сказать, фатальные последствия прежде всего для меня – не следует забывать, что Лукреция имела славу отравительницы, которая получала особое удовольствие, отправляя очередного наскучившего ей любовника на тот свет. И хоть я проходил вовсе не по этой категории, но что могло однозначно иметь отношение ко мне – это весьма прискорбная особенность упомянутых репрессий, согласно которой имущество отравленного подлежало конфискации в доход казны.

Конечно, какая разница, кому при таком раскладе достанется моё движимое и недвижимое барахло, однако всё это

побуждало к осторожности. Тем более, что квартира по нынешним временам тянула на пару сотен штук – это если в долларах. Впрочем, что и как предпринять на всякий случай, если обедаем мы с ней за одним столом, я до сих пор так и не придумал. В самом деле, ну не просить же её откусить кусочек антрекота прежде, чем мне его отправить в рот? Вот так напищкуют тебя в интернете информацией, а ты потом терзайся и мучайся в поисках конкретного решения – как бы всё это к делу приспособить?

А вот и ещё одно имя, очень близкое к Лулу. Даром, что ли, Лу фон Саломе была урождённая Луиза? Кстати сказать, очень, очень примечательная у неё судьба. Первая любовь семнадцатилетней девочки – голландский пастор, читавший лекции почему-то в Петербурге, он-то первый и стал её так называть, Лу. Сам Ницше просил её руки и получил отказ. Или вот такая странность – пообщавшись с Фрейдом, Лу на полном серьёзе увлеклась психоанализом. Ну явно же родственная душа, чуть не сказал – коллега по работе. Особенно симпатично то, что любовники обычно жили в её доме и ужинали вместе с мужем за одним столом. Всё лучше, чем на ночь глядя разъезжать по городу в поисках партнёра.

Однако ни жён, ни любовников здесь нет – пока что нет. Мы с обворожительной Лулу сидим за обеденным столом, и я размышляю о том, что ведь не обязательно жениться, чтобы мне стать её любовником...

И вдруг замечаю, что мы тут не одни, что за столом вме-

сте со мной три Лу – помимо Лулу, ещё Лукреция и та самая Луиза. Впрочем поначалу я даже не понял, кто они такие, очень уж ситуация сложилась непривычная. Сидят себе и сидят. Я спрашиваю:

– Вы кто?

– Будто сам не видишь, – отвечают.

Видеть-то я вижу, только, как ни стараюсь, не пойму. Одна почему-то искоса взирает на меня. Другая смотрит если не с усмешкой, то наверняка с сомнением. А третья так и тянется, так и льнёт ко мне, я даже от неё слегка отпрянул. И что за странная особенность – тянуться к мужику, ну, ничегошеньки про него, просто ничего не зная! Кстати, эта последняя очень даже ничего. Да они все словно бы сошедшие со страниц гламурного журнала.

Признаться, я даже ошалел сперва. И что прикажете с ними делать? Сидят, нахально пялясь на меня. А я не то чтобы робею, но чувствую себя как-то неудобно, неуютно. Другой на моём месте давно бы уже от радости рыдал – вот ведь, нежданно-негаданно такая удача подвалила! Три очаровательные леди здесь, со мною вместе, за одним столом... Ну, а я, будто недоделанный какой, не знаю даже, с чего бы мне начать. Может быть, сперва представиться?

Я что-то промычал.

– Очень приятно, – отвечает та, что понахальнее. – А меня зовут Лукреция.

– Луиза, – сделав книксен, промолвила, глядя в сторону,

другая.

Третья же молчит. И только смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Да понял я уже – это Лулу.

Самое обидное, что я тут вроде бы совершенно ни при чём. Сидят себе, что-то пьют, закусывают словно бы в шикарном ресторане. Такое ощущение, что я у них просто на десерт. Нет, не хочу сказать, что вот сейчас возьмут и намажут меня на бутерброд. Но что-то в этом роде явно намечается.

А правда, ну с какой стати они здесь расселись? Вроде бы я в гости никого не приглашал. Если бы позвал, так наверное знал бы, для чего, с какой целью это делаю. А так – сидят за моим столом три грации, а я по-прежнему только смотрю на них и недоумеваю.

Я так им и сказал:

– Вот вы пришли ко мне, хоть я вас и не звал. Ну, и зачем? Что от меня вам нужно?

– Да ничего. А что, нельзя зайти к тебе так, запросто, без всякой цели?

Ладно, будем считать, что перешли на «ты». Хотя какой толк мне от такого панибратства? Делать им всем, что ли, нечего! Эй, барышни, ну причём тут я? Будто ничего другого не придумали, только вот так дразнить неженатого мужчину.

Опять смотрю на них, и как-то мне не по себе. Что они могут выкинуть? Вроде бы я не робкого десятка, но на душе отчего-то муторно становится. Когда сидят такие вот перед

тобой, даже и не знаешь, что можно предпринять. И какого лешего им надо?

И тут внезапно в голову явилась мысль. Тут я подумал: а что если сидящие за столом милые создания – это мои дети? Все, не одна только Лулу. Вот так вот, долго искали своего папочку и, слава тебе, господи, – нашли...

И тут Луиза говорит:

– Мы тут между собой поспорили. Ты наш или не наш? – и смотрит так, будто если не скажу, то дело может дойти даже до допроса третьей степени. С них-то станется!

И правда, ощущение такое, будто «испанский сапог» на меня уже надели, что верёвки затянули словно бы до невозможности, а я по-прежнему не представляю, какого ответа от меня ждут. И если всё-таки дождутся, что за тем последует? И кажется мне, что у подъезда дежурит «воронок», и вот ещё чуть-чуть, так и не дождавшись от меня признания, подхватят под руки, поволокут... А там уже и могилка приготовлена.

– Ты что молчишь? – это Луиза снова спрашивает.

– Я? Даже и не знаю, что сказать.

Девицы переглянулись и опять нахально смотрят на меня.

– Мужики какие-то теперь хилые и нерешительные. Чуть что, в кусты или в рот воды набрал.

А что я могу им возразить, если возражать-то нечего? Чего доброго, и так всё может обернуться, то есть ещё самую малость посидим вот так, а потом они мне и заявят:

– Эй! А этому-то что здесь надо? Пускай проваливает, пока цел!

Я это к тому, что больше вроде бы и не на что надеяться.

– Ты извини, но я даже при всём желании помочь тебе в этом деле не смогу, – вдруг заявляет прежде молчавшая Лулу.

– Но почему?

– А потому что мне так хочется.

Ну, женской логикой меня не удивить. Потому и предпочитаю жить один. Однако же и стерва – эта, младшенькая!

Честно сказать, я себе это несколько иначе представлял. Ну, вот придут, с каждой расцелуемся тоекратно. Всё как полагается! А потом они мне объяснят – что, зачем и почему, и с какой стати я им вдруг понадобился. Так нет же, тут всё совсем наоборот. И кому в голову пришла такая мысль – шляться по гостям без приглашения?

Задумался я. И вдруг слышу:

– Тридцать пять.

– Сойдёмся на тридцати.

– Ну, ты и жлобина!

– Ты разве не видишь, что он совсем больной?

– Больной не больной, а мы всё же на его жилплощади.

– Нет, больше тридцати не дам.

– Смотри, как бы не пожалеть.

– Нам, Борджиа, неведома никакая жалость.

– Опять заладила про своё!

Тут я не выдержал:

– Дамы, вы о чём?

– Да не мешай!

– Но я хотел бы знать...

– Надо будет, всё узнаешь.

– Странные у вас понятия...

Лукреция с явным презрением смотрит на меня.

– Ладно, пусть будет тридцать два. Уговорила!

– Тридцать три, родимая. И ни копейкой больше!

– Чёрт с тобой!

Луиза с Лукрецией целуются, а я по-прежнему не могу понять, по поводу чего такое торжество и в честь чего эти их страстные объятия.

– Что, чудик, ничего не понял? Это Лушка мою долю купила.

– Долю чего?

Лукреция снова смотрит на меня.

– Сдаётся мне, я всё же прогадала. Совсем тупой! И что мне теперь с этим делать?

Так что же? Что?!

– Нет, правда! Ну, сколько можно издеваться над своим отцом? – это я решил так, для понта, немного возмутиться.

– Ты что же, в самом деле решил, будто мы твои родные дети? – усмехается Луиза.

– А разве нет?

– Ну, ты и охломон!

– Да уж какой есть.

– Оно и видно. Надо же, чего придумал!

А если ничего другого в голову не приходит, тогда как? Повеситься на дверном крюке? Или сигануть с семнадцатого этажа прямо на клумбу у подъезда?

– Похоже, вы потихоньку прибираете меня к рукам.

– Да не бойсь. Ничего тебе не будет. Только веди себя, по возможности, прилично.

– Это как?

– А это значит, не хамить, не давать волю рукам, не выражаться матом. И вообще, не делать больше того, что тебе положено.

Вот оно что! Вот ведь что надумали! Нет, это точно – хуже, чем ночной кошмар! Так сон это или не сон? И если сон, то когда он кончится?

Все эти странные видения пронеслись перед моими глазами, как некий сериал – такие смотрят по обыкновению на кухне, хлебая суп и глядя в телевизор, так это у нас принято. Если и впрямь кино, тогда рано или поздно это издевательство просто обязано будет завершиться.

Ну а с другой стороны, представьте, что все трое здесь, рядом, в этом доме. Одна приготовит мне постель, другая вымоет посуду после ужина. Ну а третья ляжет рядом, само собой, в порядке очерёдности, чтобы прочим не обидно было. Если не сочтёте это насмешкой или же кощунством, я бы даже так сказал – святая троица! Эх, и славно мы бы зажили!

А уж как выйдем в свет, это и впрямь будет самое жестокое потрясение для публики. Впереди в обнимку с первой леди выступаю я, ну а чуть поодаль ещё две мои наложницы. Зависть, белая зависть читается в глазах, и волны восхищения как аромат тропических цветов плывут, плывут над головами. А что, разве не счастье, разве не праздник для души?

Впрочем, это как сказать, поскольку обслужить ненасытную ораву всех этих Лу – какое же здоровье от меня потребуется! Но в данном случае речь, конечно, не о том. Поскольку, когда возникает угроза своей жизни, тут уж не до удовольствий, не до плотских шалостей. Как мне забыть о коварстве распутницы Лукреции? И прежде всего следует определить, кого бы из этой троицы я в первую очередь заподозрил. Кто из них возьмёт на себя роль коварной отравительницы? Скорее всего, это будет так – одна зелье приготовит, другая поднесёт бокал с отравой, ну а третья под это дело подведёт доказательную базу.

Итак, мальчик рос очень сексуально озабоченным. Уже в юном возрасте подглядывал за соседями, даже попросил купить себе подзорную трубу для того, чтобы получше видеть то, чем занимаются молодожёны за окном в доме напротив – ах, до чего же ненасытная парочка была! Несколько позже мальчуган был совращён грудастой поварихой, каковая использовала в качестве приманки продуктовый дефицит. Както был застигнут учителем, когда занимался... кое-чем. Ну, словом, прожил человек трудную и насыщенную приятными

событиями жизнь и вот теперь оказался в глупейшем положении. Перед ним очаровательная юная девица, а он не может с ней переспать всего лишь потому, что имеется ничтожнейшая вероятность родственной связи между ними. Ну что на это вам сказать? Налицо та самая ситуация, когда только и остаётся, что заломить в отчаянии руки и, проклиная нерадивую судьбу, покончить с этим раз и навсегда, то есть попросту свести те самые счёты с жизнью. А что, возможно, это было бы самым верным, самым обоснованным решением. Вот ведь Мольер – тот тоже огорчения не вынес, когда узнал, что взял в жёны свою собственную дочь. Да, свести счёты – это самое простое. Но только не при этих обстоятельствах! Я в который уже раз смотрю на милое лицо Лулу и по-прежнему не нахожу ответа на самый важный для себя вопрос – кому и зачем всё это нужно?

Возможно, разгадка таится в том, что Лу, то есть Луиза, всегда и везде достигает цели, хотя идет к ней более длинным и более извилистым путем, нежели обладатели других имён. По крайней мере, так считается. Ну что ж, Бог в помощь! Но при чём же здесь Лулу? И каковы её намерения, если таковые существуют? В любом случае, она явно не торопится, может, и вправду, идёт куда-то ей одной понятной, нетореной дорогой. Ну а я-то тут при чём? Почему именно мне выпало, не знаю, как сказать, такое наказание или же такое счастье, что ли? Вот ведь «подфартило»!

В конце концов, какое мне дело до этой Саломе, до рос-

сказней озабоченного Ведекинда, о которых и вовсе не хотелось бы упоминать. Да и где могла Лулу узнать о своей предшественнице-тёзке? Разве что в театре – там это нынче самая изысканная, самая привлекательная тема, про жизнь и смерть очаровательной распутницы Лулу. Такое ощущение, будто каждая из сидящих в зале примеряет этот скандальный сюжетец на себя. То есть смогла бы она «поймать» столько мужиков и ещё нескольких на тот свет отправить, а потом подставить свою нежную грудь под нож громилы и убийцы? Однако при чём же здесь моя Лулу? Вот ведь, я её уже своей отчего-то называю. И всё-таки надо бы иметь в виду, что в этом деле она от силы пару дней – явно ведь несоизмеримые масштабы. И, между прочим, сам Ведекинд считал Лулу всего лишь хитроумной приманкой для мужчин, не более. Ну а я о чём вам говорил? Именно приманка, игрушка в чьих-то грязных руках, готовых при удобном случае сдавить мне горло. Да, именно так, всё очень верно сказано!

Глава 12. Уже ничто не остановит

Есть люди, которым рано или поздно всё приедается: работа, путешествия, общение с людьми... Зачем? Что сможешь ты изменить существенного в этом мире? Куда как проще тому, кто ни о чём подобном не задумывается и только выискивает себе всё новые и новые поводы для удовольствия. И как бездомный пёс, который разжился где-то там, по случаю, бараньей костью, будет балдеть, булдеть...

Вот стоило только мне подумать об этих псах, как сразу же из памяти всплыло... Двое моих приятелей по училищу надумали сделать себе успешную карьеру, женившись на близняшках. Девицы были уже перезрелые слегка, с лица тоже так себе – встретишь ненароком в толпе и не узнаешь. А о фигурах и вовсе вспоминать не хочется. Однако все эти не слишком привлекательные обстоятельства с избытком компенсировались тем, что папашей при близняшках состоял – вы не поверите! – самый что ни на есть настоящий генерал. В сущности, оставалось только дожидаться окончания учёбы, а всё дальнейшее представлялось совершенно в розово-пурпурном цвете, при том усыпанным блёстками звёзд на погонах и мозаичными узорами наград.

Беда как всегда подкралась незаметно. Близняшки ещё только вскармливали новорожденных младенцев, а генерал взял да и вышел вдруг в тираж, то есть вроде бы ни с того ни

с сего отправился в отставку. В общем, история достаточно банальная, и на этом она могла бы завершиться, если бы ещё не предстояла выплата по совокупности немалых алиментов в течение последующих лет.

Однако с чего бы это я всё о деньгах, да о деньгах? Впрочем, ничего тут удивительного нет, коль скоро речь заходит о партнёрстве. А от партнёра, как известно, прежде всего следует требовать гарантий, поскольку, если основываться лишь на доверии, то результат может ненароком огорчить. Вы представляете, в самый ответственный момент партнёр вдруг охает и с воплем хватается за поясницу. А вслед за тем, преодолевая боль, выдавливает из себя: «Я больше не могу!» Увы, не оправдал доверия наш генерал.

Теперь представьте себе, что речь идёт о сугубо практических вещах – товар, доставка, купля-продажа, договорные обязательства. Короче, та самая скучнейшая белиберда, которая лежит в основе любого сколько-нибудь прибыльного предприятия. В сущности, всё сводится к тому, насколько наши желания соответствуют возможностям. Если исходим из того, что каждое желание достижимо, нужно всего лишь, отбросив соображения морали и прочие обременительные предрассудки, составить бизнес-план, поднакопить финансы и сделать соответствующие распоряжения. Так вот, девчонку при известных обстоятельствах тоже можно рассматривать как товар, который предназначен для продажи. А почему бы нет? В конце концов, что в этом странного, если спрос по-

всеместно диктует предложение? К тому же, как меня упорно заверяли, всё происходит на взаимовыгодной основе, надо так понимать, что с добровольного согласия. Девчонкам нашим тоже сладкой жизни хочется! Ну если не сейчас, тогда чуть позже, когда придётся выходить в тираж. Однако если же она попросит вас о помощи или, не дай бог, всплакнёт, а то и вовсе возникнет пусть даже призрачный намёк на некие родственные связи – тут требуется совсем иной подход, иначе вас, то есть меня, пожалуй, смогут обвинить во всех мыслимых грехах, а то и попросту обозвать подонком.

Однако до чего же скучная и бездарная эта штука – жизнь! Добывание денег абы как... лобзания со сволочами... пьянки до утра... слабая надежда, что детям больше повезёт... и бабы, бабы, бабы... Да, надо работать! Надо работать, пока есть силы, и не настал момент, когда не остаётся ничего – ни сил, ни здоровья, ни желаний...

Но что особенно повергает меня в уныние, так это вычитанная на днях во время блужданий по Сети фраза из письма Чехова: «Утром – чашка кофе, днём – бульон». Надо полагать, это для того, чтобы не тратить драгоценные силы на пищеварение. Согласен, что только натошак возможно творчество, а уж если повезёт, и вдохновение вас чем-нибудь одарит. Увы, но мне это оказывается явно не под силу – видимо, инстинкт самосохранения срабатывает. И очень кушать хочется. Великие оттого и велики, что себя ни сколько не щадят. Вот и Антон Павлович сгорел...

И всё-таки усердия в этом деле мало. В своё творение художник должен вкладывать часть души – только тогда можно рассчитывать на удачу, на признание. К примеру, у кого-то искренняя исповедь потянет на несколько томов, кто-то сможет написать всего-то одну, но замечательную книжку, пусть так. А вот моей душе, ну просто нечего сказать, молчала бы помногу дней подряд, если бы иной раз ситуация не требовала. Не спи, душа! Проснись, а то ведь жизнь пройдёт, и всё впустую, ну ни полстрочки обо мне в анналах не останется.

Проблема в том, чтобы найти подходящий для себя сюжет. Такой, чтоб некие аккомпанирующие вдохновению, как бы натянутые внутри струны, отозвались, почувствовав в конкретных обстоятельствах что-то понятное, родное. И вот тогда, словно положенные на музыку слова, польются одна за другой наполненные смыслом строки, и не будет им числа. Только бы в самый ответственный момент в этом тщательно отлаженном оркестре что-то не сломалось, не сфальшивило. И опять всё то же – где мне взять сюжет? Потому что описывать свою собственную, героически или не вполне достойно прожитую жизнь – я не сказал бы, что очень увлекательная перспектива. А всё из-за того, что весьма болезненная это штука – выворачивать наизнанку самого себя. Ну так и тянет что-нибудь приукрасить, на худой конец, то есть если ничего иного не придумаешь – соврать. Притом соврав хоть раз, следом начинаешь всё остальное подчищать и подтасовывать. А тут уже возможны самые непредвиденные несущ-

разицы и нестыковки. Так что куда надёжнее где-то что-то позаимствовать, желательно позамысловатее, чтоб никого из пишущих не повторять.

Я вот подумал, а что если перед сном нажраться до отвала? Вы представляете – целая ночь совершенно немислимых кошмаров и отчаянных погонь. Да чтобы выдумать такую невероятную, никем не апробированную фабулу, иной раз требуется едва ни не полгода голову ломать! А тут, пожалуйста, нате вам готовенькое. Успеть бы только вовремя проснуться и всё, что было, записать. Но вот проснулся, и жизнь тебе устраивает такое, что детскими забавами могут показаться и твои прежние заботы, и тот ночной кошмар...

Трудно поверить, но допускаю, что где-то я изрядно согрешил. Понятное дело, мы все не без греха, но почему-то кажется, будто бы в чём-то я превзошёл тот уровень допустимого, за которым ещё чуть-чуть и начнётся беспредел. Всё чаще просыпаюсь я в холодном поту, а посреди трудов праведных или же застолья вдруг словно бы впадаю в забытьё, в некую внезапную прострацию. И вот уже меня здесь нет, а я где-то там, в безбрежных далях прошлого пытаюсь изменить то, что когда-то сотворил. Так в комнате своей начинаешь переставлять предметы, надеясь тем самым как-то изменить судьбу или хотя бы уверить себя в том, что такое в принципе возможно. Ну передвинешь шкаф – так всё равно не сможешь к жизни возвратить то дерево, из которого он сделан.

Всё больше склоняюсь к мнению, что для того, чтобы

нечто достойное совершить, ну скажем, написать давно задуманный роман, необходим тот же набор условий, который даст возможность удовлетворить женщину – желание, умение и неутолимая страсть, к тому же помноженные на здоровье и усердие. По крайней мере, на каком-то ограниченном отрезке времени без этого не обойтись никак. И всё же удивительное дело, иной раз все требуемые условия соблюдены, однако стоит появиться ещё и стимулу к работе, как тут же пропадает желание писать. То есть желание-то есть, но вдохновение куда-то улетучивается. И совершенно напрасно старается очаровательная муза, нашёптывая мне на ухо нежные слова. Видно, так уж я устроен – оказываюсь совершенно бесполезен, если от меня чего-то очень, очень ждут. Тут, видимо, дело в том – кто ждёт. О, господи! Да отставьте, наконец, меня в покое!

Опять мне вспоминается Крым, август, тёплое ласковое море и... И снова возникает мысль, будто что-то мною сделано не так – не с тем дружил, не тех любил, а с теми, кого бы стоило любить, даже не успел, если уж по правде, познакомиться. С утра до поздней ночи суета, и даже ночью, когда совсем без сил, не спишь и думаешь о том, с кем и зачем на следующий день повстречаться стоит. Гирлянды лиц и хороводы тел, во фраках, в шортах, бегущие куда-то, просто лежащие в халате на диване, или же загорающие на пляже голышом...

Вот странное дело, почему обилие раздетых тел совсем не

возбуждает? Разве что самую малость, да и то всего лишь поначалу. А потом всё это воспринимаешь как некую узаконенную, всеми принятую мораль – ну что же тут такого, если так договорились? Что особенного в том, если проститутки развозят по домам, а сутенёры собирают дань с них, несущих миллионам мужиков и баб оплаченную страсть и удовольствие? Всё просто, только заплати. И никаких проблем – получишь всё, что только пожелаешь.

Недавно, пользуясь затишьем на дежурстве, имел неосторожность вычитать нечто про сотню способов, как кончиком языка развести огонь где-то пониже поджелудочной железы, видимо там, где он давно потушен. Ей-богу, тут же захотелось автору ответить – а стоило ли путём резекции брюшной полости перелицовывать "Любовь" Юрия Олеши? С другой стороны, что сам-то я могу про это написать? И что из моего знания при определённых обстоятельствах намерено на свет явиться? Букет сонетов про былую страсть? Романтическая исповедь состарившегося донжуана? Вот если бы предметом исповеди была не моя, так или иначе, но уже прожитая судьба...

Так, собственно, и возникла эта идея – написать историю проституции в России. В общем, так, да не совсем так. Вначале-то я ни о чём не помышлял – сидел себе на своём посту и в ус не дул. Потом только начал прислушиваться, присматриваться. Я уже говорил, что топтуны про нас с вами всё-то знают, однако каждый «по чуть-чуть». Если же сложить все

их рассказы вместе, да ещё добавить то, что сам по этому делу накопал – тут-то и вырисовывается не просто мозаичная картина, но целая история. И в этой истории самое интересное не кто, кого, как, почему и в какой позиции «имел», но совсем вроде бы не связанный со всем этим вопрос – а не является ли такой способ существования универсальным средством для продления этой жизни? Речь о жизни тех, кто правит нами там, где-то наверху. Это и Гога-колобок, и ещё более узнаваемые лица. А среди них начальники, депутаты, министры и вожди. У меня даже тезис такой возник – протитуция как способ размножения элиты. Любопытная была бы тема для дискуссии. Только ведь сами-то они про себя – молчок! Так что приходится мне вместо них писать, в некотором роде, исповедь если не участника, то уж наверняка соглядатая, безмолвного до поры до времени свидетеля событий.

Вы спросите – зачем? Стоит ли горбиться над письменным столом, портить глаза, набирая тексты для компьютера, а потом с вымученной улыбкой на губах обходить одно за другим издательства, всё ещё сохраняя надежду опубликовать роман? Зачем напрасно расходовать и без того уже изрядно растроченные силы? В чём стимул, в чём причина? Так я уже писал об этом – злость! Нерастроченная злость, она сама, как бы без моего ведома водит авторучкой по бумаге, рождает образы, анализирует характеры, кому-то даже заглянет под подол, где-то угадывает то, о чём умалчивают,

а иной раз обнаружит и такое, что скрыто глубоко в неведомых закоулках чужого подсознания.

И вот на свет явилось нечто. Нет, не ребёнок. И даже дом я не построил, и дерево не посадил, разве что лимон в горшке на подоконнике у себя дома. И как цветочный горшок хранит компьютер корни, листья, стебли странного создания, видимо, по недоразумению названного мной романом. А может лучше – рассказ от первого лица?

Давайте предположим – повезло! Нашёлся некто, кого уже тошнит от всех этих убогих гаррипоттеров, бегбедеров и псевдо-детективных сериалов. Кому изрядно обрыдли эпические сказания про варваров и про спецназ. Кто затыкает уши, лишь бы умолкли всё ниспровергающие юные пророки-проповедники, а вместе с ними и прочие маловразумительные персонажи. В общем, повезло, и наконец-то роман опубликовали.

Проходит время. И вот представьте, сижу я на веранде в приморском кабаке, на берегу лазурного залива. С моря дует лёгкий бриз, а вокруг меня давние приятели и друзья, и просто незнакомые, но симпатичные мне люди. И все с почтительным, почти восторженным вниманием взирают на меня и слушают главу из нового романа. Я переворачиваю страницу рукописи, стряхиваю пепел с «голуазки» и внятно, с выражением и расстановкой, почти с актёрской дикцией – откуда что взялось? – вновь продолжаю чтение. Пожалуй, это момент той долгожданной истины, ради которой только и сто-

ило работать. В сравнении с ней ничего не стоят никакие гонорары. И даже слёзы умиления в глазах, в сущности, так ничего и не уразумевших милых дам куда приятнее огромных тиражей и предложения киноворотил по поводу экранизации романа. Ах, эти чудные мгновения!

Впрочем, ничего этого не будет. Ничего! Не будет, потому что одни не желают прочитать в книге правду про себя, другие опасаются, как бы такие откровения не повредили их карьере. Ну а прочие, как им и положено, всегда стоят на страже – то можно, а это категорически нельзя. И дело даже не в какой-то там, прости господи, цензуре, но что подделаешь, если владельцу журнала или издательского дома что-то не понравилось? Если раздражают их даже не сюжетные ходы, не малоприятные физиономии чем-то очень знакомых персонажей, в которых кое-кто с изумлением узнаёт себя. Дело не в том. Просто такие откровения могут нарушить тщательно отлаженный процесс – процесс ежеминутного размножения правящей элиты. Вы только гляньте – там, за тем кустом, и там, в салоне «мерседеса», и в офисе, прямо на столе, на подготовленных к подписанию бумагах, и даже на пленарном заседании какой-то думы двое народных избранников залезли под скамью и, не взирая на возмущённые окрики зрителей с галёрки, почкуются, делятся... Чуть не сказал, высиживают яйца. Однако, если припомнить яйца Фаберже...

И всё же, если есть желание, как можно не писать? В сущности, это предсказуемое отношение элиты возбуждает да-

же больше, чем приготовленное для интимной близости супружеское ложе. Подруга ещё копошится где-то там, снимая дамское трико и надевая полупрозрачный, до умопомрачения короткий пеньюар, а ты уже садишься за компьютер и... Словом, если уж ввязался в это дело, меня уже ничто не остановит.

Глава 13. Параллельные миры

С недавних пор предпочитаю ни о чём, ни с кем заранее не договариваться. Спрашивается, почему? Да я и сам толком этого не знаю. Видимо, просто потому, что не хочется кого-то подводить, кому-то наобещав – не выполнить, кого-то обнадёжить – не имея оснований. Ведь и так бывает.

Сегодня вообще себя в изрядной степени нетрудоспособным ощущаю. Что шулер, что блатной, что проститутка – мне сегодня всё равно, все для меня на одно лицо. И дело даже не в том, что тяжело мне всего лишь с перепоею – а ведь я накануне в рот ни капельки не брал! – но странные события последних дней во мне что-то будто бы перевернули. Я бы даже примерно так сказал: «Душа болит!» Это если кто-то мне поверит...

А ведь и вправду странно – словно бы на день рожденья не пришёл, а вот на похороны вдруг явился, хотя никто приглашенья мне не присылал. Будто бы так и положено, что бы праздники проходили без меня, ну а когда возникнет потребность поработать заступом или киркой, тут уж без моего посильного участия не обходится. Видимо, каждому предназначена своя судьба, своё персональное, кем-то забронированное место в мире. Это всё я понимаю. Но почему такая ноша свалилась на меня?

Тут вкратце следует рассказать о том, что предшество-

вало описанным событиям. Собственно, и рассказывать-то нечего, если не считать того, каким образом я очутился на этой своей должности. Вы уже, наверное, поняли, что после увольнения с прежней службы я кроме навыков аналитической разработки и дознания ничего не сохранил. Даже кошелёк после судебных разбирательств оказался пуст – всё до копейки сожрали адвокаты! Ну оставались ещё кое-какие, вроде бы дружеские связи, их-то я и постарался использовать, когда оказалось уж совсем не вмоготу.

Именно так я и стал штатным психологом, а если по правде говорить – привратником, то есть стоящим при воротах, на страже неких, поначалу неведомых мне интересов. Мог ли я ограничиться тем, что полагалось видеть там, за стеклом, в сияющем роскошью фойе, не имея возможности проследовать наверх, вслед за гостями? Если кому-то придёт в голову такая догадка на мой счёт, это значит, что он меня не знает. Однако всякому любопытству есть предел, либо же надо умело обходить эти самые пределы и преграды. Впрочем, дело здесь даже не в любопытстве, а в тех перспективах, которые открывало участие в игре. Я имею в виду не только игру в Блэк Джек, баккара или в американскую рулетку.

Представьте, что сели вы за руль новёхонького «Опеля», однако же дело в том, что машина оказалась без приборной доски, то есть доска-то есть, а вот приборов нету – когда покупал там, ещё в Европе, на них денег не хватило. И вот не ведая, по сути, ни о чём, к тому же вновь после приличного

подпития, я жму на газ и отчаянно верчу баранкой, пытаюсь удержаться на слякотной дороге и, не дай бог, кого-нибудь ненароком не задеть. Кто знает, какие важные персоны там, за тонированными стёклами в движущемся тем же курсом шикарном лимузине? Мне с ними соревноваться ни к чему – только бы самому как-то удержаться на дороге. И всё же кто они, и почему я оказался не достоин счастья, которое вдруг в один прекрасный миг на них свалилось? Как это там сказано – будто бы лишь тот достоин счастья, кто каждый день идёт за ним? Можно подумать, я не иду, то есть не еду! Нет, видимо, дело в том, что мы с ними совершенно разные, ну совершенно не похожие друг на друга люди, но вот ведь, как и почему – этого мне покамест не понять. Ну не явились же они сюда с Луны! Нет, скорее уж я здесь неизвестно с какой стати оказался.

Возможно, что жили мы с ними в параллельных мирах. И в том мире, где жил я, по-прежнему на Патриарших ходит трамвай, и первомайские колонны демонстрантов движутся по улице Горького, и на здании Центрального телеграфа висят портреты всеми обожаемых вождей. А на работе раз в месяц раздают продуктовые заказы, и, как обычно, на занятии кружка политучёбы опять докладываю я – на этот раз о преимуществах системы распределения при развитом социализме.

И вот теперь меня закинули сюда, в их мир. Закинули и даже не спросили – а надо ли мне это? И что теперь делать?

Что предпринять, если уже нет ни привычных, устоявшихся понятий, ни прежних жизненных ориентиров, а есть только одно – желание купить-продать, а на полученную прибыль нажраться до отвала? Так я же и говорю, отменная жрачка – основа всех основ, и никуда от этого не денешься. Словом, выход остаётся лишь один – приноровиться, приспособиться по мере сил, кому как повезёт и кому достанет смелости отобрать кусок еды у своего ближайшего соседа. Ну и чего же вы от меня хотите – вот этим самым я и занимаюсь! То есть жму что есть силы на педаль, намереваясь обойти соперника на ближайшем повороте.

Мне скажут – не убий, не укради, уступи дорогу, если кто-нибудь тебя попросит! И кто мне это говорит? Те самые «праведники», что по коварному навету распяли невиновного, а затем соорудили из него символ негасимой веры. И ради этого символа сжигали тысячи жизней на кострах. А теперь несутся впереди меня по этой самой, столбовой дороге, разбрызгивая по сторонам грязь, так что только успевай увёртываться. Но в результате всё равно оказываешься с ног до головы в дерьме...

Вы снова скажете, мол, если ты такой чудной, остался бы при своём – портретик Сталина над кроватью, пикеты у посольства империалистической державы и ежедневные письма в Генпрокуратуру с требованием призвать к ответу криминальных олигархов. Конечно, не бог весть, какая это развесёлая жизнь, но зато полнейшее ощущение собственной

кристальной чистоты, даже руки не надо мыть, потому что и вправду чище не бывают...

Эх, граждане! Ну что вы льёте мне фимиам за шиворот, а сами осетриной объедаетесь в три горла? А может, и мне тоже хочется. Будто не знаете, что самая желанная мечта оголодавшего бродяги – забраться ночью в гастроном и...

В общем, вот такая психология. Ну а дивиденды, курсы акций и прочая мудрёная терминология нужны лишь для того, чтобы навести тень на плетень. Главное – урвать! А какие для этого понадобятся законы, указы и прочие установления – есть, кому об этом позаботиться. Был бы соответствующий навар, а заинтересованные граждане найдутся.

С другой стороны, готов с вами согласиться, что без положительных эмоций жить нельзя. Вот и придумывают сладкие слова про ожидаемое всеобщее процветание, когда – под красным флагом, когда – под звёздно-полосатым. А, в общем, всё равно! Потому что рано или поздно неизбежно возникает ощущение, что тебя дурят, водят за нос, как какую-нибудь замарашку, мечтающую стать известной топ-моделью. Это если повезёт. А если и вправду хороша, так для такой наверняка приготовлена постель и дюжина мужиков в придачу... Господи! Да что же это я всё про постель, да про постель. И откуда только у меня такие мысли?

А всё потому, что опять возникает ощущение, будто Лулу – это коварная подстава, цель которой – обобрать меня до нитки, то есть всё, что мне дорого, прибрать к рукам. Ес-

ли так, то она с подобными актёрскими задатками, ох, как далеко пойдёт! Жаль только, что я в этом деле всего лишь что-то вроде дойной коровы или беспородного козла. Ах, эта хитрая Лулу...

А вот вчера она меня и спрашивает:

– Папуля, это правда, что ты пишешь роман?

Правда, неправда... Меня-то больше интересует, а вот откуда ты, милая, про мои намерения узнала? Впрочем, кое-какие отрывки, должно быть, сохранились в памяти компьютера. А в основном – та самая флэшка на манер Кашеева яйца. Только ко мне это никакого отношения не имеет, да и нечего вроде бы утаивать от вас – вот ведь, всё как на духу, страницу за страницей излагаю, пользуйтесь пока я добрый. Однако перспектива перерождения психологического триллера в банальный детективный сериал с поиском пресловутой флэшки меня, должен признаться, совершенно не устраивает.

– Господь с тобой, девочка! Ну какой ещё роман? Так, просто от нечего делать записываю кое-что на будущее. На тот случай, если останусь без работы. Будет тогда, чем заниматься. Вот сяду мемуары писать. Представляешь, воспоминания старого хрыча, всю жизнь проработавшего ночным сторожем у дровяного склада. – Про сторожа это я специально для неё сказал, чтобы с лишними вопросами не приста-вала.

– Напрасно ты на себя так наговариваешь. Ты совсем ещё

ничего. Наверное, девицы на тебя заглядываются?

Эх! Мне бы только дождаться, когда ты на меня так поглядишь. А то всё – папа, папа...

Нет, надо раз и навсегда с этими настроениями заканчивать! По существу, происходит нечто вроде самопроизвольного раздвоения – одна половина моего «я» мечтает залезть девчонке под подол, ну а другая само собой стоит на страже нравственности. При этом ежу ясно, что не может так вечно продолжаться – либо одна другую обязана вызвать на дуэль, либо та, другая даст этой кулаком в лоб, и всё так или иначе кончится. Если судить по моим ощущениям, именно к этому идёт.

Впрочем, случилось как-то мне присутствовать при подобном «раздвоении», которое происходило буквально на моих глазах. Сидели мы с приятелем-актёром в ресторане «Дом актёра». Близилась полночь, публика постепенно расходилась, официанты убрали со столов, даже верхний свет в залах уже погасили, включёнными оставались только несколько светильников на стенах. И вдруг, когда в ресторане оставалось всего-то с десяток человек, по ковровой дорожке, минуя ошеломлённого швейцара, входит он. Весь такой холёный, замшевый, будто только что с витрины магазина, и словно бы идёт... да нет, парит он над толпой, то есть над той самой ковровой дорожкой, по которой звёзды поднимаются на подиум Каннского кинофестиваля. Тут же возникает суета, спешно сдвигаются столы, и вот, неспешно по-

пивая кофеёк, мэтр, окружённый затаившими дыхание почитателями своего таланта, начинает рассказ о новом фильме. Честно признаюсь, что после первых двух его творений я бы и сам мэтра на руках носил, если бы такая возможность у меня имелась. Но тут я оказался, прямо скажем, не у дел, поскольку рядом с ним расположилась некая популярная в то время эстрадная певица. Да что популярная – вылитая Софи Лорен, это если судить по уникальным формам! Впрочем, и личико было очень даже ничего. Сидим мы, слушаем про историю любви под музыку какого-то романса, и все не сводим с мэтра глаз. А та, что вылитая Софи, так просто обеими руками в него вцепилась, и впечатление такое, что вот ещё немного и... Тут наша Софи глянула в окно, разжала пальцы и извинившись, устремилась к выходу. Должен признаться, что с этого момента я на рассказчика даже не глядел, не говоря уже о том, что ничегошеньки из того, что он наговорил, уже не помню – фильм-то потом получился «так себе». А с улицы тем временем доносился визг тормозов, сигналили автомашины – это Софи перебежала улицу. Там, у тротуара на противоположной стороне стоял маленький, невзрачный такой автомобильчик, то ли «Москвич» первого выпуска, то ли «Запорожец». Как потом коротко объяснила нам Софи, муж звал её домой. Так вот, тело и впрямь рвалось к нему, но сердце певицы в эту ночь должно было принадлежать другому. Где-то примерно через час мэтр закончил свой рассказ, при этом певице пришлось ещё пару раз выбегать на улицу,

ну и в итоге... в итоге одна половина её «я» вместе с телом Софи Лорен всё же отправилось туда, где ей и надлежало быть согласно желанию супруга. А вот душа... Да кто её разберёт, эту таинственную женскую душу?

– А вот что бы ты на её месте сделала?

Лулу подпирает очаровательную головку кулачком и некоторое время раздумывает. А затем выдаёт мне вот такое:

– Не надо ей было шляться по кабакам. А уж бегать через дорогу туда-сюда – это и вовсе напрасное занятие.

И то верно. Я и не подозревал, что у Лулу такой рациональный склад ума – видимо, вся в мать, а не в меня. Но всё же интересно, как бы она в подобном случае поступила?

– Ну, если бы в том «Запорожце» сидел ты...

Лулу смотрит на меня и улыбается. А я, честно говоря, даже и не знаю, как мне это понимать и что она под этим «ты» подразумевает – то ли просто водителя, то ли любовника, то ли отца. Эх, почему я в своё время так и не решился стать художником? Может, и обо мне бы сейчас так говорили – «мэтр». Да и заехал бы я за Лулу уж точно, если не на «Кадиллаке», так на «Опеле».

Знаю я, о чём вы сейчас думаете. Вот, мол, старый дурень чуть ли не грезит наяву и воображает себе невесть что – и про девчонку, и про свой якобы загубленный талант. Потом скажет, что вот власть перед ним оказывается виновата, мол, что-то там не позволила, где-то помешала, бульдозером прошлась по его картинам... Да нет, картины вон они, висят.

Во всяком случае, те, что были написаны когда-то. Ну а уж ненаписанное – теперь это не вернёшь. Я о том времени, что минуло безвозвратно. И если ещё оправданий поискать, то несомненно вот что – врождённая осмотрительность сработала.

Должен признаться, что после того случая с цветами, которые мне пришлось вручать на Первомай, предпочитаю не лезть понапрасну на рожон, и если есть хоть какая-то возможность, заранее планирую, как избежать вероятных неприятностей. Помню, был у меня когда-то приятель, на югах встречались, сладким персиком закусывали молодое крымское вино, говорили про Пикассо, Сезанна и Ван Гога. Так вот он мне рассказал, что из всего их выпуска художественной школы только трое рискнули выбрать карьеру живописца. Самое любопытное, что остальные пошли не куда-нибудь там ещё, а в физики. Ну уж удивили! Так ведь, между прочим, тоже творчество, причём не зависящее ни от идеологии, ни от указаний сверху и иных, куда более огорчительных причин. Да что тут говорить, могло ли быть в те времена что-нибудь другое, столь же далёкое от углублённого изучения истории КПСС и ссылок на решения очередного съезда? Но вот, если тебя на третьем курсе вызывают в деканат и предлагают в интересах государства перейти на учёбу в другое заведение – или ты не комсомолец? – тут поневоле задумываешься, а не дал ли ты маху тогда, когда изменил своему настоящему призванию?

Ну что ж, стать живописцем не сбылось, да и с прежней службой в итоге не заладилось, и на то были свои причины. Теперь вот пробую кое-чего добиться в бизнесе.

Кстати, напрасно Лулу рассчитывала на то, что я расскажу ей про роман. А дело в том, что творение автора – оно в некотором смысле как ребёнок. Нельзя показывать ещё не родившееся дитя. Это всё равно, как муж потребовал бы сделать жене кесарево сечение, чтобы посмотреть, отвечает ли его представлению плод, созревающий в материнском чреве. Что уж тут говорить – форменное варварство и только! Так что и вам остаётся ждать, когда я допишу это своё «чудо» до конца. Может быть тогда хоть что-нибудь поймёте...

А что же Лулу? Я продолжаю размышлять о смысле бытия, а она уже спит. Видимо, за последние дни умаялась. Впрочем, сейчас ночь, Лулу и впрямь ещё спит, а я что-то размечтался прямо на работе.

Глава 14. Ультиматум

Как-то раз, оказавшись в гостях в одном старинном доме на Тверской, я вышел из квартиры с намерением засмолить – там где-то был подходящий закуток, что-то вроде места для курения. Но так уж строили прежде дома гостиничного типа, что сам чёрт ногу сломит, пока там нужное место найдёт, то есть коридор был длиннющий, ломаный, кривой, с многочисленными изгибами, разветвлениями и поворотами. Я повернул в очередной раз за угол и вдруг обнаружил под ногами некое подобие люка. Большой такой, кованого железа квадрат совершенно непонятого предназначения. А что, подумалось мне, может, это ход в таинственные подземелья, и оттуда напрямик можно попасть в Кремль, и вылезти из-под земли где-то на Соборной площади, и пробраться в запретные хоромы, туда, где делается история, где совершаются великие и, что поделаешь, не всегда добрые дела? Кабы попасть туда, вот был бы кайф! Впрочем, я тогда был уже слегка навеселе, а в этом состоянии подобные желания не в диковинку.

И вот я пробираюсь тайком по этому ходу, согнувшись в три погибели. Со стен на меня капает вода, у ног проносятся, повизгивая, какие-то омерзительные твари, и запах то ли привокзального туалета, то ли тления. Я поднимаюсь по скользким каменным ступеням, передо мной решётка с

проржавевшим замком. Замок скрипит, упирается, и наконец-то поддается – да, старинные замки очень внушительны на вид, но столь же ненадежны. Я иду наверх. И где же та таинственная дверь, за которой меня ожидает то, ради чего я сюда явился?

Представьте себе, я её нашёл. Прополз, пробрался, избегая неприятных встреч – как мне это удалось, сам удивляюсь. Передо мною то ли огромный кабинет, то ли зал для заседаний, то ли ещё бог знает что – в общем, место, где готовятся те самые великие деяния. Попробовал, было, затаиться за портьерой, но в целях личной безопасности пришлось подыскать местечко под столом. Зал постепенно заполняется, я слышу неразборчивое бормотание, приглушённый смех. И вдруг наступает тишина. Чьи-то тяжёлые шаги, звук сдвигаемых стульев, все усаживаются. Ну а я скорчился, как и положено, стоя на коленях, и слушаю, слушаю, затаив дыхание и упираясь взглядом в ослепительно начищенные ботинки и лакированные туфли на среднем каблуке. Вот оно, долгожданное прикосновение к величию. Я восхищён! И даже буквально каждой частицей согбенного здесь, под столом, своего сознания ощущаю причастность к принятию основополагающих решений. Эх, дали бы мне слово, уж я бы выдал! Всё бы про всё им рассказал... Ну да! Будто они сами этого не знают...

И чего только в голову иной раз ни взбредёт, когда вдруг обнаруживаешь нечто, напоминающее тайный ход. Жаль

только, что без инструмента мне такую махину не поднять, так что понадобилось обратиться за помощью к хозяйке.

– Да что ты, Вовчик! Господь с тобой! – милая дама совсем уж неприлично вытаращила глаза и замахала на меня руками, – мы же с тобой сейчас стоим над самым центром Елисеевского гастронома, а под этим люком находится железный крюк, а на крюке висит огромная люстра, ну ты же видел её, над самой серединой зала. Представляешь, что может произойти...

Намерения обрушить люстру у меня, конечно, не было, то есть, если честно, ничего подобного в голове даже отродясь не возникало. Однако признать, что таинственное нечто, замаскированный пролом это всего лишь ход к гастрономическим изыскам – смириться с этим оказалось не легко. Я потом ещё долго прохаживался возле люка, пытаюсь уловить хотя бы аромат голландского сыра или же любительской колбасы и по-прежнему отказываясь верить, что всё так просто, что полёт моей фантазии в который уже раз сводится куда-то на уровень среднестатистического живота, а может быть и ниже. Словно бы искал смысл жизни, а нашёл всего лишь использованный талон на получение продуктового дефицита, минуя очередь. Грустно, ничего не скажешь!

И вот теперь, сидя за стеклом в своей коморке и по служебной обязанности, а скорее по привычке, разглядывая тех, кто входит к нам через парадную дверь, я ощущал примерно ту же пустоту, то же безмерное разочарование, которое на-

стигло меня там, у люка. Все эти люди, идущие по мраморной лестнице туда, где ресторан, игорные залы и девочки в шикарных номерах, все они изо дня в день карабкаются наверх лишь для того, чтобы удовлетворить свои потребности, то есть дать выход накопившимся страстям и поддержать в должном состоянии физиологию. И больше ничего! И ни какая это не элита, а самое обыкновенное...

Но что же тогда я здесь делаю? Что же моя мечта сделать-ся одним из них? Ох, вот опять назревает этот ненужный конфликт с моим alter ego. Получается так, что один из нас рвётся к процветанию, готовый торговать буквально всем и вся. Другой же пишет сатирический опус обо всём этом бедламе... Или же написал? Во всяком случае, пора заканчивать, потому что уже не будет ничего такого, что в этой жизни могло бы удивить. Разве что явится некто мудрый, непогрешимый и великий, присядет рядом на скамью и неторопливо, доходчиво объяснит мне, что к чему, в чём я не прав и в чём конкретно заблуждался...

И вот неожиданно перед зеркалом возникает – кто бы вы думали? – да, да, Кларисса собственной персоной и, загадочно ухмыляясь, едва ли не строя мне глазки, осторожно так, костяшками пальцев стучит по хрупкому стеклу. И шепчет: – Вовчик! Открывай! Есть тема для очень занимательного разговора. А если не откроешь, как бы тебе не пришлось об этом пожалеть.

Ну и что мне оставалось делать? Со скрипом сдвинулось

с места массивное зеркало, и в образовавшуюся щель с трудом протиснулась Кларисса. Предвидя такие обстоятельства, право, ей стоило бы изрядно похудеть.

– Тесновато тут, – устраиваясь на откидном стульчике, разочарованно произнесла Кларисса. – Да уж, явно не хоромы! Я думала, у тебя здесь солидный кабинет со всяческими причиндалами. Ну там, винный бар, холодильник с закуской и пивком. Да и кушеточка для встречи особенно почётных гостей совсем не помешает, – тут Кларисса игриво посмотрела на меня, – хочешь, с Гогой об этом поговорю? Если я попрошу, он мне не откажет.

– Говорил же, что пива давно уже не пью. А коньяк в холодильнике не держат, – с явным раздражением ответил я, намеренно не отреагировав на пошленький намёк насчёт кушетки.

– Ну-у-у, как знаешь, – демонстрируя наигранное разочарование, Кларисса продолжала оглядываться по сторонам, словно бы здесь было ещё что-то, на что можно смотреть, кроме меня и портативного компьютера. Похоже, многоопытная интриганка так и не решалась перейти от слов к тому делу, ради которого она сюда пришла, слишком уж многое зависело от исхода нашего с ней разговора.

– Неважно выглядишь.

– А потому что плохо спал.

– С кем? – попыталась она сострить, но, не дождавшись моего ответа, спрятала насмешливую улыбку и спросила лас-

ково, елейным голоском: – А как твоя протеже нынче поживает?

Так-так. Становится уже горячее. Само собой, вся эта пиво-алкогольная прелюдия была лишь для отвода глаз. Теперь же наступает момент то ли очередного вранья, то ли долгожданной истины. Только вот что я смогу ответить ей на прямой вопрос? Да ладно, там видно будет, ну а пока что так:

– Да не твоё дело...

– Это как сказать. Кому кроме меня о тебе, пропащем, позаботиться? Подружки твои давно, небось, все вышли в тираж, и что же остаётся? Эта жалкая беззубая тварь Томочка, либо и того хуже... Вот и Николаша уже с интересом на тебя поглядывает, – Кларисса ухмыльнулась одной стороной лица, на другой по-прежнему изображая безусловное сочувствие. – Не веришь? Ну вот ей-богу! Истинный крест! Век воли не видать! – Я так и не понял, то ли она перекрестилась, то ли ещё что, а между тем Кларисса продолжала: – И вдруг среди этого унылого, в общем-то, небытия, вроде бы ни с того и ни с сего возникает эта девочка, словно бы фея, вышедшая на лужайку из глухого леса. А кстати, Вовчик, как всё-таки она к тебе попала?

Ну вот опять! Опять возникает такое ощущение, будто лежу, болезненной немощью прикованный к кровати, и даже некому сбегать в магазин. А из репродуктора что-то пронзительно-визгливое наявливает неутомимый патлатенький скрипач, и мне опять до него никак не дотянуться.

– Ты меня не тронь, потому что я железная, – словно бы подслушав, о чём я сам с собою рассуждаю, вдруг заявляет мне Кларисса и, выпятив и без того внушительный живот, корчит совершенно отвратительную рожу.

И в самом деле, что ты с ней поделаешь? Остаётся лишь молча сжать кулаки и, немея от предчувствия трагической развязки, ждать, когда же объявят приговор.

– Ты подумай, ну какой из тебя получится отец? И куда теперь будешь приводить своих подружек с Ленинградки и с Арбата? Представляю, Лулу на кухне хлопочет по хозяйству, а ты с очередной шлюшкой тем временем в постели развлекаешься. Ну до чего прелестная картинка! – Кларисса перевела дух. Видимо, как человек совсем не чуждый психологии, это уж само собой, она пыталась убедить меня в том, что поздно изменять свои привычки в зрелом возрасте. И в чём-то она была права. – Ну ладно. Предположим, вы как-нибудь устроитесь, но вдруг в один злосчастный день Лулу узнает, что ты и есть тот сутенёр, который...

– Но это же неправда! – попробовал закричать я, но неожиданно мне словно бы сдавили горло, и звук получился какой-то пустой и малоубедительный.

– Я тебя умоляю! Хочешь сказать, ты тут совсем не при делах?

– И всё равно ты врёшь... И она в это не поверит... – я замолчал, пытаясь подобрать нужные слова. – Я же не думал... Откуда я мог знать, что Лулу – это моя дочь?

Видя моё замешательство, злодейка поняла, что уже почти добилась своего и несколько изменила тактику:

– Послушай, Вовчик! Мы с тобой не первый год знакомы, можем обойтись и без брехни. В конце концов, мне откровенно наплевать, дочь она тебе или подружка. Хочешь, хоть из соски молочком её корми. Хочешь, положи к себе в постель. Но вот что, милый мой, ты должен уяснить для себя в этом деле окончательно. Если не желаешь потерять Лулу, изволь компенсировать нам расходы. И недополученную прибыль не забудь приплюсовать! – тут Кларисса назвала совершенно умопомрачительную сумму...

– Ты спятила? Откуда у меня такие деньги? Да я же в наше дело всё до последней копеечки вложил. И потом, – тут я чуть запнулся, – потом должны же быть хоть какие-то гарантии? Скажем, через год ты опять заявишься ко мне и...

– А вот это, потс, твои проблемы, – уже не скрывая презрения ко мне, сквозь зубы процедила, словно опытная бандерша, Кларисса. – Только ты учти, что здесь никакие уловки не проходят. Однако и то верно, что не в моих правилах доводить клиента до греха.

Почему-то мне вспомнилось побережье Финского залива и тело Мити, запутавшееся в водорослях на отмели, и печальные сосны там, на далёком берегу.

Глава 15. Что делать?

Должен покаяться, что с недавних пор стараюсь без надобности особо не сближаться с людьми. Ну так – здрасьте-здрасьте и не более. Признаться, боюсь увидеть на чужом лице печать неминуемой разлуки. А почему? Ну вот случилось, что называется, запал в сердце некий человек, общаешься с ним, разделяешь его радости или тревоги. И вдруг раз – и нет его! Что тут скажешь? Тяжко так, что не приведи господь! Самое страшное бывает, когда и сил уже нет, и передохнуть нет никакой возможности, и ничего не в состоянии изменить.

Вот и с Лулу – знать бы её не знал, и всё было бы просто и без нервов. И не пришлось бы длинными ночами мучить себя, выискивая оправдания, рассматривая обстоятельства так и сяк, прикидывать, что было бы, поступи иначе. А толку что, если всё уже случилось?

И кому могла прийти в голову такая дикая мысль, будто был я знаком с этим патлатым затейником, с уже упоминавшимся Антоном, ещё задолго до последнего аукциона? Что из того, будто вопреки правилам я его с Лулу в наш клуб той ночью пропустил? По моему мнению, это ровным счётом ничего не значит, потому как с тем же успехом можно утверждать, будто я кум и брат большинству из нашей постоянной клиентуры, заядлых любителей «клубнички» или

«остренького». Да не был я с ними никогда и ни в каком родстве! А иначе разве сидел бы теперь тут, в этом занюханном гадючнике? То-то и оно, что мне самому, без чьей-то помощи пришлось по жизни пробираться. И если бы не досадный тот просчёт, не я бы на них украдкой пялился, а совсем наоборот – вся эта шобла объевшихся котов передо мной шаркивалась, можете мне поверить, знаю, потому и говорю!

В сущности, какая бы беда ни приключилась, всегда можно найти объяснение в том, что где-то ненароком согрешил. А иначе, с чего бы вот так не повезло? Вроде бы стараюсь делать добро людям, а на меня постоянно сыплются несчастья. Ну в самом деле, всё как одно к одному – и роман никто не хочет напечатать, и совсем некстати навалились эти неприятности с Лулу, и денег вечно не хватает. Господи! Надело-то всё как! Как хочется покоя!

С другой стороны, а зачем вот именно это произошло и почему? С чего вдруг нам с Лулу выпала такая жалкая планида? Чем конкретно мы оба перед Всевышним провинились? Никакого особенного криминала я за собой не нахожу. Так, всё по мелочи, не больше и не меньше, чем у других. И где же был тот Рубикон, перешагнув который, мы вопреки ожиданиям оказались у разбитого корыта? Впрочем, что уж тут скрывать – я дважды разведён, Лулу тоже не святая. Ну и представьте, если уж по делу, что нам за это полагается? Да, в рай, уж это точно – путь закрыт.

В общем, ничего другого не остаётся, как исповедаться.

Перед кем? Да перед кем угодно, хотя бы вот перед самим собой. Всё просто и удобно. Пишешь как бы от имени некоего выдуманного подлеца, так что никому и в голову не придёт, что под его личиной ты сам прячешься. Вся неприязнь, всё возмущение читателей достанутся ему, а у тебя в итоге словно бы с сердца свалится тяжёлый груз и даже сознание в некотором роде просветлеет. Так вот и в Интернете, на виртуальном форуме – стоит только сменить свой «ник», и жизнь начинаешь заново. Главное, так всё запутать, чтобы никто и ни о чём не догадался. И все твои прошлые прегрешения сразу с тебя спишут, потому что никому и в голову не придёт, что ты и тот, кто будто бы ушёл – это же одно лицо.

Увы, в реальной жизни так не получается – за всё приходится платить. Даже если подумаешь, что вот на сей раз пронесло вроде. Ну а когда всё уже случилось, тут остаётся только мучительно припоминать, где и когда в метро старушке место не уступил, кого просто со злости обругал, а кому испортил жизнь, да так, что, как ни старайся, теперь ничего уже по большому счёту не исправить.

А что, может и правда – начать повествование нужно туманно, а уж затем постепенно освобождаться от этой самой изначальной неопределённости. Такую формулу будто бы вывел один ныне почитаемый писатель-эмигрант. Вот и я, следуя его совету, поначалу затемнился, намудрил так, чтобы никто ничего не заподозрил, а теперь приходится разгребать самим же собой навороченные завалы в попытки про-

яснить, зачем всё это написал. Ну уж не для того, чтобы кому-то что-то разъяснить. Напротив, скорее уж самому кое в чём надо разобраться. Увы, очень непростое это дело – понять, где правда, а где ложь, и где человек попросту придумывается, надеясь за скоморошеством скрыть то, о чём очень не хотел бы вспоминать. А то и намеренно вводит в заблуждение, рассчитывая, что удастся уйти от наказания. Да я и сам иной раз путаюсь – что, почему, да как? И, главное, зачем всё это со мной было?

Иной раз в голову такое оправдание приходит, будто порядочный, ну прямо-таки до одури идеальный человек никогда ничего стоящего написать не сможет. У этого бедняги даже сказка о рыбаке и золотой рыбке не получится, потому как образ злой, сварливой старухи ему не по зубам. Ну откуда ему знать, что чувствует подобная особа, если сам он в её шкуре сроду не бывал, нет, не буквально, конечно, но в похожем состоянии. Вот и теперь вольно или невольно приходишь к выводу, что всё, что со мной случилось – всё вроде как одно к одному. Словно бы всю прошлую жизнь я только и делал, что собирал в каком-то закоулке памяти, как в старом сундуке, такие разные, прежде скрытые для окружающих, такие малопривлекательные, иной раз просто омерзительные лики своего «я», которыми уж точно незачем гордиться. Но вот приходит время, и вылезают из этого самого сундука и Николаша, и Гогка и даже парочка Кларисс – одна в обнимку с Томочкой, а другая вот уже примеривается, как

бы сподручнее да поточнее по зубам ей врезать. И это при всём при том, что к «голубым» у меня ничего нет кроме отворачивания, бюстгальтеров и юбок я сроду не носил, да вот и зубы по-прежнему свои, а не вставные.

Наверное, кто-то меня захочет упрекнуть в том, что достойного во всех отношениях персонажа я так и не в состоянии оказался описать. Да где вы его видели? Дайте адресок, я съезжу, посмотрю, а потом, если понравится, на себя примерю. Только боюсь, что такой образ будет явно не по мне. Выяснится, что где-то жмёт, а где-то морщит. Ну а сделаешь резкое движение, так вся конструкция тут же разъедется по швам. И сколько потом ни оправдывайся, мол, что злого умысла нисколько не имел, вряд ли кто-нибудь поверит.

Всё чаще думаю, не стоит ли мне своё творение сжечь? По правде говоря, оно практически готово, а я теперь так только, кое-что подчищаю и дописываю. Похоже, и Кларисса об этом догадалась, иначе не стала бы мешать его с дерьмом, прочитав всего-то несколько глав, из которых к тому же были полностью изъяты даже намёки на реальных фигурантов – то есть просто ни одной фамилии. И с чего это они так все перепугались? Наивно же верить, что две сотни страниц, в общем-то, не так уж плохо написанного текста смогут что-то изменить. Кажется, Лев Троцкий говорил: «сатира еще никогда не разрушала социальных учреждений». Да уж что верно, то верно – вряд ли моё творение поможет излечить Россию. А вдруг поможет вылечить меня? Только вот никак не

разберусь, в чём суть моей болезни.

И что теперь делать, если больше надеяться ни на кого нельзя? Тем более, что даже давние друзья за что-то ополчились. И вот жуткие вещи приходится слушать про себя. Будто живу я на заработки проституток. Будто пишу книгу, посвящённую их тайным связям с нынешней «элитой», и столь нелепым способом пытаюсь отомстить тем, кто когда-то мне дорогу перешёл. Именно так! Так я же и говорю – чего только в голову им ни приходит! И даже будто бы мечтаю о том, – это уж совсем невообразимо! – мечтаю занять достойное место среди этой сволоты.

Сжечь можно бумагу. Можно кинуть на дно глубокого колодца «флэшку» с записью текста моего романа. Можно компьютер вдребезги разбить, чтобы ни одного бита информации в нём не оставалось. А дальше что? От самого себя ведь всё равно не убежишь. И будет эта неопубликованная исповедь терзать мой мозг, уничтожая меня изнутри, поскольку нет у неё выхода наружу. Так что же это такое? Исповедь-разрушитель? Роман-убийца? Ничего себе, терминатора придумал, нацеленного на одного меня! Сам себя приговорил, сам заказал и вот теперь спокойно наблюдаю, как приговор приводят в исполнение...

А что, может быть, взять, да и рассказать обо всём Лулу? Бухнусь ей в ножки, покаюсь в своих многочисленных грехах, авось и вымолю прощение. И что потом? Фея, не фея, но Лулу явно не из тех, что могут всё вернуть назад. А тогда

зачем? Сострадание мне ни к чему. Пусть каждый носитя со своими переживаниями в одиночку. Нечего навешивать их на других! С другой стороны, не так уж это глупо. Сначала как положено – горькая исповедь, со слезами и прочими атрибутами чистосердечного раскаяния. Зато потом, когда удастся скинуть тяжесть с плеч, будете с облегчением взирать на то, как с этим продолжают мучиться другие.

Вот до чего дошло! Даже боюсь теперь идти домой. Ну в самом деле, что же мне сказать Лулу? Самое ужасное в том, что, по-видимому, она всё понимает. Собственно говоря, если всё задумано с её участием, немудрено, что так. И даже более того – она знает наперёд, чему ещё предстоит произойти, и о чём я вот именно теперь, ну ни малейшего понятия не имею. Однако, глядя на её удивительное нежное, почти родное личико, не могу в это поверить. Да никогда!

И всё же, если бы это было так, мне стало бы гораздо легче. Не надо было бы изображать заботливого отца, не надо объяснять как, что и почему, и в какое скверное мы попали положение.

– Послушай, ну зачем я тебе такой? Какой толк от меня как от отца, если у меня не будет ни гроша в кармане? – я помешиваю ложечкой кофе, словно не догадываюсь, что он давно уже остыл. А Лулу молчит. Видимо, обдумывает мои слова. А чего там думать, когда надо срочно принимать решение.

– Ты мне не веришь, – чуть слышно говорит она.

Ну что бы ещё такое предпринять, чтобы она наконец-то разозлилась. Мне ли не знать, что, только потеряв самоконтроль, человек выбалтывает то, что в более спокойной обстановке удаётся скрыть.

– Хотелось бы верить, – отвечаю я, и не могу удержаться от ухмылки, – отчего ж не верить, когда слышишь словно бы монолог из неизвестного творения Шекспира?

– Это ты о чём?

– Да вот о том, что ты мне тут наговорила за три дня. Целый ворох вранья, сомнительных признаний и ещё Бог знает что.

– Зачем ты так? Ну какая муха тебя сегодня укусила?

Странно, но мне кажется, что она начинает говорить со мной уже совсем не так, как разговаривают со своим отцом. Ни плача, ни обид. Может быть, просто в сценарии такое развитие событий не предусмотрели? Но, честно говоря, я даже не знаю, каким образом мне на это реагировать. Ну как? То ли радоваться тому, что уже есть, то ли надеяться, что и на этот раз пронесёт, как-то обойдётся? Вот если бы знать наверняка, а так ведь опять лишь смутные собственные ощущения и её тихо, нежным голосом произносимые слова. Как шелестящий шёпот губ, как шорох ветра в занавесях на тёмных окнах... Я закрываю глаза и вижу перед собой Полину, я снова теряю голову, глядя на неё, и готов поверить...

– И всё же, ты веришь или нет?

Пожалуй, у Полины это лучше получалось.

– Я же сказал. Хотел бы верить.

– Ну и что нужно, чтобы ты поверил?

И в самом деле – что? Прислушаться к голосу крови? Так он такого мне наговорит – давеча еле пришёл в себя под ледяным душем. Ну и чего мне не хватает? Особенно обидно будет сознавать, что вот сейчас, только что мимо промелькнула твоя счастливая судьба, а ты её отчего-то не заметил.

– Может, тебе принести документ с печатями и подписями всех заинтересованных лиц, включая безвременно ушедших?

– Ну, ты уж скажешь...

– А почему бы нет? Ты только попроси, я сейчас пойду и сделаю.

– Как это так?

– Да с кем надо пересплю...

– Вот и верь тебе после такого! – я чувствую, что упускаю нить беседы, и словно бы уже Лулу ведёт допрос. А может, именно так это ими и задумано?

– Почему бы тебе сразу не признать, что ты с самого начала ни единому слову моему не верил?

– Ну сколько раз тебе повторять? Я очень хотел и даже теперь хочу...

– Чего?

Ну вот опять! А может, взять, да и признаться? Ну и как я тогда буду выглядеть? Сексуально озабоченный папаша на коленях перед своей дочерью... Ужас, да и только!

И всё же мне кажется, что ещё чуть-чуть, и она должна сказать, мол, никакая я тебе не дочь, а так, заезжая шалава из Хохляндии, погнавшаяся за длинным рублём. Да мало ли их тут! Тогда всё было бы просто и определённо. Прощальное свидание... Ну что тебе стоит, дорогая? Не в первый же раз... А после всего-то и потребуется – позвонить Клариссе, тут же явится. Наверняка кто-то из них до сих пор дежурит у подъезда. И тогда – прощай, прощай, Лулу!

А вот стоит вообразить, что она ушла, и до того мне гнусно и омерзительно становится, вы даже не в состоянии представить. словно приговорённый к казни медленно, шаг за шагом поднимаюсь я на эшафот и ничего не могу с собой поделать – лью слёзы и рыдаю навзрыд! Жаль только, что этого никто не видит, потому что на голове у меня будто бы мешок. А может, красный колпак, та самая маска коварного и безжалостного палача? Такое предчувствие, что до самого момента казни я этого так и не узнаю.

И всё из-за того, что не могу, просто нет сил... Нет сил взглянуть в эти родные, милые глаза и во всём признаться. Только представьте себе старого глупца, поверившего, будто бы явка с повинной освободит от неизбежной кары. Смех, да и только! Хотя какой уж теперь смех? Да и никак невозможно про это рассказать – про Антона-стукача, с юных лет работавшего на меня осведомителем, про то, что на аукцион в ту страшную ночь я его с Лулу пропустил по прямому указанию начальства. Пусть всё моё участие в делах своди-

лось к использованию прежних связей по работе и разработке схем переправки нелегального товара за рубеж. Пусть я не был главным – надо же иметь в виду, что это Кларисса меня в свой мерзкий бизнес заманила. Но ведь и об этом тоже совершенно невозможно рассказать. Если бы в памяти всё как-то само собой не перепуталось, собственно говоря, с Клариссы и надо было бы начать рассказ. И не могу отделаться от ощущения, что ею и закончится.

А в итоге напишут – помер от вялотекущего гастрита. Вот и все дела!

Глава 16. Прости!

Да, видимо, прогулки по Новодевичьему кладбищу в далёком детстве не проходят без следа. Ну вот представьте, вы входите в свою квартиру. Вроде бы предметы все на месте – мебель, картины, компьютер, даже любимый ваш диван. И всё же определённо чего-то не хватает. Это примерно так же, как если бы вы вскоре после своей смерти каким-то непостижимым образом пробрались на кладбище и... не увидели бы собственной могилы. Как это так? Ведь яма была выкопана, припоминаю гроб с кисейной бахромой, даже венки от бывших сослуживцев – всё как положено! Было, а теперь вот нет. Словно бы жизнь прожил, но после себя не оставил ничего, даже клочка земли с надгробным камнем за низенькой оградой.

Кстати, хорошо, что вспомнил – надо бы мне там заранее местечко прикупить. Это на тот случай, если не доживу до издания своего романа. А если и доживу, так всё равно найдётся тот, кто непременно скажет, что вот, мол, написал, прости господи, форменную чепуху, а туда же – на место рядышком с великими претендует. И невдомёк резонёру, что и сам он, и многие его собратья по ремеслу буквально зеленеют от зависти к тем, кто удостоился прижизненной славы, почестей и материального достатка. Отсюда иной раз возникает неутолимая злоба, которую невозможно скрыть ни за

строчками критических статей, ни в образах героев их творений. Ну что поделаешь, слаб человек. А кушать-то всем хочется. Вот и я, только со службы возвращусь, такой у меня появляется зверский аппетит, готов был бы съесть... Впрочем, сейчас именно у меня нет никакого аппетита.

А всё потому, что время уже вышло, потуги на самостоятельность превратились в пыль, расставленные мною сети хитроумного ловца – вот они, обрывки паутины в тёмном углу комнаты. Единственное, что ещё остаётся – продать самого себя в расчёте на доброго хозяина. А уж тот, как и обещано, превратит меня в особо приближённого вассала, в такого аристократа высшего ума, интеллигента-аналитика во фраке и тщательно отглаженных штанах. Представляете, полные штаны аристократизма! А в дополнение к этому – приличный счёт в банке, дети в привилегированной школе где-то в Англии и ослепительно глупая жена с дворянской родословной. Вот было бы счастье!.. То-то и оно, что впору удавиться.

И ещё эта странная, вроде бы совсем некстати навязываемая мысль, о которой уже несколько дней не могу забыть, даже когда ложусь в постель и вроде бы должен видеть сладкие сны, а на самом деле голова буквально разрывается. Мысль, будто меня собираются в ближайшую пятницу выставить на аукционные торги. Не помню уже, откуда что взялось – то ли намекнул кто, то ли сам себе некстати напроорочил. И вот гляжу я сквозь стекло на входящих в клуб через парадную

дверь посетителей, а перед глазами возникает совсем другая, призрачная, абсолютно нереальная картина, будто я – это вроде бы уже не я, а некий догола раздетый гражданин, там, на импровизированной эстраде...

Итак, они стояли ровно в ряд, голые и непричесанные, стыдливо прикрывая руками то место, где, как можно предположить, ещё сохранялось некое подобие достоинства. Впрочем, упоминание половых признаков, как и перечисление прошлых общественных заслуг здесь было бы явно негуманно и необязательно. Однако и утверждать, что кое-кто из них помимо одежды лишился каких-то иных, весьма значительных примет, отличающих солидного человека, скажем, от заурядного жулика или проходимца – нет, на такое утверждение вряд ли кто-нибудь осмелится. Всё вроде бы оставалось при них – и гордо поднятая как бы наперекор судьбе головка известного проповедника и распорядителя, и бледное лицо эксперта по всем и всяческим вопросам, и даже по обыкновению нахальная, ныне же, ввиду чудовищно нелепой ситуации, распухшая от обиды рожа местного блюстителя понятий. Признаюсь, некоторых из них довольно трудно было бы узнать, да и вы тоже не пытайтесь. Вот разве что их приодели бы немножко...

Пожалуй, наибольшую симпатию, если о симпатиях в этой обстановке вообще допустимо говорить, вызывала внешность бледнолицего эксперта. И дело даже не в том, что при взгляде на него складывалось впечатление ухоженности,

лишь несколько подпорченное теми обстоятельствами, что непосредственно предшествовали его появлению на помосте. Надо признать, что сытые, довольные собою люди поначалу всегда вызывают живейший интерес – и где же вы, родимые, успели подкормиться? Сделайте милость, может быть, и с нами своим волшебным секретом процветания поделитесь? Ну поделились. И вот вам, пожалуйста, итог... Однако стройная фигура ещё не успевшего как следует располнеть молодого человека смотрелась куда более привлекательно на фоне располагавшихся рядом с ним особ.

В самом деле, перспектива взирать на личность одного из предводителей местной знати, полагаю, вряд ли кого-нибудь устроит, даже если он вновь одарит вас щедрым разворотом рта, этой привычной принадлежностью изысканного ужина, которую принято почему-то называть улыбкой. Увы, но тщательно прожёванные кусочки индейки с трюфелями ещё неспешно продолжают свой путь по пищеводу и занимают где-то там, чуть ниже, заранее предназначенные им места, однако уже появились и во взгляде, и в трясущихся руках клинические признаки несварения желудка. Смушало ещё и то, что эта гримаса, смесь сладострастия, тщеславия и обиды покоилась на искривлённых подагрой коротеньких ногах. Ну словно бы не нашлось более приличествующего случаю, желательно, гранитного или, на худой конец, мраморного постамента.

А вот ещё одному фигуранту, судя по его невозмутимому

лицу, любые неприятности оказываются нипочём. Маленькая головка, увенчанная белобрысым чубом, как царскою короной, строго соответствует изначально заданному, явно скульптурного происхождения образу незабвенной «Девушки с веслом». Ноги широко расставлены как у борца сумо перед последней схваткой, а в глазах ни на минуту не угасает вера в собственную непогрешимость. При этом, несмотря на плотно сжатые губы, однозначно складывается впечатление, что он, не останавливаясь ни на мгновение, продолжает очень серьёзный, вдумчивый, как бы предполагающий солидную аудиторию разговор и всё кого-то непрерывно убеждает и переубеждает, опровергает, упрекает, уговаривает... И нет ни малейшего сомнения, что рано или поздно добьётся своего. Уж вы поверьте!

Итак, они стояли ровно в ряд. И глядя на них, как бы внимательно изучая их со стороны, я испытал совершенно новое, ничем не обоснованное, словно бы исподволь возникшее во мне ощущение, будто все эти стоящие рядом голые мужики – это ни что иное, как мои alter ego...

Тьфу, чертовщина! Вот и верь после такого, будто у каждого человека всего лишь по два «я», причём оба они находятся внутри, а вовсе не шляются где-то там, снаружи. Ведь вроде бы с одним покончил, а тут, откуда ни возьмись, вылезли ещё несколько ранее неизвестных мне созданий и теперь пытаются вступить в свои права. Да что уж говорить, они давно тут – рулят и правят, делают со мной всё то, что за-

хотят. И сколько ещё этих проклятых обретаётся там, в моём размазанном по пространству подсознании? Тьма тьмущая! Боюсь, что вряд ли их кому-нибудь под силу сосчитать. Да уж, по всему видно, неразрешимая задачка! А может быть, ответ кто-то всё же знает? Так кто они, кто создал их, откуда они к нам пришли? Умоляю, подскажите – с меня пол-литра шустовского коньяка! Кстати, я и сам не прочь чуток добавить. Ваше здоровье, господа!

Ну вот, теперь-то я и сам всё вижу. Вон тот всезнающий эксперт – ни что иное, как моя неподражаемая интуиция. Кто как не он подскажет мне нужное решение в самый ответственный момент? Кому ещё я смогу довериться в критическую минуту? А больше некому, и о чём ещё тут нужно говорить?

Рядом с ним прозорливый блюстителец – мне-то он к чему? Но даже с ним невозможно было бы расстаться. Потому что кто кроме него способен быть моим воображением, являя мне образы один приятнее другого, ну словно бы зашёл на порносайт... Нет, только не подумайте чего. Это к тому, что будто бы я – постоянно озабоченный своими правами гражданин, который на самом деле ждёт, чем и когда на этот раз намерен его подкупить щедрый на подаяния хозяин. А, в самом деле, чем же? И когда? Эй, сударь, не томите!

Да, о миссионере-проповеднике чуть не забыл! Вот уж с кем подружиться бы хотелось, скрепить навеки узы платонической любви! Потому как он способен вдохновить на что

угодно – и прыгнуть в омут головой, и пролететь на крыльях радужной мечты от шпиля того самого Адмиралтейства до кремлёвских башен. Так я же и не сомневаюсь – всё можно, если есть желание, здоровье и надёжная страховка. А это последнее – уж само собой.

И вот стоим мы на помосте. Да, да! Это я и мои неподражаемые alter ego. Все вместе. И каждому из нас своя цена. К примеру, интуицию предлагают просто задарма, воображение – по гривеннику за образ, ну а вдохновение – у этого особенная, договорная ценность. И где ещё такое сокровище можно раздобыть? А без него и жизнь не в радость. Так что спешите, покупайте, господа!

К слову сказать, последний персонаж удивительным образом кого-то мне напоминал. Это моё – какое уж там по счёту? – «я» уж очень смахивало на повзрослевшего Антона, того самого патлатенького аукциониста, а по совместительству сладкоголосого наставника Лулу. Я даже не исключаю, что вполне уместно было бы представить его и в роли скрипача в обнимку с воющей, визжащей скрипкой, от которой невозможно, да просто некуда бежать. Вот только этого мне не хватало! А всё потому, что приметы были как одна к одной – и рост, и посадка головы, и эта уверенность в себе, переполнявшая его буквально до краёв, так что казалось, будто ещё чуть-чуть и она брызнет изо рта и потечёт могучим, всё сокрушающим на своём пути потоком. Однако шевелюры прежней уже нет, волосы заметно поредели, да и цвет их,

как водится, заметно со временем поблек. Ну так ведь время и не такое с нами делает.

Однако более всего поражало в этом моём «я» – или всё же не в моём? – совсем другое. Оно, точнее он... Он явно получал удовольствие от того, что его выставили голым на показ. Даже подумалось, уж не второе ли это «я» томочкиного Николаши, неведомо каким путём затесавшееся в компанию моих alter ego. Но нет, такого и в кошмарном сне случиться не должно, и уж никак нельзя было это предположить в происходящем наяву передо мной. Наверняка причина тут иная. Пожалуй, дело в том, что вдохновение ни в каких покровках не нуждается. Да, именно так! Потому что иначе и вправду не разберёшь ни где у него что, ни зачем, к примеру, та деталь или чем этот орган занимается. В нём всё должно быть ясно и определённо, как при анализе достоинств любого полезного для вас явления, когда весь смысл происходящего только в том и состоит, чтоб снизошла на вас та самая благодать. И чтобы никаких сомнений не возникало – вот именно этого вам и было надо.

О, господи! Да куда это меня совсем некстати понесло? Я ведь как-никак не вещь, я – это я, со всеми моими недостатками, достоинствами, болячками и с неизбежным завтрашним похмельем. Не агрегат, и не муляж, даже не манекен, которых можно наплодить с три короба и выставить для показа на витрине. Я нечто куда более по своей сути привлекательное. И с удовольствием оглядев свои покрытые загаром

кожные покровы, я с невозмутимым... нет, даже с гордым видом воззрился на толпу.

И вдруг среди множества глазающих на меня зевак я узнаю... Лулу. Как это можно?! Я перед ней со всеми своими «я» и абсолютно голый! Я... то есть мы... Нет, вроде бы не мы, а я. Зачем она здесь? Кто ей сообщил об этом? Как выбралась из квартиры? И как ей объяснить потом? Все эти мысли разом ослепили меня, как огненный шар возникшего перед глазами сгустка молний. Я весь как бы сжался, ожидая, когда это сияющее нечто приблизится, коснётся моего лица, и я, недвижимый образ всех этих обугленных alter ego буду смиренно ждать, когда поволокут меня, погрузят в катафалк и повезут, чтобы наконец-то сбросить в заранее выкопанную мною же самим могилу. Всё точно, лучше и не сделаешь, только бы не забыли туда же поместить и то, что осталось от тех, теперь уж никому не нужных моих «я». Без них, знаете ли, было бы совсем грустно и уныло.

Ну вот, вроде и сбылось. Оркестр наяривает похоронный марш, а рядышком накрыт богатый стол – начинаются поминки. Уже присутствует закуска в оголодавших животах, по рюмкам вновь разливают разбавленную чьими-то слезами водку, и почему-то бледною луной отсвечивает некий волосатый зад... Эй! А эти-то откуда набежали? Неужто и они – тоже из моих ранее неизвестных никому, законспирированных «я»? Сколько же их успело расплодиться? И вот у кого на ляжках, у кого на заднице читаю: «злость», «лицемерие»,

«предательство», «коварство»... Нет, ну не может же такого быть! Ишь, выползли наружу. Ребята, мы с вами так не договаривались. Лулу! Но я же тут совершенно ни при чём!

И вот, собрав остаток сил, проламываю крышку гроба и, разгребая комья грязи и цветов, вытягиваю, выпихиваю на поверхность своё тело. Все в ужасе разбегаются. Закуска, рюмки, водка, напутственные тосты за упокой души – всё недопито, не съедено, всё брошено на полуслове. И остаётся одна Лулу. А мне только этого и надо:

– Прости! Прости!! Прости!!!.. – я повторяю это слово несчётное число раз, как будто обилие моих маленьких «прости» со временем может стать огромной, ни с чем не сравнимой просьбой о помиловании. Может, может, даже должно! Но никогда не станет...

Так я же вам и говорю о том, что в квартире словно бы чего-то не хватает. А всё потому, что нет Лулу.

Глава 17. ...

В принципе никто не может запретить вам создать в своём воображении такие обстоятельства, при которых вы, уважаемый читатель, окажетесь в одной постели, скажем, с енотом или же с ужом. Точно так же поодаль, то есть на другой половине обширнейшей, покрытой шёлковой простыней кровати, может посапывать пластмассовый скелет – наглядное пособие, на одну ночь позаимствованное из анатомического кабинета. Наконец, вполне допустимо представить себя, любимого, лежащим рядом с рессорой от проржавевшего тягача времён освоения целинных и залежных земель. Что в этом особенного? Такое вполне в порядке признанных вещей, тем более что привязанности к неодушевлённым предметам время от времени куда более необычные случаются. Но оказаться в полном неглиже, более того, под одним двухспальным одеялом с этой!..

Я спал. Впервые крепко спал после утомительного дежурства и нервотрёпки нескольких последних дней. Я спал. Спал после изрядной дозы коньяка. Даже, наверное, слегка похрапывал. И сквозь сон радовался, что наконец-то удалось избавиться от этого своего «второго я», от его занудной трескотни, сопровождавшей всякий раз любые возникавшие у меня сомнения, и вот теперь смогу, не отвлекаясь на пустяки, посвятить себя чему-то более или менее достойному. А

там, гладишь, и Лулу объявится. Ах, как же славно могла бы сложиться наша жизнь, если бы не...

Тут вдруг послышался то ли короткий крик, то ли чьё-то болезненное всхлипывание, и вслед за тем пронзительно и протяжно заскрипело. Для тех, кто снова ничего не понял, поясню – это раздался скрип медленно отворяемой входной двери. Тем, кто и на этот раз ничего не уразумел, возможно, следует сказать, что дверь запела безвестную арию из оперы «Аида». Там тоже вроде бы присутствовал такой же грустный, совсем безрадостный мотив. Ладно, с дверью вроде бы разобрались. Ну так и что всё это означает? Вы скажете, пришла Лулу? Да нет, едва ли, на неё как-то уж очень не похоже. В общем, нечто малопонятное происходило там, какой-то шорох, шёпот, натужное сопение. Будто незваный гость, вломившись в дом, раздумывал, не зная, что же ему дальше предпринять.

И вот теперь только, наконец, решился.

Я открываю глаза и вижу, как огромная гусеница с желтоватым, слегка отвисшим, вероятно, после длительного разговения брюшком медленно вползает в комнату, оставляя единственного свидетеля этой сцены едва ли не в паническом недоумении – так сколько же её там, за дверью обретается? И пока часть этого существа в некотором смущении топталась у порога, одна маленькая головка будто с выточенными из чёрного дерева рожками уже оглядывалась по сторонам, другая же в это самое время придирчиво осмат-

ривала себя в висящем на стене огромном зеркале на предмет выявления каких-либо дефектов на крохотном подобии физиономии. Прочие, тоже не менее отвратительные головки, расталкивая друг друга, спешили протиснуться к зеркалу поближе, дабы в самых мельчайших деталях разглядеть, что там у них и как. Видимо, вполне удовлетворившись внешним видом, гусеница неспешно развернулась и засемила всеми своими бесчисленными ножками прямо по направлению ко мне, по пути следования о чём-то возбуждённо беседуя сама с собой и в такт движению покачивая рогатыми головами.

Чем ближе эти головы оказывались ко мне, тем всё явственнее проглядывали в них до боли знакомые, более того, вопиюще узнаваемые черты. Вот в этой – рожа брехуна и горлопана, а рядом с ней – нечто обладающее портретным сходством со столичным паханом, далее – Гога-колобок, беззубая Тамара, радостно возбуждённый Николаша... И все они хором требуют вернуть долги. И заявляют на меня свои права. И даже настаивают на немедленном приведении приговора в исполнение. Господи! Какие ещё права? Какие долги? Здесь вам не трибунал! Я же со всеми рассчитался! Я отдал всё! Пропало даже то, что я пытался спрятать в глубинах интернета. Вот потому и лежу в одних трусах на своём продавленном диване. Потрескавшееся зеркало и диван – вот всё, что у меня осталось. Да что это такое – банальное недоразумение, чья-то злобная мистификация или заранее спланированный налёт? Кому, скажите, это нужно? В конце концов, если у

кого-то есть претензии, обращайтесь в суд, в прокуратуру. Пусть там и выносят приговор, пусть выставляют на торги, пусть снова приватизируют и делят. Чтобы всё было по понятиям...

И только тут я с опозданием начал понимать, что должники тут ни при чём – это они, это те мои оставшиеся «я», о которых я чуть не забыл, явились. Всё правильно! И всё не так! Не так, как я предполагал. Потому что, как ни крути, никто не может избавиться от самого себя, вы сами в этом способны убедиться. Прямо сейчас. Взгляните, вот они тянутся ко мне, пытаюсь восстановить ненароком оборванную пуповину, намереваясь возродить такую нерушимую когда-то, такую необходимую им родственную связь.

А что, если всё гораздо проще, если всё дело в том, что вконец оборзевшее многоголовое alter ego банально хочет меня слопать? Вот оно, уже вобравшее в себя все эти прежде разрозненные осколки моей личности, оно всё ближе, всё неотвратимее приближается ко мне, уже облизываются все эти маленькие, омерзительные ротки, а в чреве гусеницы уже разверзлась огромная, зияющая пасть. Не надо, нет, я этого не перенесу! Если не уйдёте, не знаю, что с собою сделаю! Брысь, проклятые! Чур меня, чур!

Тут словно бы что-то подбросило меня, оцепенение прошло. Остатками ещё не вполне пробудившегося сознания отчаянно пытаюсь сообразить, что можно предпринять. Но что поделаешь, когда до этой пасти всего-то два шага, а за спи-

ной – бетонная стена, да ещё и в голове полнейшая сумятица?

Словом, так и не разобравшись, что к чему, то есть где явь, а где и наваждение – ведь не было уже никакой возможности детально анализировать то, что происходило на моих глазах – я ринулся к окну, спросонья оказавшись не в силах ничего более подходящего придумать. И вот уже распахнув окно, всем телом переваливаясь через подоконник, пытаюсь сообразить, что лучше – быть просто съеденным или же долго-долго падать вниз с этой верхотуры...

По счастью, судьба психолога хранила. Уже неотвратимо падая в кричащую, бессмысленную пустоту, я несколькими этажами ниже зацепился одной ногой за бельевую верёвку, в то время как другая запуталась в развешенном на балконе заботливой соседкой недавно выстиранном белье. И вот что-то мокрым, тугим узлом обхватило мою щиколотку, и вслед за тем по ноге тончайшей струйкой заскользила холодная вода. Даже показалось, будто я со страху обмочился. Но, если честно, мне в это время было не до того – попробуйте повисеть хотя бы с минуту вниз головой и тогда поймёте. Так бы и болтался я туда-сюда, покачиваясь на чьих-то стиранных, попутно вознося покаянные молитвы и призывая страшные кары на головы своих врагов, как вдруг какая-то могучая сила подхватила меня за полуобнажённые, холодеющие чресла и, вознеся выше балконных перил, бросила на что-то мягкое, упругое и даже почти пуховое, если верить первым, не

вполне осознанным мною ощущениям.

Потребовалось немного времени, чтобы перевести дух и развязать узел из этой, словно бы прилипшей к ноге трикотажной ткани. И только тогда я поднял глаза и огляделся.

Рядом со мной, облокотившись на подушки и подпирая голову пухлою рукой, располагалась не первой свежести девица. Рыжая, стриженная под горшок, с пунцовым от перепоя лицом. В огненно-рыжем сиянии её волос всё блекло, предметы обретали свойство унылых отпечатков чего-то невообразимо тусклого, ненужного, а время почему-то упорно демонстрировало намерение бежать, то есть бежать сломя голову и непременно только вспять, видимо, тщетно пытаюсь увернуться от того, что становилось неизбежным. И только золочёные набалдашники в углах обширнейшей кровати, да развешанные по стенам громадные изображения мосластых мужиков в тяжеловесных рамах, тоже с изрядной долей позолоты, поддерживали ощущение привычного уюта и надёжности.

Видя моё замешательство и полагая нужным его незамедлительно прервать, девица резким движением стащила с головы парик. Под ним обнаружилась знакомая мне бритая голова с неповторимой и, главное, крайне выразительной причёской. Вслед за тем, по-прежнему ни говоря ни слова, девица приподняла полу своего чёрного, расшитого огненными драконами халата и... Но тут её внимание привлекли мои намокшие трусы и нога, с которой на простыню стекали кап-

ли влаги.

И вот тогда Кларисса прокуренным баском сильно пьющего мужчины произнесла:

– Я думала, ты мужик. А ты против меня – НИЧТО!

Глава 18. Промежуточные итоги

Однажды ближе к вечеру, блуждая по закоулкам Всемирной паутины в намерении скоротать остаток и без того попустякам растраченного дня, я неожиданно попал на приглянувшийся своим изящным оформлением виртуальный сайт. Адреса его теперь уже не вспомню. Из чёрной глубины усеянного мерцающими звёздами пространства как сказочная фея, нет, скорее как фантом, возникло стройное юное создание. Прядь белокурых волос, закрывшая высокий лоб, зеленоватые раскосые глаза с поволокой и странное, словно бы обещающее что-то выражение лица. И губы – чувственные губы, чуть вздрагивающие то ли от едва сдерживаемого желания посмеяться надо мной, то ли просто в попытке не слишком опытной соблазнительницы игриво улыбнуться. Давно известно, что таких прелестниц модельные агентства поставляют по мере надобности на презентации или же, просто выполняя пожелания клиента и следуя его намерению украсить званый вечер присутствием привлекательных особ. Девушка протягивала мне листок бумаги, на котором витиеватым почерком было написано название некоего интернет-форума и содержалось приглашение стать его участником.

От сделанного в столь необычной форме предложения невозможно было отказаться, тем более, что при виде этих,

словно бы манящих куда-то глаз, из памяти всплывали образы прошлого – Крым, море, август, сияние созвездий над головой. Чем чёрт не шутит! В общем, похоже было, что на глазах вырисовывается перспектива интересного знакомства.

Увы! Стоило мне подтвердить своё согласие зайти на форум, как стройная фигурка, словно бы следуя некоему непреложному закону или же повинувшись приказу неведомых властей, стала быстро уменьшаться. И вот она уже буквально растворилась в скоплении звёзд, там, откуда минутой раньше и пришла. Мне ничего другого не оставалось, кроме того, как окунуться в этот мир в надежде отыскать ту, которую я потерял, даже не успев с ней познакомиться. Я назвал её Лулу.

Прошло довольно много времени. Как вы наверно догадались, всё оказалось тщетно, поиски напрасны, единственный результат – больные, уставшие от напряжения глаза, да ещё желание забыть всё поскорее. Легко сказать! Но как забыть, если это невозможно? В итоге, я так и не решился покинуть этот мир, бродил по нему, задавая надоевшие вопросы и всякий раз пытаюсь угадать, кто прячется за виртуальным персонажем, снова и снова перечитывал сообщения на форуме, надеясь обнаружить хоть какую-то подсказку, хоть что-то, наводящее на мысль о том, где же скрывается Лулу. Так я бродил без сна, уже без какой-либо надежды, до изнеможения, до той поры, пока хватало сил...

И вот теперь, стоит только мне хотя бы на мгновение за-

крыть глаза, оказываюсь совершенно не в состоянии понять – так где же я на самом деле обретаюсь? Всё ещё в том выдуманном, виртуальном мире, заполненном натужным, звонким многоголосьем и невнятным бормотаньем? В больничной палате, окружённый толпой медсестёр и докторов? Или же здесь, в пустой, холодной комнате, наедине с экраном монитора?

Как мне понять – кто утром умывается, завтракает под унылое пустословие телевизионных новостей, кто моет посуду, а затем идёт к компьютеру и берётся за работу? Кто курит сигарету, пьёт кофе, с привычным раздражением ругает власть? Кого тошнит от либеральной демагогии и уморительно-пошлых деклараций о независимости судопроизводства? Кто это – я? Или же он? И кто из нас двоих я, и кто он? И почему один из нас смиренно принимает то, что есть, ну а другой всё бродит, бродит где-то там, в поисках той судьбы, которую все почему-то считают нереальной, невозможной? Что происходит? И чем это закончится? Банальными разборками вышедшего из повиновения собственного «я» с неподконтрольным виртуальным его? Или же необратимым раздвоением моей личности? Вот только диагноза мне опять и не хватало!

И, наконец, кто мне ответит, откуда же она взялась, эта неуловимая Лулу? Кто её придумал? Я сам? Но тогда зачем же мне искать ту, которой, как выясняется, никогда и не было? Что это, наивное намерение обмануть себя или реаль-

ный, когда-то встретившийся мне в жизни и потом забытый образ? Образ чего или кого? Кто сможет ответить, кто захочет подсказать?

И вдруг я понял.

Лулу – это всего лишь неудавшаяся попытка произнести одно хорошо известное всем слово. Лю... лю... Лю... лю... Невнятные обрывки, лишённые смысла звуки, междометия и более ничего, когда через силу, пересохшим от чрезмерного напряжения ртом стараешься выдавить из себя «люблю», однако ничего не получается, словно бы косноязычие на тебя нашло. Словно бы тебе с рождения не дано то, что для других просто и вполне естественно. И вот лепечешь что-то непотребное на потеху всем: «Лю... лю...». И снова: «Лю... лю...». И так до тех пор, когда деревенеющие губы оказываются уже в состоянии произнести всего лишь малопонятное: «Лу... лу». И наконец-то успокаиваешься на этом...

А между тем в сознании постепенно укоренилась мысль, что всё, что со мною происходит – это сон! Да, именно так! И дело совсем не в том, что будто бы кто-то начитался Фрейда. Старик наверняка свихнулся бы, пытаюсь истолковать, да просто воспринять всю эту бездну человеческих страстей, неудержимой радости и горестных признаний, глупости и подлого злорадства, насмешек, хамства, пустословия... всего того, что, словно бы некоей неведомой человеку силой исторгнуто из самых заповедных закоулков подсознания. Отзвуки пережитого и несбывшегося, вечная тоска по време-

ни, которое уходит безвозвратно, наивные мечты о том, чего не будет никогда... Тщетная надежда прожить жизнь, отличную от прожитой, исполнить роль, которая вовсе не для него написана... А вдруг повезёт? Ну, скажем, повезло... Дальше-то что?.. Здесь главное высказаться! Здесь я – герой! Сегодня или никогда...

И вот уже время далеко за полночь, и пальцы еле чувствуют клавиатуру, и веки опускаются как бархатный занавес перед единственным актёром. В зале гаснет свет...

Часть II. Дорога на Таити

«Всё можно познать, только не самого себя», Стендаль

Глава 19. Москва – Гренобль

Иногда кажется, что всю свою сознательную жизнь, как бы ни была она утомительно длинна, человек обречён на постоянство, сущность его не должна меняться. Изменениям может быть подвергнута только оболочка – так сорванное яблоко морщится под лучами солнца, теряет свою привлекательность, но ещё вполне съедобно. На самом деле, в человеке всё не так. Многое из того, что ранее представлялось важным, уже через несколько лет становится ненужным и чужим. Словно бы не я это совершил, а кто-то посторонний вломился в мою жизнь и там покуролесил, начудил, а мне вместо него расплачиваться придётся. Но что поделаешь, пусть всё идёт так, как предназначено судьбой. Жизнь продолжается даже в том случае, когда хочется её приостановить, чтобы в том, что произошло, наконец-то разобраться.

И снова я лечу. Сколько уже было этих перелётов! По правде говоря, я мог бы обойтись без них – ну вот сидел бы у себя в квартире, лишь изредка выбираясь за город, а с этим удивительным и прекрасным миром общался бы по интернету или по мобильнику. Мне всё это просто ни к чему – восторги, разочарования, семейные конфликты, разлуки, ссоры, радостные встречи с интересными людьми и прочие прелести для ума и для души. Увы, я уже в том возрасте, когда

такие ситуации интереснее описывать, а не переживать буквально, наяву. Хотя и то верно, что природа время от времени берёт своё, и без переживаний, конечно, не обходится, но тут, скорее, исключение, чем правило. Да вот и перелёты, путешествия, это безусловно увлекает – взглянуть на римский Колизей, и посетить Лувр или Большой каньон, а то и полежать где-нибудь на пляже в Полинезии... И всё-таки воображение предлагает взору куда более удивительные картины, чем долгожданная поездка в какую-нибудь дальнюю страну.

Вообще-то говоря, в этом деле многое определяет опыт. Скромного чиновника, всю жизнь просидевшего за столом в своей конторе, я могу понять – на старости лет его так и тянет на экзотику. Можно подумать, что осмотр дворца Тадж-Махал или статуи Будды где-нибудь в окрестностях Бангкока способен компенсировать годы прозябания и возродить мечты, сделать их реальностью. Нет, жизнь уже прошла, словно загадочный зверёк прошмыгнула мимо, и нечего кричать вдогонку: эй, подожди, остановись! Всё суета сует, особенно в почтенном возрасте. Ну вот и я – только смотрю той жизни вслед. Что и говорить, мне есть, что вспомнить – хватило бы на несколько томов, если б надумал описать. Жаль, что на некоторые сюжеты из прошлого наложено табу, что-то вроде негласного запрета. Однако и эти воспоминания изредка прорываются через рукотворную блокаду, словно бы ветер и вода подточили стену и тогда в каменной кладке образуется просвет. Ах, как мне хочется туда взглянуть! И вместе с тем,

боюсь: а вдруг увижу что-нибудь такое, что даже злейшему врагу не пожелаешь?

Я мог бы ещё долго размышлять о некоторых причудах своего не вполне типичного существования, но тут услышал за спиной чуть приглушённые голоса. Первый из них принадлежал, скорее всего, пожилой даме, её манера неторопливо, словно бы нехотя произносить слова не позволяла в этом усомниться:

– Да нет, это не он.

– Я тебе говорю, не спорь, – ответил ей другой, тоже женский голос.

– Так неужели это тот, что женился на молоденькой актрисе? Она, кажется, сыграла главную роль в его последнем фильме, – с лёгким налётом зависти сказала старая дама.

– Ну что вы такое говорите, мама? На самом деле он писатель, а фильм был снят по его роману. Всё именно так.

– Да нет, ты не права. Я помню, он привёз её из Франции, где и снимался этот фильм, – не унималась мать.

– Так она француженка? – удивился третий голос, принадлежавший, как мне показалось, даме средних лет.

Эта дотошная троица начинала меня раздражать. Несут всякую чепуху, видимо, полагая, что их никто не слышит.

– Мне говорили, она из старинного княжеского рода, – попыталась разъяснить вторая дама. – Прадед, бывший царский генерал, воевал в армии барона Врангеля. А дочери его удалось бежать во Францию, иначе бы её ждала незавидная

судьба.

– Ах, как интересно! Это же целый роман!

– Нет, роман был вовсе не о том, – снова вмешалась третья дама. – Роман о страданиях пожилого донжуана Вовчика, неужели вы не помните?

– Ну, как же! – хором воскликнули мать и дочь.

– Самое любопытное в другом. Как выяснилось несколько лет назад, Ладыгин написал роман в ту пору, когда лечился от запоя, я уже не помню, то ли в Кашценке, то ли в ещё какой психушке.

– А дальше? – заинтересовалась дочь.

– После такого откровения следующий роман Ладыгина был нарасхват, а позже по мотивам этого романа сняли нашумевший фильм. Кажется, его то ли номинировали на Оскара, то ли представляли в Каннах.

– Ах, какой ужас! – воскликнула старая дама немного невпопад. – Подумать только! Что ни талант, так обязательно запойный.

Это уже слишком, пришлось мне надеть наушники – дело привычное, если хочешь избавиться от назойливых соседей. Когда работаю, предпочитаю слушать джаз, да тут любая популярная мелодия сойдёт, лишь бы не знать, не ведать, как тебе перемывают косточки. И почему все так и норовят судить о том, чего не знают – что эти говорливые дамы, что мой лечащий врач. К несчастью, там, в клинике, этого невозможно было избе-жать.

Когда пошёл на поправку, начались долгие, иногда весьма утомительные, часа на полтора-два, беседы. Его интересовало всё – и детские впечатления, и отношение к родителям, и даже не подглядывал ли я в подзорную трубу за соседями из дома, что стоял напротив наших окон, во дворе. Мне стоило большого труда не сболтнуть при этом лишнее. Но думаю, что он всё равно догадывался о том, что я пытался скрыть – эти психиатры такой дотошный, въедливый народ, их очень трудно обмануть. И то ладно, что о моей прежней работе он не спрашивал.

Да, он знал всё. Даже о том, что существует Он. Хотя, пожалуй, нет – скорее всего, лишь подозревал о его существовании. Поверьте, это вовсе не досужие предположения. Вот посудите сами, как складывался наш последний разговор:

– Я рад за тебя. Ну просто восхищён!

Тут надо пояснить, что мы с профессором в общении тет-а-тет давно уже перешли на «ты». На брудершафт пить не пришлось, однако атмосфера доверительности к такому обращению располагала.

Огромная голова с остатками седых волос – её размеры воспринимались так в сравнении с карликовым ростом. Он походил на гнома, этому впечатлению способствовали и аккуратная маленькая борода, и даже характерная походка, когда он, заложив руки за спину, расхаживал по комнате, искоса поглядывая в мою сторону. При этом молоджавое, тщательно ухоженное, круглое лицо, на котором привычно рас-

положилась довольно милая, а иногда чуть плутоватая улыбка. Ну что ещё? Покатые плечи, руки пухлые, как у ребёнка. И непременно маленький, выпуклый животик.

Так вот, этот самый господин в который уже раз пытался проникнуть в самую сокровенную часть моей души. Ну и с какой стати я ему откроюсь? Что из того, будто мы беседуем, как старые друзья? Даже перед близким другом я бы не стал выворачивать себя наизнанку. Тем более, если он в белом халате, ну а я... Хотя бы и на том спасибо, что не в смиренной рубашке.

И что это ему не даёт покоя мой роман?

– Ты знаешь, я никак не ожидал, что мы придём к столь поразительным, я бы даже сказал, экстраординарным результатам, – тут коротышка замахал руками. – Да нет, ты не подумай, что... Я на открытие, тем более, на авторство, не претендую. Да кто бы сомневался, это, в основном, твоя заслуга. А я так... просто мимо проходил, – судя по выражению лица, профессор улыбался, однако глаза смотрели строго и внимательно.

– Не прибедняйся ты, – я бы мог выразиться более изысканно, однако наш разговор в последние годы каждый раз начинался именно с этих его слов, так что я уже исчерпал запас подходящих комплиментов.

– Нет, нет! Моя заслуга только в том, что я тебе подсказал, направил твой нестандартный разум в нужном направлении. А дальше ты уж сам... – он словно бы оправдывался передо

мной. – Кстати, за прошедший год рецидивов не было?

– Да нет, всё вроде бы спокойно.

Конечно, не очень-то приятно, что он по-прежнему разговаривает со мной, как с пациентом, как с больным, но ничего тут не поделаешь, таковы уж правила игры, в которую мы десять лет играем. Было бы странно, если б я его допрашивал.

– Ну вот и славно. Вот и хорошо, – он успокаивал, как бы отводя от себя подозрения в излишнем любопытстве, однако в итоге снова принимался за своё: – А всё же расскажи, как это у тебя получается?

– Ты о чём? – я сделал вид, что ничего не понимаю.

– Да всё о том же, – проговорил «гном», слегка прищурившись. – Честно скажу, ты для меня по-прежнему загадка. Стыдно в этом признаваться, но против правды не пойдёшь. Такой пациент за многолетнюю практику у меня впервые, не было среди клиентуры ничего подобного. Да, приходилось лечить артистов, музыкантов. Кого-то от запоев, у других просто нервишки расшалились. Кое-кто из людей весьма известных в этом кресле до тебя сидел. Было даже несколько писак... да ты, наверно, знаешь. Но дело в том, что я не бог, я не могу из бездарности сделать литератора, мне это никогда не удавалось, – он снова пристально посмотрел в мои глаза. – Так в чём же дело, почему тебе-то удалось?

– Даже и не знаю, что сказать...

– А ты скажи всю правду, как на исповеди.

– Да я вроде бы исповедовался перед тобой уже не раз...

– Возможно, о чём-то умолчал. Или забыл... – похоже, он вконец расстроился. – Или боишься рассказать?

– Господи! Ну чего же мне бояться? Твоими стараниями... Да что тут говорить... Ты меня спас!

– Ладно, ладно, – «гном» снова замахал руками. – И всё же, как у тебя это происходит?

– Ну вот беру бумагу, карандаш...

Профессор рассмеялся. Немного принуждённо, так, самую малость.

– Да, да. Ты ещё расскажи, что пишешь, стоя за конторкой.

На этом всё закончилось.

Ну что поделаешь, не мог же я ему рассказать буквально обо всём. Должна же и у меня быть какая-нибудь тайна. По правде говоря, я даже умолчал о том, что в той, прежней жизни уже пробовал писать. Причём писал словно бы под диктовку – так мне, во всяком случае, казалось. И то же, в ещё более откровенной форме продолжалось и сейчас. Да стоит мне признаться в этом, как снова больничная палата, бесконечные уколы, дойдёт и до смирительной рубашки, чего доброго. Нет, этого допустить нельзя!

Кстати, недавно вычитал такую мысль, будто безумие – это защита от реальности. А дело в том, что далеко не всякому дано спокойно взирать на окружающую жизнь. Только толстокожим всё равно, да и то, даже совсем тупого, равнодушного можно довести до белого каления – стоит только

обнаружить самое его больное место. А что говорить про натуры впечатлительные, людей нервного склада – художников, писателей?

Вот слышал мнение, будто обывателям, простым смертным, подробности биографии корифея знать совершенно ни к чему. Был ли человек запойным или увлекался наркотой – всё это не важно, им интересен только результат. Примерно так дело обстоит в спорте высших медицинских достижений, когда чуть ли не все известные спортсмены своими победами обязаны бывают допингу. То же и в других видах творчества – какая разница, в чём настоящая причина? Им, видите ли, требуется лишь икона, образ для поклонения, а что на самом деле было и как это получилось – знать совершенно ни к чему. Ну вот и я... Нет-нет, к корифеям себя не причисляю, однако не считаю, что обязан раскрывать свои секреты всем подряд.

В этих привычных для себя раздумьях об истоках творчества я даже не заметил, как закончился полёт. Но вот самолёт приземляется в Женеве. Времени побродить по городу нет, поскольку тороплюсь успеть на автобус до Гренобля. Единственное желание – поскорее ощутить под ногами землю, чтобы завершить, наконец, этот затянувшийся маршрут от моего дома на юго-западе Москвы до скромного отеля в предгорье французских Альп, недалеко от набережной Креки, в старой части славного города Гренобля.

До площади Виктора Гюго я добирался на такси. Гости-

ницу «Англетер» выбрал не только потому, что её местоположение было связано с именем писателя. Слишком уж дорогие апартаменты мне ни к чему, эту привилегию оставлю арабским шейхам и российским олигархам. Чем привлекло это название в списке трёхзвёздочных отелей, сразу уразуметь не смог, и лишь потом, когда, выйдя из такси, увидел здание, своим фасадом напоминавшее доходные дома в Москве начала прошлого века, вошёл в роскошный холл, увидел лестницу, ведущую на второй этаж... Только тогда в моём воображении возникла сцена – там были я и он, и вроде бы ещё кто-то третий за столом. Да, это был давний сон. Какая-то интересная беседа, но вот о чём – этого мне уже не вспомнить.

Короткий разговор с портье, подъём в кабине лифта с мальчиком-арабом, и вот я уже в своём номере. За окнами та самая площадь с покрытыми листвой невысокими деревьями, летнее кафе в саду, почти бесшумно движутся голубовато-белые трамваи... Чужая для меня страна, чужой язык, однако работа есть работа, что поделаешь.

Глава 20. Случайная встреча

Каждый раз, когда приезжаю в незнакомый город, прежде всего, смотрю по сторонам. Наверное, я неоригинален и внешне ничем не отличаюсь от заезжего туриста, который в поисках достойных его внимания древностей или иных сооружений обшаривает взглядом ближайшую округу. Но тут есть существенное отличие, ведь главное для меня – не где, а с кем. Можно оказаться в самом захолустном городке, где к достопримечательностям следует причислить разве что здание, где разместились местная администрация, да ещё цветочную клумбу перед ним. Но если ты оказался в компании друзей, или ещё лучше, тебя сопровождает дама лет эдак двадцати пяти, во всех смыслах привлекательная – эта поездка может навсегда остаться в памяти, что бы ни произошло с тобой потом. И вот, в ожидании счастливой встречи я выхожу из гостиницы на улицу. Первая прогулка по незнакомому городу чем-то напоминает начало новой книги – если с первых страниц не увлечён, дальнейшее может оказаться бесполезной тратой сил, а результат будет скучным и унылым...

Похоже, нам было по пути. Эта изящная блондинка вот уже несколько минут маячила впереди меня. Небольшого роста, в белой маечке и обтягивающих стройные ноги синих джинсах, которые поддерживались тонкими помочами,

скрещенными посреди спины. Я чуть прибавил шаг, чтобы рассмотреть её лицо. Как оказалось, очень милое личико без какой-либо косметики. Во всяком случае, ничего похожего на макияж я не заметил. Она поглядывала по сторонам, однако интереса в этом взгляде не было, скорее, только скука и, мне так показалось, лёгкая тоска по тому, чего здесь не могло быть никогда и что осталось где-то там, в далёком прошлом, в прежней её жизни.

В моём воображении стал постепенно возникать некий сюжет. Вполне возможно, что сюда её закинула судьба, причём закинула явно вопреки желанию. Да мало ли бывает в жизни обстоятельств, которые способны перевернуть жизнь, сделать недостижимыми сокровенные мечты. Не исключено, что ей пришлось покинуть родину в поисках работы. И так случается, этим никого теперь не удивишь. Впрочем, можно предположить и совсем другое. Здесь замечательная природа, горы, чистый воздух... Мне сразу же вспомнилась Пат – Патриция Хольман из «Трёх товарищей» Ремарка. Грустная история, однако возникло ощущение, будто в том, что случилось с этой незнакомкой, без доли грусти и печали тоже, увы, не обошлось. А может быть, всё дело в том, что мне именно этого хотелось?

Она не спеша продолжала двигаться по бульвару Эдуара Ре, вот повернула на рю Кло Бе, а я по-прежнему не отставал. В мозгу словно бы крутилась одна мысль, происхождение которой было непонятным. Как складывалась её жизнь

в прошлом, я не знал, мог лишь догадываться, предполагать. Но вместе с тем, трудно отделаться от впечатления, будто лицо это я где-то уже видел. Здесь, в Гренобле от силы три часа, даже город осмотреть не хватило времени, и вот ни с того ни с чего возникло это странное видение перед глазами. Да не был я в этом городишке никогда! А потому причину следует искать, прежде всего, где-то там, в тёмных закоулках своей памяти. Вот-вот, ищи! Но как я ни старался разобраться, сам собой напрашивался вывод, что мне эту загадку не решить, не разгадать без подсказки, без какого-то намёка.

Так я попытался размышлять, не отрывая взгляда от идущей впереди меня фигуры. Мы миновали поворот на рю Доктор Бали, потом на рю Паланка. Я постарался запомнить названия улиц, чтобы не заплутать, а то ведь ни путеводитель, который взял с собой, ни советы прохожих не помогут. Нет, в самом деле, уж не собирается ли она в таком темпе обойти весь городок, что-то вроде своеобразного послеобеденного моциона? Однако у поворота на рю Мирибель женщина замедлила шаг, и вот уже она сидит за столиком в тени какого-то деревца, я в здешней флоре не очень разбираюсь, и пьёт свой оранжад. Пришлось и мне устроиться неподалёку. Сижу, попиваю красное вино и с видом завязтого туриста поглядываю по сторонам. На вывеске у входа в это заведение значилось: «Restaurant L`Ardoise». Где-то я уже такое видел...

Похоже, это и была та самая подсказка, а вслед за ней

из памяти возник некий силуэт, знакомый образ – довольно симпатичная девица, с которой я оказался в одной компании во время прошлого визита сюда, во Францию. Но только было это не здесь... Ну да, конечно же, в Каннах, на Лазурном берегу. Пьер, продюсер фильма по моему роману, пригласил её как бы для меня, даже не спросив согласия вероятного партнёра. Да в принципе я не возражал! После нудных переговоров, после затянувшегося на целый день обсуждения сценария почему бы не провести вечерок в приятном обществе. Ужин в ресторане «Ардуаз» удался на славу. Этому способствовало вовсе не меню, здесь почему-то отдавали предпочтение итальянской кухне – магическое действие произвело на меня, как ни странно, внутреннее убранство ресторана. Я ко всему привычен, за свою жизнь посетил не один десяток кабаков, наверняка сотни за три уже перевалило. И роскоши насмотрелся, и безвкусицы. Чего только не видел – массивные колонны, хрустальные люстры, лепнина на потолке или наоборот, зеркальный потолок и убогие пластмассовые стулья... Кстати, в Тель-Авиве есть очень приличный ресторан «Зинк» на улице Карлибах, стильно оформленный, там преобладают тёмно-вишневые и чёрные тона – настоятельно рекомендую! Но тут было иначе. Всё довольно скромно, однако подобрано со вкусом – и мебель, и освещение в залах, и неяркие, в пастельных тонах картины на стене. Рядом с нашим столиком у самого окна стояла тонкая металлическая ваза, а в ней несколько прутиков, что-то

вроде вербы – это был простенький муляж, но от него повеяло дыханием весны. Вот так современный интерьер создаёт уют, на что в ином шикарном заведении рассчитывать вовсе не приходится.

В моём понимании, Пьер – это типичнейший француз. Достаточно сказать, что его нос похож на клюв какой-то хищной птицы. Собственно, в описании внешности я этим бы и ограничился, но вот манера вести беседу, характерные жесты – всё это однозначно свидетельствовало, что передо мной уроженец Франции, причём наверняка южанин. Если добавить обворожительную улыбку, то на этом портрет можно завершить.

Совсем другое дело – Эстер, в недавнем прошлом топ-модель, а теперь актриса и жена продюсера. Что и говорить, такое сочетание вполне способно обеспечить успешную карьеру. Родом она была из какого-то городка в Израиле, однако яркая, я бы сказал, весьма породистая внешность в моём представлении никак не связывались с жизнью на земле обетованной. Скорее уж следовало бы предположить в ней славянские или хотя бы скандинавские корни. Довольно выразительные скулы, симпатичный носик, в общем-то, не идеальной формы, слегка приплюснутый, но тем он и хорош. Это наводило на мысль, что тут не обошлось без негритянской крови. А может быть, кто-то из её дальних предков имел неосторожность подыскать подругу жизни где-нибудь в Тайланде, и затем... Но это всё как бы между прочим, глав-

ное в другом. В ней одновременно присутствовали и то, что я назвал бы самобытностью, и полное соответствие стандартам топ-моделей, по крайней мере, в том, что касается роста и фигуры. Могу признаться, что на неё было приятно смотреть, однако не более того, поскольку рисковать дружбой с Пьером я не собирался.

Итак, мы сидели за столиком и, продолжая разговор с продюсером и его женой, я время от времени бросал любопытный взгляд на милое существо, сидящее рядом со мной, на ту самую девицу по имени Жанетт. Её участие в беседе ограничивалось лишь односложными возгласами и очаровательной улыбкой. Пожалуй, это было вполне разумным самоограничением с её стороны, поскольку лучше помолчать, чем городить чепуху в присутствии людей довольно хорошо образованных в искусстве. Вначале мы говорили о современной живописи, – Эстер владела популярной арт-галереей, что расположилась по соседству – однако интересного разговора не получилось, поскольку отношение к так называемому «авангарду» у меня весьма прохладное, я этого и не скрывал. Когда же речь зашла о новом фильме, тут и Жанетт дерзнула вставить несколько коротких фраз и, надо признать, обедни не испортила. Так что всё складывалось по привычной схеме: поздний ужин, бессонная ночь и завтрак на двоих прямо в постель – круассаны, персиковый джем, две чашки кофе...

Но вот чего я никак не ожидал, так это того, что вместо

постели окажусь на концерте трансвеститов и прочей малопочтенной публики, отнюдь не вызывающей у меня положительных эмоций. А дело в том, что после ужина Пьер предложил переместиться в ночной клуб там же, на улочке Ругьер, недалеко от набережной Круазет. Это даже не клуб, а дискотека, заведение, весьма популярное среди здешнего бомонда, и появление там может быть полезным и для него, и для меня. Так объяснил мне Пьер. А я-то, бедняга, даже не подозревал, что судьба будущего фильма как-то связана с моим отношением к местным геям. По правде говоря, очень не хотелось возражать продюсеру и благодетелю по пустякам, тем более что лесбиянок, при определённых условиях, я ещё могу как-то понять. И всё же, когда дойдёт очередь до его претензий к тексту, я это изысканное развлечение ему припомню.

Чуть позже у меня сложилось впечатление, что Пьер заманил меня сюда не просто так, то есть наверняка надеялся внушить нечто очень важное. Он был из тех дельцов, которые заранее тщательно продумывают каждый шаг. И вот, расхваливая призывные вопли самца-транссексуала, которые уже несколько минут неслись со сцены, Пьер то и дело поглядывал на меня, словно бы спрашивая: а неужто совсем не возбуждает? Ну, разумеется, я догадался, что это лишь прелюдия к серьёзному разговору. Скорее всего, предложит мне ввести в сценарий нечто не вполне традиционное в том, что касается любви. Подробности я бы не решился предска-

зять, о его вкусах в этом деле я понятия не имел, но вот что меня в тот вечер беспокоило: какова роль сидящей около меня девицы и не станет ли наше знакомство репетицией того, что он рассчитывает вставить в фильм? Ну, скажем, в одной постели немолодой уже мужик и юное создание, которое окажется совсем не тем, за кого себя вначале выдавало. И вот снимает парик с наголо бритой головы, показывает плоскую грудь и... Нет, не берусь вообразить, как это может быть, однако посещение ночного клуба наводило на мысли крайне неприятные – прежде всего, по поводу того, во что может в итоге превратиться фильм.

Впрочем, в этих сомнениях и предположениях я мог слегка перестараться, дав волю фантазии без каких-либо серьёзных оснований. Так ведь у каждого писателя ко всему своему свой, особенный подход, редко совпадающий с мнением широкой публики. Я даже готов за это извиниться, вот только не знаю, перед кем. Возможно, намёки на нетрадиционную любовь мне тут почудились – чего только не бывает спяну! А Пьер всего лишь обещал девчонке маленькую роль без слов в обмен на некую, не слишком обременительную для неё услугу. Ну, вы и сами понимаете...

Однако продолжения наше знакомство не имело, поскольку после того, как завершилось представление, я, сославшись на усталость, отправился к себе в отель, оставив юную прелестницу Жанетт в недоумении – зачем же приглашали? Она готова была отработать роль, но я и вправду основатель-

но устал. Да, людям вроде Пьера, привычным к этой жизни, всё нипочём, а мне, чтобы прийти в себя даже после недолгой пьянки, а тут ещё и бессонная ночь предполагалась – мне требовалось несколько дней, в течение которых ничего толкового не в состоянии был написать.

Вот так всегда, вроде бы занят важным делом, я имею в виду эту слезку за блондинкой, но стоит припомнить кое-какие волнующие события из прошлого, как сразу же забываешь обо всём и начинаешь заново копаться в памяти в поисках внешне малозначительных событий, которые просто обязан был предвидеть. Но так уж случилось... не сбылось. Да чёрт с ними – и с той девчонкой, и с продюсером. Фильм всё же вышел на экраны. Однако главное сейчас в другом.

Сказать по правде, общего между той и этой было мало. Вот разве что стройная фигура, но это свойство любой юной леди, обладающей малой толикой привлекательности. Услышать бы её голос, тогда я смог бы распознать, она или не она, хотя и тут шансов было мало. И всё же я решил попробовать, мне была важна её реакция, нужны были ответные слова, даже если услышу только ругань. Я никогда бы не решился на такой шаг там, в Москве, а тут во мне родилась какая-то удаля, бесшабашность. И вот, заранее подготовившись к чему-то, скажем так, не совсем приятному, я крикнул. Я позвал её:

– Лулу!

Она оглянулась. Испуганно, словно в чём-то сомневаясь,

посмотрела на меня...

– Мне кажется, вы ошибаетесь, месье.

И всё. Ситуация, в общем-то, довольно заурядная. Ну обо-
знался, с кем такого не бывает? Да сплошь и рядом, по десят-
ку раз на дню подобное случается, когда кто-то желает по-
знакомиться с очаровательной девицей. Странно было лишь
то, что она ответила по-русски. Кстати, я сразу даже не по-
нял этого, не обратил внимания, только уже потом... И вот
ещё: «мне кажется» – как следует это понимать? То ли её и
впрямь зовут Лулу, однако она не уверена, что мы знакомы.
То ли это не Лулу, однако ей по какой-то неизвестной мне
причине не хотелось напрочь отвергать подобную возмож-
ность. Словно бы Лулу и не Лулу. Нет, чертовщина какая-то!
Видимо, сказала дальняя дорога, и потому с аналитикой
у меня теперь возникли сложности, не исключено даже, что
непреодолимые проблемы. И всё же я не мог отделаться от
ощущения, точнее, от предчувствия того, что должно про-
зойти, поскольку в этих её словах, в этой короткой фразе
мне почудилась надежда.

Ну вот, этого следовало ожидать: я что-то зазевался, раз-
мышляя о некоторых странностях своего ума, а незнакомка
тем временем исчезла, её как бы и не было. В этом лабирин-
те узких улочек с обилием магазинчиков и крохотных ка-
фе совсем нетрудно было затеряться. Мне оставалось только
признать очередное поражение. Напрасно потратив с полча-
са на поиски в окрестных переулках, я сел на скамейку в го-

родском саду, закурил привычную «голуазку» и, только сделав несколько затяжек, решил самому себе задать вопрос: а почему же я назвал её Лулу, а не Жанетт?

Будь здесь мой обожаемый профессор, знаток человеческих душ, знаменитый психиатр, он бы подвёл под это соответствующую базу, всё бы мне досконально разъяснил. Жаль, что материализация воображения тут не катит, явно не подходит – это понятие, скажем так, не вполне научное. Однако не хотелось бы верить, что всё снова началось, и мне опять в каждой встречной будет чудиться та виртуальная девица, которую увидел в интернете и почему-то назвал странным именем Лулу. Впрочем, для себя я это имя как-то объяснил ещё тогда, вскоре после того, как уже покинул клинику. Однако стоит ли на основе домыслов строить столь смелые гипотезы?

Тут надо бы пояснить, что в Гренобле я оказался, потому что собирался написать книгу о Стендале. Собственно говоря, книга должна быть не совсем о нём, но там предполагалось описать события 1812 года, нашествие французов на Москву. Стендаль же, тогда его звали Анри Бейль, оказался то ли свидетелем, то ли участником событий, кому как больше нравится. В те годы он служил интендантом в армии Наполеона.

По счастью, и рю Жан-Жак Руссо, где родился будущий писатель, и улица Гектора Берлиоза, где в бывшей городской ратуше устроили его музей – всё это находилось поблизости,

в старой части города, где я умудрился потерять Лулу. Итак, ближайшие несколько часов мне придётся посвятить изысканиям, связанным с биографией Стендаля, копаться в архивах, донимать вопросами работников музея...

Честно говоря, я не предполагал, что всё так сложится. Думал ограничиться воспоминаниями Стендаля о войне, но как-то сам собой возник интерес и к личности писателя. Конечно же, ещё в Москве я перечитал почти всё из того, что о нём писали. Но каюсь, это меня не очень увлекло. Даже стал сомневаться – ну и зачем за это взялся? И только теперь, оказавшись у него на родине, стал постепенно понимать, что всё было неспроста, что у меня с ним много общего. Вот и обстоятельства чем-то схожи – я имею в виду то время, когда мы начали писать. Падение Наполеона и закат советской власти. Тут дело не в содержании, не в сущности событий, а в том, что оба мы оказались как бы на изломе. Каждому приходилось искать своё место в новой жизни, каждому приходилось выбирать – то ли приспособиться к тому, что есть, приняв это как данность, то ли, отвергая чуждую реальность, жить и творить вопреки всему.

Я не берусь судить, насколько мы похожи – для столь определённых выводов заочного знакомства явно недостаточно. Тем более, что отделяют нас друг от друга около двух веков. Однако писатель часть души отдаёт своим героям, и тут обнаруживается немало совпадений. Как и Жюльен Сорель, я тоже всеми правдами и неправдами пытался привык-

нуть к новым временам, желая стать одним из тех, кому дозволено пользоваться благами нового порядка. И это несмотря на то, что такой порядок был мне совсем не по душе. Что ж, видимо, поэтому ничего не получилось. Здесь что-то вроде раздвоения личности – как можно одновременно и ненавидеть этих нуворишей, и быть одним из них? Увы, при таком раскладе трагического финала никак не избежать, если не в силах изменить себя. Идти же против всех, плыть против течения – на это способен лишь писатель, да и то исключительно в своём воображении.

Глава 21. Письмо

Ещё в Москве, когда я только планировал поездку, меня попросили разыскать в Гренобле человека. В подробности я не вникал. Единственное, что знал – в начале 90-х он отправился работать по научному обмену в университет Жозефа Фурье, да так там и остался. Мне предстояло всего лишь передать ему письмо, не более того. И вот, на следующий день после приезда в Гренобль я отправился по известному мне адресу. Но это было уже вечером, а первую половину дня я вновь посвятил биографии Стендаля.

Дом, где жил месье Фёдоровф, находился близ площади Леон Мартэн, в нескольких минутах ходьбы от гостиницы, где я остановился. Стандартный пятиэтажный дом, построенный в начале прошлого века. Да по большому счёту, ничего особенного, разве что чахлые деревца посреди площади как-то оживляли унылый вид. Судя по всему, на консьержку я произвёл вполне благоприятное впечатление, поэтому без проблем поднялся на второй этаж и, позвонив в дверь, стал ждать, когда же мне откроют. Поскольку ожидание затянулось, пришлось ещё раз позвонить. Только тогда послышались шаги, раздался звук отпираемых замков, дверь отворилась, и передо мной предстал одетый по-домашнему, в линялую футболку и поношенные джинсы, средних лет господин, который с крайним недоумением воззрился на меня.

Что было во мне такого особенного, вызвавшего чуть ли не оцепенение у хозяина квартиры, я поначалу и не понял. Он несколько секунд молчал с открытым ртом, но всё довольно быстро разрешилось вроде бы само собой.

– Вы извините, но я предполагал, что это жена откроет дверь. Как странно, её почему-то нет дома, – сказано это было сильным голосом, затем господин прокашлялся и задал вопрос, который удивил уже меня: – Вы не знаете, куда она ушла?

Много встречал я разных чудиков, в своём увлечении коллекционированием бабочек или в блуждании по интернету они способны забыть про всё на свете. Но этот немолодой уже затворник, учёный червь превосходил их всех. Можно предположить, что он оставался ещё там, в плену неразрешимых уравнений, недоказуемых теорем или философских размышлений, а потому я для него был всего лишь ненужной, ничего не значащей помехой, случайным прохожим на его пути, неожиданным гостем, который для того только и годился, чтобы предъявить ему претензии по поводу отсутствия жены. Что мне оставалось, я постарался как-то его успокоить:

– Да никуда она не денется, эта ваша разлюбезная жена? Видимо, зашла к соседке или миттельшнауцера на дворе выгуливает.

– У нас нет собаки! – от возмущения «чудик» едва не поперхнулся собственной слюной. – Этого мне только не хва-

тало. И откуда у вас такие мысли? – тут он замолчал, поскрёб в затылке и, тяжело вздохнув, спросил: – Так чем могу слушать, месье?

Вот с этого и следовало бы начать! Кажется, моя маленькая провокация сыграла свою роль – учёный хмырь начал возвращаться к жизни. Теперь можно перейти прямо к делу:

– Позвольте представиться. Владимир Ладыгин, писатель из России. Могу ли я видеть Серж Фёдоровф?

При слове «Россия» по его лицу пробежал лёгкий ветерок, даже волосы на голове зашевелились, словно бы среди неприступных окрестных гор нашлась крохотная брешь, через которую сюда прорвалось дыхание далёкой северной страны и вызвало смятение в душе, напомнив о былом. Примерно так я себе это представлял, однако на самом деле всё оказалось гораздо прозаичнее – внизу хлопнула входная дверь, послышались быстрые шаги.

– А вот и Катрин! – вскричал обрадованный муж, а вслед за тем посторонился и указал рукой в глубину квартиры: – Да вы проходите, Вольдемар, здесь не совсем подходящее место для беседы.

Таким именем меня ещё никто и нигде не называл. Даже надзиратели в клинике так не унижали. Я в этих случаях готов обидчика размазать по стене, но исключительно с помощью сарказма и иронии. Однако дело в том, что, по существу, мы уже были не одни, нас могла услышать дама, та самая Катрин, только поэтому не вполне устроившее меня

обращение пришлось ему простить. К тому же, мне надоело уже стоять на сквозняке, на продуваемой ветрами лестничной площадке. Да и мысли были заняты решением возникшей вроде бы из ничего очередной шарады: как можно по звуку дамских каблучков определить личность их владелицы?

Пока дама поднималась, мы прошли в гостиную. Серж предложил мне осмотреться, а сам поспешил встречать жену. Здесь и впрямь было много интересного, на что любителю арт-хауса стоило бы поглядеть. Картины и скульптура, какие-то мелкие безделушки и даже мебель – всё это я бы обозначил как ультра-си, если воспользоваться терминологией из мира спорта. Моё пристрастие к стилю «ретро» не позволяло это иначе называть. Как люди тут живут? Да можно ли сохранить душевное равновесие, когда на тебя смотрит этакое подобие то ли разъярённой дикой кошки, то ли ошипанного журавля, лежащего на сковороде? Признаюсь, разгадывание подобных ребусов меня давно уже не увлекает. Последний раз это было на выставке Пикассо в Москве, когда я вынужден был объяснять друзьям смысл чуть ли не каждого творения признанного мэтра. С трудом, но как-то справился. И всё, больше никогда!

В прихожей уже раздавались голоса, а я, чтобы как-то разрядиться после всех этих изысков, позволил себе рюмку конь-яку из передвижного бара на колёсиках – хозяин, прежде, чем уйти, предусмотрительно его открыл.

– Ну вот и правильно, Владимир, не стесняйся! – раздался

голос за моей спиной. – Позволь представить тебе мою жену. Катрин, будь добра, поухаживай за гостем. Он писатель, приехал из России.

Последние слова я уже слушал, глядя на неё. Я улыбался и, ожидая ответной реакции, не говорил ни слова, молчал, словно бы в рот коньяку набрал. Глядя на меня со стороны, можно было подумать, что незваный гость внезапно оказался в плену галлюцинации. Вот так посетитель Лувра или Эрмитажа, глядя на произведения великих мастеров, вдруг понимает бессмысленность того, что прежде было, в сравнении с тем, что открывается его глазам.

Но вот какая странность, Катрин не сделала ни одного намёка на то, что случилось накануне, вчера днём, близ улицы Мири-бель, когда я ни с того и ни с сего назвал её Лулу. Память подвела или не хочет отвечать на расспросы мужа? Да, в общем-то, она права. Какая радость ей от столь назойливого ухажёра? Вчера лишь первый раз её увидел и вот уже припёрся в дом. Возможно, так подумала.

– Мне очень приятно, мадам!

– Бонжур! Будьте здесь, как дома.

– Прекрасно! – подвёл итог обмену любезностями Серж. – Теперь и я могу спокойно выпить. Тебе налить что-нибудь, дорогая?

– Да, немного белого вина, – проговорила Катрин и посмотрела на меня: – Так чем мы обязаны вашему визиту.

Теперь начиналось самое трудное. Я хоть и подготовил-

ся немного, однако представлял себе нашу беседу несколько иначе. Есть такие темы, которые не стоит обсуждать в присутствии жены. Нет бы ей задержаться хоть немного или мне прийти чуть раньше... Ну что поделаешь, если так сложилось? Увы, не рассчитал. Кстати, я и не заметил, когда после французского мы успели перейти на мой родной язык. Впрочем, в том, что Катрин родом из России, я убедился ещё вчера, во время первой нашей встречи.

Может показаться, что я начал разговор слишком уж издалека, однако надо же мне объяснить, как и почему я появился здесь, в этой квартире:

– Несколько дней назад, ещё в Москве, был я в одной компании, на дне рождения у приятеля. Как водится, масса разговоров. После того, как выпьем, каждый начинает хвастать, кто во что горазд. Дамы – всё больше о своих нарядах. Кто-то – о поездке за границу. Художники – о предстоящих выставках или о цене за полотно Ван Гога на лондонском аукционе. Ну а литераторы – само собой, о новых книгах. Упомянул и я о своей задумке, это некое литературно-историческое исследование, связанное с судьбой известного вам писателя, Стендаля.

– Так он же в этом городе родился! – не удержался Серж.

– В том-то и дело. После того, как я сказал, что собираюсь посетить Гренобль, ко мне подошла симпатичная дама средних лет и попросила передать письмо. Адреса она не знала, сообщила лишь имя и фамилию, но уверяла, что этот чело-

век живёт именно здесь, то есть в этом городке.

– Странно, – усомнился Серж. – Могла бы выяснить через интернет, это стоит всего-то двадцать евро, может быть, чуть больше. Ты не помнишь, дорогая?..

– Подожди, Серж, – перебила мужа Катрин. – Так кто же эта дама?

– Имени она мне не сказала, да я и не стал через друзей это выяснять. Просто не видел смысла, меня она не заинтересовала. На следующий день мы встретились в назначенном ею месте, она передала письмо, и мы расстались. Вот, пожалуй, и всё.

– История загадочная, – заметил Серж, отхлёбывая виски из стакана. – Так чем же я могу помочь?

– А дальше очень просто. Я обратился в адресное бюро, и вот узнаю, что в городе Гренобле зарегистрирован только один Сергей Фёдоров, и это вы.

Реакция на мои слова оказалась настолько неожиданной, что я подумал: может быть, ошибся адресом и вместо обычной квартиры попал на приём к врачу-невропатологу и вот имею счастье пообщаться с его давним пациентом.

– Да знать не желаю ни какую даму! Откуда вообще она взялась? Чего доброго, станет уверять, что она моя бывшая жена, что у нас страдающий от врождённой патологии ребёнок, который нуждается в деньгах на операцию! – Серж вскочил с места, едва не расплескав спиртное. – Поверь, Катрин, это какая-то мистификация, чья-то злая выдумка. Или

страшная ошибка. Я тут совершенно ни при чём!

Что уж тут говорить, и впрямь не вполне адекватная реакция. С какой стати он взорвался, даже не узнав о содержании письма? Вот не хватало ещё тут истерики. Если бы не Катрин, я бы, наверное, встал и ушёл, даже не прощаясь.

– Успокойся, милый! Это очень просто выяснить, – она обратилась уже ко мне: – У вас это письмо с собой?

– Да, конечно.

Я вынул запечатанный конверт и протянул его Сержу. Тот не хотел брать, однако, взглянув на Катрин, вынужден был подчиниться. Вот развернул письмо, даже не присев, быстро прочитал и рухнул в кресло, уронив бумагу на пол. Глаза его смотрели в потолок, ещё чуть-чуть и наверняка расплечется.

– Так что же там? – этот вопрос задала Катрин.

– Взгляни сама...

Пока Катрин не торопясь читала, я снова налил себе немного коньяка. Ситуацию слишком непростая, чтобы так, ничего не делая, молчать. Прошло несколько секунд и вот, наконец, Катрин меня спросила:

– Вы ничего не знали о содержании письма?

– Всё, что мне известно об этой женщине и о письме, я рассказал. Ничего больше не могу добавить.

– И всё же необычная история, – промолвила Катрин.

– Может быть, вы мне поясните...

– Тут речь о том, что Леонид, это брат Сергея, он московский ресторатор, попал в какую-то жуткую историю. В об-

щем, его обвиняют бог знает в чём.

– Вы позволите взглянуть? – спросил я Сержа.

– Да что ж теперь? Читайте!

Он по-прежнему не мог прийти в себя. Ох, уж эти учёные трудяги! В схватке с уравнениями и интегралами они храбры, а вот когда доходит до житейских неприятностей или, не дай бог, до финансовых проблем – тут даже самые смелые из них теряются.

Я стал читать письмо. Вот о чём в нём говорилось:

«Дорогой брат! Пишу без упоминания имён, чтобы ненароком никого не подставить. Против меня выдвинули обвинение в финансовых махинациях – что-то там раскопали в бухгалтерии... Мне теперь грозит приличный срок... Надеюсь, что ты приедешь и поможешь».

– И что вы думаете? – спросила у меня Катрин.

– Как вам сказать, я в этих делах не очень разбираюсь. Но очень похоже, что ...

– Мне тоже показалось, что подделка.

– Я не о том. К тому же Серж наверняка знает почерк своего брата.

– Да почерк вроде бы его... – промямлил Серж.

– Меня только смущают эти многоточия. Видимо, он на что-то намекает, но не решается писать...

– Да кто бы сомневался! Я именно так и предполагал, –

воскликнул Серж, не дав мне договорить. – Вы только представьте, брат сидит в СИЗО. Вот сволочи! Сначала до смерти довели отца, теперь взялись за сына!

Тут было что-то новое для меня, про отца я ничего не знал, поэтому и спросил:

– А кто был ваш отец?

– Как это кто? – удивился Серж, когда будто я обязан был заранее изучить всю подноготную этого семейства. – Он был довольно известной фигурой среди диссидентов. Да вот же он! Неужели ничего о нём не слышали, – с этими словами Серж снял со стены небольшую фотографию и протянул её мне. – На снимке он слева у окна. Это семьдесят четвёртый год, самый разгар брежневских репрессий.

Довольно типичная сцена для тех лет. Судя по всему, кухня обычного многоквартирного дома. Полумрак, закуски, выпивка, табачный дым. И вдруг среди сидящих за столом я узнаю... Да это Митя! Вот уж не ожидал подобной встречи. Как тесен мир! Так Серж – сын Мити? Удивительно, что я сразу этого не предположил. Однако людей с такой фамилией хоть пруд пруди, не станешь же каждого встречного допрашивать: «А вы, случайно, не сын моего школьного приятеля?»

Я всё рассматривал фотографию, словно бы вглядываясь в лица, а сам тем временем размышлял о том, стоит ли мне признаваться, то есть стоит ли говорить им о своём знакомстве с Митей. Конечно, приятно иногда встретиться с далё-

ким прошлым, через много-много лет ощутить дыхание того времени, когда был молодым. Но одно дело Митя, а ведь тут всего лишь его сын, о существовании которого я знать не знал, даже не догадывался. Кстати, вот ещё что настораживает: почему-то его не было на похоронах. Я хорошо запомнил лица – людей было не очень много, да и прежняя профессия мне помогла. В чём же причина такого неуважения к отцу? А что если ему пришлось скрываться? Но от кого – от братвы или от закона? Да какая разница!

По большому счёту мне это всё равно, однако могла бы возникнуть некая неловкость, если бы Серж поддерживал связь с кем-то из моих одноклассников, близких друзей Мити – они-то, наверное, ещё помнили меня. В общем, после недолгого раздумья я решил признаться. Но тут возник вопрос: а почему та женщина выбрала в качестве посланца именно меня? Случайно ли это? И как мне оправдаться, если Серж заподозрит чёрт-те что? Чем дольше я размышлял, тем больше возникало у меня вопросов. Слава богу, что Катрин с Сержем что-то там обсуждали, не обращая внимания на гостя. Мне даже показалось, что я тут лишний и уже пора откланяться. Но этому помешал вопрос, заданный Катрин:

– Так что, вы кого-нибудь узнали?

Редкая проницательность для женщины! Хотя, возможно, они почувствовать способны даже то, к чему мы вынуждены пробираться через завалы противоречий, груды аргументов и многие часы напрасно потраченного времени. Увы, надо

признать, что интеллектуальные потуги отнюдь не гарантируют нам положительный результат. Однако Катрин как догадалась?

– Вы знаете, действительно, вроде бы кого-то узнаю, хотя фамилий и не вспомню.

– Это понятно, уже много лет прошло.

– Да, честно говоря, я был далёк от этой публики.

– Что так? По-моему, порядочный человек обязан активно выражать протест против тоталитарной власти, а не отсиживаться в кустах, когда другие идут на баррикады. – Серж явно напрашивался на то, чтобы его слегка повозили мордой по столу, но я сегодня был не в настроении.

На выручку мне пришла Катрин.

– Серж, успокойся! Что ты набросился на гостя? По-моему, ты уже забыл, зачем Влад сюда приехал. Я про письмо. Что будем делать?

Серж словно бы только теперь сообразил, что он находится в своей квартире, что его посетил незваный гость с печальной вестью. Однако, единственное, на что он был способен, это повторить вслед за Катрин:

– Так что же делать-то?

– По-моему, не стоит волноваться, – как мог, я попытался его успокоить. – Возможно, всё это просто чья-то злая шутка. Кстати, вы не пытались с ним связаться?

– Да нет. Мы давно уж не общались.

Серж произнёс это как-то неуверенно, словно бы не ре-

шался что-то рассказать. Но я и не рассчитывал на его признание.

– Ладно, завтра с утра зайду в интернет, покопаюсь там, кое с кем в Москве свяжусь. Думаю, что к вечеру что-то прояснится. В сущности, эта проблема из тех, которые вполне можно решить. Если ваш брат ни в чём не виноват, есть люди, которые помогут в этом разобраться.

– Хорошо бы, а то я совсем расклеился. Если бы не Катрин... – он посмотрел тоскливым взглядом на жену.

– Может быть, у вас с братом есть общие знакомые в Москве? Возможно, они что-то знают...

Серж несколько смешался, но после паузы счёл необходимым пояснить:

– Видите ли, в чём дело. После того, как я не явился на похороны отца... в общем, многие от меня отвернулись. Даже Лёня, – он тяжело вздохнул... – В принципе, мы давно уже чужие, и я мог бы не обращать внимание на то, что с ним сейчас случилось. Однако вы поймите, тут в некотором роде и моя вина. Как-никак я старше его, должен защищать хотя бы младшего, если не сумел спасти отца.

Да, грустная история с запоздалым покаянием. Хотелось бы его понять – вот всё же интересно, какие ещё мысли бродят в этой курчавой голове. Кто знает, писателю и это может пригодиться.

– А как вы оказались здесь?

– Там была тёмная история. Отец занялся книгоиздатель-

ством, но сам в этих делах ничего не понимал, поэтому доверился партнёру. Вы помните, что в 90-е творилось? Сплошные наезды и бандитские разборки. Так вот, сначала сын этого партнёра якобы выбросился из окна, потом его самого в подъезде дома застрелили. Отец тогда очень испугался. Брат ещё учился в институте, а я уже закончил к тому времени истфак. В общем, через своих друзей отец нашёл мне работу в здешнем университете, купил эту квартиру, поэтому я и живу в Гренобле. В общем, меня он спас, а самого убили через несколько лет. Паскудная ситуация, я даже на похороны побоялся приезжать... – Серж выпил свой коньяк и зашмыгал носом.

– Помнится, я об этой истории где-то читал, но только там было сказано, что утонул. А вы почему-то уверены, что отца убили...

– Ну как же, всё к этому сходится. Тогда могли убить и за тысячу баксов, ну а отец с его партнёром... Да что тут говорить, большие деньги всегда связаны с немалым риском.

В принципе, на этом мой визит можно было бы и завершить. Письмо я передал, а с угрызениями совести пусть Серж попробует разобраться сам. Однако я не мог оставить в столь непростой ситуации чем-то симпатичных мне людей. Впрочем, к Сержу моя симпатия относилась лишь в очень малой степени. И вот пока я искал повод продолжить разговор, на помощь мне пришла Катрин:

– А вы, правда, писатель?

– Да, – я развёл руками, словно бы извиняясь.

– И о чём же пишете?

– Как вам сказать? О разном. Сюжет рождается из отрывочных воспоминаний, потом требуется толика фантазии и немалое усердие, чтобы всё это связать. Но самое главное, надо понимать, зачем ты пишешь, что хочешь людям предложить помимо интересных диалогов и красочных пейзажей.

– И что вы предлагаете читателю?

– Об этом пусть догадывается сам.

– Вот как! – усмехнулась Катрин. – А если не сможет догадаться?

– Значит, не сбылось. Пусть ищет себе другого, более складистого автора.

– Не слишком ли жёстко? Насколько я знаю, принято бороться за читателей.

– Нет, угождать дурным вкусам я не собираюсь.

– Что тут дурного, если человек не понимает?

– Вкус не рождается сам собой. Если приучили к незатейливому чтиву, тут можно только посочувствовать. Но часто всему причиной оказывается лень. Лень разбираться, анализировать, сопоставляя факты...

– Похоже, вы всё пишете как бы для ума. А что же остаётся для души?

– Душа, конечно же, на первом месте. Сначала появляется чувство, затем возникает интерес, и только потом должно появиться желание понять скрытый смысл того, что автор

предложил твоему вниманию.

– И что же, этот скрытый смысл присутствует всегда? – при этом Катрин как-то странно посмотрела на меня, я даже почувствовал смущение, чего со мной давно уж не было.

– Возможно, я неточно выразился. Смысл не всегда понятен, поэтому я и говорю, что смысл скрыт от обычного, не склонного к аналитике читателя.

Хотелось бы надеяться, что хоть немного я её разубедил, заставил отказаться от сомнений в искренности моих намерений. Надо признать, что разговор о литературе оказался очень кстати, я словно бы слышал не заданный Катрин вопрос: «А можно ли вам доверять?» Впрочем, убеждать её я не собирался, мне хорошо известно, что суэта здесь ни к чему.

Я бы с удовольствием продолжил эту тему, но тут вмешался Серж, уже слегка пришедший в себя после потрясения, вызванного тем письмом. Во время разговора о литературе он помалкивал, но вот, наконец, нашёлся, что сказать:

– И всё же я не пойму, какое отношение вы имеете к тому, что случилось с братом.

Нет, определённо мне сегодня не везёт. Сначала Катрин сомневается в том, что я писатель, теперь вот он... И что прикажете ему сказать, если я сам не очень понимаю причину своего участия в этом деле?

– Видите ли, Серж, я могу только предположить, что просто всё совпало. И книга о Стендале, и намечавшаяся моя

поездка в Гренобль, и эта женщина, случайно оказавшаяся в той компании.

– Выглядит не очень убедительно...

– Да я согласен! Но тут, видимо, сыграло роль то, что я писатель. В России писателям принято доверять. Что Достоевский, что Чехов, что Толстой... Конечно же, я не пытаюсь себя сравнивать. Но если бы не эта встреча, скорее всего, ещё долго пришлось бы этой женщине искать способ, как передать письмо. Судя по содержанию, случайного человека об этом не попросишь.

– Вот и я о том. Допустим, я могу поверить, что письмо брату удалось передать из камеры, но почему оно попало к вам, а не к кому-то из его друзей?

– Могу только предположить, что не хотел их подставлять, он так и пишет. А брат – совсем другое дело, тем более, что вы живёте за границей. В любом случае, какой с вас спрос?

– Так-то оно так. Но всё же странно, мы же не виделись с ним с девяностых... Господи, как же давно всё это было!

Видя, что хозяин снова загрустил, я поспешил откланяться. Вот не хватало ещё изображать из себя потасканную жилетку, которая только и годится для того, чтобы в неё при случае поплакаться.

Глава 22. Второй визит

Обычно я пишу по утрам, иногда даже не дожидаясь завтрака. Записываю то, что, как мне кажется, имеет прямое отношение к сюжету. Если не получается с утра, можно этим заняться и попозже, завершив какие-то неотложные дела. Однако проблема в том, что свежие впечатления вмешиваются в тщательно отлаженный процесс, я слышу уже совсем другие голоса – один накладывается на другой, откуда-то возникает третий... Да просто слов не разобрать! Тогда, чтобы что-нибудь понять, мне надо приложить невероятные усилия. Какое уж тут творчество? Так что для начала надо хоть немного подремать – самую малость, хоть полчаса. Думаю, этого вполне достаточно, если никто не потревожит.

Но стоило прилечь, закрыть глаза, глубоко вздохнуть в предчувствии живительного, освежающего сна – в этот самый момент в дверь постучали. После того, как несколько часов бродил по интернету в поисках информации по делу, после того, как вчера засиделись допоздна, ведь можно было рассчитывать хоть на какое-то снисхождение к клиенту. Увы, не суждено. Кто там припёрся – горничная или кто-нибудь из администрации отеля, чёрт её дери? Вот так, чертыхаясь и мысленно проклиная этот негостеприимный городок, а заодно и всеми давно забытого Стендаля, я встал с дивана и направился к двери.

Ещё вчера заметил, что Катрин очень редко улыбается. И даже когда улыбка присутствует на её лице, она мало напоминает всех этих «Мисс мира» и прочих звёздочек и звёзд, завсегдатаев ночных клубов, представленных на обложках глянцевого журналов. Нет, в Катрин всё совсем другое – эти её мечтательные, грустные глаза, сдержанная в проявлении своих чувств, она как будто опасается растерять своё богатство, бережёт и неприязнь, и страсть. Бережёт, возможно, до того самого момента, когда обрушит ярость на врага. Ну а любовь... Нет, честно говоря, мне не хотелось бы стать объектом её страсти. Так я примерно рассуждал, а между тем, передо мной стояла именно она. Впрочем, это не совсем так, поскольку Катрин сразу же прошла в гостиную, даже не спросив моего на то согласия.

Ну что ж, я смирился с тем, что сегодня поработать не удастся. Взгляд Катрин, я бы его назвал многозначительным, не оставлял сомнений в этом.

– Ну как, что-нибудь удалось узнать? – спросила она, расположившись в кресле.

– Честно говоря, похвастать нечем. Надо бы ещё покопаться, может, что-нибудь найду. Друзей тоже озадачил, но пока всё без толку...

– Так я и предполагала?

– Вы о чём?

Такое впечатление, что Катрин даже не слышит того, что говорю. Просто думает о своём, почти не обращая на меня

внимания. Словно она хочет что-то мне сказать, но отчего-то не решается. Даже возникло ощущение, будто нечто подобное когда-то было – и нерешительность девочки по вызову, и этот чуть растерянный её взгляд... Однако при чём же здесь путана? От одной только этой мысли мне становится не по себе. Да просто потому, что стыдно так думать о незнакомом человеке. Незнакомом? В том-то и дело, что я её совсем не знаю, а потому и лезет в голову вся эта ерунда.

И тут она спросила:

– А вам не кажется, что всё это очень подозрительно?

– Что именно?

– Да вот внезапно объявившийся брат, какие-то связанные с ним проблемы...

– Ну, в жизни всякое бывает... – не выдержав её взгляда, я отвёл глаза.

Немного помолчали. Я, честно говоря, так и не понял, в чём она может меня подозревать. И допустимо ли такое отношение к фактам, когда речь идёт о близком человеке, о его проблемах. По-моему, тут всё предельно ясно. В семью пришла беда и следует предпринять все возможные усилия для того, чтобы благополучно выйти из этой ситуации. Но вслух я ничего ей не сказал, поскольку наверняка она сама всё это понимала. Тогда откуда эти подозрения?

И снова Катрин спрашивает, хотя по форме это скорее утверждение, нежели вопрос:

– Странно, вы даже не удивились, что мы оба русские.

Ничего себе заявочка! Да по большому счёту нечего тут объяснять!

– Катрин, ну что здесь удивительного? Выходец из России выбрал себе в подружки русскую. Вот если бы вы англичанкой оказались...

– Я не о том. Мне показалось, что вы заранее всё знали.

– Господь с вами! Да я ничего о вас не знаю. Ну, скажем, Серж. С ним вроде бы всё ясно. А вот вы? Вы-то как в Гренобле оказались?

На мой взгляд, вовремя заданный вопрос способен разрушить любое логическое построение, направленное против вас. Надо только найти самую болезненную для оппонента тему. Сделать так, чтобы ему пришлось оправдываться, что-то объяснять или хотя бы искать повод для того, чтобы избежать неприятной темы в разговоре.

– Это длинная история.

Пытается лавировать, но я не так-то прост.

– В вашем возрасте длинная история это большая редкость, – я попробовал шутить. – Ну что там, школа, первый поцелуй, иняз...

– Я в институте не училась. Было, в общем-то, не до того.

– Тем более, никак не получается длинная история...

Катрин вздохнула.

– Когда-нибудь, возможно, расскажу...

– Я не настаиваю, если вам это неприятно.

Она как-то слишком уж внимательно посмотрела на меня.

– Речь тут не обо мне. Я сомневаюсь, захочется ли вам эту историю услышать...

Произнося эти слова, Катрин сделала особое ударение на слове «вам». Признаюсь, я был этим озадачен. С какой стати меня должна взволновать история совершенно незнакомой мне, по сути, женщины? Ну вот обменялись с ней парой фраз вчера, что из этого? Неужели теперь всю оставшуюся жизнь я должен вспоминать её печальный взгляд и переживать по поводу того, что с ней случилось? Не надо бы это говорить, но я всё же не сдержался:

– Мне кажется, у вас ко мне возникла неприязнь.

– Возможно...

– Но почему? – я, в самом деле, удивлён.

– Сама не знаю, – только головой покачивает.

– Так не бывает.

– Но что если всё именно так?

– Должна же быть какая-то причина.

– Я же говорю, не знаю.

По меньшей мере, странный разговор. Какие-то намёки вместо объяснений. И как мне на это реагировать? Не обращать внимания?

– Ну и зачем тогда пришли?

Катрин растерянно смотрит на меня. Молчит. Другая на её месте просто встала бы и вышла вон. А эта вот сидит. Хорошо хоть, что ещё не плачет.

– Ну не могу же я ничего не делать, когда угрожают род-

ному человеку.

– Помилуйте, да кто же угрожает? – воскликнул я.

– Ну как же, ведь если правда то, что случилось с этим его братом...

– И что?

– А вдруг придётся выплачивать за его освобождение большие деньги, которых у нас нет, или того хуже – возвращаться на родину, в Москву, чтобы как-то всё уладить? Мне кажется, всё дело в том, что Сержа хотят выманить на родину.

– Это ещё зачем?

Катрин вновь долгим и задумчивым взглядом смотрит на меня.

– Я так и думала.

– И что ещё пришло вам в голову?

– Вы приехали только для того, чтобы принести в наш дом несчастье. Серж этому не верит, а я ещё вчера это поняла.

– Да уверяю вас, всё не так! Я выполнил поручение, а уж что там кем-то замышлялось, откуда же мне знать?

– Но почему именно вы?

– Почему я? – повторил я вслед за ней.

Не скажу, что этот вопрос меня смутил, и всё же Катрин добилась своего – где-то в глубине души зародилось некое сомнение. Признаюсь, я сомневаться начал ещё вчера, однако не мог точно сформулировать, в чём, собственно, причина, и с какой стати я должен в чём-то самого себя подозре-

вать. Нет, я даже теперь пытаюсь защищаться, возражать:

– Ну что изменилось бы, если бы письмо доставил кто-нибудь другой? Какая разница?

На этот вопрос Катрин мне не ответила. Возможно, и она не знала, как всё это объяснить. Скорее всего, тут сработало чисто женское интуитивное предчувствие. Вот кажется ей, будто что-то здесь не так, однако для того, чтобы меня в чём-то обвинять, этого было явно недостаточно. Я не уверен, что удастся её переубедить, однако почему бы не попробовать?

– Поверьте, если бы я мог предполагать, если бы знал, что всё так сложится, если бы догадывался, что есть какой-то тайный смысл... Да что тут говорить, я бы никогда не взялся!..

Сплошные «если бы». Здесь сослагательное наклонение на любой вкус, в самых разнообразных сочетаниях. Даже не знаю, почему я так сказал. Мне вдруг почудилось, что если я снова буду отвечать вопросом на вопрос, всё может сорваться, и она уйдёт. Ну просто обидно, если так. Хотя бы потому, что кроме Сержа и Катрин я в этом городе никого не знал, даже пообщаться не с кем.

Катрин вдруг резко поднялась с дивана и направилась к двери. И на ходу, не поворачивая головы, сказала с какой-то не вполне понятной интонацией:

– Приходите вечером. Серж очень просил, так что не отказывайтесь, – сказала это и вышла, захлопнув за собою дверь.

Чего там было больше в этих её словах – издевки, непри-

язни или надежды на то, что подтвердятся подозрения, что ей удастся доказать... Но что?

После ухода Катрин даже мысли не возникло о том, чтобы писать. Когда такой сумбур в голове, тут уж совсем не до Стендаля. Решил поспать, предварительно приняв рюмку конь-яка, но оказалось всё впустую, ничто не помогает. Пришлось сесть снова за компьютер – нельзя же вечером отправляться в гости вот так, с пустыми руками, не имея ни одного байта информации, не имея возможности как-то обнадёжить, успокоить Сержа и Катрин.

Я проторчал в интернете до обеда, послал несколько сообщений, получил два меседжа в ответ. И теперь, с сознанием кое-как выполненного долга отправился блуждать по городу, намереваясь подыскать место, где мне захочется перекусить. Всё дело в том, что после визита Катрин, после всех этих её обидных слов, необоснованных предположений аппетита не было, хоте-лось только выпить. Не знаю, как и почему, но в итоге я оказался в районе пляс Гренет. Эта площадь, недалеко от дома, где родился Анри Бейль, чем-то привлекла меня ещё вчера, в первой половине дня, которую я посвятил предметному изучению био-графии Стендаля – обозрел дом, где он родился, осмотрел музей, кое-что сфотографировал, даже побеседовал с тамошним зрителем.

Итак, я нахожусь на пляс Гренет. Представьте себе вытянутый прямоугольник, скорее даже отрезок улицы, вовсе не площадь в обычном понимании. Согласно моим, доволь-

но субъективным представлениям, это должен быть квадрат, а посреди него памятник или что-нибудь другое, вроде колонны Нельсона, как в Лондоне, на Трафалгер сквэр. Ну, в крайнем случае, фонтан. Конечно, это частности, я бы их не назвал важными в контексте моего исследования, но повторюсь, здесь ничего подобного я не увидел. Да-да, всего лишь отрезок улицы, заканчивающийся тупиком. Вот так идёшь, поглядываешь с любопытством по сторонам, глазешь на витрины бутиков и кафешек и вдруг... вдруг упираешься в дом. Но как же так? Здесь вроде бы полагается быть улице! Ведь я куда-то шёл, следовал по своему маршруту. И отчего-то оказался в тупике. Ну не могли же, пока я шёл, всё это сделать мне назло, нарочно, то есть на месте улицы построить дом? Такого просто не бывает!

Но вот пригляделся, посмотрел по сторонам, и вижу – всё совсем не так. Нашёлся даже маленький фонтан. Да, к счастью, есть ещё надежда. Я просто не заметил крохотный проулок, ведущий из этой безнадежности, из тупика. И вот, протиснувшись между нависшими надо мной домами, я словно бы выхожу на белый свет. Он там, он где-то впереди – полоска голубого неба и непременно горная вершина. Недаром ещё Стендаль когда-то утверждал: любая улица в Гренобле заканчивается горой. Готов в это поверить...

Чуть позже у меня возникло собственное впечатление от Гренобля. Так вот, у этого города не было лица. Лицо находилось где-то там, в горах, точнее, это были сами горы. А

город – как подновлённый сюртук устаревшего фасона, под которым скрывалось дряблое, изрядно исхудавшее тело старика. Вот разве что научный городок, что располагался на некоем подобии полуострова, образованного реками Изер и Драк, выглядел более или менее современно, однако он был сам по себе, воспринимался как нечто чужеродное. Меня же интересовала лишь старая часть города.

В итоге этих недолгих странствий я оказался на пляс Сен-Клер. Это место куда более напоминало площадь, вот и старая церковь чуть поодаль, пара небольших кафе и, по всему видно, шикарный ресторан с довольно необычным названием «La Table Ronde», что в переводе означает «Круглый стол». Учитывая тот переговорный процесс, который только начался между мной, Катрин и Сержем, это местечко следовало взять на заметку. Кто знает, может быть, тут мы и найдём то самое, что принято теперь называть консенсусом?

Вместо фонтана, привычного сооружения для здешних мест, посреди площади Сен-Клер располагался памятник. Судя по всему, древнее сооружение, не меньше сотни лет. Пьер Террайль де Баярд, доблестный шевалье, «добрый рыцарь» или, если хотите, «рыцарь без страха и упрёка», прославился в сражениях с германским императором ещё в период итальянских войн, однако какое отношение он имел к Греноблю, мне не удалось узнать. Да я и не пытался, поскольку только добрых рыцарей в этом деле не хватало. По правде говоря, такая роль мне совсем не улыбалась, а всё потому,

что Серж сочувствия у меня не вызывал. Я вообще на дух не выношу фанатов, а этот и вовсе самовлюблённый, заносчивый учёный червь. Такому бывает приятно наступить на ногу в трамвае, чтобы понял, наконец, что он в этом мире не один, он самый обыкновенный гражданин, которому всего лишь повезло, а все так называемые его таланты – это не более, чем результат стечения обстоятельств, случайный поворот судьбы, почётный приз, доставшийся ему, скорее всего, просто по ошибке, по недоразумению.

Перекусив в кафе «Ле Перроке», я пересел за столик на улице, у входа и, попивая кофе, рассматривал прохожих, продолжая думать о своём. Я всё никак не мог понять, что может связывать этих людей, так не похожих друг на друга. Серж, долговязый, какой-то неуклюжий, вот даже одевается так, словно бы и не прожил столько лет в Европе. Про обстановку в квартире я уже сказал. И что в нём Катрин хорошего нашла? Нельзя же думать так, будто всему причиной его заработок, значительно больше того, что он мог иметь в России.

Лицо Сержа тоже не подарок. Оно словно бы вырублено топором, причём явно из такого же полена, что и знаменитый Пенноккио, он же Буратино. При взгляде на такое лицо возникает впечатление, что вот прикоснёшься ненароком и рискуешь занозить свой палец. Я бы, наверное, пробовать не стал, тем более что драка с ним в мои намерения не входила. Да с этими учёными всегда была морока! Впрочем, мне

приходилось слышать, что Серж – это исключение, светлая голова на фоне удручающего нынешнего безголовья.

Вот Серж, а рядом с ним прелестная, юная Катрин. Ну, не такая уж юная, если приглядеться. Возможно, что-нибудь лет двадцать с гаком. Однако, если сравнивать со мной, я бы назвал её ребёнком. Назвать, конечно, можно, но есть в ней и такое, что не позволяет подобное определение воспринимать всерьёз. Мне даже показалось, что в своём понимании того, что происходит рядом, в ближнем окружении, Катрин просто на голову выше Сержа – со всеми его званиями, степенями и признанным авторитетом. Странно, но судя по всему, им не приходится конфликтовать, во всяком случае, я ничего такого не заметил. Ну разве что Катрин может не разделять некоторых его восторгов по поводу выбранной им мебели или иных малозначительных предметов и событий. А так, напротив, способна успокоить, если учёный ум окажется жертвой паники по поводу нерешённых бытовых проблем или, не дай бог, у мэтра разболится зуб. Да можно ли допустить, чтобы чьи-то руки копались в голове такого небожителя? Вот тут и настаёт черёд Катрин. Не думаю, что она освоила все полезные для семейного благополучия профессии, однако я готов позавидовать её супругу. Впрочем, боюсь, что меня неправильно поймут...

Побродив по городу, пропустив ещё пару рюмок по дороге, я ближе к вечеру вновь оказался на площади Леон Мартэн. Зайти или же не заходить? Я был в нерешительности, по-

сколькx поначалу свидание с этим семейством собирался отложить на завтра. Тогда ситуация уж точно прояснится, и я смогу сообщить им что-нибудь конкретное, какой-то реальный, может быть, предварительный, но всё же результат. Однако вот представил себе, как Серж сейчас не находит себе места, как достаётся Катрин, которая пытается отговорить мужа от необдуманных решений. В итоге, наплевав на логику, стал подниматься на второй этаж.

– Ну вот, вы добились своего. Он уже пакует чемоданы!

Этими словами Катрин встретила меня с порога. Внешне она вроде бы спокойна, однако есть признаки того, что почти на грани – ещё чуть-чуть и, чего доброго, заревёт, заплачет в три ручья. Вот только истерики мне здесь и не хватало! В который уже раз я готов был пожалеть о том, что счёл возможным ввязаться в эту драму. Смотреть на то, как очаровательное личико превращается в гримасу боли и отчаяния... нет, всё это не мной придуманный сюжет. Да чтобы ещё хоть раз! Я снова дал себя уговорить, снова выступаю в роли разрушителя, злодея. А как ещё можно было бы меня назвать?

Пожалуй, следует признать, что всё подошло к тому пределу, когда накал страстей, эмоции выйдут за рамки допустимого... Нет, это было бы слишком плоско, примитивно. Но и она тоже хороша – надо же так сказать, будто я «добился своего». Откуда у Катрин такие подозрения? Ведь самое интересное тут в том, что лично мне от них абсолютно ничего не нужно. Ну ни чуточки! Что ж, постараюсь объяснить.

– Серж! Катрин! Но как же так? Я к вам с хорошей вестью, а вы тут устраиваете бог знает что.

Гляжу, глаза Катрин просохли, из рук Сержа выпал чемодан...

– Да, да! Я вас не обманываю.

Похоже, этого они никак не ожидали. Ком в горле, дыхание перехватило, ну и всё такое прочее. Однако форсировать события я не собираюсь. Налил себе в рюмку коньяку, уселся в кресло, выдержал небольшую паузу.

– Так вот, история эта подтвердилась, к сожалению. Но есть один адвокат, мне его порекомендовали хорошие знакомые, он как раз специалист по таким делам. Предварительно я ему кое-что рассказал о том, что произошло, но, разумеется, без упоминания фамилий. Если будет ваше согласие, я сообщу ему всё, что мне известно, – допив коньяк, я закурил сигарету, и, не обращая внимания на реакцию Сержа и Катрин, продолжил: – Так вот, он обещает буквально через несколько дней предложить вам вариант решения проблемы, естественно, без выплаты каких-либо значительных сумм, и даже, скорее всего, без поездки Сержа на родину, в Россию.

– А кто он такой?

Эта недоверчивость Катрин начинала меня раздражать.

– Какая вам разница? Да просто человек с большими связями. По-моему, именно такой и нужен. Я, например, склонен ему доверять.

Серж, сидя на диване, продолжает тарашить не меня гла-

за.

– Ну и когда?

– Завтра с утра я с ним свяжусь, и уже вечером он должен сообщить о промежуточных итогах, ну и о том, что ещё нужно предпринять.

– Хорошо, если всё так, – Катрин сказала это без особого восторга.

Зато Серж сверх всякой меры возбуждён. Чуть ли не бегаёт по комнате, продолжая твердить одно и то же:

– Так, значит, завтра... Завтра? Катрин, но это здорово! У меня есть предчувствие, что всё будет хорошо. Да что там говорить, я в этом практически уверен!

Глядя на него, просто не могу поверить, что пару минут назад передо мной стоял человек в полной тоске, в состоянии крайнего душевного упадка. Я бы даже не удивился, если бы он наложил руки на себя. И вдруг на моих глазах произошло чудесное преобразование. Всего-то несколько сказанных мной слов, и вот снова наш всадник на коне, снова ощущает в себе способность радоваться жизни.

– Катрин! Влад! Это дело мы обязаны отметить.

– Не торопись, – попробовала предостеречь его Катрин. – Как бы нам не сглазить...

– Да я же тебе говорю, у меня стопроцентная уверенность, что всё будет хорошо. Интуиция меня ещё никогда не подводила. Только бы он взялся за это дело! Так что, когда, вы говорите? – понятно, что это его вопрос обращён ко мне.

Тут самое время было эту уверенность в Серже поддерживать. Да потому что сомнения Катрин могли свести на нет все мои усилия. Уж так мне не хотелось присутствовать при очередной слезливой мелодраме. Впрочем, Серж так и не дождался моего ответа, он словно бы черпал вдохновение в самом себе, то есть сам спрашивал и сам же отвечал, никого не слушая.

– Вот видите! Всё складывается замечательно! Катрин! Что там у нас есть? Неси на стол.

Честно говоря, перспектива выслушивать радостные вопли Сержа ещё в течение несколько часов меня не очень увлекала. Можно было бы прямо теперь откланяться, но оставлять их наедине с едва родившейся надеждой и вероятными сомнениями почему-то не хотелось, и я предложил вполне разумный вариант:

– Послушайте! Время сейчас ещё не позднее. А не пойти ли нам в ресторан?

– Влад, вы гигант мысли! Как я сам не догадался? Катрин, поторопись, я уже переодеваюсь.

С этими словами Серж выбежал из гостиной, однако Катрин так и не двинулась с места. Забравшись с ногами на тахту, она продолжала о чём-то размышлять.

Я спросил:

– Вы не пойдёте с нами?

– Нет, отчего же...

Она как-то странно, уже не с видимым сомнением, но

словно бы приняв какое-то решение, посмотрела на меня, затем медленно встала и пошла в свою комнату, оставив, надо полагать, по забывчивости дверь за собой открытой...

Катрин раздевалась на моих глазах. На пол упали джинсы, майка... Окно было не зашторено, свет люстры ярок, и какой-нибудь досужий соглядатай мог видеть всё это великолепиие женского тела во всех его подробностях. На мой взгляд, идеальная модель, достойная кисти Гойи или Модильяни. Жаль, что я мог рассмотреть её только со спины. Но даже этого было достаточно, что бы возникла мысль – мысль на всё на свете наплевать, ворваться в её комнату, запереть дверь, и, не взирая на крики потрясённого моим коварством мужа, не взирая на это, получить своё... Странные мысли иногда рождает плоть. Странные и почти наверняка несбыточные. Я подошёл к бару и налил себе ещё рюмку коньяка.

А через полчаса мы уже сидели за столиком в «Ля Табль Ронде», этот тот самый «Круглый стол», я его заметил накануне. Чуть ли не старейший ресторан во Франции, оформленный под старину, в моём любимом стиле «ретро». Самое подходящее место, чтобы провести вечер в компании людей, поверивших в скорое избавление от невзгод, повеселиться ну хотя бы раз, пока не постигло горькое разочарование.

Глава 23. Круглый стол

Вообще-то, я не большой любитель зланных мест, хотя повидал их на своём веку уже достаточно. При посещении ресторана на первом месте для меня не антураж, хотя и это тоже важно, и даже предлагаемое меню не очень увлекает. Мне интересно, кто сидит со мною рядом за столом. Это может быть и старинный приятель, и деловой партнёр, с которым предстоит обсудить за обедом нечто важное. Я уж не говорю о том счастливом случае, когда оказываюсь в обществе прелестной дамы. Вот и теперь Серж, конечно же, был не в счёт, однако Катрин хороша на загляденье!

Они, конечно же, здесь уже бывали. В Гренобле не так много шикарных ресторанов, это вам не Париж и не Марсель. Катрин это место нравилось, а Сержу, как я понял, всё равно – была бы вкусная еда и выдержанные вина из Испании. А вместо десерта крепкая сигара.

Пока Серж со знанием дела обсуждал с официантом перечень закусок, ну и всё остальное, что положено, я, как мог, пытался развлекать Катрин, рассказывая о своих впечатлениях, полученных во время блужданий по Греноблю. Понятно, что за те несколько лет, которые она провела здесь, Катрин изучила город буквально вдоль и поперёк, чуть ли не с закрытыми глазами могла найти любую улочку и рассказать о ней такое, о чём я вряд ли бы когда-нибудь узнал. Но, в

основном, наши впечатления и даже взгляды совпадали – город и для неё, и для меня был и остаётся естественной средой обитания, пусть даже это разные города. В отличие от мужа, Катрин на природу не тянуло – раз побывав на вершине не самой высокой из окрестных гор, она этим восхождением вполне насытилась и более на уговоры уже не поддавалась. Напротив, Серж, заядлый, опытный турист, если позволяла работа, каждое воскресенье обувал добротные ботинки с рубчатой подошвой, брал набитый доверху снаряжением и съестными припасами рюкзак и отправлялся в горы с такими же, как он, фанатами, любителями погалдеть, оказавшись на природе. Чем занималась в это время Катрин? Всё тем же, что поддерживало её интерес к жизни, пока муж находился на работе – бродила по городу, совершенствовалась в знании языка, беседуя с продавцами в магазине и с официантами в кафе, или ходила в кино, если был приличный фильм с хорошими актёрами. Или же просто загорала в парке, но это только в том случае, если совсем уж нечего было предпринять. Ну, а по вечерам сидели дома, изредка выбирались в гости или в ресторан. Всё дело в том, что Серж сейчас занят очень важной для него работой, допоздна не покидает кабинет. Катрин это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Ей было скучно, и единственное, что успокаивало – это обещание Сержа, будто всё это временно, не навсегда.

Когда подошла очередь заказывать остальное, то есть дошло до карты вин, Серж снова всё взял на себя. Да я не воз-

ражал, поскольку беседа с очаровательной женщиной всегда доставляла мне гораздо больше удовольствия, чем кулинарные изыски и подготовка к выпивке. Думаю, тут я не оригинален. Мы с Катрин переговаривались вполголоса, и, не сводя с неё глаз, я представлял себе, как всё это могло быть, если бы мы познакомились тогда, до её замужества... Впрочем, в то время я не был ещё достаточно известен и богат, чтобы на меня могла обратить внимание такая женщина. Да и сейчас, по большому счёту, о богатстве речи нет – есть только то, что можно было бы назвать материальной независимостью. Если же учесть разницу в возрасте, шансов у меня совсем не оставалось. Но как Сержу удалось то, о чём я только мог мечтать?

Как выяснилось, Катрин приехала в Гренобль вместе с ансамблем какой-то популярной певицы. Пока звезда раскрывала рот под фонограмму, Катрин вместе с подругами изображала на сцене разнообразные хореографические па, примерно так я себе это представляю. Да при её фигуре, при её природной красоте не сомневаюсь, что немалая часть аплодисментов доставалась именно Катрин. Там Серж её и приметил, а остальное было делом техники. К слову сказать, Катрин против такого замужества не возражала, поскольку обстановка в артистической среде сама подталкивала к подобному решению. Вот так всё и случилось.

Тем временем Серж уплетал за обе щеки – видимо, недавние события сначала напрочь лишили его аппетита, ну а те-

перь можно было и разговеться, компенсировать всё то, что не доел вчера. Савойские сосиски с луком, маринованные в красном вине, эскалоп из птицы с голубым сыром Сасенаж и даже филе форели по-гренобльски – всё это было к его услугам, Серж это пиршество выстрадал, да кто бы сомневался!

– Знаете, Влад, я всегда любил вкусно поесть. Помнится, в Москве был такой рыбный ресторан, он назывался «Якорь». Мы с коллегами туда изредка заходили – выпить водочки, закусить салатом из трески или осетровой тешей, поболтать о том, о сём.

– Ну, в эпоху дефицита всё это иначе воспринималось. Что-то вроде выигранного приза. Однажды мне это удалось.

– И как это было? – поинтересовалась Катрин.

– Это случилось первого мая, в день международной солидарности трудящихся. Кажется, так это прежде называлось. От своих знакомых я узнал, что в гастрономе, в том самом, что находился в здании гостиницы «Москва», по окончании демонстрации устраивают распродажу дефицита для дружинников. Имелись в виду те, что стояли в оцеплении, отделяя колонны на Красной площади одну от другой.

– Зачем это? – Катрин, даже при её сообразительности, подобные тонкости были недоступны.

– Ну как же, как ты не понимаешь! Некий недостойный гражданин, которому предстояло пройти в самой дальней от Кремля колонне демонстрантов, мог преспокойно перебраться поближе к Мавзолею, туда, где ему быть не полага-

лось, – пояснил ей Серж.

– Да что там говорить, если бы не дружинники, на площади могла возникнуть давка. Что-то подобное тому, что было на Ходынке, когда короновали последнего русского царя, – добавил я.

– Это вряд ли! Насколько я помню, в те времена даже по улицам ходили строем. Тогда вообще всё было, как в казарме.

– Ну, не совсем так, Серж...

Я усмехнулся, но спорить с ним не стал. В принципе, Сержа я могу понять: уехал он из России не по своей воле, да и отцу в прежние времена изрядно доставалось. Поэтому любое преувеличение как бы в кайф. И как ни странно, многие этому поверят.

– А что же в гастрономе? – Катрин уже увлеклась этой историей.

– Сначала нужно было до него добраться. Первый эшелон обороны начинался ещё на Пушкинской площади, а дальше уже в каждом переулке стоял заслон из милиции и грузовиков. Я пробирался через проходные дворы, иногда по крышам. Помню, недалеко от церкви Рождества в Столешниках нашёл подходящий двор, через который вышел на Пушкинскую улицу уже совсем недалеко от Дома Союзов. А как раз напротив него, на другой стороне проспекта Маркса и располагался гастроном.

– Ну, про крыши вы загнули, – усомнился Серж.

– Я имел в виду крыши сараев. Это был хорошо отлаженный метод ещё с тех пор, когда Гагарина встречали.

– Ну да, конечно... – про Гагарина Серж постарался пропустить. – Так что же в гастрономе?

– Как ни странно, никакой давки там не было. Видимо, ещё не все дружинники успели подойти. Стояло несколько очередей, человек по десять – за колбасой, конфетами... Меня же привлекал лишь рыбный отдел. И вот, пока подходила очередь, я всё оглядывал витрину и никак не мог решить – а что же брать?

– Неужели так много всего было?

– Да не то слово! Варёные, копчёные и запечённые. Причём самые разнообразные виды рыб. О некоторых я никогда не слышал, потому и сомневался.

– И как же всё унёс?

– Ну, килограммов пять-семь, не более того. Да мне до дома было недалеко, всего-то полчаса ходьбы.

– И всё-таки, что было самое вкусное? – поинтересовался Серж.

– Честно говоря, большинство своих покупок я не помню. Но вот копчёный угорь – это в памяти осталось навсегда!

– Ах, как вам повезло! Мы как-то ели его в Париже. Здесь, к сожалению, не бывает. Неподражаемый, просто исключительный вкус!

Серж налил нам вина, продолжая расхваливать какое-то блюдо, которое удалось попробовать в парижском рестора-

не. А я, честно признаюсь, застрял в прошлом, в том, что было тридцать, а то и сорок лет назад, и почему-то не хотелось выбираться. Не так-то просто избавиться от воспоминаний, особенно если всё это связано с тем временем, когда мы были молоды, с тем временем, которое, увы, не вернётся никогда...

Ну что ж, весьма приятное вино с довольно плотным вкусом. Испанскую «риоху» я стал уважать ещё с тех давних пор, когда она появилась в московских магазинах в обмен на нашу нефть, которая пошла на запад. Чего только тогда не закупали – шотландский виски, итальянские полуботинки, австрийские сапоги на высоком каблуке... Всего перечислить не берусь.

И вот, потягивая вино, вспоминая о былом и словно бы вновь ощутив себя молодым благодаря вернувшемуся через много лет неповторимому вкусу «Кампо Вьехо», я вдруг почувствовал прикосновение ноги Катрин. Да, чуть не забыл – на ней было очень красивое голубое платье с глубоким вырезом. Всё время разговора, ещё пока сервировали стол, я не сводил глаз с её груди, буквально умирая от желания. Нет, я не вру, это было так. И если бы не Серж, не этот суетливый официант, если бы не нахальные взгляды публики, набившейся совсем некстати в ресторан, я бы, наверное, решился...

Но это прикосновение меня остановило. Я осознал внезапно, что не сплю, что это не было случайностью. Ещё од-

но осторожное движение, и вот я уже упёрся коленом в её мягкое бедро и даже почувствовал ответное движение. Я не решался поднять на Катрин глаза, поскольку в них наверняка отразилось бы то чувство, которое я теперь испытывал, и потому сделал вид, что увлечён едой. А мысленно представлял себе то, что могло бы быть – сплетение рук, скрещение ног... Словом, совсем как у Бориса Пастернака.

И всё же странно. Почему вот так: вчера ещё чуть ли не враги, а через несколько часов – потенциальные любовники. Такого не бывает. Как-то не очень это сочеталось с её словами о родном человеке, которому будто бы кто-то угрожал. Что могло изменить отношение Катрин ко мне? Я никаких попыток обольстить её не предпринимал, даже напротив, мог вызвать только раздражение. Всё вдруг изменилось после того, как я им рассказал... Нет-нет, немного позже. Это случилось после неумеренных восторгов, когда Серж вдруг неожиданно поверил, что вот уже всё счастливо завершилось, словно бы только и хотел избавиться себя от ненужных забот, которые отвлекают от главного дела его жизни. Но как это могло повлиять на решение Катрин, я не понимал. К тому же её желанное тело было так близко от меня, что ни о чём серьёзном я не в состоянии был думать...

Это наше интимное свидание, наше безмолвное признание в любви было прервано короткой репликой, произнесённой Сержем:

– Ну что ж, с копчёным угрём вам повезло. Однако держу

пари, что такие лангусты, которых мы с Катрин как-то накушали в Марселе, в Москве вам и не снились.

– Серж, успокойся! Теперь там всё можно купить, были бы только деньги.

Ну, коли речь заходит о лангустах...

– Я даже больше вам скажу. Были времена, где-то ещё в начале 70-х, когда лангусты подавали к пиву в ресторане «Жигули».

– Не может быть! Всё это красная пропаганда! – воскликнул Серж, вытер салфеткой рот и с грозным видом уставился на меня. – Влад, признавайтесь! Вы, наверное, тайный сталинист?

Как быстро люди забывают о добре! Всего лишь час назад готов был целовать мне ноги, стоя на коленях, ну а теперь хочет обвинить бог знает в чём. Мне захотелось подразнить этого наглеца.

– Видите ли, Серж, если бы лангустами и паюсной икрой нас вдоволь потчевали ещё при Сталине, вряд ли бы случилось то, чему так радуетесь вы и ваши единомышленники здесь и там, в России.

– То есть вы считаете, что все революции от пустого живота?

– Да с голодухи чего только не случается!

– Ну вы и фрукт! По-вашему, борьба за равные права, такое священное понятие, как свобода – всё это фикция?

– А кто вам запрещает? Боритесь! Просвещайте! Только

вот голодающие дети где-нибудь в Сомали или в Судане вряд ли вас поймут, такого сытого и весьма довольного собой.

Этого Серж вынести не мог:

– Да что ж это такое? Поужинать спокойно не дадут! Теперь даже кусок в горло не полезет, – Серж пошарил по карманам. – Катрин, не знаешь, где мои сигары.

Катрин достала из сумочки роскошно оформленную коробку «Хэндэлхоф» и протянула её мужу. Я, было, предположил, что на этом разговор о высоких материях исчерпан, но оказалось всё не так. Пыхнув пару раз сигарой, Серж с прежним апломбом продолжал:

– Все ваши ссылки на чьих-то там детей никакого отношения к делу не имеют. Человечество неоднородно. И если для одних всю жизнь на первом месте кукурузная лепёшка, то для таких, как мы, привычная нам сытость, все эти житейские удобства – это лишь необходимый антураж, способный облегчить нам жизнь, избавив от напрасной траты времени. Мы с вами, Влад, – интеллектуальная элита! С нас много спрашивают, но именно поэтому нам многое дано...

Он говорил и говорил, словно бы сел на любимого конька, а я никак не мог избавиться от впечатления, что всё это когда-то слышал. Да-да, помнится, некий коротышка, сидя голым на обеденном столе, тоже разглагольствовал о смысле жизни, об элите. И чем всё это для него закончилось? Ну вот и тут...

А Серж между тем не унимался. Другой на моём месте

мог бы разозлиться, однако улыбка не сходила с моего лица. Видимо, Сержа это ещё больше заводило. Однако меня порадовал вовсе не тот забавный эпизод из прошлого, вовсе не печальная судьба словоохотливого демагога. Краем глаза я увидел, что и Катрин, слушая мужа, тоже иронично улыбается, не только я. За это стоило бы выпить. Я налил себе коньяку и немножечко вина Катрин, мысленно произнёс тост, что-то вроде заклинания, затем поднял свой бокал и выпил. Катрин последовала моему примеру. Мы словно бы оказались заодно, а выпитый бокал, как ни высокопарно это может прозвучать, стал в некотором смысле залогом нашего взаимопонимания.

И всё же странный, этот Серж. Ему даже не приходило в голову, что могут быть иные мысли, иные заветные желания, и вообще – может быть кто-то непохожий по образу мыслей на него. То есть мысли-то могут быть, без мыслей жизни не бывает. Но ему казалось, что именно он мыслит правильно, наперекор всему тому, что называют массовым сознанием, вопреки раз и навсегда установленному кем-то свыше распорядку. Он – личность! А они – никто! Вот и вся философия такого мудреца. Честно говоря, мне не хотелось Сержу возражать, ни сил не было, ни желания.

Вечер закончился на грустной ноте. Когда сели в такси, Катрин вдруг положила голову Сержу на плечо и сказала:
– Боже! Как я напилась!

Мне оставалось только надеяться на то, что наметившая-

ся между нами связь вызвана была совсем другими, более важными причинами.

Глава 24. Первое свидание

Весь следующий день меня мучили сомнения – правильно ли делаю, и нужен ли мне сейчас этот роман? Первоначально близкое знакомство с ней не входило в мои планы, и вдруг, чуть ли не вопреки желанию, стал понимать, что без Катрин я не могу. Примерно так бывает, когда намереваешься сменить квартиру. Вроде бы она куда просторнее, это элитный, весьма благоустроенный район, да и соседи – приятные в общении, солидные, образованные люди, не нынешним чета. А стоит представить, что не будет любимой скамейки у пруда, что майским вечером не услышу трели соловья, и ветер не станет наполнять комнату ароматом свежей, только-только распутившейся листвы... Стоит всё это себе представить, и мне становится невыносимо грустно, как будто я оставляю здесь часть своей души. Кто-то может сказать, что всё сводится к привычке. Но что поделать, если я к Катрин уже привык?

Чтобы отвлечься от этих мыслей, я снова отправился в музей Стендаля. Снова копался в рукописях, донимал расспросами хранителя коллекции, однако мысли мои были о другом. Я всё никак не мог поверить в то, что случилось в ресторане, даже опасение возникло – а что если опять? Опять видения наяву, опять вроде бы я, а может быть, не я? Как мне понять, сидел ли вчера рядом с нею за столом, и не было

ли это наваждением, галлюцинацией? Есть только один человек, который может мне всё это разъяснить.

Близился вечер, и вот я снова у знакомого подъезда. Надо было передать Сержу новости, которые сообщили из Москвы. Дверь открыла Катрин:

– Входите.

Мне показалось, что ей не по себе, словно бы и не было вчерашнего весёлого застолья, и даже мои заверения в том, что очень скоро всё благополучно разрешится – теперь они никому вроде бы в этом доме не нужны. Да что случилось-то? И куда запропастился Серж?

– У него какая-то очень важная встреча с коллегами то ли из Штатов, то ли из Израиля. Предупредил, что будет за полночь.

– А я хотел его порадовать...

– Что ж, можете рассказать об этом мне.

Сказано это было безразличным тоном и более того, слишком уж пренебрежительно к тому, что так взбудоражило эту семью два дня назад. Я даже усомнился, туда ли я попал. Ну не могло же за одну ночь всё настолько измениться!

– Да, в общем-то, всё идёт, как надо? Завтра адвокат готов связаться с Сержем, он и расскажет обо всём. А моя миссия на этом, видимо, закончена...

Я продолжал о чём-то говорить и далеко не сразу обратил внимание, что она меня не слушает. И потому её слова прозвучали неожиданно – я сразу и не понял, зачем это и о чём.

– Как странно! Если бы не вчерашний разговор, так бы и не узнала, с кем живу.

– Ну, иногда жизни не хватает, чтобы разобраться в человеке, – сказал я так, на всякий случай, не очень понимая смысла слов, которые произнесла Катрин.

– Да, да! Мой муж наивен во всём, что не касается его работы. Стоит завести речь о чём-нибудь другом, как начинает нести полнейшую ерунду. Господи, как стыдно! Ну что такое он вчера наговорил!

– Мне кажется, вы преувеличиваете...

– Прежде я старалась не замечать его чванливости, самодовольства. Я думала, что без этого талантливому человеку не обойтись, что вера в собственную исключительность добавляет ему сил.

– Да так оно и есть...

– Однако вчера я словно бы взглянула на всё это другими глазами. Я поняла, что это не средство, это сущность его мировоззрения, его веры. «Я» и только «я» – больше ничего ему не надо.

Вот только теперь стало понятно, что она меня не слушает. Что слышит лишь саму себя, что тщетно пытается разрешить лишь ей одной известную загадку, и что я должен, просто обязан ей помочь. Но как?

– Катрин, по-моему, вы неправы. Ну вспомните, как он реагировал на письмо, какое отчаяние испытал.

– В том-то и дело! Это письмо грозило разрушить его че-

столюбивые планы.

– Но он бы мог просто не обращать на письмо внимания. Подумаешь, откуда-то из небытия возникший брат, он же это мог проигнорировать. Россия далеко, так пусть Леонид выкручивается сам.

– Ну, всё-таки родная кровь...

– Тут надо выбирать...

– Несмотря на свой талант, на профессиональные успехи, по своей сути, Серж слабый человек, – в этих словах Катрин мне почудилось сочувствие. – И потом, вы прекрасно понимаете, что эта история могла попасть в прессу, дойти до его коллег. И тогда конец всему, вы только представьте, человек, читающий в университете курс религиозной философии, замешан в грязном деле.

– Об этом вроде бы речи нет.

– Тут достаточно одного только подозрения. Брат преступника! Это для него конец карьеры.

Мне оставалось лишь признать, что высказанные Катрин суждения вполне логичны. И при других условиях я бы не стал ей возражать. Но очень уж не хотелось выглядеть человеком, который подталкивает её к разрыву с мужем. Стоит мне согласиться с тем портретом Сержа, который она только что нарисовала, как сразу же возникнет ощущение, будто я мелкий пакостник, заезжий донжуан, мечтающий заполучить к себе в постель самую красивую женщину Гренобля. И самое главное – такая победа меня нисколько не прельщала.

Дуэль достойных противников, тот самый наш вчерашний спор, который она упомянула – это ещё куда ни шло. Ну тут, втихомолку от мужа нашёптывать ей, ах, какой он нехороший... Нет, это не в моих правилах, это совсем не для меня.

Однако что-то всё же надо было делать. Ну сколько можно слушать эти причитания, жалобы на то, что жизнь не удалась, что вот не угадала с мужем? Напротив, я предпочитаю ни о чём вовсе не жалеть. У каждого своя судьба, и всё, что требуется, это воспользоваться тем шансом, который она изредка нам предоставляет.

Я взял Катрин за руку и попытался, что называется, перехватить нить рассуждений. То есть говорил вроде бы о том же, что и она, но только никак не относя сказанное к Сержу. Мне приходилось делать подобное уже не раз, и надо сказать, этот метод всегда приводил к желаемому результату. Надо лишь повернуть мысли в том направлении, которое однозначно даст понять, что всё не так скверно, как порою кажется.

И вот, пока я говорил, у меня постепенно возникло ощущение, что с этой милой женщиной когда-то мы встречались, о чём-то неторопливо разговаривали. Нет, речь не о вчерашнем застолье в ресторане. В тот раз всё было по-домашнему, такой же неяркий свет, такая же грусть в её глазах. Но говорила, в основном, она. А я, как и сейчас, пытался успокоить. Помнится, я с трудом подбирал тогда слова.

Теперь же всё было несколько иначе. За эти годы я здоро-

во поднаторел в том, что касается красивых слов, изящных оборотов, неожиданных сравнений. Я плёл свою сеть точно так же, как будто исполнял романс, подыгрывая себе на гитаре. В немалой степени причиной моего красноречия была она – прекрасная жемчужина, которая не нуждается ни в какой оправе, загадочная фея, способная осчастливить... Но кого? Да господи, конечно же, меня!

Есть такой тип женщин, которые очень хороши для представления – на сцене, на подиуме, в модном салоне, на пляже, в кабине шикарного автомобиля. Так вот Катрин была очаровательна сама по себе. Даже если надеть на неё какие-то лохмотья, её красота незыблема, неколебима, как летний сад, как голубое небо, как чистая родниковая вода. Быть может, не самое удачное сравнение, поскольку и на небе бывают тучи, и не вечен летний сад...

И всё-таки она была из тех, кто, раз влюбившись и ощутив ответное внимание к себе, будут нежны, безропотны и удивительно покорны... Покорны вплоть до момента внезапного прозрения – ах, как я была глупа! Или – какая же я дура! Но жизнь уже частично прожита, и верить в то, что при каждой неудаче всё можно начинать сызнова – это ещё более наивно, чем постоянно демонстрировать девичью влюблённость.

Мне захотелось защитить её, я уже не силах был смотреть в эти печальные глаза. Я обнял её. Я её целовал... Я сжал ладонью её грудь...

– Нет! Только не здесь!

– Но почему?

– Это было бы предательством.

Ну вот опять! Мне это совершенно непонятно. Сначала одолевает стыд за мужа, теперь не хочет, чтобы стало стыдно за себя. Я подошёл к бару и налил что-то в бокал из первой попавшейся бутылки. Мне было всё равно, что пить. В таком состоянии можно лишь любить или напиться вдрабадан.

– Не обижайся! Дай мне время, – потом подумала и, видимо, решила: – Завтра я к тебе приду.

Глава 25. «Ты мне веришь?»

Почему-то считается, что ожидание встречи с любимой женщиной – это нечто как бы выходящее из ряда вон, оно словно бы вносит яркий свет в череду унылых, сумеречных впечатлений. Ну как же, ты весь в своих мечтах, все твои мысли лишь о том, что произойдёт, а в воображении возникают сцены, одна другой прекраснее и удивительнее. Я даже допускаю, что для кого-то само это ожидание куда более приятно, чем то, что случается потом... Однако всё не так! Можете мне не верить, но для меня нет ничего хуже, чем просто ждать. Дело даже не в том, что возникает подозрение, что она обманет, что свидание не состоится. Да мало ли что ей в голову взбредёт! И всё же зависеть от настроения своей подруги – это не каждому окажется по нраву. Конечно, со временем все эти мысли куда-то исчезают, уступая место привычным хлопотам, которые предшествуют любовному свиданию. Увы, ко всему когда-то надо привыкать.

Ну вот и тут, признаться, я не очень рассчитывал на то, что Катрин придёт. Надеялся, мечтал о новой встрече, однако жизнь приучила к тому, что не все мечты сбываются. Даже когда-то в юности, собираясь на свидание, прикидывал альтернативный вариант. А вдруг сорвётся? Что тогда? Стоять до полуночи под её окном, ждать у подъезда, холодея от мысли, что больше не увижу, что всё кончено... Нет, такой

расклад не для меня! Это совсем не значит, что я ухлёстывал сразу за двумя девицами. Вовсе нет, ведь можно было отправиться к друзьям, сходить в кино или выпить водки в ресторане.

И всё же не могу поверить, что ей достанет смелости вот так, после нескольких лет вполне благополучной жизни уйти, по сути, к незнакомому мужчине. Да что тут говорить, годы замужества и всего три дня – это ни в каком формате не сравнимо!

Однако администратора отеля я предупредил, ну так, на всякий случай, чтобы ей дали ключ от номера, если всё-таки придёт.

– Пардон, месье! Но как определить, она это или не она?

Ну до чего же непонятливый! Опять эти наивные, совсем не нужные вопросы. Кто ещё может ко мне прийти, если не она? Можно подумать, что в этом городке все женщины только о том и думают, как бы оказаться со мной в одной постели. Придётся объяснить:

– Это очень красивая молодая женщина. Её зовут Катрин.

– Будет исполнено, месье.

Но в этот день она так и не пришла. Нельзя сказать, что ночью я промучился без сна, что потерял аппетит. Я даже не напился с горя! В таких случаях единственное, что в состоянии спасти от душевного расстройства – это напряжённая работа. Снова копался в архивах, перечитывал кое-какие документы. Если бы не Стендаль, даже не знаю, что и

как... Но к счастью, есть какая-то невидимая нить, которая способна связать писателей разных поколений. И вот, пытаюсь разобраться в его судьбе, в перипетиях его личной жизни, я словно бы находил поддержку в том, что он писал, я начинал постепенно понимать то, что мной случилось.

Солдат армии завоевателей, свято веривший в то, что покорение других народов – это великая миссия, возложенная на него, священная миссия распространения цивилизации на восток, миссия, которой он достоин... А затем расплата, горькое разочарование, мысли, которые не дают покоя. Так неужели всё сделано не так? Неужели он обманут? Как это случилось, почему? И можно ли верить людям после этого позора? Мне кажется, что всю оставшуюся жизнь он только и делал, что пытался разобраться. Хотел понять, почему так лицемерны люди, почему кругом зависть и обман, желание получить власть во что бы то ни стало. И отчего итогом возвышенной любви становится боль, отчаяние и невыносимые страдания. Вот это он хотел понять, потому и стал писателем.

Теперь представьте, что всё то же самое, но только через много лет. То, что со мной случилось, было вроде бы не так – и обстоятельства другие, и внешне не похоже. Но та же суть. Даже не стану повторять. Да по большому счёту, можно обойтись без объяснений...

А через день она всё-таки пришла. Я возвратился с прогулки, и портье сказал, что в номере меня ожидает дама. Ка-

трин, задумчивая и печальная, сидела в гостиной, на диване. Вот её первые слова:

– Он изменился. Со мной почти не разговаривает.

– Наверное, переживает за брата.

– Да с братом будет всё в порядке. Тот, что звонил ему из Москвы, так и сказал. Скорее всего, дело не дойдёт даже до суда.

– Так Серж не собирается в Россию приезжать?

– Может быть, чуть позже. Пока нет такой необходимости. Не исключено, что брат приедет к нам, сюда. Серж уже бредит этой встречей, – она сказала это так, будто делилась впечатлениями после похорон.

– Но в чём же дело, что тебя смущает? Пройдёт несколько дней, и, думаю, всё у вас наладится.

Она немного помолчала, словно бы собираясь с мыслями.

– Ты знаешь, я вдруг почувствовала себя чужой. До сих пор самым важным для него была работа. Студенты, лекции, какие-то исследования... Теперь вот появился этот брат. Заметь себе, они не виделись лет десять. Однако теперь Серж воспринимает брата как самого близкого, родного человека. А кто же я? – Катрин взглянула не меня, как будто я должен был ответить. – Кто для него я? Случайная попутчица? Прислуга, приживалка? Любовница или подруга на ночь – это в лучшем случае...

Должен признаться, что, хотя Катрин мне далеко не безразлична, все эти горестные её признания я воспринимал

как нечто постороннее, как будто на моих глазах разыгрывалась театральная мелодрама с заранее известным мне концом. И я, даже вопреки желанию, оказался в это действие втянут... Послушайте, господа, я-то тут причём?

Однако надо бы её как-то успокоить:

– А почему у вас не было детей?

– Он всё откладывал. Говорил, начнутся бдения по ночам, вызов докторов... И непрерывный детский плач – по-моему, он именно этого боялся. Но что поделать, первые год-полтора всё может быть. А тут, видите ли, какой-то крайне важный для него проект, он пишет книгу...

– Но так бывает. Приходится выбирать: семья, дети или же карьера.

– Однако другие всё это как-то совмещают.

– Мне кажется, ты оказалась не в то время и не в том месте. Будь вы оба молоды, всё могло бы сложиться по-другому. А Серж уже достаточно взрослый человек со своим мировоззрением и привычками. И рядом ты, слишком молодая для того, чтобы жертвовать собой ради него.

– Да, видимо, я на это не способна.

– Дело тут в другом. Представь, что он добился желаемого, скажем, стал нобелевским лауреатом или же кучу денег получил за свою книгу. Тогда в лучах его славы ты чувствовала бы себя совсем иначе. Ты понимала бы, зачем отказываешься от чего-то... Да что там говорить, если бы он стал богат, не стало бы и проблем с ребёнком. Загородный особ-

няк, прислуга, собственный шофёр... Что там ещё?

– Бассейн в саду, собственная яхта, знатные гости на уикенд... – она с усмешкой смотрит на меня, а я делаю вил, что не замечаю этого.

– Ну вот, ты и сама всё понимаешь.

– Да ладно! – и безнадёжно машет рукой. – Не будет ничего!

– Но почему?

– Он слишком увлечён своей работой. Она для него всё. Он раб своего труда...

– Что здесь плохого, если будет результат?

– И ты о том же! Все вы одинаковы...

В чём-то она, разумеется, права. Положим, для меня вполне естественно, если мужчина увлечён своей работой. Жаль, что совместить творчество с тем, что называется семейной жизнью, удаётся не всем и не всегда...

И вдруг она спрашивает:

– Ты меня жалеешь?

– Да нет! Почему ты так подумала? – я и в самом деле удивлён её вопросом, сказанным, на мой взгляд, немного невольно. – Просто я хочу тебе помочь... Только не знаю, как мне это сделать.

– Иди ко мне...

Всё остальное было как во сне. В том сне, где сбываются мечты и самые заветные желания. Увидеть такой сон удаётся далеко не всем. Не важно, кто вы – прыщавый недоросль,

юная девица, умудрённая жизненным опытом бизнес-леди или я, немолодой, но всё ещё довольно влюбчивый мужчина...

Здесь я и она. Она и я. Мы оба здесь. Мы, как единое целое, здесь, в гостиничном номере, в моей постели...

Прошло то ли мгновение, то ли вечность. Её голова лежит на моём плече. В мозгу единственная мысль: как хорошо! Свершилось то, на что, признаться, не очень-то рассчитывал. Когда только шёл по улице за ней в тот первый день, я и представить себе не мог, что будет так... Но чем я это заслужил? Что такого особенного сделал?

И словно бы в ответ слышу очень странные слова:

– Не могу поверить, что ты меня забыл...

То есть как? Мы с ней в постели уже полчаса. Последние несколько дней почти все мысли только о Катрин. Так неужели я могу забыть? О чём это она?.. Может быть, о том, что помнит плоть? Это прикосновение губ, которое не обманет. Это её дыхание, её крик, когда она... И всё-таки на что же намекает?

– Клянусь богом, если бы я прежде спал с тобой, я бы наверняка запомнил. Я бы тебя узнал. Даже если это было с закрытыми глазами, в крошечной темноте, безлунной ночью где-нибудь на пляже в Коктебеле...

– Ты всё об этом...

– А о чём ещё?

Немного помолчали. Я всё никак не мог понять...

– А почему ты назвал меня Лулу? Тогда, в кафе близ улицы Мирибель.

– Ты не поверишь, сам не знаю. Вроде бы хотел назвать другое имя, только бы привлечь твоё внимание. И вдруг, откуда ни возьмись, это «Лулу»...

– По-моему, так не бывает.

– Нет, правда! – я словно бы оправдываюсь. – Впрочем, была одна виртуальная девица...

– Это что же, секс по телефону?

Катрин смеётся, хотя я вижу, что ей вовсе не смешно.

– Что-то вроде того.

– И как, ты кончил? – теперь она уже хохочет.

– Катрин!.. Вот уж никак от тебя не ожидал...

– Ну извини, милый! Извини, больше не буду.

Она прижимается ко мне, надеется, что прощу. Да не на что мне обижаться! Всё замечательно! Катрин рядом со мной... Но нет, откуда-то возникло ощущение, что между нами она, та самая Лулу. Будто бы лежим втроём в одной постели – Катрин, Лулу и я... Зачем это? С какой стати? Кто здесь лишний?

– Послушай, если ты догадываешься, откуда взялась эта Лулу, нечего издеваться. По-моему, такого отношения я не заслужил.

– Ну до чего же ты обидчивый, – шепчет Катрин, целуя меня в губы. – Ладно, так и быть. Я расскажу тебе одну историю, которая была на самом деле, а может быть, ничего

такого не было. Тут всё зависит от тебя.

– Как это может быть? И не было и было...

– Потом поймёшь. Так вот, случилось это десять лет назад, в одном многоквартирном доме на юго-западе Москвы. Некий, не вполне трезвый гражданин поднимался в лифте. Лифт остановился на семнадцатом этаже, как раз там была его квартира. И вдруг...

Катрин приподнялась на постели, с каким-то особенным значением посмотрела мне в глаза...

– Нет, это безнадёжно! Неужели всё забыл?

А я по-прежнему ничего не понимаю. Перед глазами её обворожительная грудь, она почти касается моего лица. Да можно ли в этом состоянии думать о чём-нибудь, кроме любви?

– Иди ко мне, – я попытался её обнять, но она, как кошка, шаловливая и гибкая, вывернулась, присела на колени, и снова смотрит на меня.

– Пока не вспомнишь, ничего не будет, – и опять смеётся.

– Да что мне вспоминать-то? Подскажи!

– Ну ладно. Дальше было вот что...

Она рассказывает про какую-то попавшую в беду девочку, про встречу в лифте, про то, как они вошли в квартиру... Но при чём тут я? И вот... И вот я слышу, словно бы это не Катрин сказала, словно бы это мной произнесённые слова... Я слышу... Нет, я вижу эту девочку, заметно посвежевшую, без следов недавнего отчаяния на лице... Вижу её чуть влаж-

ное после купания тело, которое прикрывает розовое полотенце... Та самая девочка, о которой я писал. Так неужели я её не выдумал?.. Я вижу всё! Я вспомнил всё, что было...

И вот когда это случилось, что-то со мной произошло. Да потому что вдруг возникло страстное, неудержимое желание. И я схватил её, не важно, кто это был, Катрин или Лулу, прижал к себе и грубо взял... Какое это было наслаждение! Я словно бы насильовал свою мечту, я её уничтожал, я превращал её в реальность. А она кричала и всё молила меня: «Ещё! Ещё!» Мы оба были там, в той моей комнате, десять лет назад. Случилось то, что должно было произойти ещё тогда...

Честно говоря, есть сомнение – я это или не я? Иной раз ждёшь, когда придёт желание, но всё никак, вот нет его и нет. Подруга уже все средства перепробовала. Но без толку, даже возникает опасение... Да что там говорить, годы всё-таки берут своё. А тут... Тут словно бы само собой. Даже не могу поверить... И в то же время это несомненно я, тот самый Вовчик, пьяница и бонвиван, собственной персоной. Верится с трудом, но это, в самом деле, так! Оказывается, я пережил все аукционы, избавился от Клариссы и от этой дуры Томочки. Я больше не сижу в каморке при входе в ночной клуб. И не кадрю на улице девиц. Оказывается, я теперь вполне достойный гражданин. Мне больше не в чем себя упрекнуть, что бы обо мне ни думали...

И вдруг я слышу голос. Словно бы я снова там, в своей

квартире. Я слышу страшное признание Лулу. Нет, быть этого не может! Оказывается, здесь, в этой постели – я и... Господи! Что же я наделал?! Меня даже прошиб холодный пот, я весь дрожал, резко откинулся на спину и закричал:

– А-а-а-а-а!!!

– Да что случилось?

Вот ведь как бывает. Прекрасный сон закончился, и снова лечу в пропасть... Совсем, как тогда, когда за мной пришли эти уроды. А чем я лучше них? Такой же урод, если не хуже...

Не будь этого, я мог бы ещё много написать, я подарил бы людям надежду и любовь, я объяснил бы, рассказал... Но вот теперь уж точно всё! Кому и чем я смогу своими книгами помочь после того, что только что со мной случилось... Ах, я несчастный!

– Ты же моя дочь, – только и смог, рыдая, вымолвить.

Но что такое? Она чуть ли не хохочет:

– Не дури! Про дочь я тогда придумала. И только для того, чтобы ты меня не выгнал...

Вот даже как...

Потребовалось какое-то время, чтобы это уложилось в голове. А вслед за тем возник вопрос: что делать? Избить её, выгнать за порог, чтобы шла на все четыре стороны или прижать к себе и снова целовать? Ведь несколько секунд назад... Да что там, говорить! Ещё чуть-чуть, и можно было бы закапывать надгробье на мою могилу...

– А всё, что говорила про Полину, тоже ложь?

– Нет, это правда. Мне мама перед смертью рассказала про тебя, надеялась, что ты поможешь. А дальше... так сложилась жизнь... Тогда в твоём доме я совершенно случайно оказалась.

– Не верю! Всё ты врешь! Тогда лгала, да и теперь всё то же самое.

– Ну как ты можешь? – чуть не плачет. – После того, что между нами было...

Но вот глаза просохли. Покопалась в сумочке и что-то достаёт.

– Если не веришь, посмотри мой паспорт.

Смотрю. Оказывается, родилась Катрин ровно через год после той памятной встречи в Крыму, ну а в Москве интимных свиданий у нас с Полиной уже не было, это я точно помню – ни осенью, ни зимой. Всему виной так и не решённая «квартирная проблема».

Ну вот опять... Опять я не сдержался и снова вынужден оправдываться:

– Прости!

– Я уже простила, милый. Простила все твои грехи – и прежние, и те, которые ещё только будут.

– Ах, даже так?

– Но ты мне веришь?

– Больше, чем самому себе.

Мне очень не хотелось вот именно теперь её разочаровать.

Я, в общем-то, поверил ей, но дело в том, что иногда я даже самому себе не верю...

Глава 26. В Париж!

И всё же, откуда у меня эти мысли? Неужели такая патология в мозгу – во всём непременно надо сомневаться? И вот я снова вспоминаю то, что Катрин говорила за последние дни, и не могу найти ничего, к чему при желании можно было бы придаться. Даже её измена Сержу кажется мне логичной и предельно обоснованной. Увы, женская натура переменчива, и в том, что Катрин рассталась с ним, я ничего необычного не нахожу. Так, к сожалению, бывает – несовместимость характеров, сексуальная неудовлетворённость, что там ещё?.. Но речь тут о другом – я просто не в силах отделаться от впечатления, что нечто подобное с нами уже было. Сначала будто бы наметился альянс, некая душевная привязанность, а вслед за тем возникли подозрения. Помнится, я даже пытался учинить допрос... Ну вот допроса с пристрастием теперь мне только не хватало!

Уже в скоростном поезде Гренобль – Лион – Париж у нас возник любопытный разговор. Точнее, продолжился тот, что начался в гостиничном номере, в Гренобле.

– Не думала, что ты меня найдёшь. Как тебе это удалось?

– Скорее уж, это ты меня нашла. Тогда, когда мы с тобой столкнулись в лифте. Да и вчера, когда сама пришла ко мне домой.

– По-твоему, я навязываюсь? – она еле сдерживает улыбку.

ку, а мне почему-то кажется, что я по-прежнему во сне.

Об этом ей и говорю.

– Тебя ущипнуть, чтобы проснулся?

– Нет, лучше поцелуй.

Вот так, чередуя поцелуи и признания в любви, мы ехали в Париж.

С собой Катрин взяла только небольшой саквояж, оставив там, в квартире близ площади Леон Мартэн, всё, что успела себе купить, пока жили вместе с Сержем. Даже сменила «симку» в мобильном телефоне, чтобы не звонил, не приставал. Покончила с прежней жизнью, как отрезала! И теперь была вполне довольна этим, а ещё больше потому, что всё так удачно получилось. Конечно, я имею в виду наш скоропалительный отъезд.

Пока ехали в поезде, я созвонился с Пьером, попросил забронировать мне номер в каком-нибудь отеле. Однако Пьер и слышать об этом не хотел. Это лето они с Эстер проводили в своём загородном доме. И вот он мне предложил, что называется, и хлеб, и кров. Ну а когда узнал, что я приеду не один, что вместе со мной прелестная Катрин, стал так уговаривать, что я засомневался. Да, Пьер, несмотря на возраст, был тот ещё ходок!

Однако Катрин пришла в восторг от этой перспективы – возможности отдохнуть в подобной обстановке у неё прежде не было. Смущала только скудность её гардероба, который следовало, конечно же, пополнить. Но в наше время, если

при деньгах, это не проблема. И вот мы едем с ней в Париж! Надо сказать, что никакого особенного прощания с Сержем не было. Обошлось без слёз, без обидных слов, даже без воплей отвергнутого мужа. Всё было гораздо проще. На следующий день после того нашего свидания, пока Серж был на работе, Катрин собрала вещи, оставила прощальную записку и перебралась ко мне в отель. Понятно, что в Гренобле мы решили не задерживаться. Да и по поводу судьбы Леонида, брата Сержа, казалось, можно уже не переживать, вроде бы всё должно устроиться. Увы, никто из нас не мог тогда предположить, что эта история ещё далека от завершения.

К моему удивлению, загородный особняк семейства Деланау оказался вовсе не в том стиле, которому отдавала предпочтение Эстер в своей картинной галерее. Тогда, в Каннах, я имел возможность в этом убедиться. Здесь же передо мной предстало нечто исключительное. Конечно, не Версаль, но и не халупа. Миниатюрный замок, словно бы посланец прошлого, свидетель средневековых войн, дворцовых интриг и Фронды, обитель храбрых рыцарей и восхитительных дам в напудренных париках и пышных кринолинах. Я не силён в архитектуре, но отличить подделку от подлинного произведения искусства, пожалуй, что смогу. Это был маленький архитектурный шедевр! Представьте двухэтажный дом, башенки по краям... Подробнее описывать не берусь, поскольку это надо видеть. И всё окружено дубравой. Словом, глядишь, и сердце радуется.

Эстер встретила нас в предельно открытом розовом бикини. Роскошная женщина, ничего не скажешь! Загар был ей к лицу, разве что появились едва заметные веснушки. Под ситцевым купальником проглядывала полоска чистой белой кожи, первозданной белизны, меня всегда это очень возбуждало. Вот интересно, здесь ходят так всегда?

– Влад! Я так рада! – Эстер меня обнимает, поглядывая на Катрин. – А это и есть твоя избранница?

– Катрин, познакомься. Это Эстер. Она и в самом деле звезда, я имею в виду имя. А может быть, та самая персидская царица, которая перенеслась сюда во времени?

– Даже тут не можешь обойтись без аналогий. Наверное, пока ехали в Париж, успел покопаться в интернете, – Эстер немного смущена, но видно, что мои сравнения ей нравятся.

– В дороге у нас было занятие поинтересней, – улыбаясь, отвечает ей Катрин.

– Ах, вот как! Я, кажется, догадываюсь...

Дамы целуются. Похоже, они понравились друг другу. Если не замечать разницу в возрасте и в росте, поскольку Эстер постарше и чуть выше, они под стать одна другой. Мне не терпелось их сравнить, когда Катрин переоденется в купальник. Но и без того есть что-то общее – длинная шея, красивые голубоватые глаза, стройные ноги, изящная фигура. О прочем не берусь судить, пока не увижу их рядом, в неглиже... Нет, размечтался что-то не ко времени.

Тем временем появился Пьер. Он как раз закончил теле-

фонный разговор – что-то связанное с его новым фильмом. Долго извинялся, что вынужден нас оставить, и снова убежал. Как объяснила Эстер, самая трудная часть переговоров обычно связана с суммой гонораров для топ-звёзд:

– Слава богу, мне это не грозит. В своей семье мы как-нибудь договоримся.

Служанка проводила в предназначенные нам покои. Всё было по высшему разряду. Катрин была потрясена:

– Неужели я не сплю? Я думала, так живут только олигархи.

– Видишь ли, в шоу-бизнесе крайне важно пустить пыль в глаза, показать красивую упаковку. Тогда легче и кредиты в банке получить и привлечь к работе маститых режиссёров и актёров, – тут я подмигнул Катрин. – Но только Пьеру об этом не вздумай говорить.

– Откуда ты всё знаешь?

– Писатель, помимо всего прочего, обязан быть аналитиком, смотреть в самую суть вещей. Иначе ничего, кроме комиксов, написать не сможет.

Катрин, видимо, почувствовала, что вот сейчас я стану развивать свою любимую тему об истоках творчества, о становлении таланта, и потому вполне логично предложила:

– А не пора ли принять ванну?

– Может быть, искупаемся в бассейне? Мне Пьер говорил, он там, за домом.

– Нет, я не могу при посторонних, – и шаловливо улыб-

нулась.

Ну что ж, посмотрим, на что я окажусь способен после долгого пути.

Примерно через час нас пригласили к столу. На всякий случай я поинтересовался, надо ли мне надевать штаны, имея в виду наряд, в котором нас встретила Эстер. Служанка пояснила:

– Можно в шортах.

Нас это вполне устраивало. Стриптиз вместо обеда – мы для этого были слишком голодны.

За обедом Пьер ничем не удивил. К моей радости, пища была простая, самая обычная. Видимо, Эстер берегла свою фигуру и потому не позволяла здесь особенных изысков. Впрочем, это не касалось выпивки. Пьер, как выяснилось, очень гордился своим винным погребком. Это означало, что экскурсия туда мне предстояла в самом скором времени.

– А давайте-ка по случаю приезда дорогих гостей выпьем русской водки.

К этому времени мы уже расправились с обедом и перешли в гостиную.

– Спасибо, Пьер, но водки я теперь совсем не пью. Разве что только от простуды, да и то – коньяк гораздо лучше помогает.

– Можно и коньяку, – Пьер подошёл к бару и поискал взглядом знакомую бутылку. – Тебе «Курвуазье» или лучше «Хеннеси»?

– Если есть, то я бы предпочёл «Дербент».

– В отсутствии патриотизма тебя не упрекнёшь, – заулыбался Пьер. – Да где же он? Я ведь специально к твоему приезду заказал... Ах, вот же!

– Когда только успел?

– Срочный заказ здесь доставляют вертолётom! – с гордостью сообщил мне Пьер. – У нас с этим нет проблем.

– Не верьте ему, Влад! Мы ещё в прошлом году на всякий случай целый ящик закупили, – Эстер рассмеялась, довольная тем, что удалось разоблачить уловку мужа.

– И надо же, как повезло с женой! – Пьер, и в самом деле, был слегка расстроен. – Катрин, вы такая же правдивая?

– Ну, если это касается вина, тут я на Влада полагаюсь полностью.

– Вот, Эстер, с кого надо брать пример. А ты в своём кибуце нахваталась мудростей из иудейского талмуда.

– И тем горжусь! – воскликнула Эстер. – Катрин, у меня к тебе такой вопрос. В том, что касается вин, ты Владу доверяешь. А в остальном? – и посмотрела внимательно, словно бы с тайным смыслом.

Тут я не мог смолчать:

– Пардон, пардон! Я возражаю! Эстер, это нечестно. Пригласили в гости, а учиняете допрос.

– Ага! Есть, значит, что скрывать! Значит, есть пятна и на Солнце! – тут уже Пьер встал на сторону жены.

– Ладно, ладно! Катрин, если хочешь, отвечай, – я не стал

больше возражать.

Катрин задумалась. Это и понятно. В истории нашего недолгого знакомства, и десять лет назад, и теперь, в Гренобле, было столько всего – требуется время, чтобы разобраться. И всё же, мне думается, я доказал, что Катрин может положиться на меня.

Примерно так она и отвечала:

– Вы знаете, Эстер, для меня всё это слишком серьёзно. Мы с Владом столько пережили вместе, хватило бы даже на большой роман. И, несмотря на сомнения, которые я иногда испытывала по отношению к нему, он не позволил себе ни разу обмануть меня или предать.

– Прекрасно сказано, Катрин! – Пьер явно был растроган этой краткой речью. – У вас несомненный дар находить душевные слова, которые способны дойти до самого сердца, даже такого грубого, ко всему привычного, как у меня. Господа! За это стоит выпить! Пьём за Катрин и её доблестного рыцаря, – и тут же уточнил. – До дна! До дна!

Вот только рыцарского звания мне не хватало! Нет, как-нибудь обойдусь без этого. Да и по поводу своей доблести я не испытывал иллюзий. Хотя, возможно, в чём-то Пьер был прав.

– Хороший коньяк! – я даже прицокнул языком. – Видимо, для тебя делают особого разлива. Да если б знал, я бы ещё раньше прикатил.

– А можешь вообще никуда не уезжать. Места вдоволь. Да

вот и мы с Эстер то в Штатах на полгода, то в Париже...

– Да, да! Это хорошая мысль! – подхватила Эстер. – Мы здесь не часто принимаем гостей. В основном, это в Париже, там удобнее. А здесь, только если званый вечер по случаю презентации нового фильма или какой-то особый юбилей...

– До круглой даты нам ещё надо бы дожить, это не скоро, – уточнил Пьер. – Так что, Катрин, принимаешь предложение?

– Да ведь я уже сказала. У нас всё решает Влад, а я не возражаю.

– Вот то, о чём всегда мечтал. Патриархат как идеал семьи!

Это сказал не я. Пьер был помешан на семейных отношениях, его волновал вопрос: на чём держится супружеский союз? Поверить в то, что нужна лишь взаимная любовь, он никак не мог. Видимо, потому, что жене неоднократно изменял. Он всё пытался отыскать какие-то иные ценности, какие-то другие обстоятельства, которые объединяют. Вот, скажем, дети, общий дом, деловые интересы... Детей у них не было. Правда, у Пьера был сын от первой жены, но он работал где-то там, за океаном.

Поскольку эта тема меня не очень увлекала, по крайней мере, именно сейчас, я постарался перевести разговор снова на коньяк, а там уж кто знает, куда нас это заведёт. Хотя напиваться этим вечером я не собирался.

– Да, замечательный напиток! Но так уж устроен человек, что, если у него нет вкуса, всё что остаётся – это любоваться

этикеткой и изображать неопиcуемый восторг.

– Влад, если честно, ты не прав! – возразила Эстер, она отдавала дань шампанскому. – При чем тут вкус? Ваш коньяк – это же вовсе не коньяк. Коньяки делают во Франции.

– В отличие от тебя, Эстер, меня не волнует правовое содержание бутылки. Положим, бренди и в самом деле юридически более точное название российских и армянских коньяков. Но нас отвращает это слово, оно для нас «несъедобно», потому что все мы снобы, – я продолжал говорить, не обращая внимания на Катрин, которая смотрела на меня с явным намёком на то, что надо бы остановиться. – Кстати, изрядная доля снобизма ощущается и в нашем отношении к Западу. Мы преклоняемся перед ним, потому что это модно, это якобы признак культуры и прогрессивного мышления. Тот самый ярлык, из тех, о которых пел когда-то Окуджава.

– По-моему, было бы странно не преклоняться перед успехами европейских стран, – возразил Пьер, проигнорировав мой пассаж по поводу русского снобизма. – И причины тут слишком очевидны. Потому что в Европе – Штольцы, а у вас-то, в основном – Обломы.

– Мне говорили, будто Штолец в итоге плохо кончил. Обанкротился и с горя застрелился. А Обломов, лёжа на диване, придумал теорию относительности раньше Эйнштейна, даже раньше Лоренца. Но просто лень было об этом миру сообщать. Толку-то... – с улыбкой парировал я.

– Bravo, bravo! – захлопала в ладоши Эстер.

– Смешно... – усмехнулся Пьер, – Но если копнуть чуточку поглубже, то выяснится, что причина успехов Запада даже не в избытке инициативных, энергичных Штольцев, а в том, что рабское сознание у европейцев начисто отсутствует.

– Было бы интересно узнать, где оно «присутствует». И не забудь про доказательства. А то будет, как всегда...

– Ну, что ж, изволь. В Европе не было семидесяти лет советской власти. В России же самыми недостойными, тоталитарными методами внедряли в сознание и в подкорку психологию рабов.

– В Германии второй половины 30-х тоже был тоталитарный режим. Однако большинство немцев приветствовало Гитлера, потому что он дал работу, обещал новые земли на Востоке... – я замолчал, ожидая ответной реакции. Но, так и не дождавшись возражений, продолжал: – Выходит, что тоталитаризм – это такой же обман, как твоя хваленая демократия. Только одно послаще, а другое, как редька, горькое, но тоже вполне съедобно в определённом сочетании.

– А куда в таком случае жертвы репрессий отнесёшь? Спишешь, как естественную убыль?

– Ой, вот только этого не надо! А то я припомню тебе колониальные войны, Вьетнам, то, что вы творили в Африке...

– Ну, и зануда ты! И как только тебя терпит Катрин?

Свидетелю этого спора могло бы показаться, что тут сошлись непримиримые противники, готовые отстаивать свои идеи до конца. И вот на каждый аргумент найдётся своё

опровержение, факту противопоставят факт, могут даже уличить кое-кого в подделке документов. Но ведь так может продолжаться бесконечно!

– Вы не удивляйтесь, Катрин, – пояснила Эстер. – Это у них каждый раз после хорошей выпивки.

Пьер рассмеялся. Мы понимали, что этот спор всё равно ни к чему не приведёт, что никогда не найдёт своего решения. Да и не нужно, нам и без того было хорошо.

– Так кто же прав?

Катрин слишком уж серьёзно всё восприняла. Что с ней поделаешь, в её годы и я надеялся найти ответ на все вопросы.

– Прав тот, у кого больше прав, – немного коверкая русские слова, сказал Пьер. – Пойду на правах хозяина приготавливаю кофе.

Мы разошлись по своим апартаментам далеко за полночь.

Глава 27. Испытание

Уже засыпая, я всё никак не мог забыть наш с Пьером спор. Будь на моём месте и в самом деле ярый сталинист, наверное, всё могло бы закончиться даже зверским мордобоем. Зачем нужны какие-то слова, если идейные противоречия можно разрешить, не напрягая ум в намерении найти убедительные аргументы? Проблема в том, что, устранив всех оппонентов, рискуешь остаться в полном одиночестве. Ну, если не совсем один, то уж наверняка в таком невнятном окружении, где даже слова некому сказать и где в ответ на твой вопрос будет зачитан текст речи на недавнем пленуме. . . Нет уж, предпочитаю напиться вдрызг в компании с идеологическим врагом, чем мучиться в окружении соратников.

Не стоит удивляться, что на следующее утро я очень поздно встал. Катрин не было ни в спальне, ни в гостиной. Я принял душ, кое-как добрался до здешней трапезной, но завтракать не стал, только выпил чаю. Крепкий чай не только тонизирует, но и в какой-то мере снимает вчерашнее похмелье.

Я вышел в сад. Заросли неизвестных мне растений, что-то вроде плакучих ив, какие-то кустарники расположились по краям, а посреди, в лучах полуденного солнца поблескивала водная гладь бассейна. Жарко, ни ветерка, даже деревья от зноя не спасали.

В тени этих деревьев лежали две очаровательные леди. На

обнажённых телах ещё не высохли крохотные капельки воды. Судя по всему, они недавно искупались. Обе лежали с закрытыми глазами. По виду Катрин можно было предположить, что она спала. Дорога, все эти передрыги с Сержем, несомненно, утомили, ей требовался отдых. Да я и сам был не против того, чтобы где-то полежать. Но дело в том, что тут, наконец-то, выпала редкая возможность их сравнить, что называется, уточнить кое-какие важные детали. К моему удивлению, сравнивать, по большому счёту, было нечего. Видимо, в этом положении все женщины прекрасны, все способны вызвать чувство восхищения, о прочем я не говорю.

Мне снова вспомнился Крым, Коктебель и наше первое свидание с Полиной. Как же давно всё это было! Мог ли я тогда предполагать, что через много лет встречу её дочь, мог ли предвидеть то, что произойдёт потом? Нет, этого не смогла бы подсказать даже самая изошрённая фантазия. Я не пытался сравнивать Полину и Катрин, однако частица той любви наверняка сыграла свою роль. Вот не могу поверить, что всему причиной стало очарование юности, желание близости с Катрин. Нет, тут было ещё что-то, в чём я до сих пор не в силах разобраться.

Так я стоял и, словно зачарованный, смотрел. Можно подумать, будто видел её в первый раз. Впрочем, одно дело в постели, когда нет возможности что-то подробно разглядеть, ну а тут ничто вроде бы не отвлекает, да и торопиться некуда.

Я смотрел и смотрел. Что и говорить, она была прекрасна!

Я так загляделся на Катрин, что не заметил, как один глаз у Эстер неожиданно открылся. На её губах появилась какая-то странная, немного плутоватая улыбка. Эстер осторожно подняла руку с лежака и сделала мне знак рукой. Я подошёл и сел рядом с нею. А по другую сторону спала Катрин...

Мне никогда ещё не приходилось спорить с обнажённой женщиной. Обычно ситуация к тому не располагала, даже если спор касался каких-то бытовых или, не дай бог, нравственных проблем. Возможно, Эстер своей наготы не замечала, да просто напрочь забыла о том, что в неглиже. Но я-то видел всё!..

– Послушай, Влад! Откровенно говоря, мне очень хочется учинить тебе маленький допрос, но я в затруднении, не знаю, как начать, – эти слова она произнесла чуть слышно, почти не раскрывая рта, словно боялась, что движение губ передастся лежаку и может разбудить Катрин. Лично я в этом очень сомневался, однако ответил тоже шёпотом:

– Опять допрос...

– Да, допрос, но, знаешь ли, вполне невинный. Дело касается одной известной нам особы. Мне бы хотелось поговорить о ней по-честному, без обиняков. Поговорим и забудем, ты не против?

– Ну так говори. В чём дело?

– А дело в том, что Катрин напомнила мне девочку из тво-

ей первой книги. Помнишь, её звали, кажется, Лулу. В финале она куда-то пропадает, но вот...

– И что же?

Эстер смотрела на меня так, словно бы пыталась загипнотизировать, рассчитывая узнать тщательно скрываемую тайну. Гипноз в сочетании с восхитительной женской наготой – это было что-то новое в технологии допросов.

– Так она это или не она?

Ну как её разубедить? Еле отбился от профессора в психушке, так теперь новая напасть!

– Послушай, Эстер, ты же знаешь, что всё это я выдумал. Что не было ни путаны в лифте, ни службы в «органах», ни злосчастливого аукциона... Мы ведь не раз об этом говорили.

– Ой ли? Вот ведь и Катрин вчера призналась...

– В чём? – я не сумел скрыть своего испуга.

– Да в том, что вы многое вместе пережили.

Тут Эстер права, ничего с этим не поделаешь. Надо же, Пьер не обратил внимания, а вот она...

– Ты слишком большее значение придаёшь её словам. Я тебя уверяю: то, что описано в романе, это лишь фантазия.

– Чтобы такое придумать, даже твоего воображения не хватит.

– Ты меня недооцениваешь...

– Ну что ты, я без ума от твоих романов. Честно, это не пустые слова. И всё-таки хотелось бы понять, что правда, а что ты просто выдумал.

– Единственное, что верно – я действительно болел, долго лечился от запоя. Ну в чём тут криминал? Тогда это было даже модно.

– Ты меня прости, но я думаю, что всё было не так. На самом деле ты только прикинулся больным, очень тонко симулировал «белую горячку».

– С какой стати? Мне не хотелось бы тебя разочаровать, но я на это совершенно не способен.

– Да-да, – Эстер словно бы уже не слушала меня, увлечённая своими мыслями. – А после того, как Клариссу с этой её компанией посадили, ты возродил дело, ведь вся нужная информация осталась у тебя.

– Да не было этого! – я боялся разбудить Катрин и потому отвечал шёпотом, сопровождая его жестами, которые не оставляли сомнений в том, как я возмущён.

– Нет, погоди, это ещё не всё. В итоге Лулу, то есть Катрин, стала твоей сообщницей. Представляю, эдакая бандерша в неполных двадцать лет. Как славно!

– Эстер, что это на тебя нашло? Не надоело нести чушь?!

Я был уже близок к тому, чтобы выйти из себя, и даже начинал жалеть, что принял приглашение погостить в их загородном доме. Просто не мог даже предположить, что до этого дойдёт. Хотя, по большому счёту, тут вроде бы нет ничего особенного, поскольку такие разговоры типичны для их круга. Для этих милых дам основное развлечение – подругам косточки перемывать, копаться в нижнем белье своих со-

перниц, кого-то пощадить, кому-то нанести незаживающую рану. Но здесь чувствовалось нечто совсем, совсем другое – вопросы Эстер вышли за пределы обычной болтовни. Всё это смахивало на провокацию. Чего уж там гадать, я даже не удивлюсь, если она окажется сотрудницей Моссад.

Ну вот опять:

– С каких это пор писатели ездят в шикарных лимузинах? И что бы ты делал, если бы среди своей прежней клиентуры Лулу не отыскала известного издателя? Или она переспала с ним уже потом? А что если заодно и со всеми теми, кто мог бы позже пригодиться?

Она всё говорила, её шепот временами походил на крик. Так следователь чередует ласку и угрозы. Да если все эти бабьи домыслы воспринимать всерьёз, не хватит жизни, чтобы оправдаться! Но нет, меня занимал совсем другой вопрос. Какой интерес я мог бы представлять для западных спецслужб – честно говоря, об этом прежде не задумывался. Это их дело соображать, чем я могу быть им полезен. Да мало ли таких, как я! Подумаешь, ещё один отставной служака, на закате жизни обнаруживший в себе дар литератора – все полки магазинов заставлены их воспоминаниями. И что с того, что езжу по заграницам, встречаюсь с разными людьми? Где здесь причина для каких-то подозрений? Тем более, что нет среди моих знакомых таких, кто мог бы оказаться источником секретной информации. Всё в прошлом, а теперь лишь этот бассейн, две обнажённые леди около него и я, старый

дурак, надравшийся вчера и потому с трудом соображающий сегодня.

Вот ведь досталось мне – Мисс Марпл и Мата Хари в одном лице. Это же надо, как её разобрало!.. Скорее всего, причина в том, что случилось этим утром. Да, да! Пьер не смог или же не захотел... И вот решила подразнить и разозлить. Теперь отыграется на мне, если больше просто не на ком. Да неужели не смогла придумать что-то менее абсурдное?

Я положил руку на её живот, надеясь, что хотя бы это отвлечёт, заставит прекратить неуместное, пустое разбирательство. Впрочем, в том, что касалось прошлого Лулу, мне самому не всё понятно. Видимо, поэтому и слушал внимательно Эстер. Слушал, не переставая удивляться ...

Эстер пристально смотрит мне в глаза, видимо, надеется найти подсказку, подтверждение этим своим выдумкам. Надо сказать, случай выбрала не самый подходящий – я с лёгкого перепоя, а она... Я посмотрел туда, где ниже живота темнел таинственный, желанный треугольник. Так ведь любой бы на моём месте... Ну а я?

Не знаю, что со мной произошло. Я ошалело поглядел по сторонам, затем медленно встал и, пошатываясь, пошёл ко входу в особняк. Я еле сдерживался... Нет, нет, я не о том. Меня разбирал смех. Но отчего-то показалось, что смеяться в присутствии голы Эстер – это неприлично. Тем более что можно разбудить Катрин. Я сделал вид, что мне нехорошо, что тошнота подкатывает к горлу. И только вошёл в дом, как

свалился на диван... У меня началась истерика.

Господи! Спаси и сохрани от проницательных женщин и от тяжкого похмелья!

Глава 28. Эротический скандал

Кто мог предположить, чем всё это обернётся? Я не о своём похмелье, не об истерике и даже не о тех мыслях, которые возникли у меня, когда смотрел на обнажённую Эстер. Это события второстепенные, во всяком случае, малосущественные в сравнении с тем, что позже навалилось на меня, заставило мучиться, пытаться заново переосмыслить и свою жизнь, и отношения с Катрин. Ну а пока пришлось выслушивать слова, которые никак не ожидал услышать.

– Да я для тебя по-прежнему уличная девка! Наложница при муже своём, гении, – кричала Катрин, и обращалась уже не ко мне, а к воображаемой публике, к моим преданным поклонникам: – Вы думаете, он сам это написал? Как бы не так! Он полное ничтожество, способное только волочиться за бабами и трахаться с ними по углам... Разве не понятно, что всё до последней запятой ему те самые бабы наболтали. А он, бездарь, за это им платил... Я подскажу, чем, если сами не догадываетесь...

Я первый раз видел её такой. Словно бы она и не она. Откуда в молодой женщине столько злобы? Это лишь означает, что я её совсем не знал.

Всё началось после моего возвращения из Парижа. Мы ездили вместе с Пьером – я к своему издателю, а у него тоже нашлись какие-то дела. Пьер был за рулём, поэтому не пи-

ли, надеясь компенсировать это вечером. Но вот приехали, и началось...

Катрин была в спальне, лежала на постели. В таком же лёгком халатике, как тогда... Я даже засомневался, не случилось ли что-нибудь со временем, не нахожусь ли я опять в своей квартире там, на юго-западе Москвы, десять лет назад?.. Но нет, совсем другая обстановка, да и Лулу тогда не решилась бы залезть ко мне в постель. Даже не берусь этого представить. Но вот сегодня смотрю на неё и не узнаю...

– Теперь у меня глаза открылись! Я всё вижу! Ты пишешь о любви, но никакой любви у тебя в жизни не было! Были только похоть, страсть, мерзкое вожделение, которое ты выдавал за любовь. Все твои книги не стоят ломаного гроша! Ты всю жизнь морочил людям голову!

– Да уймите же её, наконец! – я тоже отчего-то обратился не к ней, вообразив, что это происходит где-то на людях.

– Вот-вот! Отправь меня в дурдом. Там из меня сделают куклу, которая будет послушно исполнять все твои желания. Сегодня лечь под этого, а завтра под его жену...

– Катрин, да ты пьяна!

– Какое ты имеешь право говорить со мной таким тоном? – воскликнула Катрин, затем упала на подушку и заплакала: – Ах, дура я, дура! Надо было остаться с Сержем. Скоро он будет нобелевским лауреатом или как там у них это называется. Носил бы меня на руках, ноги целовал... Да, прежде у меня был муж, ну а сейчас – механизм для напи-

сания книг и выполнения супружеских обязанностей. А тут выясняется, что ещё и сутенёр. Права была Эстер, за эти годы ничего не изменилось!

– Что ты несёшь?!

– Ну, расскажи мне, как это у тебя с ней было. Не стесняйся! В какой момент вы заговорили обо мне? Когда ты уже вошёл в неё или немного позже? Что ты почувствовал при этом? Ну же, ну же, расскажи!

– Тише, Катрин! Пожалуйста, тише. Тебя могут слышать!

– Пусть слышат! Мне нечего скрывать! Гулящей бабе наставили рога – вот как это называется!

Всё это время я стоял, глядя на неё. Мне даже не пришло в голову ещё что-то сделать – дать ей воды, чтобы успокоилась... Да тут не поможет даже целая бадья, если вылить на голову!

– Раньше ты никогда так много не пила, и никогда так много не говорила... Катрин, что с тобой случилось?

Я присел на край постели и попытался её обнять.

– Пустите! Пустите меня! – она кричала, извиваясь, как змея в моих руках. – Я не хочу жить с вами!

Сил у меня достаточно. Ещё немного, и она не в состоянии пошевелиться. Я не отрываю взгляда от её глаз, и вот уже она... Глаза в глаза... Ну, слава богу, успокоилась.

В чём был, прилёг рядом, на постель, не выпуская её руку из своей руки. Теперь уже говорил я, а она молчала.

– Вероятно, ты права, и я виноват перед тобой. Но в чём? В том, что приютил тебя тогда в своей квартире? В том, что защитил? В том, что снова запил, потому как сил никаких больше не было? Вот и сейчас, ты же сама говорила, что не могла жить с Сержем. А нам было так хорошо с тобой! И что теперь случилось?

– Ты в самом деле этого не понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Не понимаешь, зачем ты меня сюда привёз?

– Милая, но мы же так с тобой решили...

– Не говори мне это слово! Милая... Или я опять сорвусь.

– Катрин, но всё было хорошо...

– Ты просто не замечал. Да и я не обращала ни на что внимания.

– Если ты думаешь, что я собирался... как это называется... одолжить тебя на время Пьеру, ты ошибаешься. Я не любитель подобных игр, и не собираюсь что-то выторговывать для себя таким вот образом. Мне хватит того, что есть.

– А Эстер?

– Что Эстер? У нас с ней ничего и не было. Ну поболтали тогда, у бассейна... вы ещё лежали голые. Но как ты могла подумать, что я с ней... в твоём присутствии...

– Я не о том.

– Тогда о чём?

– Мне не хотелось бы об этом говорить.

– Так как же я узнаю?

– Догадайся.

Ну что ж, придётся использовать всё своё воображение, всю фантазию, провести хотя бы предварительный логический анализ. А там... И тут я понял. В то время, как мы с Пьером ездили в Париж, она и Эстер... О, господи! Да неужели?

– Катрин, прости! Я даже не мог предположить...

– Если ты, знаток человеческих душ, не смог, то представляешь, как я была шокирована.

– Виноват! Виноват! Ну, что же теперь делать? Повеситься мне, что ли?

Господи, что я такое говорю? Она нуждается в поддержке, её нужно успокоить, а я несу тут чепуху.

– Ну что ж, будем собираться. Думаю, удастся найти какой-нибудь отель. Сейчас, правда, везде наплыв туристов...

Понятно, что я говорил это без особого восторга.

– Может быть, сначала объясниться с Пьером... – предложила Катрин.

– А стоит ли? Думаю, он тоже ничего такого не предполагал...

– Тем более! Надо ему рассказать... ну, чтобы знал...

– Как-то неудобно... Словно бы собираюсь влезть в их личную жизнь.

– Тут уже нет ничего личного, если коснулось нас с тобой, – Катрин удивлённо взглянула на меня: – Влад, ты даже не хочешь узнать, как это было?

А мне-то казалось, что единственное её желание – поскорее всё забыть. Я повернулся к ней и сделал вид, что с интересом слушаю.

– Это было там же, у бассейна. Мы с Эстер лежали под деревьями совершенно голые. Я задремала и вдруг сквозь сон почувствовала что-то необычное... Нет, даже не так, это было уже потом. А сначала мне показалось, что мы с тобой в постели, и ты целуешь мою грудь. Целуешь так настойчиво, так жадно, как будто бы это наше первое свидание... Ну, помнишь, как тогда, в Гренобле? – Катрин улыбалась, глядя на меня. – Потом эти губы, продолжая целовать, стали опускаться ниже, ниже... Стало так хорошо! И тут я ощутила прикосновение губ там... ты понимаешь... Только тогда я поняла – это не ты!

– А дальше?

– Я проснулась.

– И всё?

– Ну что тебе ещё сказать. Был жуткий скандал. Она угрожала мне, настаивала, умоляла... Ну а потом призналась, что ты с ней переспал... И якобы надо отомстить тебе таким вот странным образом.

– Вот сучка!

Я только это и сказал, поскольку говорить-то больше было нечего.

– Но как ты мог? Это же просто свинство... флиртовать прямо на моих глазах...

– Послушай, я ведь уже сказал, что ничего такого не было. Я всего-навсего подбирал сюжет... даже не сюжет, натуру для своего нового романа.

– Правда? И о чём же будет твой роман? – судя по её взгляду, Катрин очень хотелось поверить всему, чего бы я ей не сказал.

– О нашей любви, конечно.

Нужно было добавить ещё какие-то слова, но я посчитал, что этого вполне достаточно.

– Так ты поговоришь с Пьером?

Я тяжело вздохнул, предчувствую трудный разговор, и встал с постели.

– Могу ли я хотя бы принять с дороги ванну?

– Конечно, милый! Тебе спинку потереть?

– Нет, не сейчас...

И что, вот это называется любовью?

Ужин, в основном, прошёл в молчании. Пьер пересказал последние парижские сплетни. Я посетовал на издателя, который намеревался оформить мой роман совсем не так, как я пред-полагал. Ну вот, пожалуй, и всё. Эстер выглядела, как обычно. Глядя на неё, я не мог поверить в то, что случилось днём. Однако вот характерный момент – она старалась не смотреть в мои глаза. Это могло служить косвенным подтверждением того, о чём Катрин недавно рассказала. Сама же Катрин вела себя так, будто всем была довольна. Всегда немногословная, она и сейчас отделялась короткими, но

содержательными репликами. Я даже подумал: вот поэтому она мне нравится. От болтливой подружки я бы на второй день сбежал.

Закончился ужин. Эстер, сославшись на недомогание, ушла к себе. Вслед за ней покинула нас и Катрин. Пить в отсутствие дам не стали. Мы вышли на веранду – Пьер со своей любимой сига-рой, а я раскурил трубку, так, для разнообразия. К тому же от сигарет я решил понемногу отвыкать.

Вечер был тих. На землю опустилась долгожданная прохлада, и не хотелось портить очарование этих минут разговором на тему, которая никому из нас не могла доставить удовольствия.

И всё же я сказал:

– Пьер, я тут припомнил нашу встречу в Каннах. Помнишь, это было года два назад, Так вот, я ещё тогда тебя хотел спросить, но так и не осмелился. С чего это ты затащил меня в гей-клуб? Я вроде бы за тобой таких пристрастий прежде не замечал. Может быть, Эстер... Ты извини, если тебе это неприятно.

Пьер сразу не ответил. Пыхнул пару раз сигарой и сказал:

– Да нет, не думаю. Если бы так, то я бы знал. Мы вместе уже больше пяти лет, и ничего... Ну а гей-бар – это теперь модно!

– Странная мода!

– Ты что же, за ущемление прав страждущих? Вот и в твоём последнем романе нет ни лесбиянок, ни геев. Это же ти-

пичная дискриминация! Ну как так можно, Влад? У нас твои книги скоро перестанут издавать.

– Пока этого не случилось. Издатель ни на чём подобном не настаивает.

– Он ничего не понимает! – Пьер повысил голос. – И ты вместе с ним! А когда поймёте, будет слишком поздно. Ну вставь в книгу хотя бы парочку геев или трансвестита, на худой конец. Что тебе стоит? Тогда тиражи вдвое вырастут, я гарантирую.

– Не могу.

– Пойми же, наконец, что они не извращенцы, не больные. Просто немного не такие, как мы с тобой. Ведь не считаем же мы ненормальными тех, кто пишет левой рукой. Ну пишут себе и пишут, так им нравится.

– Это совсем не то.

– Но были же исследования, которые подтвердили...

– Вопрос в том, кто их проплатил.

– Ну до чего же несносный! Тебя никак не убедишь. Ты сам-то как это объясняешь?

– Проблема в том, что нет любви.

Пьер молчал, видимо, пытаясь осмыслить эту мою фразу. А я выбил трубку о перила веранды, пожелал ему спокойной ночи и пошёл к себе.

Катрин не ложилась, всё ждала меня.

– Ну как? Ты ему сказал?

– Извини, я не решился. Что-то устал с дороги... А зав-

тра... Завтра – непременно!

Уже засыпая, я припомнил бабскую болтовню, которую слышал, когда летел в Женеву, в салоне самолёта. А что если и вправду Катрин родом из дворян? Оттого и чувствительна к подобным инцидентам. Я ведь подумал об этом ещё тогда, при первой нашей встрече. Да и сейчас... Другая на её месте не стала бы делать из такого пустяка трагедию – я о том, что случилось сегодня у бассейна. Конечно, подобное превращение наследницы столбовых дворян в путаны как-то не логично. Однако напоминает судьбы тех, самых первых, что бежали из Крыма ещё в 20-м и потом закончили жизнь в Константинополе, в публичном доме в квартале красных фонарей. Мне приходилось бывать на холме Пера, в районе Бейоглу. Своеобразное местечко! Есть там такая улочка – Зурафа Сокак...

После воспоминаний о Стамбуле, да если ещё добавить к ним последние события – стоит ли удивляться, что сон у меня был эротический?

Глава 29. Развязка

Никогда прежде у меня не было проблем такого рода. То есть проблема эта возникла, разумеется, не у меня, а у Катрин, однако ситуация сложилась так, что я не мог всё это игнорировать. Пожалуй, несколько лет назад просто махнул бы рукой – подумаешь, какая недотрога! Вот ведь Антону и хозяевам ночного клуба не собирался мстить за поруганную честь Лулу. Впрочем, она отчасти и сама в этом виновата – я лишь про то, что с ней произошло тогда, а не сейчас. Хотя, с другой стороны, доля её вины есть и во вчерашнем случае, а потому что нечего выставлять своё тело напоказ! И вот теперь кто-то обязан всё это улаживать – не Пьер, не приснопамятный Серж, а почему-то я, хотя к самому скандалу вроде бы не имею никакого отношения. В конце концов, не я же к ней у бассейна приставал.

На следующий день всё было, как всегда. И поначалу ничто не напоминало мне о вчерашней драме. За завтраком Пьер с Эстер о чём-то мило щебетали, да и Катрин была спокойна, что подтверждал её отменный аппетит. Я даже подумал: пронесло! Но не тут-то было – стоило нам встать из-за стола, как Катрин посмотрела на меня столь выразительным взглядом, что я понял: всё только начинается...

Увы, разговора мне не избежать. Надо лишь выбрать подходящий момент, чтобы ничто не отвлекало, чтобы не под-

слушали. А почему бы не предложить Пьеру прогуляться после завтрака вдвоём по саду, он, помнится, собирался рассказать о коллекции своих растений? Я хоть и равнодушен ко всем этим пестикам, цветочкам, стебелькам, однако готов пожертвовать собой, если требуется так для дела... Ну вот, предложил Пьеру пройтись, и вижу – Эстер увязалась вместе с нами. Я даже подумал, что объяснение придётся отложить.

Но всё оказалось несколько иначе. Первым заговорил Пьер:

– Влад, ты нас извини... Да-да! Прости! – он словно бы не находил подходящих слов. – Эта неудачная затея... Это всё я.

– О чём ты? – мне и в голову не могло прийти, что он как раз о том...

– Видишь ли, тут вот какое дело. Мы собираемся снимать фильм о разгроме банды террористов. Так вот, Эстер всегда мечтала сыграть роль секретного агента, такую, знаешь ли, агентессу в юбке. В жизни это было бы нереально для неё, а вот в кино...

– Пьер, позволь, я расскажу, – перебила мужа Эстер. – Влад, для меня всегда примером была моя тётя. Она теперь известный политик, а прежде работала в известной тебе организации, которая называется Моссад. И вот я узнаю, что Пьер собирается снимать боевик по мотивам одной секретной операции, проведённой израильской разведкой. Там есть замечательная роль, ну словно бы написанная для меня.

Пьер, разумеется, не смог мне отказать. Но дело в том, что этой агентессе предстоит соблазнить вражескую террористку. Сам понимаешь, опыта у меня никакого нет, разве что попыталась подглядеть кое-что на порносайтах...

И снова слово берёт Пьер:

– В общем, я предложил Эстер порепетировать с твоей Катрин. Так, самую малость, естественно, не ставя её в известность о своих истинных намерениях. Что-то вроде игры или лёгкой провокации, эдакий лесбийский флирт. Получится, так получится, а если вдруг Катрин не так поймёт, всегда это можно свести к невинной шутке. Однако Эстер, видимо, переусердствовала, слишком увлеклась.

Тут только я стал кое-что понимать.

– Так это был спектакль?

– Ну да! – воскликнула Эстер. – Неужели ты думаешь, что меня интересуют женщины при таком-то муже? – тут Эстер прижалась к Пьеру. – Влад, я не знаю, что на меня нашло. Наверное, жара подействовала...

– Скорее уж Катрин оказалась слишком соблазнительна, – попробовал польстить моему вкусу Пьер. – В общем, только сегодня она мне рассказала... – Пьер помолчал немного. – Итак, каков будет твой приговор?

Я призадумался. Вот ведь готовился дать отповедь разврату, ещё раз вспомнить тот поход в гей-клуб – с него-то всё и началось... И что ж теперь?

– Ну, если бы это был кто-нибудь другой... – я всё ещё не

решил, как мне на это реагировать. – Однако на тебя, Эстер, я не в силах обижаться.

Я сдержанно улыбнулся, глядя на неё, и удостоился в ответ очаровательной улыбки.

– А теперь подскажите, как мне всё это объяснить Катрин? Вчера у неё была чуть ли не истерика...

– Какой ужас! – прошептала Эстер.

– Тут надо учесть и её воспоминания о прошлом. Катрин тогда основательно досталось...

Все замолчали. Каждый думал о своём, но все наши мысли крутились возле одного вопроса: как с минимальными потерями выйти из этой ситуации. Безумная идея вот-вот должна была родиться в наших головах, я чувствовал, что логика уже сработала, дала нужный результат, его надо было лишь услышать... Первым итог наших умственных усилий озвучил Пьер:

– А что если устроить грандиозный выпивон? Все перепьёмся, всё друг другу простим, и на этом история закончится.

– Поддерживаю и одобряю! – Эстер захлопала в ладоши.

Как просто! Признаюсь, нечто подобное я и ожидал. Жаль, конечно, что не сам придумал. Однако этого всё же недостаточно.

– Хорошо бы ещё найти какой-то повод...

Но Пьер сегодня был неистощим:

– Есть! Господи! Как же я сразу-то не сообразил? Я пред-

ложу Катрин роль в этом фильме.

– Уж не той ли самой террористки, которую соблазнит Эстер? – я словно бы развивал идею Пьера.

– Прекрасная мысль! Мы преподнесём этот инцидент как кинопробу... или, точнее, репетицию! Ну что-то в этом роде.

– А вдруг она согласится? – снова усомнился я.

– Если у неё есть способности, если хорошо сыграет, то почему бы нет? Я даже гарантирую солидный гонорар. Эстер, надеюсь, ты не против?

– Обеими руками «за»! – Эстер была в восторге.

– Вообще-то, она девочка смышлёная, – заметил я.

– Ну вот! Как говорят у вас в России – замётано!

И кто бы мог подумать, что те три сплетницы в самолёте окажутся в итоге правы? Правы почти во всём. Может быть, это были феи, три добрые волшебницы? И всё равно не могу никак поверить.

Эстер с мужем на весь день укатили в Париж. Пьеру хотелось сделать вечером что-то исключительное. Они собирались посетить «Распутин», может быть, ещё несколько столичных ресторанов, сделать там заказы и привезти готовые блюда прямо к нашему столу. Видимо, надеялись, что путь к примирению сначала идёт через желудки, ну а потом... Потом уж как это получится. Впрочем, не исключено, что эта поездка была предназначена лишь для того, чтобы избежать общения с Катрин и дать мне возможность успокоить её и подготовить к вечернему мероприятию.

Итак, мне предстояло объяснить всё это Катрин. Я начал с того, что Пьер предлагает роль в своём новом фильме. Как и следовало ожидать, она была удивлена до крайности, если не сказать – шокирована.

– Как? Я в кино? Ты шутишь...

– Вовсе нет. Я вполне серьёзно.

– Но смогу ли я сыграть?

Похоже, без внушения здесь не обойтись, поскольку в любом деле главное – это уверенность в себе. А откуда ей взяться, если у Катрин нет никакого опыта? Я тоже в этом бизнесе не очень разбираюсь, но цель стоит того, чтобы попробовать.

– Катрин, в кино на самом деле всё не так, как ты предполагаешь. Это же не театр. Там нужно играть, а в кино совсем другое. Здесь требуется представить себя в заданной ситуации и просто быть самим собой.

– А если приходится изображать какую-нибудь гадину... да вот хотя бы ту же террористку?

– Тут вот какое дело. Видишь ли, в каждом из нас есть «второе я». В нём, скажем так, собраны не самые лучшие наши качества. В нормальной обстановке мы не даём ему воли, стараемся удержаться и от злости, и от зависти. Ну, я не стану продолжать... Если же это кино, если всё нереально, выдуманно, стоит лишь дать некоторую свободу этому своему «второму я», и уверяю, всё получится.

Мне показалось, я почти что убедил. Но нет, только начинается:

– Насколько я понимаю, эта роль как бы компенсация за то, что случилось у бассейна?

– Да как тебе сказать? Пьер говорит, что Эстер репетировала будущую роль.

– И ты поверил?

А что мне оставалось?

И вот, примерно за пару часов до наступления темноты, когда мы с Катрин нежились в постели – да просто потому, что делать было ничего – в этот момент по дому разнеслись слова, сказанные, видимо, в микрофон:

– Атансьон! Атансьон! Дамы и господа! Сегодня вечером, то есть ровно через час, в нашем дворце состоится светский раут. Явка для всех постояльцев обязательна. Просьба не опаздывать.

И вот мы снова за столом, в который уже раз за эти дни. Однако впервые всё устроено по высшему разряду. Я уж не говорю о милых дамах, но даже Пьер счёл необходимым напялить смокинг и не забыл про галстук-бабочку.

Если говорить о винах и закусках, то всё было великолепно. Гораздо лучше того, что можно было ожидать. Подробности опускаю, дабы избежать подражаний и заимствований. Пусть каждый устроитель аналогичных торжеств сам выбирает, что и как, согласно собственному вкусу. Во всяком случае, Пьер показал себя превосходным мастером! Об этом я не преминул ему сказать...

Что-то около часа или двух нам понадобилось, чтобы всё

попробовать. Честно говорю, редко приходилось видеть подобные яства на одном столе. Ну а после того, как все насытились, пошла такая пьянка!..

И вот уже вижу, как Пьер тискает Катрин, и вдруг заявляет:

– А что, Влад, не поменяться ли нам на время дамами?

На трезвую голову вряд ли у него появилась бы такая мысль. Да я просто дал бы кулаком меж глаз! Но тут уже Эстер заявила о своих претензиях, её голова и так лежала на моих коленях:

– Я за, если никто не против!

Катрин каким-то слишком уж плутоватым взглядом посмотрела на меня, и говорит:

– Как скажешь...

Мог ли я возражать, если Эстер одним движением освободилась от платья, под которым не оказалось буквально ничего?..

Катрин потом мне говорила, что ей это не понравилось. Вроде бы чего-то другого ожидала, видимо, хотела что-нибудь особенное.

– А как себя показала Эстер?

– Честно говоря, не помню. Я был слишком пьян. Помому, у нас вообще ничего не получилось. Так, имитация секса, как у подростков, не более того.

– Выходит, у тебя всё было понарошку, а я, дура, всё восприняла всерьёз, – лицо Катрин сморщилось, вот-вот запла-

чет...

– Ну перестань, Катрин! В том состоянии вообще не разберёшь, что было и как это получилось... Ты хотя бы кончила?

– Нет.

– А он?

– Не знаю.

Мы оба рассмеялись, и больше о той пьянке никто не вспоминал. Точнее будет сказать, старались между собой не говорить на эту тему. Однако забыть о том, как было хорошо в объятиях Эстер... забыть об этом я не в силах. Ну что ж, будет на старости лет что вспоминать. Если по правде, я в тот раз только прикидывался, что очень сильно пьян. Словно бы предвидел всё, что будет, чем это закончится... Эстер ещё мне тогда сказала, то есть немного позже:

– Если будет желание, я всегда готова...

– Эстер, но чем я заслужил? Вокруг тебя, видимо, вьётся целый сонм молодых самцов, которые гораздо лучше меня с очаровательными дамами справляются.

– Ах, не в этом дело! Я переспала кое с кем из них. Были у меня актёры, фотографы, даже один спортсмен...

– Ты забыла про продюсера.

– Ну да, только попробуй про него забыть, как сразу же о себе напомнит, – Эстер посмотрела на голый зад сопящего поодаль Пьера и улыбнулась. – Но это всё не то.

– А что же тебе нужно?

– Я хочу, чтобы ты написал обо мне роман, – она лежала на моей груди, лицо в лицо, даже если захочешь, взгляд отвести от её прекрасных глаз просто невозможно. – Ты понимаешь, фотографии поблекнут, фильмы сдадут в архив, а книга... Книга – это на века!

– Ты слишком высокого мнения о моих талантах.

– Ничуть! Если кто-то может описать, как всё это было, так только ты и никто другой.

– Но я же почти ничего о тебе не знаю.

– А я буду рассказывать. Вот так, в постели. При каждой встрече понемножку. И для начала сообщу... Что бы такое о себе сказать?

– Начни с самого начала.

– Начну с того, что мои предки приехали в Иерусалим из Польши.

– Ах, вот откуда этот овал лица, эти твои скулы! От славян! А я уж было подумал, не переспал ли твой дедушка с негрятёнкой из племени зулусов...

– Ты несносен! Я начинаю сомневаться в твоих способностях.

– Так я же заранее тебе сказал. Вот если бы двадцать лет назад...

– Не думала, что у тебя задатки педофила. В то время мне было... Впрочем, не столь важно.

Эстер рассмеялась. Даже весьма привлекательные дамы о возрасте не любят вспоминать.

Как время летит, как всё быстро изменяется! Кто бы мог подумать? Десять лет назад я боялся даже прикоснуться к Лулу и занимался любовными играми с дурой-Томочкой. А вот теперь лежу в объятиях топ-модели, и меня нисколько не волнует, чем там занята Катрин. Неисповедимы пути твои... И прости, Господи, если что-то делаю не так, как тобой было задумано!

Странно, но именно в этот момент мне снова в голову пришла мысль о провокации. Согласен, что совсем не вовремя, но что же я могу поделать? Довольно часто мысли возникают вопреки нашему желанию. Так и теперь. А моя догадка заключалась в том, что Пьер сотворил всё это только для того, чтобы доказать, что я не прав. Да, да! Видимо, решил так: если вовлечь в это дело Катрин, легче будет уломать меня... Речь лишь о том, чтобы я написал сценарий в духе времени. Нет, ни инцестом, ни «групповухой» нынешнюю публику не удивишь. Тут требуется нечто куда более впечатляющее. Ну, скажем, любимая девушка оказалась трансвеститом. Или, к примеру, чиновник переспал с начальником, а взамен так ничего от него и не получил. Можно ещё написать про секс с собственной собачкой... Чего только в жизни не бывает!

А, в самом деле, какая разница, с кем, как и почему? Была бы только любовь... Если не очень придирается к смыслу этого понятия, то ко всему можно приспособиться.

Глава 30. Конформист

Будь я на месте своего издателя, оставил бы любимого автора в покое. Ну вот я написал роман – неужто этого вам мало? Оказывается, совершенно недостаточно. А всё потому, что на первом месте всегда и во всём оказывается прибыль! Издателя не устроит, если роман прочитают только те, кто в состоянии хотя бы в чём-то разобраться, понять характеры, сюжет... Нет, ему требуется, чтобы раскупили весь тираж. Даже не важно, что в дальнейшем будет с книгой, куда её читатель денет – поставит на полку, не читая, или спустит по листочку в унитаз. Да хоть гори она огнём – тогда и вовсе станет раритетом! А там опять и снова – реклама, реклама и опять проклятая, надоевшая, бездарная реклама!

От этих мыслей, что скоро надо будет ехать в Париж, встречаться со своими почитателями, участвовать в презентациях, посещаться какой-то там вернисаж, становилось тошно, мучила бессонница. Но что поделаешь, если так написано в контракте? Вот я проснулся среди ночи и не могу заснуть, прислушиваюсь к глухим ударам сердца. Пытался сосчитать до ста, сделал несколько глубоких вдохов, словно бы насыщая кислородом лёгкие, но ничего не помогало. В комнате душно, за окном повисла ночная мгла, а на душе печально и как-то одиноко. Единственный, вполне естественный для меня выход из подобной ситуации состоял в

том, чтобы это описать. Так безнадежно больной рассказывает о своих переживаниях врачу, надеясь тем самым отсрочить неизбежное. Чем дольше говорит, чем подробнее описывает свою хворь, тем крепче его надежда на бессмертие. Ах, бедняга! Зачем же столько слов, когда и без того всё ясно?

Ну вот и я надеюсь. Пытаюсь переосмыслить прожитую жизнь, в которой уже раз понять: а кто же я такой, кому и чем может угрожать моё существование?

– Ты конформист!

Это снова Он. Ах, как у него всё просто!

– Да, ты конформист. Но только не тот, кто при любых обстоятельствах готов служить официальной власти, какой бы она ни была, – он, видимо, ткнул указательным пальцем куда-то вверх и продолжал: – Нет, конформизм в твоём случае – это приспособление к власти более могущественной, к власти денег, к тому, что признано теперь самым главным в обществе. В той, прошлой жизни ты пытался приспособиться, но потерпел, как нам известно, крах. И что теперь? Теперь ты рад, что у тебя наконец-то получилось, – и как бы подводя итог своему краткому эссе на тему моего мировоззрения: – Ты новый тип конформиста. Таких в России раньше не было.

Мне не хотелось с ним об этом спорить. Конформизм, нон-конформизм... Да что говорить, просто модные понятия! А тут на весах моя жизнь, репутация, любимая работа.

– Послушай, допустим, что ты прав. Однако от того, что я приспособленец, никому не жарко и не холодно.

– Ой ли? Неужели всё уже забыл?

– А что я должен вспоминать? Вроде бы ничего такого не было...

– Ну да, в этой истории с Сержем ты оказался совершенно ни при чём.

– Но в чём я виноват? В том, что не смог отказать в маленькой услуге?

– Ничего себе маленькая! Ты же подставил его под удар!

– Да ничего подобного! Ему ничто не угрожает...

– Ой, вот только этого не надо! Меня ты не обманешь.

Я развёл руками, словно бы у меня нет слов. Очень уж не хотелось повторять избитые, много раз опробованные аргументы в таком деле.

– Это реальность, нам не дано предугадать, что с нами будет, и ничего тут не поделаешь.

– Так ты признаёшь, что цель этой акции в том, чтобы выманить его в Россию?

– Вовсе нет! Как только такое в голову могло прийти? – честно говоря, я и в самом деле возмущён.

– Не надоело врать? Уж я-то всё про тебя знаю. Тебе позвонил бывший коллега, тоже отставник... А впрочем, нет. Насколько я помню, тебя по суду тогда уволили.

– Память у тебя совсем дырявая. Через суд я только хотел восстановиться...

Вот слышу смех. Чувствую, что он не прочь поиздеваться надо мной. Похоже, намеренно провоцирует, добивается, чтобы я ему признался. Но в чём?

– И откуда такая неистребимая любовь к работе в «организмах»?

– Ты всё равно это не поймёшь...

– Так вот, тебе позвонили и назначили встречу в мастерской у знакомого тебе художника, он как раз устраивал вечеринку по случаю своей персональной выставки. Там-то за рюмкой коньяка и объяснили, что нужно поучаствовать в некой акции. Это было связано с твоей поездкой в Париж. Ты поначалу отказался, а потом тебе намекнули, что могут запретить покидать Россию, как бывшему сотруднику, носителю секретной информацией... Ну, это всё понятно.

– Да не было ничего такого!

Он снова засмеялся.

– За что тебя уважаю – за профессионализм! Врать будешь до тех пор, пока не окажешься у расстрельной стенки.

– Сам-то попридержи язык! И нечего мне тут заливать про то, чего попросту не могло быть и на самом деле не было.

– Да ладно, чёрт с тобой! Пусть всё это плод моей фантазии. Но мне интересно, вот как бы ты поступил, если бы догадался, что в этом заинтересованы спецслужбы, если бы перед тобой маячили угроза стать невыездным?

Ну как мне ему объяснить? Дело же вовсе не в запрете покидать страну.

– Пойми, даже если предположить, что я кое-что подозревал... что я догадывался, будто дело тут нечистое и не обошлось без участия «конторы», ты одного не понимаешь – для человека крайне важно ощущение свободы...

– Так что, могли и посадить?

– Да нет же! Ты снова не о том! – я уже начинал терять терпение. – Свобода! Когда она есть, её не замечаешь. Это слишком привычно, как утренний кофе, или как лёгкий звук, когда стучишь по клавиатуре ноутбука. Но стоит сломаться кофеварке или забарахлит виндоуз в твоём компьютере, и ты понимаешь, что всё – у тебя отобрали нечто самое необходимое для жизни. Тебя лишили того, без чего существование немисливо, просто невозможно. Тебя лишили ощущения свободы!

– Как-то слишком уж примитивно. Я про кофеварку...

– Не придирайся. Это только для примера.

– Но нельзя же всё сводить только к ощущениям.

– А что такое, по-твоему, свобода?

Он задумался. Видимо, и для него нелегко, при всех его способностях, найти объяснение тому, что слишком привычно и естественно, а потому простому определению не поддаётся. Это как дважды два – попробуй, докажи, что это не пять, не семь, а именно четыре. Мне интересно, как он вывернется. К тому же я могу предположить, что у него весьма своеобразное понимание свободы.

– Свобода... Ну, это как грибы. Красивые, их приятно со-

бирать. Но если жрать все без разбора, можно отравиться. Примерно так я себе это представляю...

Я ничего не ответил. Эти кулинарные сравнения никогда меня не возбуждали. Хотя в них и была кое-какая доля истины, но к моему случаю это не имело отношения. Какое может быть обжорство? Да при моих весьма умеренных потребностях было бы странно даже говорить об этом!

– И всё равно, ты в этом случае не прав, выдумываешь то, чего и не было. Какой же из меня теперь шпион?

– Причём тут это? Тебе и делать-то ничего не надо. Только передать письмо.

– И всё?

– Ну, надо постараться, чтобы он дольше находился в напряжении... Да что я тебя учу, ты и сам всё знаешь. Если же станет психовать, свяжешься с кем надо, тебе сообщат, что нужно делать...

– Да, да, ещё не хватало применить насилие?

– Боже упаси! Просто, когда наступит нужный момент, ты должен сообщить ему, что есть один человек, который способен разрулить эту ситуацию.

Такое впечатление, будто он знает больше моего. Если не знает, то догадывается. Неужто просчитал возможное развитие событий ещё тогда, когда я только согласился передать это письмо? Но почему не подсказал? Понятно, что я не стал его за это упрекать, однако нет сомнения, что когда-нибудь припомню. Тем более что от этих его предсказаний мне и

впрямь становится не по себе.

– Да, богатая у тебя фантазия! Ну что ж, допустим, что всё было так, что они меня прижали. И что в подобных обстоятельствах я должен предпринять?

И в самом деле, что? Выйти на площадь и заявить, что нарушаются мои права? Что душегубы притесняют либерала? И всё только для того, чтобы кто-то невзрачный, в серой куртке с капюшоном крикнул из толпы: «Давно ли диссидентов в психушки отправляют?» Я попытаюсь возразить, а мне в ответ что-то про «детектор лжи», про то, что пора бы открывать архивы КГБ, а в довершение всего извольте получить повестку из прокуратуры... И вот, представим, началось дознание, я каждый день читаю в прессе что-то про себя. Да не нужна мне подобная реклама!

Мне даже показалось, что и впрямь за мной следят. Вот за окном мелькнула чья-то тень... Звякнула капля воды в умывальнике, а я вздрогнул, как от выстрела... Нет, так мне не заснуть...

И снова Он. Сопит, что-то там соображает:

– Ну что, убедился, как тут всё запутано?

– И что?

– Нет, это я тебя хочу спросить.

– О чём?

– Что собираешься делать?

– Я не знаю.

– Вот так у него всегда! Пока не подскажу, лежит, как Еме-

ля на своей печи, и в ус не дует.

– При чём же тут мои усы?

В общем, как ни крути, всё очень скверно. А потому что вляпался по самое оно! Крайне неприятно это сознавать, но что поделаешь, если так случилось. Конечно, каких-либо огорчительных последствий ожидать не стоит, но ощущения самые паскудные. А вдруг он, в самом деле, прав, и я помимо своей воли вовлечён в какую-то спецоперацию?.. Но как так можно? Нельзя же таким образом использовать писателя!

Вот будто бы вообразил себя чуть ли не гигантом мысли, просветителем обманутых, униженных, заблудших... Совсем как тот же Моисей! Но вдруг выясняется, увы, что переоценил свои возможности. Так, самую малость... Это, если не очень придирааться.

– И с какой стати возомнил?..

– Да вовсе я не возомнил. Просто пытаюсь донести до людей собственные представления о смысле бытия. И сомневаюсь в том, что многим кажется очевидным и неоспоримым. И нахожу противоречия там, где никому даже не приходит в голову их искать. Однако уверен, что в мире есть немало людей, которые пришли или вскоре придут примерно к тем же выводам. Просто их никто не слышит.

– Ну да, не дают возможность осчастливить человечество.

Он явно издевался надо мной. Но что ему ответить? Могу лишь согласиться, это и вправду необычно – некий гражда-

нин, не имея профессиональной подготовки, набрался наглости и стал опровергать мнения признанных авторитетов. Стыд и позор! Хотя бы учёную степень для начала получил. Да что тут говорить – ни филфака, ни литинститута не закончил, а ведь туда же, лезет поучать. Да гнать таких поганой метлой из культурного сообщества! А если уж запятнан службой в «органах»...

Так что теперь, прикажете молчать? Или страницу за страницей крапать, вынося на суд читателей всё то, что нашептал мне Он? Если бы один к одному всё под его диктовку написал, ничего не переделывая, была бы скучная мелодрама с обилием интимных откровений и эротических подробностей. Такой, знаете ли, гламурный роман на потребу не слишком просвещённой публике. Ему только этого и надо, он в этих делах большой специалист. В конце концов, пусть думает, что я записываю один к одному всё, что он сказал, разочаровывать не стану. На самом деле, мы соавторы. И если он позволит себе что-то лишнее, я тут как тут, подправлю, подчищу, доработаю. Я вовсе не обязан писать то, что он мне предлагает. Иногда ему так и говорю, мол, это дело не пойдёт, что он не прав. Мне даже кажется, что наш спор продолжается и там, на страницах моей книги.

И всё же речь тут о другом. Может ли кристально чистый, абсолютно честный человек, к тому же со здоровой психикой, написать что-то сравнимое с тем, что я пишу? Сможет ли он описать похмелье алкоголика, его горячечный бред?

Сможет ли понять страдания павшего и разобраться в сомнениях преступившего неписанный закон? Я вовсе не уверен, что ему под силу окажется понять глубину раскаяния преступника или ощутить муки, которые испытывает приговорённый к казни. Увы, одним воображением тут не обойдёшься. Многое самому придётся пережить.

Но вот зачем пишу? Чтобы кого-то позабавить? Или надеюсь, что прочитают и задумаются? Конечно, нельзя заставить любого человека изменить собственное мнение. Однако можно как-то подсказать. Помочь разобраться в том, что происходит. Ну вот и я в меру сил пытаюсь это сделать...

– И всё же, чего ты хочешь? Такое впечатление, что чем-то недоволен.

– Да, господа, какие у меня могут быть претензии? Я что-то вроде тени. Вот выключишь свет, и меня не станет.

– Опять лукавишь. В последнее время стал появляться только в темноте...

– Я подаю сигнал, это как звонок будильника. А ты садишься за стол, включаешь лампу, и вот мы начинаем...

– Что ж, я готов.

Глава 31. Если любишь...

Все эти домыслы по поводу моей прошлой жизни изрядно раздражали. То любопытная Эстер пристаёт с ненужными вопросами, то возникает Он и начинает упрекать бог знает в чём, хотя сам прекрасно знает, что не было ничего подобного. Во всяком случае, должен понимать, что в прежние времена нередко приходилось делать то, о чём теперь вспоминаешь без особого восторга, это мягко говоря. Однако какое отношение имеет моё прошлое к тому, что я пишу в своих романах? Да большинство тех, кто в восторге от сочинений графа Льва Толстого, понятия не имеет, что он натворил в те времена, когда даже не мечтал о славе великого писателя. Да уж, судьба! А в финале – бегство. Бегство в никуда. Не собираюсь сравнивать, но вот и мне, возможно, предстоит что-нибудь такое... Ну а пока без вопросов, конечно же, не обойтись. Мало им автобиографии! Хорошо хоть, Катрин не пристаёт.

Но вот сегодня она меня и спрашивает:

– А правда, что ты работал в КГБ?

– Господь с тобой! Да неужели ты веришь всему тому, что я когда-то написал?

– Уж и не знаю, верить мне тебе или не верить. Вот ты говорил, что всё забыл. Но ведь про меня и про Полину там почти всё правда...

Ах, это растяжимое «почти»! Слово бы воздушный шар, который можно надувать и надувать... до тех самых пор, пока не лопнет. Смешение правды и вранья, логики, фантазии и нелепых подозрений.

– Видишь ли, в нашей жизни всё так перемешано, что иногда даже самому не разобраться, было это или просто выдумал. Ну вот и я считал, что работает моё воображение, а ведь на самом деле всё, что связано с тобой, мне подсказала моя память. Однако что поделаешь, если этого не сознавал, поскольку доктора уж очень постарались.

Она больше не спрашивала, а я молчал. Возможно, если бы я всё про себя ей рассказал, она бы поняла. Ну а поняв, простила. Как может быть иначе, если любишь?

Но временами меня мучил странный, пожалуй, неуместный в нынешних обстоятельствах вопрос – почему Катрин полюбила именно меня, при том, что в её любви я не сомневался? Об истинных причинах, если они были, можно было лишь догадываться. А задавать глупые вопросы не решался.

Конечно, главную роль сыграла жуткая история, когда я защитил её от тех злодеев. Кларисса, Томочка... Кто там был ещё?.. Конечно, Полина ей рассказывала обо мне. Но в том, что это были рассказы добрые, без каких либо намёков на мои скверные привычки и не очень-то простой характер – вот в этом я очень сомневаюсь. Важно было и то, что оба мы оказались тогда в крайне сложной ситуации, могли рассчитывать только друг на друга. Как ни удивительно, сработало.

И всё же мысль об одной из возможных причин привязанности Катрин не давала мне покоя до сих пор. За свою короткую карьеру путаны Катрин всегда «работала» в маске, таково было её условие с самого начала, и те, кто видел её лицо, теперь должны быть далеко от Москвы, в лагерной зоне, где ничем не могли повредить ни ей, ни мне. И лишь один я всё знал о её недавнем прошлом. Или почти всё. Потому что она так и не сказала, кто послал её ко мне, как собранные мной материалы оказались в прокуратуре и почему тех осудили, а я остался на свободе, если свободой можно было бы назвать годичное пребывание в больнице для закоренелых психов. На эти вопросы так и не нашлось ответа, а спрашивать Катрин, повторяю, я не хотел. Слишком уж непрочным мне казался наш союз, всё в любой момент может измениться, и Катрин уйдёт. Вот ведь и тогда она ушла...

Однако сейчас мне хочется определённости, мне нужно всё понять, даже если это ненадолго, даже если скоро мы расстанемся. Но как в этом разобраться, если по-прежнему во мне живут два разных, два совершенно непохожих человека. Один всё повторяет и повторяет, и не устаёт бесконечно повторять: «Я не могу без тебя! Я вспоминаю твои глаза, твой взгляд, твои волосы, твоё прикосновение к моим губам...» И есть другой – он смотрит оценивающе и строго: «Вот ты уйдёшь через полчаса, я запишу что-то из новых впечатлений, потом немного подремлю, потом сяду за стол, чтобы снова писать. А вечером ты опять придёшь, и мы с тобой займёмся

вновь любовью. Это, если мне захочется».

– И какой же ты? – спрашивает она.

– Когда ты здесь, я тот, первый. А когда тебя нет, наверное, второй... А какая ты на самом деле?

– Ты хочешь знать? Я столько раз давала тебе эту возможность...

Катрин присела мне на колени и прижалась жаркой грудью к моей груди. Наши сердца снова забились в унисон, а все эти вопросы и ответы остались где-то там, в глухом чулане. Сидят себе в закрытом сундуке и ждут, когда придёт их час. Я всё ещё надеюсь, что нескоро...

По правде говоря, близость мне была необходима, в основном, когда покидало вдохновение, когда нужно было избавиться от того невразумительного состояния, которое вдруг воцарялось в голове. Тогда хотелось куда-то убежать, где-то забыться, затеряться... А если удастся, то любить кого-то. К счастью, даже плотская любовь весьма разнообразна в проявлениях, а уж причин для этого не счесть. Вот и тогда, в том гренобльском ресторане, желание появилось у меня внезапно. Серж, Катрин и я... Но это было так давно!

– Послушай, а что бы ты сделала, узнав, что я тебе изменил? Ну, переспал с другой...

– Ты разве забыл? Я все твои грехи уже простила. И прошлые, и те, которые ещё впереди.

Но почему? Вопрос может показаться идиотским, поэтому я его не задаю. Вот если бы мечтал раз и навсегда от неё

избавиться, тогда такие откровения были бы логичны. Мне даже стоило бы спровоцировать скандал. Однако есть в её отношении ко мне что-то такое, что никаким скандалам не подвластно. И всё же, как мне это понимать? Неужто она даёт карт-бланш на все грядущие мои измены? Надо быть последним негодяем, чтобы этим разрешением воспользоваться.

Я вспомнил, как однажды явился на свадьбу своего приятеля. Со мной была молодая дама, я представил её как свою подругу. Проблема была в том, что подруга была замужем. Ещё когда мы подходили к ресторану, где был назначен свадебный банкет, она спросила, надо ли ей снять обручальное кольцо. Поскольку я в те годы всю жизнь пользовался преимуществами холостяцкой жизни, даже не был обручён, такое несоответствие, скажем так, внешних атрибутов могло вызвать досужие разговоры, которых хотелось избежать. Я вовсе не собирался плодить сплетни и ставить под удар репутацию этой милой дамы, поэтому посоветовал ей снять кольцо – так она и сделала. Но после того как немного выпил, вдруг захотелось подразнить слишком уж чопорную публику. Вновь появившееся на её руке кольцо вызвало вполне ожидаемую реакцию среди моих знакомых. Подруге стало немного не по себе. Она то надевала кольцо, то снова снимала, словно бы стесняясь своего замужества. Должен сказать, что меня всё это очень забавляло.

И вот теперь, перебирая в памяти события тех лет, я вдруг

подумал, что мои отношения с Катрин чем-то напоминают тот забавный случай, хотя, разумеется, сейчас мне не смешно. А дело в том, что Катрин то якобы становилась мне женой, то чуть ли не совершенно посторонней женщиной – это когда я нежился с Эстер в постели. Если учесть, что с Сержем они не были разведены, то можно признать, что обстоятельства и впрямь оказались в чём-то схожи. Но повторяюсь, я в этом не видел ничего забавного, скорее наоборот, поскольку мои отношения с Катрин – это же совсем другое. Понятно, что единственным выходом из состояния неопределённости стал бы их развод. Я чувствовал, что Катрин к этому готова, однако ей нужна и помощь, и поддержка, поскольку дело это хлопотное. Мысленно и я к этому готов, даже посоветовался со своим французским адвокатом. Смущало лишь положение, в котором нахожусь теперь. Хотелось развязаться со всеми обязательствами, раздать долги, а вот уже потом... Ну а потом я учиню допрос с пристрастием. Пусть только попробует отказаться, я всё должен о Катрин узнать! Стоит ли её в мои тайны посвящать – это вопрос пока оставлю без ответа.

Причина в том, что есть такие темы, о них можно сколько угодно рассуждать, даже пытаться что-то объяснить, однако в итоге убеждаешься – всё без толку. Нельзя переиначить то, что мне совершенно не подвластно. Вот если бы жил в уединении, где-нибудь в глубинах космоса, на звездолёте, и только на время прилетал туда, где был когда-то дом, где мои

друзья. Ну пообщался немного, сдал в издательство очередную рукопись, возможно, с кем-то переспал, отпраздновал чей-то юбилей... И вновь в свою берлогу, где меня достать никто не в состоянии. Увы, так не бывает. Я вынужден признать, что бумеранг, запущенный в молодости, возвращается назад.

Мы встретились в кафе «Клозери-де-Лиля» на бульваре Монпарнас, когда я снова выбрался в Париж, сославшись на дела в издательстве. По виду, то ли дипломат, то ли бизнесмен, он вёл себя достаточно свободно и не оглядывался по сторонам, как принято в шпионских фильмах. Да и с чего бы так? Евгений Маркович, известный московский адвокат, не собирался ни от кого скрываться. И, тем не менее, он меня заранее предупредил, что наша встреча с ним должна остаться тайной.

– Так вы привезли то, о чём я попросил?

Это были первые мои слова после того, как мы разобрались, кто из нас есть кто. Слава богу, общение через интернет существенно сокращает церемонию очного знакомства.

– Я не совсем уверен, что вам это подойдёт, но есть кое-какие сведения об интересующей вас особе.

– Что-нибудь существенное?

– Да нет, в основном, надёргано из израильских газет. Но есть любопытные данные о её тётке. Она когда-то работала на Моссад. А уж родители этой самой тётки...

Тут он ухмыльнулся и покачал головой, то ли выражая

своё восхищение, то ли сомневаясь, что такое в принципе возможно.

– Так что родители?

– Да почитаете сами. Там и про то, как грабили поезда, и про нападение на британскую военную базу. Это было вскоре после окончания последней мировой войны. Думаю, вам любопытно будет прочитать.

– Ну что ж, возможно, использую в своём романе. А есть что-нибудь про Эстер?

– Да ничего особенного. Могу только сказать, что ваши подозрения не подтвердились. По мнению моих израильских коллег, с Моссад она никак не связана.

Пусть так. Хотя обычно я доверяю только тем фактам, которые перепроверил с помощью нескольких источников.

– Ну ладно, давайте то, что накопили.

В моих руках оказалась флешка с информацией. Надо сказать, что эту встречу я не планировал заранее. Адвоката мне порекомендовал человек, которому я доверял. Он попросил во всём следовать советам этого «орла юриспруденции», иначе можно навредить и Сержу, и даже его брату. Можно было бы ограничиться общением по Сети, однако адвокат настоял на очной встрече.

– Я специально приехал из Гренобля, чтобы обсудить с вами один очень деликатный вопрос, – он замолчал, словно бы в чём-то сомневаясь. – Боюсь, вам это не понравится, но я считаю своим долгом честно всё сказать. Что касается ва-

шей близости с Эстер, она даже очень кстати. Но вот роман с Катрин может помешать.

– Она-то тут причём?

– Видите ли, дело это сложное. Можно поставить под удар очень влиятельных людей. Я не буду называть фамилии, но кое с кем вы хорошо знакомы, – он посмотрел прямо мне в глаза, видимо, пытаюсь внушить, как всё это важно. – Так вот, никто не должен заподозрить ни вашего, ни их участия. Поэтому и следует немедленно порвать с Катрин.

– Я всё же не пойму...

– Сейчас не время для дискуссий.

У него, надо полагать, приказ, а мне что делать?

– Послушайте, но ведь отношения с Катрин как раз снимают с меня подозрения в каком-то злом умысле по отношению к Сержу. Это просто банальная любовная история, распавшийся треугольник, такое случается ныне сплошь и рядом...

Про отсутствие злого умысла я, конечно же, загнул, поскольку для того, чтобы увести у него жену, я должен был испытывать, по крайней мере, антипатию. Да, в общем, так оно и было, хотя моя неприязнь к Сержу никак не повлияла на отношения с Катрин. Вот если бы я намеревался увести жену у своего лучшего друга, которого знаю с детских лет... Нет, такое даже не буду обсуждать. Правда, тут возникает вопрос: а что же Пьер? И в самом деле – что? Кто он для меня? Партнёр, приятель или друг? Ну, если друг, то наверня-

ка не самый лучший. Да не уводил я у него жену, тем более что наша связь с обоюдного согласия! В каком-то смысле он меня и подтолкнул...

Тем временем адвокат тоже призадумался. И я его прекрасно понимал. Одно дело – интересы дела, заранее проработанный сюжет. А с другой стороны, ему же и достанется, если он пройдёт мимо подсказанного мной решения.

– Проблема в том, что могут всплыть ваши связи с одним влиятельным лицом в Москве. Тогда возникнут ненужные ассоциации, – я чувствовал, что в его голове происходит сложная работа мысли. – Нет, этого мы не можем допустить.

Теперь пришла моя очередь поднапрячь свои мозги.

– А что если эту историю не скрывать? Если опередить события, преподнести всё, как воссоединение двух любящих сердец. В той, прошлой жизни мы и в самом деле были с ней знакомы. Если всё должным образом организовать, эта love story в глазах и парижской, и московской публики затмит любые подозрения. Тем более, что у Катрин есть шанс стать кинозвездой, опять же с моей помощью. Вот вам и объяснение её измены мужу.

– Насколько я понял, вы имеете в виду ту историю из своего романа. Довольно занятно написано, я читал. Но вы же сами довольно прозрачно намекаете там, что были связаны с «конторой».

– Так меня же выгнали!

– «Бывших» у нас не бывает. За исключением тех, кто

предал, – он как-то нехорошо посмотрел в мои глаза, мне даже послышалась в его словах угроза. – Нет, эту историю связывать с вашим именем нельзя. То есть, вы, конечно, автор, но не более.

– Да вы поймите, только идиот станет подставлять себя, раскрывать всю подноготную, а после, как ни в чём не бывало, продолжать служить в «конторе». Бьюсь об заклад, никто в такую глупость не поверит.

Мы так и расстались, ни о чём не договорившись. Правда, он обещал подумать над тем, что я ему предложил. Что ж, подождём, время пока терпит.

После его ухода я, сидя в кафе, снова прокручивал в голове всю эту историю. Я попытался представить себе, какие чувства испытывает Серж сейчас, после того, как Катрин его покинула. Что это – злость, разочарование, обида? А может быть, понял вдруг, что одурачен, и вот прикидывает, как бы отомстить? Да нет, скорее всего, ничего такого нет. В его характере я досконально разобрался, и для меня вывод очевиден. Как бы он ни предан был науке, однако важнейшую роль играет для него семья. В данном случае – родной брат, оказавшийся в беде.

Ну а Катрин... Несколько лет совместной жизни тоже что-то значат, но жертвовать ради неё всем остальным он, конечно же, не станет. Я думаю, смирится. А после завершения своего исследования, после того, как напишет книгу и наконец-то обретёт желаемые, столь ценные для него звания и

премии, найдёт себе какую-нибудь юную мадемуазель. Она сама подойдёт к нему однажды, ну скажем, после лекции в университете, и так на него посмотрит, что бедный Серж опять не устоит.

Положим, я на требование адвоката наплюю. Но как избавиться Катрин от возможных осложнений? Придётся, как принято говорить, узаконить наши отношения. Однако тут следует иметь в виду, что Сержу сейчас не до развода, он с головой увяз в проблемах брата, причём от этого его отвлекать нельзя. И только потом, когда с братом всё закончится, развод можно будет оформить, как положено. Впрочем, прощальное письмо Катрин можно рассматривать как просьбу о расторжении их брака.

Но вот что странно. Сначала дочь, теперь вот брат... История в чём-то повторяется. Моя дочь, как выяснилось, была мнимой, теперь вот вроде бы из небытия возникший брат. Существенное отличие в том, что вряд ли он окажется в постели Сержа. Хотя, кто знает? Чего только в этой жизни не бывает! Если в итоге оба устроятся в Европе, так здесь не исключён даже узаконенный инцест. Кстати, если такой сюжет использую в сценарии или в романе, Пьер будет мной доволен. Ну хотя бы это успокаивает!

Все эти предположения я прокручивал в голове, анализируя их и так и сяк. Вообще-то следовало бы всякие заморочки послать к чертям, однако прав был адвокат – прежняя профессия так или иначе сказывается, и никуда от этого не

деться.

А всё же интересно, как реагировала бы Катрин на появление её бывшего мужа здесь? Ну или хотя бы как повела себя при встрече с ним в Париже, что бы сделала? Только представьте себе, он идёт по улице вместе с этим своим братом где-нибудь на Монмартре или на площади Звезды, и вдруг навстречу им – Катрин! Как бы она поступила? Убежала или сделала бы вид, что не заметила? И что мог бы предпринять Серж в этих обстоятельствах – вежливо поздороваться и представить брата? Или стал бы осыпать упрёками, обвинять в бесчестии... Да тут бог знает до чего могло дойти! Я был готов вообразить самые жуткие последствия. Но дело-то всё в том, что вовсе не предполагаемый скандал меня так беспокоил. Меня приводила в ужас сама возможность этой встречи. Даже исчезающе малая вероятность того, что Катрин может возвратиться к Сержу, даже её мысль, допускающая вот такой исход, всё это было для меня мучительнее самой сильной боли. словно бы там, за этим Рубиконом не оставалось места для меня. Меня там просто не было, и все дела... Вот до чего может довести любовь! А надо ли?

– Тебе не жалко Сержа? – спрашивает меня Катрин.

– С какой стати мне его жалеть?

– А вот мне жалко. Он сейчас один-одинёшенек, ему так одиноко...

– Ну, тут ты не права. Во-первых, с братом должен встретиться. И потом с ним его наука.

– Твоя ирония здесь неуместна. Мне почему-то не по себе.

Такое предчувствие, что с ним нехорошее случится.

– И не выдумывай! Всё у них наладится.

Я что-то ещё говорил, пытаюсь успокоить Катрин. Но, если честно, судьба Сержа меня уже не волновала. Нечего было из России уезжать, тогда, возможно, обошлось бы без проблем. Впрочем, при ином раскладе я не смог бы встретить здесь, во Франции, Катрин. С другой стороны, если судьбой такая встреча предназначена, тогда какая разница, где она произойдёт – здесь, под Парижем, в этом загородном особняке, или на улицах Гренобля, или же в лифте, где-то на юго-западе Москвы?

Глава 32. Эстер

Похоже, Пьер против наших встреч с Эстер не возражал. Видимо, посчитал, что лучше уж это буду я, чем кто-либо другой, «неблагонадёжный». С другой стороны, чем Пьер с Катрин занимались там, в Париже, я не знал. Но как-то не верилось, что всё сводилось к репетициям, просмотрам, кинопробам. До начала съёмок фильма оставалось несколько недель. Вот всё закончится, а тогда уж я буду решать... В конце концов, свет клином не сошёлся на их доме, и для того, чтобы поработать в спокойной обстановке, есть в мире немало подходящих мест.

И снова мы с Эстер вдвоём. Снова она рассказывает о себе, но многое мне уже известно. Когда же заканчиваются наши любовные ласки, ей хочется поговорить и обо мне.

– Вот ты сказал, что любишь женщин. Конечно, все мужики не без греха, но разве это не мешает твоему настоящему призванию? Ведь ты писатель, должен вроде бы способствовать нравственному просветлению в душах и в умах, – она улыбается, однако я вижу по её глазам, что говорит она вполне серьёзно.

– Эстер, одному богу известно, в чём наше настоящее призвание.

– Ах, вот как!

– Ты еще молода, тебе это трудновато понять... Если чест-

но, то всё, о чём пишу, мне кажется иногда пресным и занудным. А настоящая жизнь должна быть полна приятных неожиданностей и удовольствий. Иначе можно содохнуть от тоски.

– Это интересно!

Вот ведь заладила! Сплошные знаки восклицания.

– Да что же тут интересного? Проза жизни со временем всем надоедает. Должно быть немного и поэзии...

– Неужели ты несчастлив в любви?

– Да нет, я бы не сказал.

– И всё же я настаиваю – ты талантлив. И всё, что я читала, вовсе не занудно.

– Ты мне льстишь...

– Ох, любите вы, писатели, приbedняться. Ты посмотри на нас, на тех, кто в шоу-бизнесе, тут всё совсем наоборот, сплошной пиар ...

– На мой взгляд, если книга плохая, её никакая реклама не исправит.

– А расскажи мне, как ты пишешь? Наверное, сидишь в тёплой ванне, ешь яблоки и...

– Да вовсе нет! – не хватало ещё, чтобы меня сравнивали с Агатой Кристи.

– Ну расскажи!

– Да, в сущности, тут ничего особенного. Могу писать и дома, и в дороге, и даже на прогулке иногда записываю, если в голову приходит мысль. Бывает и так, что среди ночи

проснись и целую страницу тут же накатаю...

– А как всё начинается? Замысел – это понятно. А дальше как?

– Потом пишу начало и конец. Если впечатляет, то заполняю то, что между...

– Как просто! Если тебя послушать, то писателем может стать каждый человек.

Святая простота! Так бы я сказал, если речь шла не об Эстер. Нет, тут скорее крайне примитивный взгляд на творчество. Господи, нашёл с кем это обсуждать! Да что с неё взять, кроме того, что можно получить от красивой женщины? Однако тема очень интересная, только поэтому и продолжал:

– Это не так. Например, человек рационального склада ума никогда писателем не станет. Он находится в плену твёрдо усвоенных им понятий – вот это можно написать, а то категорически нельзя. Безумная идея, способная, образно говоря, перевернуть весь мир, никогда не придёт такому человеку в голову. Ему никогда не стать писателем, даже если напечатает десятка два томов.

– Так кто же он тогда?

– Графоман, повествователь, очеркист, просто талантливый журналист...

– Как же ты строг!

– Пойми, нужен талант!

– Ты знаешь, что это такое?

– Талант это вихрь, это безумие!

Безумие – это то, что между нами... Но вот Эстер снова спрашивает:

– Ты уже придумал название для книги обо мне?

– Ещё успеется. Я должен получше разобраться в том, кто ты на самом деле.

– Ну так скорее разбирайся, – говорит Эстер, раскрывая мне объятия.

Можно подумать, что это как-нибудь поможет мне понять...

И снова продолжается наш разговор. Теперь уже я задаю вопросы, как и положено биографу:

– Послушай, Эстер! А ты когда-нибудь читала Тору?

– Не только читала, даже учила наизусть. Мама у меня не очень религиозная, зато отец... – тут Эстер сделала круглые глаза и приложила руки к груди, изобразив смирение послушной дочери перед своим наставником. – А что тебя интересует?

– Не то чтобы интересует, но вот что странно. Насколько я знаю, в Торе осуждают мужеложество, ведь так?

– Не ложись с мужчиной, как с женщиной, ибо мерзость это, – продекларировала Эстер.

– Но почему нет ни слова против интимных связей между женщинами?

Эстер задумалась, видимо, пытаясь отыскать в памяти подходящую цитату. Похоже, не нашла, придвинулась ко мне и стала целовать мне грудь, потом всё ниже, ниже... Возмож-

но, так же она пыталась «репетировать» с Катрин в тот раз, когда это случилось у бассейна.

Немного позже я подумал вот о чём. Уж так повелось с самых древних, доисторических времён, что жизнь как бы вращается вокруг мужчины, тогда как женщина – это нечто вспомогательное. Я даже не исключаю, что кому-то в голову придёт мысль найти ей эквивалентную замену, скажем, использовать этакую куклу-робота. Чем не решение проблем? Ни тебе бытовых конфликтов, ни семейных сцен, ни подозрений в супружеской измене. Ну а возникнет надобность в потомстве – придумать что-то вроде инкубатора, который производит только лиц мужского пола. Для современной науки это не проблема. Даже на сцене дам заменят трансвеститы – так когда-то уже было и есть все признаки, что снова возрождается. И будет человечество состоять сплошь из мужиков – вся разница только в том, что кто-то сверху, а другие снизу. Тут нет ничего странного, всё это уже видим в экономике, в политике... А на полотна Модильяни или Ренуара будем смотреть как на что-то дикое – скорее всего, их запретят, официально признают пропагандой порнографии...

Что и говорить, незавидна женская доля в нашем мире. Возьмите ту же проституцию – более чем скромный, даже унижительный процент занятых в этом деле мужиков. Вот и тогда, на аукционе в клубе – одни только смазливые девицы. Я попытался представить себе, что Эстер, совершенно голая, стоит на сцене, перед толпой алчущих, возбуждённых мужи-

ков. Точно так же, как Лулу когда-то, с маской на лице... Подобные изысканно оформленные маски мне приходилось видеть на венецианском карнавале. Маска закрывала ей надбровья, переносицу, виски, но большая часть лица оставалась неприкрытой. И ещё глаза, они смотрели сквозь прорези в картоне презрительно, даже с ненавистью. Голая, униженная, Лулу презирала их всех, шикарно разодетых, беззаботных и богатых. Да, я припомнил всё, каждую деталь, только вот Лулу попытался заменить, вообразив Эстер на том же месте. Но нет, у меня ничего не получалось. В том ли причина, что у Эстер другая судьба и ей никогда, даже на час или на два не стать путаной? Может быть, ей просто до сих пор везло, но вскоре внезапный поворот судьбы всё переменит? Или же дело в том, что она уже надела эту маску и вот лежит рядом со мной – прекрасная, желанная... Вопрос лишь в том, что скрывается под маской.

Должен признаться, меня давно уже занимало, что Пьер с Эстер думают о нас с Катрин. Жаль, современная техника чужие мысли читать пока ещё не позволяет. Но как-то вечером, прогуливаясь по саду, я нечаянно подслушал разговор. Густая растительность позволила мне остаться незамеченным, однако и лица собеседников невозможно было разглядеть.

– А ты посмотри, как ходит! Ну, словно бы лебедь по морю плывёт, – по голосу я определил, что говорит Пьер.

– Мне кажется, ты ему завидуешь.

Это сказала дама, но так тихо, что поначалу я не понял, кто. Да мало ли их здесь, у Пьера вполне мог быть роман и с кем-нибудь из горничных, в таких делах он наверняка всеяден, тут не до предрассудков. Мне даже в голову не могло прийти, что этот женский голос мне знаком, что этот нежный шёпот мне не раз приходилось слышать. А Пьер тем временем продолжал, и всё на повышенных тонах, чуть ли в истерике:

– Ещё бы не завидовать! Такой успех! И за что, и почему? Ну, написал средненький по своим достоинствам роман и вот теперь, неизвестно с какой стати стал кумиром женщин. Да ни один известный мне столичный бабник не знал подобного триумфа! А ведь она могла быть его дочерью, да что я говорю, скорее, даже внучкой. Умница, красавица, что она нашла в этом старике, зачем решила отдать ему свою молодость, красоту, свободу... Ну, скажи ты мне, за что? И почему ему такое счастье?

– Ты полагаешь, она останется ему верна?

– Мне ли не знать... После той ночи, поверь, я места себе не нахожу. Когда мы с ней ездили в Париж, я к ней по-всякому подкатывал...

– И что?

– Всё без толку...

– Но так нельзя. Ты себя изводишь этим...

– А что мне остаётся? Я тебе одной, как самому близкому мне человеку, скажу, что я слежу буквально за каждым её

шагом. Тебя это удивляет? А я иначе не могу! Потому что эта её верность возбуждает ещё больше, чем если бы она была последней шлюхой и отдавалась каждому встреченному ею мужику... – рыдания заглушили последние его слова.

– Неблагодарная стерва! И зачем ты пригласил её в свой фильм? – воскликнула она.

Тут только я догадался, что Пьер говорит с Эстер. Не может этого быть! Ну как же так – делиться своими похождениями с женой? Понятно, что походований, по большому счёту, ещё не было, но страсть, желание... Причём рассказывает всё без утайки, даже слишком откровенно.

– За это надо поблагодарить тебя. А как бы иначе удалось замять скандал? Пойми, я не могу лишиться автора. Он должен написать для меня ещё один сценарий.

– Но если она хочет стать актрисой, ты мог бы намекнуть, поставить ей условие...

– Да по большому счёту, ей всё равно. При Владе она как у Христа за пазухой. Так, кажется, принято это называть у русских.

– Я тебе уже говорила, зря ты с ним связался. Все эти люди из России, они либо проворовавшиеся чиновники, либо беглые олигархи, а этот и того хуже...

– Что такое?

– Мне говорили, что он связан со спецслужбами.

– Какими ещё?

– Ты что, совсем уже не в себе?

На этой фразе разговор прервался. То ли предпочли не углубляться в эту тему, то ли опасались, что подслушают, и потому перешли на шёпот. А мне оставалось лишь гадать: кто и какие факты сообщил Эстер и чем может мне грозить их оглашение в самом худшем случае?

Но вот что поразительно – ведь Пьер рассчитывает получить от меня сценарий, то есть одной рукой предлагает заработать деньги, а вот другой норовит увести у меня Катрин. Да можно ли сотрудничать с ним после этого? К тому же я не очень представляю, о чём писать. Даже допускаю, что вовсе исписался – что мог в литературе, уже сделал.

Однако даже не это огорчало в тот момент. В глубине души росло разочарование, словно бы очень близкий друг мне изменил. Конечно, ни с кем из них у меня не было, что называется, духовной близости, так что о предательстве в иных обстоятельствах я бы говорить не стал. Да и откровения Эстер во время наших тайных встреч я бы не назвал свидетельством взаимного доверия. И всё же ощущение возникает крайне неприятное, если приходится разочаровываться в людях.

Глава 33. Воспоминания

Возможно, именно сочетание возникшего разочарования после того, что удалось узнать из разговора Пьера и Эстер, сомнений в том, что смогу найти сюжет, да и вообще, настроение было хуже некуда – всё это вызвало из памяти полузабытую сцену. Давным-давно, задолго до того, как познакомился с Полиной, сидели мы с приятелем в ресторане. Приятель был актёром, так что не мудрено, что обрелись мы в тот вечер в весьма специфичном заведении на углу улицы Горького и Пушкинской площади, в Москве. Там было что-то вроде артистического клуба, а в остальном – обычный ресторан с весьма умеренными ценами. Всё шло по привычной колее: триста «Столичной» на двоих, селёdochка, капуста по-гурийски, поджарка на горячей сковородке, а под это дело – беспечный разговор, воспоминания о недавнем отдыхе в Крыму. И сохранялась надежда, что ближе к ночи появится какая-нибудь интересная личность и нам удастся послушать откровения о поездке за кордон, о том, как хорошо изредка пожить вдаль от Родины. Я так подробно описываю обстоятельства той встречи только для того, чтобы понятнее стало то, что произошло чуть позже.

Когда они оказались у нашего стола, я, было, подумал, что ошиблись. Столик на двоих, зачем же нас стеснять? Худой, я бы сказал, болезненного вида мужик лет двадцати пяти и

с ним довольно привлекательная брюнетка лет на пять моложе. Как выяснилось, с моим приятелем Кирилл, так звали мужика, познакомился, когда тот выступал на праздничном концерте в их институте. Кирилл был физик, а мой приятель отменно пел, подыгрывая себе на гитаре. Нет, с Высоцким я бы его не сравнил, однако голос у него был поставлен, насколько я могу судить, весьма профессионально. К тому же барды в то время, так же как и физики, пользовались необычайной популярностью.

Но странное дело, вот рядом обаятельный, неистощимый на выдумки актёр, так и сыплет шутками и анекдотами, а Вера, так звали спутницу Кирилла, словно бы зациклилась на мне. Наивная девчонка смотрела на меня во все глаза, даже не скрывая этого. Что было тому причиной? Она успела рассказать, что познакомилась с Кириллом здесь, на выставке – нередко в этом же здании, на четвёртом этаже, устраивались вернисажи. Потом он пригласил её сюда, в закрытый клуб, надо полагать, швейцар у входа не удержался от соблазна подработать. А я, в свою очередь, ей все уши прожужжал, расписывая красоты Крыма, которыми сам ещё недавно любовался. Что ей понравилось? Видимо, мой весёлый нрав, в отличие от довольно сдержанного в проявлении чувств Кирилла? Как позже я узнал, он был сыном академика – тогда всё встало на свои места. Я даже понял, почему он отказался выпить с нами водки...

Всё шло к тому, что мы с Верой выйдем из этого кабака

вдвоём. Уж я-то знаю, как отвязаться от непрошенных попутчиков. Рванём через улицу Горького, там в Гнездниковский, в проходной двор... Да что тут говорить? Да просто никаких шансов у них нет, если ... Если и в самом деле глаз положила на меня!

Смутило то, что не далее, как тем же летом, пришлось мне оказаться примерно в той же ситуации. Было это, как ни странно, тоже на отдыхе в Крыму. Можно подумать, что все более или менее существенные события моей личной жизни происходили там. Пожалуй, так. Но маленькое уточнение – там они только начинались. Так вот, как-то вечером, прогуливаясь в компании приятелей, я повстречал Илью, кстати, будущего своего коллегу. Накануне общались с ним на пляже. Занудный и какой-то кислый, он производил впечатление неудачника. Вроде бы не урод, довольно общителен, в меру болтлив и временами даже пытается изобразить на лице нечто, отдалённо напоминающее чувство превосходства – примерно так признанный мэтр обводит взглядом подчинённых. Но всё это было как-то без толку, поскольку в глазах его явно читалась некая ущербность, видимо, неуверенность в себе, которую нередко можно заметить у людей ниже среднего роста. А тут вдруг вижу – стоит в обнимку с голубоглазой «блондочкой». Правда, она немного выше его, но всё равно смотрятся, как на картинке. Илья по своей привычке задрал нос и озирается вокруг с понятным чувством удачливого рыбака, поймавшего золотую рыбку на крючок. Но

самое удивительное было в другом – «рыбка» смотрела только на меня, просто упёрлась взглядом откровенно и без всякого стеснения. Прежде я таких нахальных не встречал. Что было делать? На балюстраде у пляжа начинались танцы, все мы отправились туда. И вот когда всласть наплясались и двинули домой, девица эта оказалась рядом со мной, взяла меня под руку, прижалась жарким телом. Всё это получилась без моего участия, как бы само собой. Для продолжения знакомства только и требовалось – свернуть с тропинки в темноту окружавшего нас парка...

В тот раз Илья явно оказался не у дел, однако прошло время, и он этот случай мне припомнил. Да, именно он, непосредственный начальник, добился моего отчисления из «органов». Что тут поделаешь? Бывает так, что нужно выбирать... Но если бы и в самом деле подошёл к этому случаю разумно, наверняка бы поступил иначе.

И вот теперь опять – я снова оказался перед выбором. Нет, это уже слишком, чересчур! Я вовсе не хотел, чтобы говорили обо мне, как о профессиональном ловеласе, соблазнителе чужих жён и совратителе юных первокурсниц, ещё недавно игравших в куклы, а прошлым летом в компании любознательных туристов облазивших и Коктебель, и Кара-Даг...

Я подозвал официанта:

– Ещё водки!

Вера смотрит на меня. В глазах недоумение, только б не заплакала... И немой, так и не произнесённый вслух вопрос:

«Зачем?» И вот уже отвернулась, всё внимание к Кириллу, словно бы между нами ничего и не было. А что, собственно говоря, между нами могло быть? Да ничего особенного, просто едва наметился альянс, некое родство душ, взаимное влечение, воображаемая близость, так и не ставшая реальностью.

Ещё триста водки на двоих – это не так уж много. По меркам отдыха в Крыму – просто ничего! С другой стороны, если бы имел возможность посмотреть на себя со стороны, наверное, я бы с горя удавился...

Но вот застолье подошло к концу. Уже на выходе Кирилл улучил момент, когда рядом не оказалось никого, и обратился ко мне:

– Я вижу, из вас двоих ты пока что самый трезвый, – и посмотрел на меня внимательно и строго. – Так вот я хочу, чтобы мы с Верой остались сейчас наедине, то есть без тебя и без твоего приятеля?

Несмотря на вежливый тон, заявлено это было весьма категорично. Видимо, так его папаша отдаёт указания своим сотрудникам. Впрочем, дело тут яснее ясного – сын намерен осчастливить своего родителя, пообещав через девять месяцев подарить наследника, академика в третьем поколении, продолжателя традиций, автора научных трудов и диссертаций. В конце-то концов, а почему бы нет? Да я не против, пусть успешные люди размножаются!

Но тут что-то озорное выиграло вдруг во мне. И вот,

вместо того, чтобы пойти навстречу пожеланиям непьющего коллеги, я сделал удивлённое лицо и недовольным тоном промычал:

– Не понял...

Кирилл настаивать не стал. Идём к метро. Приятель мой отвалил, встретив на выходе из ресторана подружку, тоже из театра, а я оказался вместе с Верой и Кириллом – мы с ним по бокам, а она посередине. Вера вцепилась в меня так, будто, если б не её тонкая рука, я непременно рухну на тротуар или, в самом лучшем случае, вынужден буду прислонить себя к фонарному столбу. Ну а потом уже, когда они уйдут подальше, стану понемногу сползать, отчаянно цепляясь за столб и скользя кожаной подошвой туфель по мокрому асфальту. А редкие прохожие, глядя не меня, будут покачивать сокрушённо головами – вот ведь какое нынче поколение!

– Как неприятно разочаровываться в людях, – прошептала Вера.

Слова эти были предназначены не мне. И я промолчал, потому как – что уж тут говорить, когда всё предельно ясно сказано? Да я бы последней скотиной чувствовал себя, если бы попытался отбить её у трезвенника, лишит возможности стать невесткой академика... Да что там говорить – не пара я этой славной девочке. Вот завтра протрезвею и не вспомню. Если бы так!

Мысленно пожелав счастья Вере в объятиях Кирилла, я

попрощался и нетвёрдой походкой направился назад – выпить на сон грядущий кофейку, выкурить сигарету и, придя домой, погрустить, глядя в телевизор.

К чему я это рассказал? Кирилл, Илья – всё это в далёком прошлом. Но и сейчас я не хотел бы признавать, что отступился от Веры, опасаясь за карьеру. Одно дело, когда отбил девчонку у Ильи, а тут как-никак сын влиятельного академика, который запросто может перекрыть мне кислород. Я ведь тогда ещё не знал, что придётся бросить учёбу в университете и перейти совсем в другие сферы, причём совершенно неожиданно – то ли исполняя свой долг перед Отчиной, то ли по призванию. И вот теперь примерно та же ситуация, которая возникла после встрече с Верой. Материальное благополучие в значительной степени завязано на Пьера – он и с издателем меня когда-то свёл, и поставил фильм по моему сценарию, я уж не говорю о перспективах нашего сотрудничества. И всё это может быть поставлено под удар, стоит лишь Катрин отказать ему вроде бы в незначительной услуге. Эстер, та была куда покладистой, да что говорить, сама юркнула в мою постель, я поначалу и не понял, зачем это ей понадобилось. Что ж, придётся отрабатывать, хотя описывать хождения топ-модели в иной ситуации я бы ни за что не взялся.

И вот ещё о чём теперь подумал. Сравнимо ли то разочарование, которое постигло в тот ужасный вечер Веру, с тем, что я недавно испытал – речь о подслушанном мною разго-

воре? На первый взгляд, между этими событиями очень мало общего. Одно дело разочароваться в человеке, с которым шапочно знаком, и совсем другое, если вдруг столкнулся с лицемерием, когда лгут, с улыбкой глядя на тебя, заверяют в вечной дружбе, а на поверку всё оказывается совсем не так. Положим, Вере я не лгал. Будь она чуть опытней в отношениях с мужчинами, могла бы догадаться, что напился я не зря. Однако что толку, даже если б поняла? Вместо сожаления возникла бы обида.

А тут несколько иной расклад. Но если по поводу Пьера я не испытывал особенных иллюзий, то вот Эстер я никак не мог простить. Особенно возмутило это её заявление по поводу моей связи со спецслужбами. Тут уже не только разочарование и даже не обида. А я-то, дурень, иной раз, но исключительно после хорошего подпития, даже подумывал о том, чтобы удариться вместе с ней в бега. Пьер со своими претензиями к моему сценарию мне до жути надоел. Да что говорить, надо будет – найду себе более приличного партнёра. Останавливала только мысль: вот напишу обещанную книгу, а после этого зачем я нужен ей? Но что ещё важнее – нужна ли мне она? Страсть мимолётна, это дело ненадёжное.

И вот теперь от этой страсти не осталось и следа.

Глава 34. Зачем?

Но почему я сразу не порвал с Эстер? Казалось бы, тут всё предельно ясно – нет никакого смысла продолжать эту историю, поскольку взаимную симпатию не заменит даже изощрённое притворство. С другой стороны, при чём здесь смысл, если речь идёт об удовольствиях? Ну разве что отвергнутая топ-модель надумает отомстить и поссорит меня с Пьером. Признаюсь, я не стану очень горевать, тем более что такой исход маловероятен. Пьер – это типичный бизнесмен, ему приходится чувства подавлять, когда затронуты деловые интересы. Скорее уж я должен психануть, поскольку такая реакция куда более свойственна писателю.

И всё же откровенно ей сказать, что ничего уже не будет, мне пока что не под силу.

– Ты не хочешь? – спрашивает она.

– Мне кажется, что материала для книги набралось уже достаточно.

– Ах, вот как! Я тебе надоела... – вижу, что слегка обиделась.

– Да нет, что ты! – я сразу не нашёлся, что ответить. – Но, понимаешь, Пьер...

– Господи, какие пустяки! Не обращай внимания.

– Мне всё это не нравится...

– Я и не предполагала, что ты такой стеснительный. Сразу

и не скажешь.

Ей смешно, а мне и впрямь не по себе. И надо же было оказаться в подобной ситуации...

– Но я не могу так. Мне кажется, что он всё знает.

– Ну и что? А когда мы вчетвером... там, на полу в гостиной?..

– Это совсем не то. Всё было по-другому.

– Мой бог! Какая тебе разница? Да то же самое, только изменилось место действия. Мы с тобой здесь, а в нашей парижской квартире – там теперь Пьер забавляется с твоей Катрин.

– Не думаю, что так... Ей это не понравилось.

– Ну до чего же у тебя подруга привередливая! – Эстер рассмеялась, а потом спрашивает уже вполне серьёзно: – Ты её любишь?

Вот не хватало ещё объяснять ей, как я отношусь к Катрин. Тем более что самому совсем не просто в этом разобраться. Поэтому и решил ответить вопросом на вопрос:

– А ты? Ты любишь Пьера?

– Конечно! Он меня вполне устраивает.

Тут самое удивительное в том, что ни на секунду не задумалась. Ей всё предельно ясно, сомнения ей неведомы. Весьма невнятно сформулированные обязанности и куча прав! Могут побиться об заклад, что мысли о последствиях её не потревожат. Вот так ребёнок делает всё, что в голову ему взбредёт, пока, наконец, не получит по рукам... И всё же ин-

тересно, Пьера тоже эта ситуация устраивает?

– Эстер, ты пойми, я уже не молод. Мне такие конфликты ни к чему.

– Теперь всё ясно! Не хочешь ссориться с продюсером? А вдруг Пьер не захочет ставить фильм по твоему сценарию.

– Ты не права. К тому же нет ещё сценария. То, что ему нужно, я написать не в состоянии, да и не хочу.

– А ты напиши о том, что с нами было. Начни с того, как умыкнул Катрин у живого мужа, потом, как соблазнил меня, ну а в финале вы с Пьером находите, наконец, успокоение... – и замолчала.

– Что ты имеешь в виду?

– Только представь, два рогатых мужика вдвоём, в одной постели...

Эстер хохочет, а мне вовсе не смешно. Хотя с другой стороны, кому-то это может и понравиться...

Возможно, я слишком уж консервативен, быть может, довлеет опыт прошлых лет, но как можно избавиться от того, что словно бы изначально заложено в подкорку, даже помимо моего сознания? И дружба, и любовь – это, что называется, основа моего существования, без них я не могу представить свою жизнь. Даже если что-то мне не удалось, даже если где-то согрешил, я всё равно не в состоянии прожить без этого.

И снова из глубины памяти возникают события давних лет – и Коктебель, и море, и безоблачное небо. Зачем мне это

нужно, я не могу понять. Надеюсь, что из воспоминаний сложится сюжет, подходящий для сценария? Или же совсем не так – если становится не по себе, я возвращаюсь к тем временам, когда всё ещё было впереди и верилось, что сбудутся мечты и не придётся всю оставшуюся жизнь искать то, что вроде бы предназначено судьбой, но по какой-то неизвестной мне причине осталось незамеченным.

Вот мы сидим в саду возле дома, за дощатым, грубо сколоченным столом, и пьём молодое крымское вино, закусывая персиками. Мы – это я и мой приятель Саныч, так его однокурсники за солидную внешность называли. Говорим о том, о сём, но в основном разговоры сводились к обсуждению достоинств тех девиц, которых в нашем окружении в то лето было вдоволь. Сразу скажу, что увлечение наукой интимным связям не очень-то способствует, а потому наши познания в этой сфере были явно недостаточны, да что говорить, попросту скудны. Вот характерный пример:

– Ты понимаешь, – с некоторым недоумением в голосе шепчет Саныч, – она мне сделала минет...

– Возможно, у неё были месячные?

– Возможно... Даже и не знаю... Хотя вряд ли.

– А тогда с какой стати не дала?

– Что значит «не дала»? – обиженным тоном спрашивает Саныч.

– Ну, в общем-то, минет это же совсем не то, – я говорю это с видом знатока.

– Кому что нравится...

В тот день мы с ним на пляж так и не выбрались. Он был под впечатлением того, что испытал накануне поздним вечером, меня же заставляла прятаться от глаз людских нелепая, вроде бы ничем не спровоцированная травма. Ну а каким ещё словом это безобразие назвать? Причём безобразие в прямом, буквальном смысле. И всё же я был не в состоянии понять, как так могло случиться, что оказался в объятиях ничем не привлекательной особы. То есть именно я был в её объятиях, а не она...

Губа распухла. Саднит после каждого глотка вина. Но самое грустное совсем не в этом – теперь же днём на пляже в таком виде не покажешься. Да что на пляже – в магазин сбегать надо Саныча просить. И только вечером, в тот самый час, когда я знал, что Лена с Галкой будут дома, решился наконец-то – не для того же ехал за тридевять земель, чтоб сидеть в квартире целый день, скрываясь от ненужных взглядов.

– Ой, что это с тобой? Пчела, что ли, укусила? – Лена явно мне сочувствует.

– Скорее уж змея... – фыркает всё понимающая Галка.

– Какая разница? – мне и в самом деле уже всё равно.

– Ой, миленький! Давай-ка мы тебя полечим...

Ну, если бы речь шла о душевной травме, то лучших лекарей и представить невозможно. Но тут ведь всё наоборот! Один, пусть даже лёгкий поцелуй, и рухнут все надежды на

скорое возвращение к привычной жизни. Губа саднит, даже в море окунуться невозможно – солёная вода опять её разъест. Да я и говорить мог не вполне членораздельно. Если бы не искреннее сострадание Лены, если бы не ласковый, чуть насмешливый взгляд её прекрасных глаз, я бы и вовсе загрузил. Сейчас же оставалась хотя бы слабая надежда. Надежда есть, желания хоть отбавляй, но нет возможности даже толком объясниться. Ах, эта чёртова губа! То есть, конечно, не она... В общем, ясно понимая, что сегодня толку от меня не будет, я решил откланяться. Но только выглянул на улицу, смотрю – они! Идут, глазами зыркают по сторонам. Что, если разыскивают меня? Мало им губы, хотят на всю оставшуюся жизнь сделать инвалидом...

Пришлось снова возвращаться. А как вернёшься, если не желаешь причину объяснять? Пришлось всё рассказать...

Девчонки прыскают. Галка, та и вовсе завалилась на кровать, сучит в воздухе ногами и орёт:

– Всё, Вовчик! Тебя уже объявили во всесоюзный розыск! Если не женишься, тебе капут!

Им-то смешно, а мне что делать? И главное, что по большому счёту я здесь ни при чём. Всё началось с того, что Саныч положил глаз на одну девчонку. Голубоглазая, чёрнявенькая – редкое сочетание для наших мест... Правда, на мой взгляд, никакого шарма. Куда ей до Елены!

В тот вечер, прихватив трёхлитровую бадью вина, отправились к девицам в гости... Саныч потом со своей остался

в доме, ну а я с той, другой, вынужден был пойти на пляж. Девушка с виду ничего, талия, правда, не прощупывается... Но как так можно, чтобы в восемнадцать лет не захотеть искупаться голышом? Ну хоть убейте, я этого не понимаю. И так, и эдак уговаривал, всё без толку. Вот ведь недотрога на мою нестриженую голову!.. И тут она, оскалив зубы, впилась в мой рот...

– Эй! Эй! Полегче! Это же тебе не бисквитный торт! – мычу, пытаюсь избавиться от её объятий. Но было уже поздно.

И вот теперь, глядя на улыбающуюся Лену, я мысленно проклинал себя за глупость. Пошёл на поводу... Да точно – во всём Саня виноват! Эх, если бы не он... Если бы не эта бездарная, бессмысленная вечеринка, сидел бы я сейчас на пляже с Леной и нежно целовал ей руки. Нет, даже не предлагал бы искупаться голышом. С ней так нельзя! Кстати, я так и не решил тогда, как нужно. Это уже потом...

То, что случилось в Москве, припоминается с трудом. Скорее всего, память старается уберечь меня от боли и тоски, поскольку до сих пор не могу смириться с неудачей. Неужто мой удел лишь в том, чтобы приударять за той зубастенькой? Да, был нахален и не в меру зелен – честно признаю, чего уж тут скрывать? Это я знаю точно – нагловат и примитивен. А в редкие минуты трезвости, видимо, излишне робок. Может быть, и так.

И вот теперь куда всё это подевалось? Лежу в постели с удивительной, да что говорить, с роскошной женщиной, а ду-

маю о том, как бы с ней порвать. Слышал бы меня постаревший Саныч, решил бы, что я выжил из ума. И где же это видано, чтобы отказываться от таких щедрот? У Саныча семья, жена и дети. У Саныча работа, нормированный рабочий день, твёрдый оклад, не считая премии по итогам года. Судя по всему, жизнью он вполне доволен. Ну а меня по-прежнему изводит эта маята – дышу, живу, пишу, влюбляюсь в женщин... Зачем? Да если б знать...

Глава 35. Катрин

Опять эти сны. Во сне она мне снова и снова изменяет. Гораздо лучше, если бы всё происходило наяву, тогда бы не было такого несоответствия сновидений и реальности. Но нет, возникает впечатление, что дразнит, что она смеётся надо мной. Видимо, я заслужил такое отношение. Так неужели не удастся всё исправить? Хотя бы для того, чтобы прекратился этот изнуряющий кошмар. Я просыпаюсь весь в поту, смотрю на белеющее рядом на постели тело и постепенно успокаиваюсь. И всё-таки зачем и почему, чей это приговор, кому понадобилось устраивать такое испытание?

Я снова разговариваю сам с собой. Даже не знаю – это Он или же плод моей фантазии.

– Все мы немножко психи. У каждого свой «сдвиг». Мне иногда кажется, что я – это не я. Словно бы с кем-то поменялся личностью. Внешность та же, биография, список близких родственников – всё вроде бы один к одному, мне это хорошо известно. А вот характер, желания уже совсем не те... Вот сделаю что-нибудь и начинаю сомневаться...

– Сомнения ещё никому в жизни не вредили...

– Однако всякому сомнению есть предел. Иначе можно усомниться даже в том, что существуешь. Как будто всё, что окружает меня – это лишь отзвук, ощущение того, чего уж нет, чудом сохранившиеся воспоминания, чувства, мысли...

Да и те постепенно исчезают, рассеиваются, как утренний туман под лучами солнца.

– Тебе пора подыскать себе жену.

– Пожалуй, твой совет немного запоздал.

– Жениться не поздно даже в этом возрасте. Вот чем Катрин тебе не подошла?

– Не знаю. Видишь ли, я не уверен, что смогу быть верным ей, верным по гроб жизни, навсегда. А если нет – тогда зачем же это?

– У вас в роду все были такие ненормальные?

Да нет, если бы так, наш род давно бы прекратился. Вот в прежние века исчезали графы и князья – а всё потому, что не было наследника. Однако какое наследство у меня? Что я оставлю детям? Стопку книг, разбитые ненароком мной сердца, душевное беспокойство, от которого не в состоянии избавиться? Да, чуть не забыл счёт в банке, но что поделать – он не настолько уж велик, чтобы считать его итогом плодотворной жизни.

И вот ещё. Возможно, главное, что останавливает, это неизвестность. Довольно скудная информация о прошлом не позволяет составить убедительный прогноз. Как могут сложиться мои отношения с Катрин, если в той, прежней её жизни есть обстоятельства, которые до сих пор остаются зияющей дырой, которая словно бы втягивает в себя все добрые чувства, которые я испытываю – признательность, доверие и нежность. И даже любовь готова там исчезнуть навсегда.

Наверное, это трудно ей понять. Потому и спрашивает:

– Чего ты хочешь?

– Только правды.

– Я всё уже рассказала.

– Нет, не всё. Я хочу знать, что было после того, как ты ушла, тогда, десять лет назад. Как ты меня спасла?

– Но это очень просто. Сам мог бы догадаться.

– Я бы хотел это услышать от тебя.

– Ну что ж, слушай, если так...

Она рассказывает о том, как у неё появилось подозрение, что я не тот, за кого пытаюсь себя выдавать. Это случилось после памятного визита Клариссы и Николаши с Томочкой. Нетрудно было догадаться, что у нас какие-то общие дела. Потом стала искать в моём компьютере и, наконец, нашла – всё про Клариссу, про её мерзкий бизнес. К счастью, я к этому имел лишь косвенное отношение. Как ей удалось установить место моей прежней службы, ума не приложу. В её аналитических способностях я не сомневался, но тут было что-то запредельное. Хотя на это может быть совсем простой ответ – девчонка начиналась детективов, а остальное дополнила фантазией. Ну просто взяла и угадала. А угадав, пошла не в милицию и даже не в прокуратуру, тогда-то всё и завертелось. И вот ещё довольно странно, я от неё этого никак не ожидал – условие, что передаст им информацию только в обмен на мою свободу. Сошлись на том, что я год должен просидеть в психушке. В конце концов, валяться на больничной

койке – всё лучше, чем идти под суд.

Но почему меня не дождалась? Понятно, нужно было зарабатывать, иначе оставалось только ноги с голодухи протянуть. Так оказалась в том вокальном ансамбле, потом на гастроли приехала в Гренобль, а тут подвернулся Серж – подумалось, что это может стать основой для спокойной жизни. Уж очень за последнее время ей доставалось там, на родине. А может быть, причина этого совсем в другом? Да просто не могла простить мне, что я был причастен к этому отвратительному бизнесу.

Она рассказывает, а я смотрю в её глаза и всё надеюсь уловить несоответствие между выражением лица и произносимым текстом. Я чувствую, как пульсирует кровь в её руке, слышу её ровное дыхание и начинаю сомневаться – а стоило ли затевать весь этот разговор, устраивать допрос любимой женщине? Зачем, если и без того всё ясно.

Мне ясно, а вот она не догадалась, что я ей подыграл. Что и пароли я нарочно снял в компьютере, что намеренно где-то в тексте намекнул, что прежде работал аналитиком. А все дальнейшие действия Лулу нетрудно было просчитать. Даже запой и всё, что случилось вслед за ним – тоже запланировал отчасти. Разве что слегка переусердствовал. Так что все эти «вторые я», кошмарные сны и жуткие видения наяву – это было натурально, без обмана.

На этом криминологическую часть нашей беседы можно завершить. Вполне достаточно этого её рассказа, большего я

требовать не собираюсь. Ни признания в том, что неспроста приехала в Гренобль, ни подтверждения того, что её знакомство с Сержем было вовсе не случайным. Хотя не исключено, что всё это лишь мои фантазии.

Припомнились её слова: «Почему именно вы?» Речь шла о том, почему стал «почтальоном», в итоге разрушившим внешне благополучную семью. Однако странно было не то, что этим злодеем оказался я. Да нет, совсем другое – как получилось, что вовлечённой в это дело оказалась и Катрин? Снова меня мучили сомнения: то ли это случайность, то ли всё было подстроено... А то и вовсе нечто кошмарное приходило в голову – будто Катрин и подсказала, что в качестве почтальона надо использовать именно меня. Зачем? Ну, потому что со мной её расставание с Сержем выглядит более естественно. Пржнее знакомство, уже тогда наметившееся взаимное влечение – это вам не бегство с первым попавшимся мужчиной. С моим же появлением всё встало на свои места. Так может быть, и встречу в первый день после приезда моего в Гренобль она намеренно подстроила? Похоже, ответа на свой не заданный вопрос я так никогда и не узнаю.

Но как она разыграла возмущение, как смотрела на меня, когда стала обвинять в коварных замыслах! Это после той истории с Эстер. Возможно, и в самом деле у неё талант актрисы. Тогда её может ожидать совсем иная, более счастливая судьба – роскошная жизнь кинозвезды. И ещё покладистый, заботливый и вовсе не ревнивый супруг, кто-то вроде

Пьера. Я даже не исключаю, что со временем они могли бы успокоиться в объятиях друг друга – Катрин имеет преимущества по сравнению с Эстер. А потому что Эстер явно Пьеру не подходит, в ней чувствуется какая-то непонятная мне сила, словно бы ведёт свою игру, подчиняясь одной ей ведомым законам. Впрочем, о своих подозрениях упоминать пока не буду, здесь чуть ли не каждого можно заподозрить бог знает в чём. Не исключая самого меня.

Вот и в рассказ Катрин о том, как она разочаровалась в Серже, мне не очень верится. А всё потому, что ещё прежде возникала мысль, что это её решение было неспроста, что всё она тонко рассчитала, выбрав наиболее надёжный вариант. А может быть, предчувствовала нечто, что должно случиться с Сержем, некий трагический поворот его судьбы?.. Похоже, правды я так и не узнаю.

Чем дольше Катрин говорила, тем скучнее становилось мне. Я стал уставать от этих многословных оправданий. Что изменилось оттого, что я узнал? Стал больше доверять или же проникся уважением к её талантам?

– Послушай, Кэт.

Я не заметил, как стал называть её этим сокращённым именем, на американский лад. Видимо, детективная история по своему содержанию и внешним атрибутам вполне соответствовала канонам Голливуда. Кстати, неплохая идея, надо бы взять на заметку, хотя модные теперь фильмы в жанре «экшен» мне совсем не по нутру. Однако не будем отвле-

каться.

– Послушай, Кэт. Я вовсе не хотел устраивать тебе допрос, и по большому счёту всё это пустое, все эти подробности мне ни к чему?

– Тогда зачем же спрашивал?

Вижу, что снова обида на её лице, она уже едва не плачет. Но как ей объяснить, что для меня главное – это доверие. Могу ли я доверять, если обстоятельства её, в общем-то, недолгой жизни мне по большей части неизвестны? Вот если бы росла подле меня, как дочь, как любимое дитя, тогда совсем другое дело. Но можно ли доверять любовнице?

– Наверное, это отзвуки моей профессии, всего лишь желание психолога и аналитика во всём досконально разобраться.

– Это твоё право.

Как-то слишком уж серьёзно, сухо прозвучало. Словно бы судья, огласив свой приговор, подтверждает право подсудимого на апелляцию. Так не способна говорить любящая женщина. Однако и я хорош, вместо того, чтобы признавать свои грехи, пытаюсь отыскать тёмные пятна в биографии Катрин. А надо ли? Надо ли тревожить её память?

У каждого грешника своё представление о том, что когда-то было, но хотелось бы забыть. Свой образ, со временем принимающий самые удивительные формы. Можно подумать, что старается замаскировать свои грехи... Ну вот и я пытаюсь избавиться от них. Только с одним справишься,

как тут же появляется другой, как будто кто-то наладил производство, и так в три смены каждый день, неделями и месяцами...

Причина всех этих раздумий в том, что есть твёрдое желание окончательно расстаться с прошлым. Уж так мне хочется, чтобы не приставали снова с просьбой, которая на поверку окажется заданием, чтобы не припирали к стенке напоминанием о прежних днях, чтобы оставили в покое, чтобы не стало больше ничего... Чтобы столь желанное ощущение свободы вновь возвратилось и больше никогда уже меня не покидало. Но как? Как мне добиться этого? И можно ли в этом мире чувствовать себя свободным?

И вот постепенно приходишь к выводу: сколько себя не уверяй, не успокаивай, всё тщетно. По-прежнему я остаюсь рабом. Рабом своих желаний, рабом неведомых мне обстоятельств. Рабом тех, кто властвует.

Итак, всё будет идти своим путём. Всё будет логично и законно. За исключением того, что иногда приходится делать вопреки всему. Однако причём тут я? Разве так сложно обойтись без моего участия? Найдите кого-нибудь покладистее, помоложе.

Я говорю уже словно бы сам с собой, не замечая присутствия Катрин:

– Это время абсурда! Всё шиворот-навыворот...

А всё потому, что от меня требуют разрыва с ней. И вот я словно бы подыскиваю повод. Повод то ли для того, чтобы

остаться, то ли для того, чтобы уйти.

Так продолжалось уже несколько дней. Я вновь анализировал и свои, и её поступки, пытаюсь отыскать приемлемое для себя решение – такое, которое не стыдно было бы реализовать, такое, в котором бы не пришлось потом раскаяться. Но всё, что смог придумать, только вызывало боль, как будто нечто непоправимое уже произошло. Единственное, что мне оставалось – это листы бумаги, авторучка или ноутбук...

И вот сижу в кресле на веранде, пишу, время от времени через открытую дверь поглядывая на Катрин, лежащую на постели в комнате. Она сбросила с себя простыню и теперь, прекрасная в своей наготе, словно бы пыталась меня соблазнить. Похоже, во сне ей это даже удалось, потому что на лице вдруг появилась довольная улыбка. По обнажённому телу пробежала судорога, рот приоткрылся, ей как будто не хватало воздуха, и вот... И вот всё кончилось, она уgomонилась. Тихий сон, ровное, спокойное дыхание. А в саду шорохи листвы, пение заморских птиц... Впрочем, я в голосах птичек не очень разбираюсь.

Тем временем в моей голове опять сомнения. Не может быть всё так прекрасно. Ну вот ещё немного, вот ещё чуть-чуть, и счастье, толком не начавшись, может навсегда закончиться. Это как цветок в оранжерее – если у него гнилые корни, он непременно засохнет, и никакой заботливый садовник не поможет. Даже я...

– Тебе никто не нужен.

Мне кажется, что это говорит она. И я хочу ответить, но не знаю – что. Возможно, стоит лишь произнести какие-то слова, и всё само собой тут же образуется. Но нет, я почти уверен, что не хочу с ней об этом говорить. Зачем, если и без того всё ясно? Ясно, как божий день. Мы же любим с ней друг друга. Наша любовь – такая, какая она есть. Для нас другой любви не существует.

– По-твоему, это любовь?

Любовь, любовь... Что это? Многие пытались разобраться. Вот, скажем, для одних это всего лишь страсть, других увлечь способна только жажда наслаждения. Я даже готов такое допустить, что для кого-то любовь – самопожертвование, желание продолжить жизнь в другом, поскольку собственная жизнь безумно надоела. Всё может быть...

А что если она права? Пусть так, я даже доказательств не потребую. Допустим, мне никто не нужен... Но почему? Должно же быть тому приемлемое объяснение. Что может не устраивать в любви? Глупый вопрос, но без ответа на него, я полагаю, понять мне не удастся ничего.

В сущности, любовь бесплодна. Даже если полна горница детей. Единственный плод нашей любви – это надежда. Надежда на то, что дети будут счастливы. Надежда на то, что в этой жизни когда-нибудь что-то переменится, станет хоть немного лучше. Что будет меньше злобы, зависти, жажды наживы, лицемерия. Что мир станет более подходящим для обитания честных, умных и талантливых людей, для которых

дом, страна и вся Земля – это вовсе не поле битвы, а среда их обитания. Да, всё, что нам остаётся – это лишь надеяться.

Однако не даёт покоя мысль: вот кончится вдохновение, и Катрин меня покинет. Зачем я нужен ей, слабый, не способный ни на что? Что толку ей от этого альянса? Неравный брак – это не причина, а всего лишь следствие. Следствие беспомощности, а не любви старика к очаровательной подруге. Да можно ли супружескими узами удержать любовь?! А потому я всё-таки не прав – любовь рождает страх, а не надежду. Потому что надежда приходит и уходит, и возвращается когда-то вновь. Но вот однажды выяснится, что надеяться-то больше не на что. А всё потому, что ушла любовь...

Глава 36. Он

Среди ночи я проснулся. Оказывается, Он опять начал диктовать, а я, вместо того, чтобы заняться делом, лежу в постели, и все мои мысли о другом. Пьер и Катрин ездили в Париж на кинопробы, и снова мы вдвоём с Эстер... Снова её рассказы, на этот раз о детстве, о матери, которая прежде работала в модельном бизнесе, о том, как выскочила замуж, только бы избежать призыва в армию. Ей всё задуманное удалось, а тот бедняга, увы, так и остался с носом – вскоре они развелись, даже обошлось без брачной ночи. Да, похоже, ей всегда всё удавалось.

Но вот что смущает: если только об этом и писать, то никакой книги не получится – будет красивая икона и не более того. Мне же хотелось рассказать о человеке. Жизнь невозможна без противоречий, а пятна есть даже на дневном свете, не говоря уж о Луне. И вот когда Эстер решится поведать мне о тайном, о том, чего не доверила бы даже своей матери – только тогда можно быть уверенным, что книга у меня получится.

Все эти размышления о том, кем на самом деле является Эстер, могли бы показаться неуместными, даже смешными. Какому нормальному мужику придёт в голову мысль выяснять всю подноготную своей подруги? Однако то, что странно для него, вполне естественно должно быть для писателя.

Если бы писал роман – там можно дать волю собственной фантазии, чего-то напридумывать, да просто написать, что в голову придёт, лишь бы это соответствовало заданному образу. Здесь же так нельзя. А потому надо во что бы то ни стало выудить из неё всё, о чём не хочет, не может, отказывается рассказать – только тогда её образ станет достоверным. Проблема в том, как это сделать. С этой мыслью я засыпал и даже во сне, как мне кажется, искал приемлемые варианты. И вот, чем больше думал об Эстер, тем всё менее значимым становился тот подслушанный мною разговор. В конце концов, можно предположить и то, что именно тогда, в разговоре с Пьером, Эстер искусно притворялась, со мной же, напротив, была откровенна, искренна. Да, к этой версии, честно говоря, я и склоняюсь. И кто способен доказать, что я не прав?

Ну а пока не пропустить бы то, что начал диктовать мне Он.

Стараясь не разбудить Катрин, я выбрался из постели, пошёл к столу, открыл свой ноутбук и стал писать, ударяя пальцами по клавиатуре. Слова, фразы, целые страницы слов рождались словно бы без моего участия.

– Погоди. Не так быстро, я не успеваю за тобой, – видимо, сказала накопившаяся за этот день усталость.

– Нечего было силы растрчивать на пустяки.

– Это не пустяки. Она для меня очень много значит.

– Которая из них?

Вот ведь пристал!

– Ты всё равно не поймёшь.

– Тоже мне, влюблённый. Видали мы таких...

– Ты, может быть, и видел, а у меня это впервые.

– Сразу с двумя? Ха-ха! Ну и насмешил! Стоило дожить

до таких седин.

– Да в том-то и дело. Просто раньше было всё не то. Было наслаждение, можно сказать, торжествовала плоть, но...

– Слишком уж высокопарно, пафосно. И что же «но»?

Что ему сказать? Да я и сам ничего не понимаю. И вдруг само собой вырвалось:

– Прежде не было любви.

– Ну а теперь-то есть?

– Может быть... То есть почти наверняка...

– Бедняга!

Ну вот и дождались! Он мне сочувствует! Бесплотный, бестелесный дух. Голос, не имеющий ни рта, ни губ. Только и способен, что складывать слова и задавать ненужные вопросы.

– Не беспокойся, как-нибудь разберусь и с этим.

– Ой ли? То заявляешь, что от страсти не осталось и следа, то словно бы готов признаться ей в любви.

Ну как мне этому чудаку растолковать?

– Да, страсти нет, однако желание осталось.

– Тогда причём же здесь любовь? Неужто для тебя любовь

– это удовлетворение собственных желаний?

Вот ведь пристал, как банный лист!

– Мне не понятно, что тебя смущает. Желание любви – это же так естественно!

– То есть желание – это и есть любовь?

– А почему бы нет?

– Ну, ты и загнул!

Да сколько можно! У меня уже нет сил! Вместо того, чтобы писать, вынужден доказывать ему то, что для меня предельно очевидно. Если нет желаний, если ничего не нужно, тогда жизнь теряет смысл. Тогда не возникает даже мыслей о любви.

Будет обидно, если всё же окажусь не прав. Однако почему не попытаться? Другой бы на моём месте не заморачивался, принял бы всё так, как оно идёт. И не старался объяснить то, что происходит. А собственно говоря, что я должен объяснять? Если сердце способно вместить сразу две любви, казалось бы, надо просто радоваться этому. Два очаровательных создания, чем-то похожие друг на друга, но вместе с тем самобытные и оригинальные, я бы так о них сказал. И ни с одной из них у меня нет никаких меркантильных отношений, я не ищу выгоды от связи с ними...

Вот почему-то подумал: «связь». Слово не очень подходящее, но факт остаётся фактом: одной я должен был помочь выбраться из ситуации, чреватой осложнениями, ну а другая... Какой у неё может быть интерес? Неужто книга, которую должен написать? Так я и поверил! Не хочется об этом

думать, но сама же как-то говорила про Моссад. Так кто же из них мисс Марпл, а кто, на поверку, Мата Хари?

Увлечённый умозрительным исследованием, я даже забыл на время про него. Но Он тут как тут, сопит над ухом, даже иногда покашливает, чтоб не забыли о его существовании. Ох, и надоел же! Всё ему надо объяснять, разложить по полочкам. Душу перед ним выворачивай каждый раз, как перед попом в исповедальне... А надо ли? Мне даже показалось, что он завидует, что все эти его ироничные замечания вызваны лишь тем, что самому ему в любви не повезло, ну не было у него ничего подобного. Вот так одноногий инвалид завидует рекордсмену-бегуну...

В последнее время стала беспокоить мысль: могу ли я считаться автором? Понятно, что Он – это часть моего ума или души. По существу, Он – это приручённое «второе я». От тех, назойливых и страшных, я сумел избавиться. Да, Он – это часть меня. И, тем не менее, есть ощущение, что у кого-то списываю, будто выдал чей-то труд за свой. Ну неужели сам ни на что совершенно не способен? И вот всю оставшуюся жизнь буду мучиться, сознавая, что занял чьё-то место. Но чьё? Место своего «второго я»? Только попробуй об этом рассказать, решат, что с тяжкого похмелья, мол, вот до чего допился, бедолага. Нет уж, сочувствия я не признаю!

И всё же мысль о возможном плагиате очень беспокоит. С другой стороны, причём тут плагиат? По сути дела, мы соавторы. Кстати, интересно, а когда Он появился? Неужто с

тех самых пор, когда я только пробовал писать? И долго ещё это будет продолжаться?

Конечно же, я не собирался избавляться от него. Нет, просто надоели эти бестактные вопросы, эти намёки, эти его выпады. Да и как избавишься, если он сидит во мне? Это я понял уже давно, смирился с этим и даже имею кое-какую выгоду от этого. В конце концов, не каждому так повезёт – виданное ли дело, чтобы «второе я» оказалось талантливым писателем? Да, всё, что мне остаётся, это холить и лелеять, всячески угождать ему, потакать его прихотям и закрывать глаза на кое-какие недостатки. Но вот совершенно нелогично возникает у меня вопрос: кто я и кто на самом деле он? Вопрос вроде бы не вполне логичен, поскольку мы с ним одно целое. И всё же непонятно, какова роль каждого из нас. Казалось бы, работаем с пользой друг для друга – он мне диктует тексты, а я их обрабатываю, готовлю для печати, отдаю в издательство. И что потом? Потом всё, как полагается – я купаюсь в лучах славы, использую преимущества положения известного писателя. Но ведь и он тоже что-то получает. Я чувствую, что с каждым разом он всё увереннее держится, если такое определение применимо ко «второму я». Он уже сам выбирает и тему, и даже время, когда хочет диктовать. Голос его окреп. Когда-то я еле различал его тихий шёпот, напоминавший шорох переворачиваемых страниц, а теперь воспринимаю чуть ли не как голос командира, отдающего приказы. И не настанет ли момент, когда он захочет

стать «первым я», и будет не только диктовать слова, но и указывать, что я должен делать. Так кто же он и кто же я? Кто из нас раб, а кто хозяин?

Это неожиданно появившееся подозрение, то есть мысль, как может всё закончиться, повергла меня в ужас. Я этого не хотел! Достаточно было тех лет, когда пришлось носить погоны и исполнять чужие, далеко не всегда умные распоряжения. Достаточно было года в клинике, когда ощущал себя то овощем, то подопытным животным. И вот сейчас всё начнётся снова? Нет, этого не перенесу. Пусть буду бесталанным, бедным, никому не нужным стариком, но только бы сохранилось ощущение свободы. Без этого жить просто не смогу.

И я сказал ему:

– Ты извини, но так дальше не может продолжаться.

– Что ты имеешь в виду?

Чувствую, что он уже напуган. Видимо, трудно скрыть мысли от того, кто прячется в твоей же голове.

– Да вот... попробую обойтись без твоей любезной помощи.

– Ты... без меня?! Совсем, что ли, сбрендил?

– Я бы посоветовал тебе быть осторожней в выражениях...

Мы с ним почти что родственники, однако подобные оскорбления я никому бы не простил.

– Да ты же без меня ничто! Ты просто не способен быть писателем, у тебя начисто отсутствует талант!

– Возможно, ты и прав. И всё же я попробую.

– Нет-нет! Не смей! – я чувствую, он жалеет, что погорячился. – Ну погоди, Вовчик, так мы не договаривались. Нельзя же, заранее не предупредив... Да у тебя всё равно это не получится!

– Пусть даже напишу какую-нибудь ерунду, но зато я напишу сам, без посторонней помощи.

– О, господи! Да ты, как я погляжу, просто болван! Ему словно бы на блюдечке с голубой каёмочкой... А он... Правильно говорил профессор, ты полоумный, самовлюблённый графоман! Ты бездарь, шут гороховый!

Он бы, наверное, ещё долго так визжал, захлёбываясь слюной и извергая на меня потоки оскорблений. Но я уже захлопнул ноутбук.

Глава 37. Проблемы выживания

Все эти мысли по поводу роли моего «второго я» обычно донимали по ночам. Когда не спится, в голову и впрямь лезет всякая ерунда, а утром ощущение такое, будто бы вместо сна участвовал в международной конференции по проблемам обводнения засушливых территорий Средней Азии. Это я к тому, что просыпаешься с гудящей от мыслей головой, однако всё равно ничего не понимаешь. Единственное, что могло как-то отвлечь от бесполезного копания в себе, это очередное свидание с Эстер. Да если бы так, то есть была бы возможность отбросить от себя подальше эти мысли, я бы только радовался. Однако нет, видимо, столь неподражаемо устроена эта голова, которая украшает мою шею – ей бы дать повод, а уж она любую тему разовьёт, да так, что мало не покажется.

А дело в том, что в моей жизни есть некое несоответствие. Я вовсе не считаю, что весь этот окружающий меня гламур и есть то самое, к чему стремился. Нет, это же совсем не так! Возможно, просто чувствую, что жизнь слишком коротка, и потому наслаждаюсь, как могу, на всю катушку. Словно бы впереди маячит приговор, который сделает бессмысленным и то, что я писал, что говорил, да и всё то хорошее, что сделал, совершенно обесценит. И потому мне следует спешить, надо успеть сказать, успеть любить...

Однако стоило нам с Эстер уединиться в её комнате, как незаметно, вопреки привычным для интимного свидания обстоятельствам возник разговор о её любимой тётке. Впрочем, я чуть не забыл – надо же собирать материал для книги, иначе я буду выглядеть обманщиком, который использовал доверчивость красивой дамы в личных интересах. А почему бы нет, если очень хочется?

И всё же, можно ли верить этим откровениям? Можно ли доверять тому, что сказано в постели? Весь мировой опыт вроде бы доказывает, что мужики в постели выбалтывают то, что не удалось бы вытащить из них клещами. Да пропади оно всё пропадом! Тут рядом несравненная, очаровательная, удивительная – с ней не сравнится даже Мэрилин Монро! Ей даже юная Брижит Бардо в подмётки не годится! И вот готов рассказать ей обо всём, лишь бы не кончалось наслаждение.

А женщины? Какая из них в постели обойдётся без притворства? И коли так, можно ли им доверять? Постель – это самое удобное место для обмана, а женщина – наиболее подходящий для этой цели инструмент. Печально, но это факт, не подлежащий обсуждению.

Сначала я решил, что она врёт. Да просто не могу поверить в это! Чтобы ради каких-то даже благородных целей так просто взять и лечь под мужика. Вот выдумщица на мою больную голову! Всякое готов был от неё услышать, однако клевета на свою родную тётку – это уже нечто запредельное.

Нет, такие откровения не для меня.

– Что тебя смущает? Переспать с врагом даже церковь решает, если это с пользой для страны.

– Так, может быть, и ты сейчас?..

– Ой! Не дури! Какие у тебя тайны от меня? – и шаловливо улыбнулась. – Вот был бы ты, к примеру, физиком, участвовал бы в разработке оружия или в ядерной программе, тогда другое дело.

– Бог миловал...

– Сейчас это не актуально. А в те годы опасались, что бомба может появиться у Саддама. Вот и приходилось информацию добывать любым путём.

– И что стало с тем физиком, с которым твоя тётушка спала?

Эстер задумчиво посмотрела на меня.

– Его убили. Прямо на улице, в Париже, на авеню Клебер. Изрешетили его машину так, что никого в живых там не осталось.

– Это уже какой-то триллер! – я был потрясён, причём даже не примером этого средневекового варварства, а тем, как спокойно Эстер сказала про убийство.

– Это не триллер, а война. Война за выживание Израиля.

Она ещё что-то говорила про то, как охотились на лидеров палестинских боевиков, расстреливали из автоматов, взрывали, пытались отравить. Однако это меня уже не увлекало. Я был по горло сыт всеми этими подробностями, словно бы

посмотрел многосерийный боевик. Меня от всего этого тошнило! Остался лишь один неясный для меня момент – что чувствует женщина, когда занимается сексом со своим врагом? Скажем, проститутку я могу понять – с кем и когда, ей просто по фигу, лишь бы заплатили. Там тело – просто товар. А как же здесь? Здесь тело сделали оружием?

– Понимай, как хочешь. К тому же нет здесь ничего такого уникального. Это давно известный метод. Припомни Мату Хари, да и у вас ещё со времён НКВД пользовались услугами красивых женщин.

– Ты что имеешь в виду?

– Одно другому не мешает, – Эстер нежно улыбнулась и придвинулась ко мне.

И то верно. Пора бы в этой борьбе за выживание сделать перерыв. Нечто вроде лирического отступления...

Уже когда она одевалась, у меня возник ещё один вопрос:

– Эстер! Вот ты говорила про Ирак, про эту их ядерную программу в восьмидесятые годы. Но ведь наверняка сейчас те же проблемы у Израиля с Ираном.

– Милый, ты слишком много хочешь знать. У меня даже могут возникнуть подозрения, – сказала она, застёгивая лифчик.

В шутку это было или же всерьёз, я так и не понял. Да кто их разберёт! Я не удивлюсь, если они все работают на свою разведку. Вот и Эстер – стоит мне задать вопрос, как у неё в голове сразу домыслы, догадки, обвинения...

– Между прочим, не я затеял этот разговор про твою всезнающую тётку.

– Ладно, ладно. Я пошутила, не сердись. Только откуда же мне знать? Тётка ведь давно уже не работает в Моссад.

– Бывших агентов не бывает...

– Ты-то откуда это знаешь?

Ну вот, стоит мне лишнее сболтнуть, как она сразу же цепляется.

– Был такой детектив... То ли про ЦРУ, то ли про КГБ. Ты извини, названия уже не помню...

– Жаль! Я бы почитала с удовольствием. Страсть, как такие истории люблю! Тётка говорит, что у нас с ней много общего. Только для неё шпионские разборки стали основной работой, а для меня всего лишь увлечением, – эти слова она произносила, натягивая через голову своё платье, так что выражения лица я не разглядел. – Кстати, а почему ты не пишешь детективов? Это очень ходовой товар.

Ну вот, опять про деньги...

– Мне и без того на жизнь хватает.

– Денег никогда не бывает слишком много.

– Это тоже вычитала?

Эстер засмеялась и прилегла рядом со мной.

– И всё-таки подумай над моим предложением. Может и книга получится, и сногшибательный сценарий.

– Да уж, хорошо бы сногшибательный! – я мечтательно закатил глаза. – Если бы всё было так просто... Но дело в

том, что хорошие детективы получаются либо у бывших следователей и засекреченных агентов, либо у тех из моих коллег, кто так или иначе связан со спецслужбами. Только они владеют информацией и знают то, о чём мы, грешные, даже не подозреваем. Ну а что я могу? Высасывать историю из пальца? Думаю, это не заинтересует даже моего издателя.

Эстер ничего мне не ответила. Лёжа на кровати, она курила сигарету и задумчиво смотрела в потолок. Но вот прошла минута-другая, за это время я, кстати, тоже ни слова не сказал, и вдруг по её лицу я понял, что она решилась. Что она мне скажет, трудно было догадаться, однако предчувствие меня не обмануло:

– А как тебе такая история? Допустим, некий беглый олигарх финансирует публичные политические акции в защиту несправедливо осуждённых.

– Это где ж такое происходит?

– В Москве. Ты что, не читаешь газет?

– Ах, вот ты о чём! Да я бы и сам что-то в этом роде мог придумать.

– А если он переводит деньги через русского, который живёт здесь, во Франции?

– Да господи! Работающих по контракту здесь хоть пруд пруди. И почти все часть доходов отправляют на родину, домой. Нельзя же каждого подозревать в крамоле!

– Это не каждый. Это конкретный человек. Не знаю, он то ли бизнесмен, то ли учёный. А деньги шлёт в Россию под

видом помощи родному брату.

– Ну так и что?

– Как это что? – Эстер вскочила с постели и смотрит на меня с неподдельным возмущением. – Я ему выдаю реальную историю, что называется, на злобу дня, а он лежит в постели, голый и довольный, и ничему не удивляется!

Похоже, она и впрямь возмущена. Я даже могу её понять – ей хочется доказать, что и она на что-нибудь способна, кроме того, чтобы вертеть задом перед публикой. Однако же и я не прост.

– Эстер, пойми, я на досужие сплетни не ведушь. Если это всего лишь плод твоего воображения, так у меня подобного добра хватает. У нас это называют развесистой клюквой, не более того.

Эстер краснеет до корней волос. Признаюсь, я никогда ещё её такой не видел. Похоже, наконец-то проняло. И вот она уже чуть ли не кричит:

– Так знай, олигарх живёт в Израиле, это вполне реальное лицо, и ничего я не выдумываю. А все эти эротические выверты, все эти гламурные персонажи, которыми набиты доверху твои романы, это полное...

Тут она выкрикнула что-то то ли на идише, то ли на иврите, присовокупив к этому ещё несколько слов, и добавила уже с явным удовольствием длиннейшую фразу, из которой я не понял почти что ничего. Впрочем, красочные выражения вроде «гевалт», «шлимазл» и что-то похожее на «рого-

носец» мне уже приходилось слышать от тель-авивских проституток. Однако какова!

Увы, на этом всё закончилось. Эстер вдруг замолчала, испуганно взглянула на меня.

– Ой, что-то мы заболтались, а ведь с минуты на минуту Пьер с Катрин могут вернуться из Парижа...

И вот она ушла, а я лежу и мучаю себя вопросами. Так что – проговорила или это провокация? Потом уже, стоя под холодным душем, я анализировал её слова, пытаюсь найти в них хоть какой-нибудь подвох, какой-то тайный смысл, который поначалу непонятен. Ну не могу же я признать, будто она секреты выдаёт мне только из симпатии!

И тут я ощутил себя как бы в шкуре этой тётки – она занималась сексом по заданию Моссад. А я? Получается, будто я спал с Эстер только для того, чтобы что-то нужное мне выведать. Так есть ли разница? Да нет, даже сравнивать нельзя! Но как ни пытаюсь отмахнуться, эта мысль не даёт покоя. Неужели я тоже что-то вроде проститутки? Единственное отличие, пожалуй, в том, что со мной расплачиваются информацией, а не деньгами. Что если и в самом деле так? Было бы здесь моё «второе я», уж он бы подсказал! А так ломай себе голову над проклятыми вопросами. Так ведь никто же мне такого задания не поручал! Я сам увлёкся, сам, по собственной инициативе влез в это дело.

В итоге ни к какому выводу не пришёл, поскольку всё происшедшее можно было трактовать и так, и эдак. Причём при-

мерно то же самое можно было бы сказать и про её любовь – то ли она, и вправду, любит, то ли искусно притворяется. Вероятнее всего, что сама этого не знает. Женщины вообще непредсказуемы – слишком многое в их жизни определяется эмоциями. А если смысла в их поступках с ноготок, тут никакой логический анализ не поможет. Да просто нечего тут обсуждать!

На этой мысли можно было бы и успокоиться. Как бы не так! Не зря же она упомянула братьев, один из которых живёт здесь, во Франции. Если всё это правда, бедняге Сержу может угрожать опасность.

Глава 38. Предчувствие

Совсем забыл про книгу о Стендале. Забросил рукопись и даже постарался вовсе выбросить этого писака из головы. Причина не только в том, что не хотелось вспоминать многое из того, что было связано с Греноблем. Давно уже убедился, что строить планы легко, когда их исполнением занимаются другие. Будь я министром или крупным бизнесменом, так бы оно и было, ну а тут всё, что остаётся – это признать очередное поражение. В чём я просчитался, где допустил промах, так и не смог понять. Может быть, Катрин ненароком кому-нибудь проговорила? Теперь вот сиди тут и гадай – хоть на кофейной гуще, хоть как. А потому что при всей неприязни к Сержу я не считаю для себя возможным бросить его в беде, даже если он оказался виноват. Видимо, есть желание хоть как-то компенсировать ту боль, тот урон, который я нанёс, похитив у него любимую. С другой стороны, не познакомься я с Катрин десять лет назад, всё это выглядело бы куда паскуднее. Ну а сейчас... Тут дело даже не в том, что я ощущаю какую-то ответственность за его судьбу, однако сидеть и ждать, чем всё закончится – это занятие не для меня, это на любителя.

В принципе, я мог бы и не обращать внимания на болтовню Эстер. Что мне мешает думать, будто всё это бабские фантазии? Но если есть хотя бы крохотная вероятность того,

что это правда, тогда совсем иная ситуация. Тогда проблемы этих братьев завязываются в такой узелок, который я не состою в состоянии распутать хотя бы в силу недостатка достоверной информации. А где мне её взять? Кто сможет подтвердить, что всё это реально?

Проблема в том, что сообщить о своих предположениях Евгению Марковичу, московскому адвокату, я не мог. Во-первых, тогда пришлось бы объяснять, даже оправдываться, почему я до сих пор с Катрин, почему её не бросил. Да со своими личными проблемами я как-нибудь сам разберусь – это не его собачье дело! Смущало же меня совсем другое обстоятельство – а вдруг здесь ведётся какая-то более тонкая игра, причём меня в эти тонкости никто не посвящает? Что если дело не в Серже, а главная цель этой акции – Эстер, точнее, её влиятельная, много знающая тётка? Серж, его брат, да и я – это всего лишь наживка, насаженная на крючок. А вот когда большая рыба эту рыбёшку заглотнёт, тогда-то и может наступить развязка.

Все эти домыслы, ничем не подтверждённые, я бы сказал, в чём-то даже фантастические так бы и остались в моей голове, если бы не единственное «но». Нет никаких сомнений, что постепенно я бы успокоился, нашёл бы убедительные доводы, что всё это чушь, выведенного яйца не стоит. Но если что-нибудь случится с Сержем, как я тогда посмотрю в глаза Катрин?

Да, надо бы с ним встретиться, как-то предупредить,

предостережь. Даже если это всего лишь плод моего воспалённого воображения, мне самому будет гораздо легче, если сделаю вот так. Однако здесь нужен некий оригинальный ход, нельзя же просто прийти к нему домой или заговорить на улице. Тут уж наверняка не обойдётся без скандала. Чего доброго, обманутый муж набросится с кулаками на меня, а в этом случае неизбежно участие полиции. И зачем мне это надо?

Жаль, не с кем посоветоваться. Даже с Катрин об этом говорить нельзя... А, кстати, почему нельзя? Да это же самый разумный вариант – Катрин встречается с Сержем, чтобы договориться о разводе. Всё просто и логично. Да тут никто не усомнится, что так оно и есть! Ладно, пусть будет так. Но что она ему при этом скажет? Мол, извини, но у моего любовника возникли подозрения, он опасается, как бы с тобой что-то не случилось... Да по большому счёту мне плевать!

В общем, надеяться можно только на Катрин. Но как ей рассказать? Тогда придётся сообщить о том, что знать ей совсем не полагается. Да это даже лучше, если ничего не знает. А что если списать всё на Эстер? Будто в любовном экстазе проболталась... Хорош я был бы после этого! Да, говорила, что простит. Однако не верю я подобным обещаниям. Всё потому, что никуда не деться от ощущения совершённого предательства – ни ей, ни мне. Как можно вместе жить, оправдываясь и прощая? Ну не могу же я ради спасения Сержа рискнуть и в результате потерять Катрин!

Все эти подозрения, возникшие вроде бы из ничего, и угрызения совести, и даже предчувствие расплаты чреватые были если не умопомрачением, то уж наверняка длительным психическим расстройством. А там и до запоя совсем недалеко. Я с ужасом представлял себе, чем может всё закончиться.

Однако неожиданно на помощь мне пришла Эстер. Казалось бы, странно ждать этого от человека, с которого в какой-то степени всё и началось – я об угрозе, нависшей над несчастным Сержем. Но так уж иногда случается – пружина может лопнуть, так и не распрямившись, а круг замкнётся, как бы вернув всё восвояси, в исходную точку долгого пути. И лишь останется предполагать, что могло бы быть, если бы не этот случай. Тут, правда, случай ни при чём, но как всё объяснить, я даже теперь этого не знаю.

Итак, на следующий день мы сидели у бассейна. Катрин вместе с Пьером снова уехали в Париж, а нам с Эстер ничего не оставалось, как коротать время в том же обществе, наедине друг с другом. Я всё ещё надеялся, что обойдётся без постельных сцен, поскольку мне было вовсе не до этого. Увы, так и не сбылось – всё то же самое, без особых изменений, можно подумать, что бог начисто лишил её фантазии. Ну а я словно бы приводил в исполнение приговор, других сравнений не приходит в голову.

Я только что вылез из воды, но облегчения не чувствовал. В мозгу по-прежнему свербила мысль: а что если всё так и

Сержу грозят большие неприятности? И вот уже в который раз жалею, что ввязался в это дело. Я многое бы отдал, если бы удалось повернуть назад. Но тут же сделал оговорку – всё, только не Катрин. Ведь если бы не то злополучное письмо, мы бы никогда не встретились.

И тут Эстер мне говорит:

– Влад! Ты помнишь, я вчера тебе сказала...

– Что такое?

Я отвечал, почти не слыша, не вдумываясь в произносимые слова – так иногда бывает, если занят собственными мыслями, а между тем приходится поддерживать затеянный кем-то разговор.

– Я вижу, ты меня не слушаешь.

Вот-вот, слишком уж проницательна для топ-модели. Это лишь укрепляло подозрения. Нет, только не сейчас! Её красивые глаза меня сегодня не обманут.

– Ты извини, Эстер, на этом пекле у меня плавятся мозги.

– Так передвинься в тень.

– Сейчас, только обсохну...

Судя по всему, она собиралась что-то важное сказать, но почему-то не решалась. Очередной вброс секретной информации? Какие-нибудь тайны Бургундского двора или подробности расправы над злодеем-террористом? Наверно, собирается свести меня с ума. Сначала ласки до изнеможения, а после этого любовника можно брать голыми руками. Нет! Не хочу! Да сколько можно? Это надо прекращать!

И тут в моей бедной голове родился план: а что если окунуть эту красавицу в бассейн и подержать там, под водой, хотя бы минут пять. Она будет вырываться, а я схвачу её за голову и за руки... И буду топить, топить до тех самых пор, пока не захлебнётся. Только тогда освобожусь. Только тогда все мои мучения закончатся. Лишь бы синяков на её теле не осталось – жаль было бы испортить эту красоту! Так примерно я рассуждал – где-то уже на грани полуобморока. И то ладно, что сил для воплощения этого злодеяствия у меня не оставалось.

И тут она мне говорит:

– Ты знаешь, Серж исчез.

В мозгу сразу холонуло. Ну вот и всё... Эстер тем временем продолжала:

– Говорят, он вылетел в Москву.

– Не ври! Это вы его похитили!

– Влад, успокойся! Что ты себе вообразил? Да это тётка меня попросила. Ей почему-то нужно знать, что ему там надо, зачем он полетел в Москву.

Тут-то и наступает момент истины, которого иногда часами приходилось ждать. Надо же иметь в виду, что я никогда ничего не говорил Эстер про Сержа. Да и Катрин строго-настрого это запретил. Бережёного бог бережёт, а тут вдруг выясняется, что Эстер всё знает. Знает даже больше того, что знаю я. И снова эта её прославленная, непотопляемая тётка...

Но я-то хорош! Сам же ей проговорился. Попробую всё же отыграть назад:

– Послушай, но почему ты решила, будто с этим Сержем я знаком?

– Какой ты глупый! Ну сам подумай, разве я могла не спросить Катрин про ваш роман? Это же так интересно! Ну вот она и рассказала...

Выходит, это правда, что тут замешан Серж. Я постепенно приходил в себя. Однако мысль снова окунуться в бассейн отверг – вот так нырнёшь и уже не вынырнешь... Теперь важно для меня понять, знает ли Эстер про то письмо? Очень похоже, что Катрин ограничилась лишь полуправдой, не стала меня подставлять. Что ж, и на том спасибо, милая! А если так, то можно быть уверенным, что ни Эстер, ни её тётка о моей роли в этом деле даже не догадываются. Однако этот интерес их к Сержу настораживает. Да, если честно, я всё больше опасаясь за его судьбу.

И снова говорит она:

– Так ты сможешь?

– Господи! Чем и кому я должен помогать?

Я ощутил на своём лбу её холодные ладони.

– Ты никому и ничего не должен. Просто помоги, мне очень нужно знать, – она внимательно смотрела мне в глаза, не убирая рук с головы. – Попробуй, у тебя наверняка есть в Москве кое-какие связи. Если хотя бы намекнёшь, я буду тебе бесконечно благодарна.

Честно говоря, такие пазлы меня уже не возбуждают. Не столько потому, что всё желаемое уже получил, но просто хочется хотя бы в столь серьёзном деле обойтись без обольщения. Кто и кого тут обольстил? Да ладно, всё и так понятно.

Однако в том, что касается Сержа – у меня пока нет полной ясности. Вот тётка интересуется, зачем он вылетел в Москву. А вдруг всё это правда – то, что рассказала мне вчера Эстер? Но в чём причина такого интереса? Неужто Серж осмелился нарушить их запрет? Отбилась от рук? Поставил под удар всю комбинацию?

Увы, следует признать, что дело приобрело неожиданный оборот. Так бы и сказал, будь я на самом деле засланным агентом. А в нынешних куцых обстоятельствах что в состоянии предпринять? Послать в Москву запрос? Да вся Лубянка будет хохотать неделю, не говоря уже о Ясенева!

Вот странно, началось всё с книги о Стендале, а завершается, как банальный детектив. Чего им всем надо от меня? Что они ко мне пристали? По крайней мере, заранее нужно предупреждать, чем может обернуться для писателя вполне заурядная поездка за рубеж.

Ну а с другой стороны – что тут особенного? Брат поспешил на выручку, нельзя же ему сидеть и ждать, когда само собой всё как бы рассосётся. В таких обстоятельствах забываешь обо всём, бросаешь все дела, готов идти даже напролом, лишь бы спасти, помочь. Зов крови, да можно ли поступить иначе! Вот так примерно я и рассуждал тогда, де-

сять лет назад, когда Лулу попала в переделку. Отличие, пожалуй, в том, что родственная связь с Лулу, что называется, находилась под вопросом. Меня одолевали сомнения, даже лишали сна, я и во сне пытался найти выход из той ситуации. У Сержа, полагаю всё не так. Брат – это брат, а не какой-нибудь фантом, возникший из небытия в кабине лифта.

И всё же я не мог отделаться от ощущения, что меня используют в качестве болвана в преферансе. Все эти странные совпадения, это письмо, неожиданная встреча с Катрин, да ещё сомнительные откровения Эстер – всё это, даже в отсутствие доказательств злого умысла, наводило на мысль, что я попал в какую-то сеть, из которой выпутаться в ближайшее время не удастся.

Эстер я так ничего и не сказал. Только посмотрел в её глаза – наверное, выглядел, как побитая собака. Не удивительно, что она решила приласкать...

Глава 39. Возвращение в Москву

Наша беззаботная, полная самых изысканных удовольствий жизнь закончилась в один момент, когда на следующий день я прочитал в интернете, будто в Москве пропал сын известного в прошлом правозащитника и диссидента Сергей Фёдоров. Пропал, рассеялся как дым, растворился в воздухе... Это был удар, что называется под дых! Надо же понимать, что всё началось именно с меня, это я пришёл в их дом, передал злосчастное письмо, потом разрушил, в общем-то, счастливую семью. Это же я заставил Сержа бросить всё и отправиться в Москву. Даже если учесть, что формально всё не так, что на словах пытался удержать, такая попытка никак не может считаться оправданием. И вот он прилетел, ну а затем его никто уже не видел. Так мог ли я спокойно ждать? Вот скоро в газетах опубликуют некролог, а там, глядишь, может случиться ещё нечто не менее ужасное: однажды некий доброхот сообщит Катрин, что это я виновник смерти Сержа. Что будто бы я всё это придумал, уговорил его выехать в Москву, а тут... Но вот послушайте – зачем мне это нужно? Я же совсем не при делах! Да сколько можно говорить, что кто-то использовал меня вслепую!

Однако что проку от подобных объяснений? Чтобы удержать Катрин, есть лишь одно единственное средство – всё понять, во всех деталях этого дела досконально разобраться,

а вот тогда уж делать выводы. К счастью, Катрин была занята на съёмках фильма, и мне не составило особого труда убедить её остаться здесь. Всего-то какая-нибудь неделя, и мы снова будем вместе. Как ни странно, при расставании даже обошлось без слёз.

Когда улетал, в Париже было душно, жарко. Если и в Москве жара, пошлю, пожалуй, это дело к чертям и отправлюсь к морю, а там само собой всё образуется. Конечно, такие мысли, мягко говоря, не украшают, но что поделаешь, если по спине струится пот, а в голове полнейшая сумятица.

Однако Москва меня встретила дождём. Хмурое небо лишь подчёркивает ощущение полной безнадёжности. Словно бы кто-то говорит мне: «Зачем ты сюда явился? Ведь ничего хорошего тебя здесь не ждёт. Сидел бы себе в тени плакучей ивы у бассейна и писал сценарий». А как тут усидишь, когда может всё разрушиться? Если от меня уйдёт Катрин... Да что тут говорить: дождь, ураган или экологическая катастрофа – мне всё это ни по чём.

Не помню, как добрался до дому. Сразу же стал названивать друзьям, знакомым в надежде, что хоть кто-нибудь из них окажется в курсе того, что случилось с Сержем. Ещё в Париже я пытался связаться с Евгением Марковичем, однако он оказался почему-то недоступен. Ох уж эти защитники наших прав! Бывает, тут как тут, из-за пустяковой болячки сами прибегут, даже звать никого не надо. А вот когда позарез нужны, оказываются как бы ни при чём. То ли гримасы

судьбы, то ли и впрямь что-то неладно в нашем обществе. К тому же, вечер пятницы – наверняка разъехались по дачам. Короче, им всем теперь не до меня.

Вот так всегда – хотелось бы забыть о прошлом, а оно словно бумеранг... Лишь перепробовав всё, что только в голову пришло, уже поздним вечером решился позвонить ещё одному человеку. Как-то на вечеринке у приятеля разговорились, вспомнили давно прошедшие времена, посетовали на то, что оба уже не при погонах. Тогда-то Юрий Иванович и дал мне номер своего телефона – так, на всякий случай. Да мало ли что произойдёт! С его слов я понял, что у этого отставника ещё сохранились связи в «органах», да и сам он вращался где-то в высших сферах.

На следующий день он позвонил, и сообщил, что мне заказан пропуск в одно солидное учреждение в центре Москвы, недалеко от Столешникова переулка.

– Это наш человек, бывший замполит дивизии ракетных войск. После дембеля закончил юрфак, естественно, заочно. А уж потом удалось пристроить его в прокуратуру. Я о твоём деле рассказал, и вот что выяснилось – именно он санкционировал арест этого Леонида. Так что получишь информацию из первых рук.

Нет, ничего особенного я не ожидал, однако надеялся, что в результате что-то может проясниться. Чем вызван мой интерес, я не скрывал – сослался на то, что пишу книгу о преступлениях в сфере бизнеса, а тут как раз очень свежий ма-

териал, ну словно бы один к одному, как в моём сюжете.

И вот захожу в солидно обставленный кабинет. Всё, как положено – огромный стол, сейф для документов, книжные полки заполнены литературой по профессии, а на стене в простенькой рамочке портрет обожаемого президента. Стандарт на все времена, только личность на стене время от времени меняется.

Из-за стола встаёт некто в синем мундире, подаёт мне руку:

– Бокин, – затем, улыбнувшись, указывает на стул: – Присаживайтесь, Владимир Васильевич. Так вот каков наш знаменитый писатель!

– Ну, это не совсем так.

– Не стоит скромничать. Юра много мне о вас порассказал.

Что Юрий Иванович мог знать такого особенного про меня, этот вопрос меня не очень занимал, поскольку куда более интересовала личность владельца кабинета.

Стоило посмотреть на него, как сразу же возникала мысль – вот так, должно быть, выглядит американский «коп» где-нибудь в Чикаго или же в Нью-Йорке. Бульдозья морда, косая сажень в плечах и взгляд потенциального убийцы. Я бы не удивился, встретив его, скажем, в сауне, в обществе накачанных «братков» и инвалютных проституток. Или, на худой конец, где-нибудь в горах Чечни, в спецназе, идущем по следам арабских террористов. Но что эти сто килограммов

живого веса могут делать здесь? Ну разве что отпугивать назойливых жалобщиков и надоедливых просителей.

Да, при иных обстоятельствах было бы наивно рассчитывать на его сочувствие. Такие идут только напролом, круша буквально всё на своём пути, и остановятся только по приказу. К счастью, я не собираюсь ни о чём просить, мне нужна была только информация. Но, разумеется, ни Юрию Ивановичу, ни тем более этому битюгу я не собирался задавать вопрос: «Куда вы подевали Сержа?» Нет, сначала надо бы понять, откуда ветер дует, а уж потом интересоваться, каким ураганом Сержа смыло в бушующее море. То, что он попал в беду, это было для меня яснее ясного. Однако ещё когда летел в самолёте, прикинул тактику своего расследования, и все мои вопросы до поры до времени касались только Леонида.

– Да, я занимаюсь этим делом. Дело очень сложное. Только документов не один десяток томов, не считая того, что обнаружили в компьютерах.

– Могу ли узнать, в чём обвиняется этот Фёдоров?

– Ну что сказать? Мы обнаружили нарушения в финансовой отчётности, выяснили, что существовала чёрная касса, использовались не вполне легальные схемы минимизации налогов. В общем, стандартный набор для теперешнего бизнеса. Но дело здесь в другом...

Я насторожился.

– Видите ли, у нас возникли подозрения, – тут он замял-

ся, внимательно посмотрел в мои глаза и, словно бы решившись, продолжал: – Короче, есть основания предполагать, что скрытые от налогообложения денежные средства использовались в политических целях.

– Что вы имеете в виду?

– Мы полагаем, что через эту фирму шло финансирование сил, замышляющих свержение существующего строя.

– Вот даже как! – уж этого я никак не мог предположить.

– А что же вы думали? – Бокин всем своим видом демонстрировал возмущение. – Я не собираюсь читать лекцию о политическом моменте, но вы и сами должны понимать, что в мире есть силы, которым не нравится то, что мы делаем в России.

– Допустим. Ну и что с того?

– Как это что? Надо же учитывать, что они используют любые возможности, от финансирования боевиков до воспитания наших идеологических противников внутри страны, – он понизил голос: – Я не могу разглашать материалов следствия, но вам, как человеку, заслуживающему полного доверия, скажу: в России появилась пятая колонна.

Вот ещё, мне только этой пятой колонны не хватало! А там дойдёт и до шпионской сети, работающей на Моссад...

– Насколько я помню, нечто подобное было лет семьдесят назад, во время войны в Испании. Так что, у нас тоже теперь идёт война?

– Пока что нет, но если потеряем бдительность, тогда всем

мало не покажется, – видимо, для более сильного эффекта он сделал зверские глаза, от чего мне стало не по себе, даже мороз пополз по коже.

Однако разбор предложенной мне гипотезы о заговоре, так же, как и размышления о смысле бытия, явно были не ко времени. Мне показалось, что он старается увести меня от сути дела, сделав акцент на фактах, которые я при всём желании проверить не смогу. Да откуда же мне знать, кто и что там замышляет? Поэтому и попытался как бы приземлить нашу беседу:

– Я всё же не пойму, что-то у меня никак не связывается. У Фёдорова не такая уж большая фирма, его доходов явно не достаточно для осуществления тех грандиозных целей, о которых вы мне рассказали.

– В том-то и дело! – Бокин хлопнул ладонью по столу, от чего стул подо мной слегка подпрыгнул. – Когда мы начали копать, выяснилось, что фирма была только передаточным звеном, а деньги шли напрямиком из-за границы.

– Не может быть! – именно так я и сказал.

– А что же вы думали? Да я и сам сначала не поверил, ну а когда мне на стол положили документы... – тут Бокин развёл руками, словно говоря, что вот хотелось всё сделать по-хорошему, но коли уж до этого дошло...

– Да, сюжет складывается почти невероятный.

– Я думаю, у вас получится просто сногшибательный роман.

Где-то я уже это слышал. Ах да, Эстер примерно то же говорила. Ещё упоминала какого-то беглого олигарха, живущего в Израиле. Неужели правда? Нет, во все эти рассказы я не готов поверить. Эстер? Да что с этой топ-модели взять? Но вот когда такое повторяет важный чин из прокуратуры... Честно говоря, сперва я был просто оглушён! И что прикажете мне делать? Заказывать билет на самолёт и собирать манатки? А по дороге в Париж ломать голову над тем, как буду объяснять всё это Катрин. Пожалуй, ничего другого мне не остаётся.

– Ну что ж, я благодарен вам за очень интересную информацию.

– Поверьте, всё, что можно, рассказал. Конечно, это не для прессы.

– Само собой, – я закивал головой, пытаясь внушить собеседнику мысль, что в этом вопросе на меня можно положиться. – Ну и когда же всё закончится?

– Хотелось бы поскорее, – тут на его лице появились виноватая улыбка, он как бы оправдывался: – Видите ли, есть кое-какие проблемы с доказательной базой. Этот Фёдоров ну никак не хочет признаваться. Как только мы его не обрабатывали, он ни в какую, – Бокин перевёл дух, словно бы ощутил усталость после тяжёлого допроса. – Однако у нас появился козырь. Что называется, вытащили его из рукава. Так что теперь, как ни вертись ужом, он не отвертится, придётся подписать признание. Надеюсь, это дело двух-трёх дней.

– Ладно, пожелаю вам успеха, – сказал я, собираясь откланяться.

– Спасибо! А вы заходите. Когда дело закончим, смогу ещё кое-что вам рассказать.

Я вышел из кабинета, повторяя про себя: «Нет уж, избавьте меня от продолжения, мне и без того тоскливо, хуже некуда». Я же никак не мог предполагать, что всё так далеко зашло, что может так закончиться.

Пока спускался по лестнице, обдумывал полученную информацию и всё никак не мог понять, зачем Сержу это было нужно? Зачем так вляпался? И только уже на последней ступеньке этой длинной лестницы возникло ощущение, что меня надули. Вроде бы оснований для подозрений не было, но эта бандитская физиономия Бокина, да и его бредятина про то, что готовится мятеж... В общем, ясно было, что делать выводы ещё рановато, торопиться незачем. Надо собирать факты из других источников, что называется, набираться впечатлений. А там посмотрим.

На выходе из здания прокуратуры я обратил внимание на необычную группу людей. В руках они держали плакаты, то есть листы бумаги с корявыми, трудно различимыми надписями и фотографии некой личности, кого-то мне напоминающей. Собственно говоря, ничего необычного здесь нет – даже в благополучной Франции то и дело против чего-то протестуют, и то верно, что без особого успеха. Ну вот и здесь. Из любопытства я подошёл поближе, стараясь рассмотреть

лицо на фотографиях. Но прежде, чем мне это удалось, в глаза бросилась надпись на плакате: «Свободу Леониду Фёдорову!»

Признаться, это был совершенно неожиданный для меня сюжетный поворот. Я, в основном, рассчитывал на власть, точнее на полезные связи в компетентных органах. А тут, по-ди ж ты, ещё какие-то действующие лица. Особенно выделялась среди них крикливая особа лет эдак двадцати пяти, одетая по последней моде в мешковатые джинсы типа «багги», сапожки чуть выше щиколоток и белую маечку с надписью на английском: «Freedom». Она что-то орала про несправедливый суд, про нарушения чьих-то прав, но я так и не успел вникнуть в смысл произносимых ею слов, потому что вдруг заскрежетали тормоза, кто-то прокричал «ОМОН!» и вся эта орава протестующих бросилась куда-то. Против своего желания я оказался среди них, естественно, что сперва замешкался, но тут эта самая мадемуазель схватила меня за руку и потянула в ближайшую подворотню:

– Бежим! А то нас заметут!

Давно я так не бегал. Пожалуй, с тех самых пор, как на занятиях по физподготовке бежал трёхкилометровый кросс. Но то было двадцать лет назад, ну а теперь даже сто метров пробежать в приличном темпе – это для меня был настоящий подвиг! Если же добавить, что пришлось вместе с этой особой перелезть через забор, то можно только удивляться её предусмотрительности. Заранее наметить для себя пути

отхода – на это способен лишь профессионал!

Глава 40. Раис

Поначалу я никак не мог понять, как оказался в этой квартире. Потребовалось несколько минут, чтобы отдышаться и прийти в себя. Лишь после этого я ощутил себя сидящим на диване, причём буквально ощутил, даже ущипнул для достоверности. Диван приятно обволакивал спину, ноги утопали в мягком ворсистом ковре, да и весь интерьер этой роскошно обставленной комнаты способствовал умиротворению и спокойному течению самых невинных мыслей, никакого отношения не имеющих к тому, что произошло на улице всего лишь полчаса назад. Вот так бы сидеть, сидеть и наслаждаться...

Но тут в комнату вошла та самая, с которой я перелезал через забор. Она успела переодеться, сменила причёску, даже зачем-то перекрасила волосы и нацепила очки, которые ни к селу, ни к городу. Нет, если у неё плохое зрение, я, в общем-то, не возражал, хотя мне показалось, что окуляры были без диоптрий. Перед собой она катила столик с бокалами и бутылками. Кстати, после пробежки можно было бы и закусить, но, как я уже гораздо позже обнаружил, холодильник в этом доме был девственно пуст, если не считать вина и минералки.

Представилась она довольно необычным именем – Раис. И тут же сочла необходимым пояснить, что ведёт некое ток-

шоу на телевидении, поэтому и вынуждена надевать парик, если приходится стоять в пикетах. Впрочем, поясняй, не поясняй, её я так и не узнал – да просто потому, что не любитель этих шоу, даже, признаться, не часто включаю телевизор. Ну а после того, как выпили за знакомство, за мою новую книгу и за погибель всем врагам, тут и началось.

Не могу точно определить, что было потом – то ли интервью, то ли допрос, то ли она просто мне голову морочила. Вначале я пытался отказаться, однако напору Раис может позавидовать даже носорог где-нибудь в девственной саванне. Может быть, и носорог, и африканская саванна здесь ни при чём, но впечатление примерно то же. Разве что мордочка у Раис приятнее.

Правда, поначалу у меня возникла совсем другая мысль, никак не связанная с предстоящим интервью, тем более, что обстановка изысканного интима и выпитое вино как нельзя более этому способствовали. Да и Раис требовалось накопившийся в крови адреналин использовать по прямому назначению. Не скажу, что она строила мне глазки, однако жизненный опыт подсказал, что она совсем не прочь. И всё же, коллекционирование такого рода удовольствий – это занятие осталось где-то в прошлом, да и сейчас явно не ко времени.

На этой мысли я заткнулся, не собираясь её дальше развивать, поскольку отвлекаться от основной цели своего возвращения в Москву мне не хотелось. А тут просто удивительное стечение обстоятельств – из той серии, когда говорят, что на

ловца и зверь бежит.

Так и сказал. Боюсь, что она не совсем верно меня поняла...

– Раис, вы меня простите.

– Но почему?

– Вы не в моём вкусе.

Что ж, как ни странно, она не удивилась, может быть, слегка обиделась.

– Вот ещё! Да что ты понимаешь в женщинах! Да за меня даже олигархи сватались!

– Слава богу, это мне не угрожает.

– Не смешно.

– Да я и не пытаюсь рассмешить.

– Ты вообще производишь впечатление женоненавистника. Такой колючий, чёрствый, неприступный.

– Это всего лишь маска.

– Но зачем?

– Затем, чтобы не приставали.

– А что, разве такое у тебя случалось?

Она, похоже, издевается. Я скромно промолчал. Тут самое время сменить тему, к счастью, и она это поняла:

– Ну хорошо, не хочешь о женщинах, тогда давай про гражданские права. Вот почему ты не участвуешь в наших акциях?

– В чём, в чём? – в её словах мне почудился намёк на что-то неприличное, вроде выступления полуголых феминисток

на базарной площади. Да и такой резкий переход... Сколько ни давал интервью, такого точно не было.

– Ты что, не понимаешь? Я имею в виду выступления в защиту прав, гарантированных нашей Конституцией.

Мне не хотелось уточнять, какие ещё права имеются в виду. А то, как в Каннах Пьер, начнёт мне заливать про то, какие у нас геи обездоленные. Поэтому и решил ограничиться довольно общим утверждением:

– Своими книгами я делаю гораздо больше, чем вы все вместе взятые.

– Какое самомнение!

– Иначе просто незачем писать.

– Другие просто деньги зарабатывают.

– Я так не могу. То есть когда-то мог, а теперь это занятие мне наскучило.

– Не вижу ничего страшного в том, чтобы получать деньги с тех, кому всё это нравится.

– Всё – это что?

– Ну, мне приходится вести не только шоу – корпоративы, свадьбы, конкурсы, презентации, концерты. Всего не перечислить.

– А утренники в детских яслях?

– Не дерзи!

– И как не надоест?

– Я этим зарабатываю деньги.

– Распространители наркотиков тоже зарабатывают...

– Да как вы смеете!

Похоже, я слегка увлёкся. Видимо, поэтому Раис снова перешла на «вы».

– И всё же я не понимаю, где ваша гражданская позиция. Неужели трудно хотя бы раз постоять в пикете у здания суда? Ну разве можно спокойно взирать на то, что в России происходит? Вы же интеллигентный человек!

– Да как вам сказать... – не зная, что ей возразить, я на мгновение задумался. – Видите ли, есть люди, которые создают духовные ценности, и есть те, которые способны духовные ценности оценить, по крайней мере, им так кажется. Так вот вторые особенно настойчиво претендуют на звание интеллигентов.

– А первые?

– Им как-то всё равно.

Теперь она в свою очередь задумалась. Я даже почувствовал лёгкое дуновение ветерка, вызванное движением её мыслей.

– Ну ладно, бог с ней, с интеллигенцией. И всё же я не пойму, ты что же, не хочешь бороться за независимость суда?

Вот не хватало только этого! Сказочек о независимых судьях я уже наслушался. Даже имел возможность на собственной шкуре оценить. Но снова этот кросс, опять лезть через заборы...

– Давай лучше про баб.

– Нет уж, ты ответь. Если не согласен с властью, как можно держать это в себе?

– По-моему, инакомыслие хорошо в умах, но вот когда оно выбирается на улицу...

– Что ты имеешь в виду? Чем тебе мешает протестное движение? – возмутилась Рая.

Таких девиц я прежде не встречал. То есть встречались вполне благополучные, ухоженные, но чтобы с таким увлечением говорили о политике – нет, это был какой-то неизвестный феномен. Возможно, у неё искривления в генетике...

Но как ей объяснить? Когда человек до крайности возбуждён, он вряд ли способен следовать доводам рассудка.

– Видите ли, меня смущают не сам этот протест, не действия, а то, что лежит в основе. К примеру, вот вам парадокс. В семидесятые годы многие диссиденты защищали православие, а ныне с точностью до наоборот. Эти нападки на РПЦ, на иерархов церкви...

– А чему ты удивляешься? Просто время теперь совсем другое...

– Вот я и говорю. В прежние времена для борьбы с властью безбожников использовали православие, теперь же власть поддерживает церковь, и оказалось, что это новый повод для протеста. Главное, чтобы ни в чём не соглашаться.

– Вот именно! Тактика видоизменяется всё время. А потому что власть нельзя взорвать, как храм Христа Спасителя. Надо подтачивать её устои любым доступным способом.

– Но для чего?

Ей богу, она смотрела на меня, как на ненормального. Будто нормальна лишь она, будто достойны уважения только она, они, а я так себе, простолудин, потомственный холоп с двумя классами церковно-приходской школы за плечами, ну, в лучшем случае, токарь с вагоноремонтного завода. Я чувствовал, что вот опять начнётся примитивный агитпроп, которого я за свою жизнь сполна накушался. Тогда уж точно не смогу сдержаться.

– Как для чего? Суть нашей борьбы остаётся прежней.

– И в чём она, эта ваша суть?

Раис вытаращила на меня глаза.

– Ты что, и впрямь не понимаешь? Не видишь, что надежды не сбылись, что всё перевернулось в одночасье. Пойми, свобода оказалась лишь иллюзией. Так может ли интеллигентный человек смотреть спокойно на это безобразие?

– Тебе конкретно что мешает? Денег, как я погляжу, ты нема-ло заработала, никто тебе в этом не препятствует. Зимой, небось, отдыхаешь в Куршевеле, а летом...

– Ты снова не врубаешься. Да, у меня есть всё, но этого мне мало!

Мне оставалось развести руками.

– Тогда чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы здесь было всё, как там...

Занавес. Конец второго действия. Бегом в буфет, пока пиво с бутербродами не расхватали!

– Раис, ты извини, но у меня сложилось впечатление, что вы ничем не отличаетесь от большевиков. Те тоже мечтали совершить переворот, игнорируя мнение большинства народа.

– Большинство – это холопы, чернь. С какой стати мы должны их слушать. Решающее мнение всегда принадлежит элите.

– Есть такое понятие – элитные породы крупного рогатого скота...

– Ты опять напрашиваешься!

Она улыбалась, но у меня не было сомнения, что при иных обстоятельствах она бы расцарапала мне нос. Пришлось оправдываться:

– Да ладно, я это не со зла. Просто мысль в голову пришла.

– Ты эти свои мысли сдерживай.

– Инакомыслие снова под запретом?

– Так это смотря какие мысли...

Пожалуй, можно заканчивать это интервью. Хотя рассчитывать на взаимопонимание не приходится, есть надежда, что нам обоим этот разговор пойдёт на пользу. Не думаю, что Раис окажется в состоянии понять – эта профессия ей не по плечу. Вот разве что станет вести телепередачу «Спокойной ночи!», или как там у малышей это называется. Но уж во всяком случае, не станет больше философствовать и лезть в политику. Ну а я впредь буду внимательно смотреть, с кем предстоит лезть через заборы.

Теперь пришло время спросить её о главном. Однако как-то так надо бы спросить, чтобы обойтись без предисловия. Вот не хватало мне ещё пересказать эту историю про письмо, про мою поездку в Гренобль, про Сержа, а там, глядишь, начнёт выяснять, каким боком я оказался в этом деле.

– Так кто такой этот Фёдоров, которого вы так рьяно защищаете?

– Ты разве не знаешь? Довольно успешный бизнесмен.

– И что, теперь сидит?

– Пока находится под следствием.

– За что?

– Да наверняка его подставили. Просто решили отобрать доходный бизнес.

– Но кто?

– Да кто ж ещё? Нынешняя власть. Будто ты не понимаешь? Они же всё хотят прибрать к рукам. То есть снова отобрать и поделить, как было и в семнадцатом, и после НЭПа. Только теперь поделить между собой.

– Какая-то уж очень грустная картина получается.

– А ты что думал? Они это называют госкапитализм.

Конечно, интересная тема, но не стоит отвлекаться.

– Насколько я заметил, в вашем пикете были молодые ребята, в основном. Но есть же у Леонида и другие, более солидные защитники.

– Есть, конечно, адвокат.

– А что предпринимают родственники?

– Жена сразу после ареста вместе с детьми уехала за границу, от греха подальше. Кстати, отец его был известный диссидент, но уже лет десять, как погиб. Собственно говоря, именно в память о нём и развернулось такое широкое движение в поддержку сына.

– Глядя на ваш пикет, я бы так не сказал.

– Ты ещё мало знаешь. Хочешь, сегодня вечером отправимся к Жан-Полю, тогда и разберёшься что к чему.

– Жан-Поль, он что, тоже из ваших?

– Да нет. Это ночной клуб на Большой Никитской.

– Ну ладно. Допустим, я приду...

– Ага! Я же говорила, у меня дар всех убеждать, – она захлопала в ладоши.

Тут было самое время задать вопрос, который меня очень занимал, помимо всего прочего:

– Раис, а почему ты со мной так откровенна? – под занавес разговора я, наконец, созрел для того, чтобы перейти на «ты».

Она задумалась, буквально на несколько секунд.

– А мне от тебя нечего скрывать. Мы ничего особенного не замышляем. Да и властям все наши планы хорошо известны. Ты хоть заметил сегодня, как быстро подкатил ОМОН?

– Но если так, тогда в вашей компании наверняка есть «крот»...

– Да пусть! Мы выступаем за гласность и свободное высказывание мнений. Нам нечего бояться!

С этими словами она придвинулась ко мне и снова сделала нечто такое, что не оставляло сомнений в том, что собиралась предпринять. Мне стоило немалых усилий ещё раз объяснить ей, что мне вовсе не до этого. Да после беготни по проходным дворам...

– Тогда до встречи у Жан-Поля.

Эти слова она сказала с явным огорчением. Я так и не понял: то ли цель её борьбы состояла в том, чтобы находить новых мужиков, то ли совсем не так, и просто все мы люди, человеки. И вот всё ищем чего-то, надеясь, что когда-нибудь найдём.

Глава 41. «Жан-Поль»

В любые времена находятся любители позлословить, последними словами обругать власть, посетовать на неустроенность, на неудачи в этой жизни. Отличие нынешней эпохи в том, что эти разговоры переместились из малогабаритных кухонь в более удобные места – в кафе, в ночные клубы, в рестораны. Это и понятно, благосостояние улучшилось, да и скрывать свои мысли, если они есть, теперь вроде бы вовсе ни к чему. Ну, разумеется, если сидишь за одним столом с близкими друзьями, товарищами по несчастью и единомышленниками. Только причём же тут несчастье? А дело в том, что мир всё ещё устроен не так или не совсем так, как хочется.

Это невзрачное заведение у Никитских ворот я бы не заметил, ну разве что упёрся бы взглядом в его вывеску. Когда-то здесь располагалась известная на всю Москву шашлычная, мне случалось в ней бывать. Помню, заходил с коллегами после бассейна, тут ведь недалеко до Кропоткинских ворот... Впрочем, бассейна уже нет, запах тех шашлыков тоже куда-то улетучился, а любители хорошо поесть предпочитают более приличные места. Ну а «Жан-Поль» советую посетить уже после того, как вы насытились. Всё потому что этот ресторанчик предназначен, в основном, для задушевных разговоров. Само собой, если душа расположена к по-

литике.

Я не успел ещё оглядеть и половины зала, а Раис была уже тут как тут, взяла за меня за руку и подвела к столику, за которым едва умещались пятеро человек, да вот ещё нас двое. Впрочем, теснота – привычная обстановка для тех, кто предпочитает проводить время в пикетах, да на митингах.

– Прошу любить и жаловать! Это Владимир Ладыгин, известный наш писатель.

– Можно просто Влад.

– Ладыгин? Что-то я такого не припомню, – весьма внушительного вида, пожалуй, даже неприлично толстый человек с чёрными вьющими волосами, ниспадавшими на плечи, уставился на меня колючим взглядом, явно намереваясь произнести отнюдь не комплимент. – Так вы, может, у Проханова в соратниках?

– Видите ли, – пояснил я, усаживаясь на предложенный мне стул, – я ни к каким объединениям и партиям не принадлежу. Я сам по себе и предпочитаю в этом положении находиться, несмотря на советы знакомых и друзей.

– Одобряю! – это сказал некто с двухдневной щетиной на лице и тщательно выскобленным черепом. – Писатель должен писать, а не протирать штаны на заседаниях.

– А как же я? – обиделся курчавый.

– Ты, Жора, всего лишь журналист. Журналистом до гробовой доски ты и останешься, сколько бы томов не написал. И давай не будем пиариться среди своих, – это было сказано

тоном, не допуская возражений. – Так мы на чём остановились? – и, повернувшись ко мне: – Влад, вы присоединяйтесь, вот вам вилка и стакан. А там, может, что подскажите чадам неразумным.

– Это вряд ли. Я в ваших делах плохо разбираюсь. Так что, если позволите, посижу пока, послушаю.

– Ну и ладно? Я никого не представляю, вы наверняка всех знаете.

Если бы так... Судя по всему, Раис это поняла и вот шепчет мне на ухо:

– Что, даже бывшего министра не узнаёшь?

Я присмотрелся повнимательнее. Да, вроде бы он, только лицом слегка увял и взгляд уже не тот, потухший. Вот ведь как потеря министерского кресла на человека повлияла, сразу его и не признать. А мне говорили, что все они удобно устаиваются в бизнесе. Видимо, не всё определяют деньги.

– Ему-то что здесь надо? – шепчу в ответ.

– Того же, что и нам.

Тем временем, пока Раис представляла мне сидящих за столом, продолжался спор. К слову, большинство имён участников дискуссии я не запомнил, да и суть спора не сразу уловил – когда почти все одновременно говорят, да ещё Раис словно присосалась к уху, в этой мешанине поначалу трудно было отыскать хотя бы что-то внятное.

– Он тоже обещал, что уйдёт из политики, но почему-то они всегда снова возвращаются.

– А что тут удивительного? Вот мы, артисты, всегда врём. Профессия у нас такая. Тоже примерно и в политике.

– Вот и хотелось бы понять, где врать допустимо, а где лучше этого не делать. Все остальные вопросы вообще не вопросы, а просто так...

Мне припомнились те давние годы, когда мы в своей компании тоже рассуждали о политике, пытались найти решения глобальных мировых проблем. Правда, у нас всё было как-то более связно, что ли, хотя знаний явно не хватало, поэтому и суждения были достаточно поверхностны. Возможно, сейчас как раз обилие информации мешает – не каждому по силам разобраться. Чаше бывает так, что выбирают только то, что подтверждает некую отдельно взятую идею, а остальное игнорируют. Ну как бы этого и не было.

– Ври, не ври, тебе это не поможет, – вдруг раздалось за моей спиной.

Мы потеснились, и за стол присел ещё один человек, мо- ложе остальных, естественно, за исключением Раис, но чувствовалось, что он в этой компании играет не последнюю роль. Взгляд у него был откровенно презрительный и наглый. Он словно бы готов высмеять любого, если посмеют возра- зить.

– Да ладно, Стёпа, не выступай! – попытался осадить вновь прибывшего небритый. – У нас тут интересный разго- вор, а ты опять со своими выпадами. Если нечего сказать, так и помалкивай.

– А у меня вопрос как раз по повестке дня, – возразил Степан. – Мне вот хотелось бы узнать, кого выбирать-то будем? То есть захочет ли наш электорат голосовать за кандидата, которого мы ему предложим?

– Да, да! Выборы – это очень важно. Прежде всего это вопрос личного доверия, – поддакнул вновь пришедшему отставленный министр.

– Но позвольте, господа! – возразил курчавый. – Если речь идёт о доверии, о вере, тут обнаруживаются все признаки религии. Вместо икон – портреты обожаемых вождей. Вместо хоругвей – флаги, транспаранты.

– Вот именно! А крестный ход заменим демонстрацией трудящихся по великим праздникам, – подсказал ему артист.

– И всё-таки разница тут есть, – вмешался тот, что с бритым черепом. – Церковных иерархов народ не выбирает. Их назначает папа, а самого его – Поместный Собор, причём пожизненно, что немаловажно.

– Нет, так дело не пойдёт! Так, знаете, до чего договоримся? – обиделся экс-министр.

– И до чего же?

– А потому что возникает вопрос: причём тут демократия? Если большинство свой выбор будет основывать на вере, то я даже не знаю, как это назвать...

– Верно! Считается, что только три процента населения разбирается в политике, а остальные... – внесла свою лепту в разговор Раис.

– Так пусть эти три процента тогда и выбирают.

– Я бы не прочь. Только кто позволит? Что скажет Европа, не говоря уже о Соединённых Штатах?

– Да суки все! Всё ложь, обман! За всё заплачено – по сотне за пикет и по полста за присутствие на митинге, – эту фразу произнёс Степан.

Неужто правда? Признаться, я такого никак не ожидал. Да если бы при советской власти за участие в первомайской демонстрации давали хотя бы три рубля, я думаю, шествие продолжалось бы как минимум до вечера. Впрочем, тогда маршировали не за деньги, а за страх, либо же в расчёте на кое-какие привилегии. И всё же, чтобы столь откровенно обо всём сказать, недостаточно одной только отваги. Я это откровение понял так, будто Степану всё до жути надоело – и эти пустые разговоры, и предвыборная суета, и бесконечный агитпроп, и споры о том, какой же должна быть истинная демократия. Мне показалось, что окажись где-то здесь поблизости броневики, или хотя бы памятник, в крайнем случае, фонтан, он бы забрался на него, и стал бы призывать... Кстати, тут на площади, как и положено, есть статуя – это Тимирязев. Однако я так и не решился подсказать, поскольку мою мысль перебил всё тот же, с бритым черепом:

– Стёпа! Ты, давай, закусывай! Явился сюда позже всех, к тому же основательно поддатый. Короче, попридержи язык.

– А что такого? Да все про это знают, но не каждому дают. Это как минет – всем хочется, только жена не позволяет.

Раис захихикала.

– Ну вот, сначала про вождей, теперь договорились и до баб.

– В жизни всё взаимосвязано. Даже вождям ничто человеческое не чуждо, – сделав умное лицо, изрёк курчавый.

– Ну, ты и сказал!

– Давайте лучше поговорим о чём-то более актуальном.

– Дайте мне слово. Сейчас вот очень умные слова звучали... – вновь возник артист.

– Ой, насмешил...

– Я про то, что в жизни всё завязано. Так вот, довольно настойчивый был слух, что Леонида нашего подставили,

– Да кто бы сомневался! Ну и что с того?

Я насторожился. Кажется, вечер будет не столь бездарным, как я предположил вначале. Если продолжат эту тему, может быть удастся кое-что полезное узнать. Сам я ничего о Леониде спрашивать не стал, поскольку пришлось бы объяснить свой интерес, что было явно преждевременно. В общем, понадеялся, что всё продолжится само собой. Увы, мне пока что не везло.

– Господа, давайте не будем отвлекаться, – вмешался бывший министр, видимо, обидевшись на остальных за то, что не уделяют ему должного внимания. – Так всё же, чем грозят нам эти выборы? Кто победит? Надо бы на всякий случай нам подстраховаться...

– То есть? Соломки подстелить?

– Ну, что-то вроде этого. Если наш кандидат провалится, что будем делать?

– Этого допустить нельзя, хотя в этом направлении процесс и развивается, – мрачно констатировал курчавый.

– Ты как обычно слишком уж сгущаешь краски.

– Да ведь такое сколько раз уже бывало! – поддержал курчавого артист.

– И что ты предлагаешь?

– Использовать мировой опыт. Если результаты не устроят, настойчиво требовать перевыборов.

– И так до бесконечности? Нет, это не вариант, – огорчил сидящих за столом небритый.

– Так что же будем делать?

Возникла пауза, над тарелками и рюмками повис табачный дым. Я же тем временем пытался найти хоть какой-то смысл в происходящем. Если и в самом деле это был интеллектуальный штурм, то прежде я представлял его себе несколько иначе.

– Господа! Так уж случилось, что я раз десять был в Латинской Америке... – снова прорезался отставной министр.

– Ну вот опять. Снова наш самый долгоиграющий политик, – усмехнулся Степан.

– Не перебивайте! Я постараюсь кратко, тезисно. Так вот, что нас объединяет? Бедность, господа! И там, и здесь, в России, бедные люди не хотят работать. И верят они даже не в вождей, но, что совершенно поразительно, в чудо и в халяву.

– И что отсюда следует?

– А то, что надо поддержать в народе эту веру.

– Это вы к тому, что через двадцать лет весь мир будет жить при коммунизме? То есть, пардон, я говорю о всеобщем либеральном процветании – снова отличился артист.

– Ну, это уже какой-то оппортунизм! Тут даже не пахнет демократией. Нельзя обещать того, чего попросту нет или никогда не будет. Стыдно, господа! – возразил курчавый.

– А чего стесняться, когда борьба идёт за власть? – сказал болезненного вида гражданин, до этого, в основном, молчавший.

– Вот именно поэтому мы не хотим блокироваться с вашей партией. В том смысле, чтобы за единого кандидата голосовать, – попытался объяснить бывший министр.

– Тогда все проиграем.

– И пусть! Предпочитаю честно проиграть, но только чтобы потом не плевали на мою могилу, – вдруг воскликнула Раис.

– Да она бурьяном зарастёт. Никто и не вспомнит, что был когда-то такой совестливый политик, который ничего не решался людям обещать.

– Пусть так, лишь бы не плевались, – обиделась Раис. – Да и вообще, вам этого не понять. Недаром говорят, что управляют вами то ли с Лубянки, то ли из Кремля.

– Всё это враки! В этой сплетне нет ни на йоту логики.

– Ну, не совсем так! – возразил курчавый. – В существова-

нии мелких партий есть для Кремля кое-какая выгода. Особенно, если их лидеры не в состоянии между собой договориться. Тогда работает принцип: разделяй и властвуй!

Судя по нескольким высказанным мыслям, этот курчавый журналист оказался не так уж глуп, как мне в начале показалось. Если бы ещё не был графоманом...

– А вот насколько это будет хорошо, если наш лидер окажется на нарах?

Этот неожиданный вопрос задал тот самый, с голым черепом и щетиной на лице, который за последние несколько минут не произнёс ни слова. Видимо, что-то там обдумывал, и вот, наконец, заговорил. А что, пожалуй, это мысль! Я уже догадывался, что он дальше скажет. Так, в общем-то, и произошло.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил жизнерадостный артист, который явно для роли жертвы не годился.

– Да кого ещё? Только Леонида.

– Но он же не совсем наш.

– Он вообще ничей, вот как, к примеру, Влад, – добавила Раис, которой эта мысль тоже, видимо, понравилась.

– Послушайте, но так нельзя! – экс-министр был возмущён. – Тут столько времени тратишь на поддержание приемлемого имиджа, и вот является некто, причём ни с того и ни с сего, и ему вдруг такой почёт.

– Какой же почёт, когда он сидит? Вот если бы он был памятник... – попытался пошутить артист.

– Шура, вас такие шуточки не красят.

– Виноват, – заткнулся Шура, с опозданием что-то осознав.

– В общем, так, – подвёл итог небритый, – давайте это предложение проработаем к следующему заседанию. Ну а теперь, – он криво усмехнулся, – теперь Шура нам споёт. А ну-ка живо на эстраду!

Из того, что было дальше, остался только вкус скверного коньяка во рту, обрывки матерных анекдотов, да ржание Шурика, который предпочитал кривляться, а не петь. Надо полагать, в тот день он был просто не в ударе.

Глава 42. Он и она

Ну что это за сюжет! Прямо, как в плохом романе. С какой стати мне его спасать? Одно дело Лулу, но я же считал тогда, что это моя дочь. Да если и не так – ведь жалко было бы отдавать на растерзание девчонку. А что теперь? Серж – это совершенно посторонний человек. Сам за себя должен отвечать, так зачем же мне корячиться? Ах, если б не Катрин... Ну как я посмотрю в её глаза?

И вот ещё о чём подумал. Видно, уж так устроена моя судьба: сначала много чего надо в жизни испытать, затем случившееся переосмыслить, а после непременно описать – то ли в надежде на скорый результат, то ли в назидание потомкам. А дальше, что ж? Дальше, как получится.

Однако сейчас всё слишком уж запутано, и разобраться в этом не могу никак. Такое впечатление, что хожу вокруг да около, не в состоянии понять, что тут к чему, как это всё устроено. Надо бы посоветоваться, и вместе с тем, не хотелось бы никого в это дело вовлекать. А то, не дай бог, случится с ним беда, причём опять из-за меня, тогда и вовсе – хоть в петлю лезь, хоть снова уходи в запой, чтоб никогда уже не возвращаться.

Тут, словно бы по чьему-то повелению Он и возник из небытия, воскрес в тот самый момент, когда я на это даже не надеялся. Да после того, что мы тогда наговорили... Но что

поделаешь, так получается, что теперь не до обид. Примерно это и сказал.

– Да я не обижаюсь. Как говорится, кто прошлое помянет... Вот только в твоих нынешних делах я не помощник, сразу хочу тебя предупредить.

– Но почему? Чего тебе бояться?

– Боязнь тут ни при чём. Всё гораздо глубже... Даже и не знаю, как сказать...

– Что-то я прежде такого за тобой не замечал.

– Видишь ли, за время нашей размолвки мои взгляды изменились.

– Какие ещё взгляды? У тебя всё должно быть так, как у меня.

– Эх, милый! Похоже, ты совсем переутомился. Даже забыл, что на то и существует «второе я», чтобы в принципиальных вопросах быть оппонентом, а вовсе не поддакивать. Я не желаю вечно быть в роли попугая!

– Да никто тебя не заставляет. Только помоги!

– Как я могу тебе помочь? Если бы ты согласился постоять в пикете у прокуратуры, я бы с радостью...

– Да ты пойми, я не могу участвовать в том, во что не верю. Ведь это же всё без толку!

– Ты извини, но эту твою подковёрную возню я не одобряю. Порядочный человек так не должен поступать.

– Что ты имеешь в виду?

– Да эти телефонные переговоры. Дошло уже до того, что

пошёл к прокурору на поклон.

– А что, по-твоему, я должен делать?

– Выйти к народу и прямо всё ему сказать!

– Где ты этой ерунды набрался?

– Это не ерунда! Надо было внимательно слушать, что умные люди говорят. Тогда не сидел бы тут и не надирался.

– Да я только по чуть-чуть...

– С этого твоего «чуть-чуть» и начинается запой. Ты извини, но я так больше не могу. От тебя же за версту несёт, как из винной бочки!

– Ему, видите ли, «Чивас» не понравился. Совсем, что ли, оборзел?

– Давай только не будем переходить на личности.

– Ладно, извини. Так что же посоветуешь?

– Если окончательно ещё не скурвился, должен поступить, как я сказал...

– Послушай, ты уж определись. То упрекаешь меня в том, что я готов продаться ради денег, то вдруг предлагаешь стоя в пикетах зарабатывать на жизнь.

– Что за ерунда? Откуда ты этого набрался?

– Своими ушами слышал.

– С каких это пор ты веришь бабьим сплетням?

– А кому ж ещё?

Этот вопрос так и остался без ответа. Я пошутил, а Он то ли обиделся на меня, то ли просто нечего сказать. Пожалуй, напрасно я про деньги брякнул, но очень уж хотелось сбить

с него эту спесь, поколебать всегдашнюю его уверенность.

– Ты хоть представляешь, чем это всё закончится? – спрашиваю.

– Что ты имеешь в виду?

– Попробовал бы сам постоять в пикете.

– Да ничего тут страшного. Ну посидишь немного в КПЗ, наберёшься новых впечатлений.

– Вот уж без этого я обойдусь! Пусть другие набираются, а у меня этого добра хватает.

– И отчего ты у меня такой? Где же твоё гражданское сознание?

А в самом деле – где? И что такое я должен сознавать, чтобы пожертвовать здоровьем? Ему-то хорошо об этом рассуждать, он в случае чего остаётся в стороне, а я за него тут отдувайся, по его милости страдай.

– Я гляжу, ты хорошо устроился, – говорю, а сам еле сдерживаю злость.

– Да я не возражаю против того, чтобы поменяться.

– Нет уж! И не надейся, по-твоему никогда не будет.

– Ну тогда прощай!

Он опять, в который уже раз, ушёл. А что прикажете мне делать? Встать на колени и биться головой об пол, выпрашивая отпущение грехов? Нет, даже не уговаривайте, извиняться я не стану.

После такого разговора, даже несмотря на то, что с утра жутко болела голова, я позвонил Раис – к пьющим она до-

статочно лояльна, а потому вполне может подойти на роль «второго я» в отсутствие иного выбора. Только и сказала: «Приезжай!»

И вот я снова здесь, в знакомой комнате, сижу на том же плюшевом диване и жду, когда Раис приведёт себя в порядок. Чем она там, за дверью спальни занималась, я не знал – то ли подбирает помаду, то ли йогой увлекается, стоит на голове... А то и вовсе – старается выпроводить нерадивого партнёра, причём через окно, и это на десятом этаже! Но вот с чего бы это ей меня стесняться? Если в прошлый раз ещё как-то колебался, то вот сегодня окончательно решил – эта «мамзель» не для меня!

Ну сколько можно ждать?.. Слава тебе, господи! Вышла, наконец. Примерно так выходят в свет девицы, ещё не потерявшие надежду найти богатенького жениха. Платье в золотисто-розовых разводах на жёлтом фоне, ярко-красная помада, туфли с цветочным вроде бы узором, причём на очень высоком каблуке. Если бы не знал, что дочь весьма уважаемых родителей... Видал я валютных проституток, но чтобы такое из себя изображать! Кстати, про её родителей мне кто-то рассказал: мама – будто бы профессор, а папа – и вовсе генерал. Впрочем, в «Жан-Поле» о чём только вчера не говорили...

Ну а теперь вот говорит она:

– Я долго думала и теперь хочу сказать. Если это у тебя серьёзно, я готова, – и делает такие большие, поразительно

умные глаза.

И как прикажете это понимать? Я на своём веку каких только баб не повидал – от дуры Томочки до жены австрийского посла на каких-то островах. А тут просто растерялся, не знаю, что ей и ответить. Честно говоря, у меня совсем другие планы.

– Так что, можем начинать?

– Видишь ли, Раис...

– Только не спорь со мной. Нельзя это откладывать, я даже успела к твоему приходу подготовить план, вот только-что его закончила.

У меня просто нет слов!..

А Раис вдруг заявляет:

– На первом уроке я расскажу о политической ситуации в России. Вижу, ты в этом основательно отстал. Потом – о программе нашей партии, основы либеральной экономики, сравнительный анализ европейских конституций...

Она ещё долго что-то говорила, а я мысленно твердил: «Какой же я болван! Вообразил бог знает что. Как водится, только могила горбатого исправит!»

Спустя несколько минут Раис замолчала и посмотрела на меня – ну точно так, как моя любимая учителька в первом классе школы.

– Ну как, тебе это понятно?

Да что уж тут говорить? Всё яснее ясного.

– Раис! У меня к тебе маленькая просьба, нельзя ли всё

это отложить? А то после вчерашнего...

– Если намерен заниматься политикой, придётся бросить пить.

– А как же тот, кажется, Степан?

– У него организм к любым нагрузкам приспособлен, я проверяла.

– Понятно. Но тогда другая просьба – может быть, нам с тобой начать с конца?

– То есть?

Кажется, я не совсем точно объяснил.

– Давай представим, что экзамены я сдал, зачёты получил, прошёл весь курс – всё, как положено, как ты запланировала. И вот ставлю для себя задачу, ту самую, о которой тот, с бритым черепом вчера нам говорил.

– Это Артюша.

Пусть будет Артём, да я, в общем-то, не против.

– Я имею в виду его идею, связанную с тем бизнесменом, которого арестовали. Честно тебе скажу, меня эта тема очень увлекла. Примерно то же ощущение возникает, когда только собираешься писать роман. Но чтобы книга получилась, надо много чего перелопатить, осмыслить и усвоить. Это всё равно, что сдать самому себе экзамен.

Раис захлопала в ладоши:

– Ой, как интересно! Я поняла! Слушай, давай к следующему заседанию предложим целую программу действий.

Похоже, у неё это навязчивая страсть – составление про-

грамм.

– Мне кажется, что было бы разумнее, если бы мы явились не с пустыми руками, а имея информацию.

Раис задумалась:

– А где же нам всё это взять?

– Тут я хотел бы в какой-то мере положиться на тебя. У меня, к сожалению, в бизнесе нет знакомых.

– Ой, это не проблема для меня!

– Ну вот и хорошо. Ну а я, в свою очередь, готов поделиться тем, что знаю.

Раис взяла в руки блокнот и приготовилась записывать.

– Как мне удалось узнать, у Леонида Фёдорова есть брат, Сергей. Он давно уже живёт и работает во Франции. Несколько дней назад Сергей вылетел в Москву, надо полагать, для того, чтобы оказать помощь Леониду, попытаться вытащить его из СИЗО. Так хорошо бы этого Сергея разыскать. Ещё неплохо бы пообщаться с людьми из окружения его отца, ты говорила, что он был известным диссидентом. Может быть, они что-то нам подскажут. Пожалуй, вот и всё.

Раис скинула туфли, уселась с ногами на диван и, взяв в руки телефон, принялась названивать своим знакомым. Я понял, что в этом занятии ей лучше не мешать и отправился на кухню. Пусть холодильник у неё пустой, но чай наверняка найдётся. А свежая заварка после вчерашнего – это самое оно.

И вот я сидел на кухне, пил горячий чай и рассуждал. Ко-

нечно, мне пришлось чуточку слукавить. Какое уж тут «второе я»? Да просто обманул доверчивую женщину. А что поделаешь? Без этого в жизни не добьёшься ничего. Сколько уже раз со мной примерно так бывало! Скольких милых дам я целовал, ну а взамен они рассказывали о себе. Потом уже вставлял это в роман, даже не спрашивая их согласия. Так ведь иначе же нельзя! Если журналист берёт у кого-то интервью – ну, там совсем другое дело. Там всё по-честному, как бы только не обидеть, как бы лишнего не написать. А вот когда тебе доверят сокровенное, откроют тайники души – вот тут для писателя полное раздолье. Конечно, можно было бы и с Раис провести такой эксперимент на «раздевание». Однако какие уж там тайники? Здесь всё предельно ясно. Можно подумать, что вообще не одевается – даже по улице ходит совершенно голой.

Глава 43. Та женщина

Вот вроде бы осталась в прошлом и квартирка близ площади Леон Мартэн, и злополучное письмо. Всё это далеко, разве что придётся ещё долго разгребать последствия того, что тогда случилось. Но нет, жизнь уж так устроена, что многое в той или иной форме повторяется, возникает много раз. Только сейчас вместо Гренобля – старая Москва, а вместо письма – прямой вопрос, на который кое-кому придётся отвечать. И снова долгий разговор, во время которого станет понятным то, что произошло в Гренобле. Да, очень хотелось бы надеяться. Однако прежде надо бы найти ту улицу, тот дом.

Итак, Раис занялась поисками Сержа, ну а я решил начать, что называется, с нуля. Или от печки, как кому понравится. Та женщина, от которой получил письмо – кто она? Почему раньше не задумался? Вот так всегда, сначала легкомысленно махнёшь рукой: «Да собственно, какая разница!» А после только и остаётся, что горевать по поводу того, что опять недоглядел.

Первым делом я обзвонил участников той вечеринки – естественно, тех, с кем был знаком. Пришлось раз десять выслушать вопросы о своём здоровье, поздравления с выходом последней книги и ещё чёрт-те сколько разнообразной ерунды. Я даже в обычных обстоятельствах не переношу подоб-

ных разговоров, ну а уж тут... В общем, удалось выяснить лишь то, что эта дама пришла в тот раз вместе в каком-то журналистом, а тот совсем некстати укатил в Паттайю, на курорт, и там его, как мне сказали, достать нет никакой возможности. То ли пустился во все тяжкие, когда телефон – это только досадная помеха, то ли просто захотел покоя и потому послал куда подальше знакомых и друзей, а заодно все достижения цивилизации. Единственная зацепка состояла в том, что он представил тогда свою спутницу, как школьную подругу. Если не наврал, тогда сохранялся шанс. Журналист был достаточно известен, так что без труда удалось добыть кое-какие данные из биографии. Да мне достаточно было номера той школы, которую он закончил.

И вот я вхожу в кабинет директора, представляюсь, выслушиваю кучу комплиментов, хотя сомневаюсь, чтобы из моих книг он что-нибудь читал. Наконец, сославшись на необходимость подобрать материал для своего нового творения, я получаю возможность просмотреть фотографии выпускников.

Когда перед тобой изображения трёх десятков учеников какого-нибудь десятого «Б» класса, глаза просто разбегаются. Хорошеньких девичьих лиц там предостаточно, есть на кого посмотреть. Однако приходится тут же пожалеть, что обаяние юности не вечно. И всё же надеюсь найти именно то лицо. Смотрю – то ли она, то ли кто-то совершенно посторонний? К счастью, на фотографии девица улыбается, а

ведь улыбка – это всё равно что отпечатки пальцев. И через тридцать, даже через сорок лет, если заметите в толпе знакомую улыбку, рекомендую покопаться в памяти. Наверняка когда-то вы встречались – в весёлой компании на пляже где-нибудь в Крыму, на званом вечере у своего приятеля или, на худой конец, играли в одной песочнице на Патриарших.

Увы, на этот раз всё по-другому – чем дольше вглядываюсь, тем больше сомнения одолевают. Уже неспособен вроде бы понять, действительно ли тот образ, который создал за последние несколько минут в своём воображении, соответствует оригиналу, или это всего лишь фантазия художника. Так та или же не та? Но дело в том, что других вариантов просто не было, либо же тогда, на вечеринке, она применила самый изощрённый макияж.

Конечно, за тридцать лет каждый человек меняется, но не настолько, чтобы не узнать. На женщин глаз у меня наметанный. Теперь, зная девичью фамилию и имя, можно было поиски продолжить. И, просмотрев списки жителей Москвы, наконец, нахожу несколько возможных адресов. Ну что ж, если возраст подходящий, тут все сомнения отпадают – мне повезло, хотя вряд ли следует назвать везением результат очень кропотливых поисков. Верно лишь то, что поначалу в удачу я не верил.

Уже смеркалось, когда я позвонил в её квартиру. Даже фойе дома производило впечатление – здесь проживали граждане довольно обеспеченные, если судить ещё и по оби-

лию иномарок во дворе. Впрочем, по нынешним временам в этом не было ничего особенного, ну а сговорчивость консьержки, которой пришлось подарить одну из моих книг – это проблемы здешних квартирантов. Меня же беспокоило совсем другое: вот именно так, всего лишь полмесяца назад я поднимался по ступеням дома, где жил Серж. Правда, теперь в моём кармане нет письма, однако есть нехорошее предчувствие – ведь я в тот дом принёс несчастье. Конечно, согласно правилам хорошего тона я должен был сначала созвониться, получить согласие на разговор. Однако, во-первых, она могла мне отказать, а во-вторых, тут требовался элемент неожиданности – тогда есть надежда, что расскажет правду.

Дверь мне открыла, как я и предполагал, она – та самая женщина, с той злосчастной вечеринки. Собственно говоря, вечеринка была тут совершенно ни при чём, однако ведь именно с этой дамы всё и началось. Судя по её взгляду, она меня узнала. Приподняла свои брови, изящно выгнула красивый рот, изобразив недоумение. И посторонилась, пригласив войти.

Не буду описывать все эти церемонии, которые сопутствуют появлению малознакомого человека в доме. Замечу лишь, что поначалу обошлось без предложения что-то выпить, хотя в углу на столике я заметил бокал с красным вином – по виду не берусь определить, но почему-то мне подумалось, что наверняка испанская «риоха». А дело в том, что обстановка и в прихожей, и в гостиной указывала на хоро-

ший вкус – всё было подобрано так, будто являлось единым, неразрывным целым и составляло некий удивительный мир, в котором могли существовать лишь очень добрые и благовоспитанные люди. Но стоит попробовать это единство разорвать, убрав какую-то малозначительную деталь, как сразу же волшебство исчезнет, и ты окажешься в самой обычной обстановке многоквартирного дома в центре столицы, на Пречистенке. Одно несомненно – среди обитателей этой квартиры не было мужчин.

– Зачем же вы ввязались в это дело?

Вот так я и начал разговор. И только увидев в её глазах не только удивление, но и почувствовав что-то похожее на осознание вины, счёл возможным посвятить в подробности.

Надо отдать ей должное, обошлось без криков, без истерики, и даже никаких вопросов она не задавала, словно бы уже смирилась с тем, что неизбежно, и рассчитывает лишь на милость палача. Выслушав меня, Светлана, так она представилась, только глубоко вздохнула и, не глядя на меня, произнесла:

– Меня попросил очень дорогой мне человек. Когда-то мы друг друга любили. Могла ли я ему отказать?

Она вопросительно смотрит на меня, а я молчу, всё ещё надеюсь на более откровенные признания.

– Да, это правда, я чувствовала, что-то здесь не так, сказала ему, но он успокоил.

– А кто он?

– Этого я вам не скажу.

Вот так, целый день поисков, и всё коту под хвост. Ну не пытаться же мне эту даму горячим утюгом! Да нет, красивых женщин надо холить и лелеять, как некое уникальное явление природы, как раритет в музее или редкий экземпляр птицы в заповеднике. Ну, что это за птица, мы ещё посмотрим. Кстати, я бы не назвал её очень уж красивой. Возможно, в прошлом, лет эдак десять назад... Но даже увядающая красота может вызвать восхищение, а уж давить на женщину, у которой жизнь не сложилась, причём не по её вине – это занятие малопочтенное.

– Ну что ж, не буду взывать к вашей совести. Жаль только зря потраченного времени.

– Вы меня поймите, я просто не могу. Если я его предаю, вся жизнь превратится для меня в проклятие, в сплошную муку...

– Я понимаю. А вам не приходит в голову, что вас в очередной раз использовали?

– В тот раз – допустим. Но почему «в очередной»?

– Мне кажется, что...

– Да что вы можете об этом знать?!

Обиделась. Вижу, задело за живое. Теперь, может быть, задумается, а я ей в этом помогу. Вот так иногда в вашей жизни появляется некто по имени Мефистофель и начинает рассказывать про вас такое, что мало не покажется. Или напротив, вынуждает признаться в том, от чего хотелось бы из-

бавиться, навсегда выбросив это из памяти. Впрочем, в роли Мефистофеля я прежде если и бывал, то в очень редких случаях.

– Но вы хотя бы спросили у него, зачем это всё, кому понадобилась эта история с письмом?

– Нет, я просто ему доверяла, – она на мгновение задумалась. – Правда, был очень странный разговор. Я только сейчас его припомнила.

Видно было, что она всё же сомневается, стоит ли мне это рассказывать. С какой-то странной надеждой взглянула на меня, словно я способен объяснить и оправдать. Но что?

– В тот раз мы ужинали в «Пушкине». Всё было очень мило, как всегда. Много знакомых, иногда они к нам подсаживались, чтобы поболтать. Так, пустые, ничего не значащие разговоры, как теперь говорят, гламурные, – Светлана криво усмехнулась. – И вдруг моего спутника окликнули. Меня удивило, что тот, кто его окликнул, не подошёл к нашему столику, не представился, а так, по-хозяйски, вроде бы вы звал на доклад. Их там было двое...

– Что это были за люди?

– Один такой мордастый, похож то ли на бандита, то ли на бывшего десантника... Ой, не хотелось бы никого обидеть, но почему-то мне показалось так. Другой постарше, но физиономия и вовсе отвратительная. Такие, знаете ли, злые и жуликоватые глаза, по виду и не скажешь, что большой начальник.

– Почему вы так решили?

– Публика там бывает достаточно влиятельная. А потом мне подруга рассказала, что это будто бы какой-то замминистра.

– И что же дальше?

– Они о чём-то долго разговаривали, я даже слегка обиделась – приличные люди так не поступают. Мы с ним потом поссорились, а вскоре мне всё это надоело, и мы окончательно расстались, – Светлана глубоко вздохнула и после паузы продолжила: – Но я хотела рассказать вам не о том. Когда они сидели за столом, тот, что с глазами жулика, передал моему приятелю какую-то бумагу. Я бы об этом наверняка забыла, но через несколько дней мой друг обратился ко мне с просьбой передать то самое письмо. Тогда у меня как-то не связалось, а вот теперь...

– Но как вы оказались в том доме, где мы с вами встретились?

– Так он же и сказал. Мой друг сказал, что вот сегодня среди гостей у одного художника будет человек, который собирается лететь в Гренобль. Всё, что от меня потребуется, это попасть в тот дом и договориться с этим человеком, то есть, конечно, с вами, о встрече на следующий день. Ну и когда мне это удалось, он передал письмо, а я уже вручила его вам.

– Какая-то детективная история.

– Вы думаете? Но я не предполагала, что так сложится.

Она ещё что-то говорила, явно пытаясь оправдаться, сохранить образ добропорядочной леди хотя бы в собственных глазах. А я прокручивал в голове ту информацию, которую она сообщила. Вроде бы что-то прояснилось, но полная картина всё никак не складывается...

Вот интересно, почему она в разговоре предпочитает смотреть куда-то в сторону? Профиль у неё, и правда, потрясающий – нечто ассирийское, а может, греческое или римское. Ну а посмотрит на тебя, и видишь – миловидна и скромна, ни капли эдакого царского величия, какое вообразил себе всего мгновение назад. При этом крайне сдержана в проявлении чувств, если и злится, так только на себя – именно тогда в глазах появляется растерянность.

И снова приходится признать: история, так бывает часто, повторяется. Катрин разочаровалась в Серже, ну вот и у Светланы случилось нечто схожее. Для женщины очень важно, чтобы рядом был человек, который пусть не является идеалом, но, безусловно, заслуживает уважения. Причины разрыва могут оказаться разными, но суть одна. Отличие только в том, что Катрин ушла ко мне, свой выбор сделала между мужем и любовником, ну а Светлана редким свиданиям с любимым человеком предпочла нынешнее одиночество. Каждому своё...

Мне не хотелось уходить. Кажется, она это почувствовала и предложила мне вина. Как я и предполагал, это оказалась испанская «риоха». В чём, в чём, а в хорошем вкусе хозяйки

этого дома я не сомневался. И вот после глотка вина у меня вдруг появилась мысль. Надежда на успех минимальна, но почему не попытаться, если другие варианты не приходят в голову? Я предложил Светлане отправиться в тот самый ресторан, где, судя по всему, и началась эта история...

И вот мы в «Пушкине». Я уже упоминал, что на своём веку повидал немало ресторанов. Бывал и здесь, но этот визит был совершенно необычным, что называется, из ряда вон... На этот раз я ожидал получить удовольствие не от общения с прелестной женщиной, не от еды, не от вина – мне страсть как хотелось увидеть эту мерзкую рожу, я её желал, я испытывал к ней неодолимое влечение. Вот так после длительного воздержания мечтаешь о рюмке коньяка. Конечно, речь идёт о том субъекте, о заместителе министра, я почему-то был уверен, что мне именно сегодня повезёт, и главная роль в этом опознании принадлежала моей спутнице.

Мне не пришлось очень долго ждать, хотя согласен был протирать штаны на этом стуле в течение недели.

– А вот и он?

– Где?

– Там, за дальним столиком.

Честно признаюсь, к тому, что я увидел, мысленно был уже готов. Та сладкая парочка, которую так красочно описала мне Светлана, к этому времени уже приобрела в моём воображении весьма определённые черты. И всё же очень не хотелось верить этому. Да мало ли мордастых и на вид жули-

коватых можно встретить и в бизнесе, и в высших эшелонах власти! Нельзя же каждого подозревать, что это непременно жулик или вор. Да и не видел я никаких причин, чтобы утверждать, будто на моих глазах и при моём участии совершается жуткая афера. Подумаешь, передали мне письмо! А я, старый дурень, зачем-то вручил его бедняге Сержу. Нет, правда, сколько можно повторять: для подозрения, что всё вот так пойдёт, у меня не было ни малейших оснований.

Ну что ж, если подводить промежуточный итог, следует признать, что тем человеком, на которого указала мне Светлана, был ни кто иной, как мой благодетель, чуть ли не давний друг, милейший и благороднейший Юрий свет Иванович. Мы познакомились за несколько лет до описанных событий на даче у моего московского издателя. В его окружении деловых людей всегда хватало. Я бы предположил, что издательство было лишь прикрытием, а чем он там на самом деле занимался, откуда же мне знать. Тогда устроили пикник по поводу какой-то юбилейной даты и даже пригласили нескольких довольно популярных авторов. Не все смогли приехать, а потому из разряда запасных я перебрался, что называется, в основной состав. Да и то благодаря моему редактору – милейшая женщина, до сих пор ей благодарен.

Да, теперь всё перемешано – можно одновременно быть и журналистом, и владельцем ресторана. Я даже не удивлюсь, если какой-нибудь министр станет в свободное от службы время подрабатывать в ночном клубе стриптизёром – это ес-

ли очень хорошо заплатят. Ну в крайнем случае станет делать бизнес в перерыве заседания Совмина, сообщая инсайдерскую информацию своим партнёрам. Чего только в жизни не бывает! Это я к тому, что встреча с Юрием Ивановичем была не то чтобы predetermined, однако же вполне соответствовала духу времени. Понятно, что то застолье превратилось в пьянку, когда и случаются подобные знакомства.

Так вот, злодея я узнал, хотя до сих пор понятия не имею о сущности его злодейства. В том, что второй из тех, о ком мне поведала Светлана, был именно Савелий Бокин из прокуратуры, я уже не сомневался – всё сошлось на нём! Ловко же Юрик мне его подсунул! О чём этот Бокин мне при встрече говорил? Помнится, когда про финансирование мятежа стал распинаться, я уже тогда стал кое-что подозревать. Ну а теперь? Теперь предстояло события последнего месяца заново переосмыслить и постараться по мере сил разложить по полочкам.

Глава 44. Дети Клариссы

Когда от меня требуют немедленных действий, быстрого принятия решения, я начинаю нервничать, и всё валится из рук. Что уж тут говорить, даже мысли разбегаются. Единственное, что способно мобилизовать все силы – это злость. Когда-то я уже писал, что иногда злость заменяет вдохновение. Однако здесь совсем другое, здесь меня нагло обманули, развели как лоха, мало того – вульгарно наплевали в душу. Это уже было чересчур! Даже если учесть, что никто не заставлял меня копаться в этой мерзости, теперь не смогу уже остановиться. И это всё при том, что нет ни малейших оснований подозревать их в чём-нибудь противозаконном. Ну передали письмо, ну выманили его в Москву – что из того? Здесь нет намёка на криминал, да просто захотелось кому-то с Сержем повидаться. Если бы только это!

Теперь о злости. Зол я был, прежде всего, на Светлану. И Юрий Иванович, и Савелий Бокин – фактически эти люди были недоступны для меня. Ну что я мог им предъявить, что мог спросить – зачем похитили вы Сержа? Кстати, в этом я уже не сомневался... Но вот Светланин дружок, тут хорошо бы покопать. Интуиция подсказывала, что он должен что-то знать. Ну, кто инициатор – это я уже понял из того, что Светлана рассказала, а этот типчик наверняка у злодеев на подхвате. Не исключено даже, что юрист, это же их хлеб – раз-

работка подобных комбинаций.

И тут я вспомнил про встречу с адвокатом, там, ещё в Гренобле. Так уж случилось, что именно Юрий Иванович мне его порекомендовал. То есть, что я говорю – теперь-то для меня ясно, что всё было не случайно. Евгений Маркович! Как же я о нём забыл? Уж он-то многое мог бы рассказать. Недаром же настаивал, чтобы я в этом деле больше не «светился». Вот с кем надо пообщаться! Судя по повадкам, он тоже был не совсем чужим в «конторе», опять же о верности долгу мне что-то говорил, чуть ли не запугивал. Да он наверняка из «бывших»! Похоже, именно там и сошёлся с Юриком. Честно говоря, впредь я бы предпочёл ограничиться лишь кличкой этого мерзавца...

О, господи! Тут только до меня дошло... А кстати, мог бы это сразу понять, когда только услышал от Светланы о той встрече в «Пушкине». Ведь неуловимый в последние два дня адвокат Евгений Маркович и тот дружок Светланы – да у меня теперь нет никаких сомнений, что это один и тот же человек!

Надо было видеть её лицо после того, как я назвал ей это имя!

– Ну, раз вы и так всё знаете...

В общем, Светлана много чего мне об этом типе рассказала. В частности, что он женат и в пору их близкого знакомства панически боялся, как бы жена об этой связи не узнала. Тут нет ничего необычного, однако на этом можно было бы

сыграть. И всё же странная, какая-то слишком уж совестливая женщина – то ни в какую, а то словно прорвало! Думаю, что таким вот образом она надеялась искупить свою вину, хотя никакой вины, по большому счёту, не было. Надеюсь, эта исповедь обеспечит ей спокойный сон.

После того, что я узнал, всё остальное было делом техники, несмотря на то, что «пароли и явки» он наверняка сменил, включая адрес в интернете и мобильник. Не смутило меня даже отсутствие его фамилии в базе данных на жителей Москвы. Когда уж очень разозлят, силы мои возрастают многократно, и что ещё существенно: интуиция работает безотказно. И вот уже на следующий день, точнее будет сказать – поздним вечером, я обнаружил знакомый силуэт в закрытом ночном клубе на Покровке. Как удалось туда попасть, пусть это останется секретом.

Обычно неожиданные встречи случаются по дороге в туалет. Помнится, чуть не столкнулся как-то раз с одной певицей, в то время очень популярной. Я был уже изрядно подшофе и потому обратился к ней, не смущаясь тем, что мы не были знакомы. Я спрашиваю:

– Всё поёшь?

Странно, но она обиделась. Видимо, место ей показалось не совсем подходящим для такого рода разговоров.

Вот и теперь Евгений Маркович тарасил на меня свои глаза, словно пытаюсь сообщить, что ещё несколько моих вопросов, и он попросту не выдержит. Собственно говоря, я

задал лишь один вопрос: зачем всё это было нужно? Ответов, что не удивительно, оказалось множество, причём между собой они никак не стыковались. Один опровергал другой, а следующий ставил под сомнение предыдущий. И лишь когда я врезал под дых, затащил его в кабинку и собирался сунуть мордой в унитаз, только тогда из двух зол он выбрал наименьшее. Да и то, разоткровенничался лишь под влиянием момента, опасаясь, как бы не лопнул мочевого пузыря.

– А тебе известно, что Серж, только прилетев в Москву, как в воду канул? – спрашиваю.

– Поверьте, я не знал! Я и предположить не мог, что так закончится.

– Довольно врать! Ты ведь тоже из «бывших», из «конторы».

– Да бог с вами! Даже в мыслях не было! – он не на шутку испугался.

А я припомнил нашу встречу с ним в Париже. Вполне профессиональный разговор. Только теперь сообразил, что очень уж напоминало сцену из рядового телесериала. Мог бы догадаться ещё тогда, что дилетант. Да и сейчас сник после первого удара и даже не пробовал сопротивляться. Таким учёным горлопанам всё нипочём только в судебном заседании, перед почтенной публикой. А вот наедине...

Однако какая теперь разница? То, что мне надо было, я выяснил, в этом нет теперь сомнений. Эх, лучше бы не знать! Да потому что сразу появилось ощущение, как будто нахо-

жусь в грязном привокзальном туалете на богом забытом полустанке где-то между Сыктывкаром и Костромой. Этот запах говна словно бы обволакивал всего меня, проникая в нос и в уши, вытесняя из организма кислород. Единственная мысль, которая могла возникнуть в этих обстоятельствах – здесь невозможно дышать!

Надо бы пояснить кое-что, чтобы не вызывала удивления моя реакция на откровения этого адвокатишки. Хоть и обижен я был на Юрика и, конечно же, на Бокина, однако в душе всё ещё надеялся, что это какая-то комбинация, что главная их цель в том, чтобы выявить каналы финансирования оппозиции, или разоблачить наркоторговцев, или ещё что-то в этом роде. Я даже готов был поверить, что здесь налицо происки израильских спецслужб, и даже в то, что Эстер мне правду рассказала. Тогда бы можно их понять – и то, что вращали, и то, что такие методы использовали. Но вот теперь всё почему-то оказалось гораздо хуже, чем я мог предполагать. Тут просто вульгарное воровство, кража со взломом, грабёж на большой дороге! И я соучастник в этом деле... Всё просто, слишком просто: Юрик бизнес у Лёни хочет отобрать!

Ну и какие же выводы я должен сделать после этого? Ведь это вовсе не Светлану, а именно меня использовали. Выращивали, как корнеплод, чтобы в нужный момент выдернуть из грядки и применить по прямому назначению. Да уж таких, как я, у них полно! Особенно обидно было сознавать, что продвижением своих книг, своей известностью я был обязан

этому уроду. Да что говорить, если бы не он, я бы, наверное, до сих пор печатался мизерным тиражом, перебиваясь с хлеба на воду. И что же изменилось для меня с тех пор, как я обхаживал Коариссу? Уже не ползаю, даже позволили летать. Уже не раб, однако есть ли ощущение свободы?

Первую книжку я опубликовал давно, за пару лет до нашего с Юриком знакомства. Ну а потом? Неужто всё остальное – это чушь? Но как же Пьер, не мог же он слепо доверять хвалебным отзывам в газетах? Ведь как-никак известный на обоих берегах Атлантики продюсер.

Да ладно, какое дело мне теперь до Пьера? Тут надо срочно Сержу выручать. Как рассказал мне адвокат, Леонид, даже находясь в кутузке, упирался, ни в какую не хотел отдавать свой бизнес. По счастью, жена с детьми довольно быстро покинула страну, так что злодеи ничего не успели предпринять, чтобы её и детей использовать как козырь. К сожалению, народ мельчает, даже профессионалы в таких делах уже не те. Да что говорить, попросту прошляпили! Вот тогда-то и решено было воздействовать на него через родного брата. Либо же тот уговорит Леонида, чтобы не артачился, либо прижмут Сержу – да так, что Леонид непременно должен сдать, если хоть немного любит брата.

Что было дальше, этого Евгений Маркович не знал. Мавр сделал своё дело. Его рассказ я на всякий случай записал, однако, что предпринять дальше, так и не придумал. Ну не идти же к Бокину в прокуратуру, чтобы устроить ему там

допрос! Конечно, можно было обратиться в прессу, теперь каждый недоучившийся писака о том только и мечтает, чтобы кого-нибудь разоблачить. Конечно, хотелось бы верить в честность журналистов. Однако где гарантия, что материал не попадёт к Юрику на стол? И в результате вместо того, чтобы помочь бедняге Сержу, я могу вынудить злодеев срочно заметать следы. А там и до трагедии недалеко! Нет, мне спешить нельзя, тем более что есть тут ещё много непонятного.

Я стал перебирать в памяти всё, что об этом деле слышал. Старался воедино связать откровения Эстер, обрывки разговора у «Жан-Поля», признания адвоката, ну и конечно то, что узнал в прокуратуре. И вот к какому выводу пришёл. Если права Эстер и правда то, что рассказал мне Бокин, ведь это всё меняет, это же совсем другой сюжет! Нет, договориться между собой эти двое не могли – такие виражи не то что в жизни, даже в детективах не случаются. Однако финансирование из-за рубежа наверняка имело место. И надо же, как придумали! Ну кто может что-то возразить, если брат помогает своему родному брату? Это же чисто семейные дела, здесь неуместны подозрения. Можно только восхищаться этой жертвой: учёный муж готов последнее отдать! Нет, правда, я почти что плачу...

– Вот-вот, поплачь.

– Ах, это ты... Зачем явился?

А Он словно издевается:

– Ну как же я могу молчать, когда у тебя такая ахиня в

голове?

– Так уж и ахинея?

– Это мягко сказано.

– Лучше бы помог понять, что тут к чему.

У меня и впрямь голова идёт кругом, а этому, видите ли, всё предельно ясно:

– Да враки всё! Поклёп на уважаемых людей.

– Это про Бокина?

– Боже упаси! Все эти чиновники одним миром мазаны.

Все воры и обманщики!

– Ну, ты и загнул. Нельзя же всех скопом осуждать.

– Только так и надо. Вообще, чем меньше их, тем лучше.

– Я бы так не сказал...

– Ну и молчи!

Я уже начинал жалеть, что затеял этот разговор, однако с паршивой овцы хотя бы шерсти клочок... К тому же говорят, что спор может стать эффективным средством в поисках желанной истины.

– А что сам про это дело думаешь?

– Тут всё яснее ясного. Решили отобрать бизнес, и нечего тут больше рассуждать.

– Если бы так просто... А вот скажи, почему именно на Леонида навалились?

– Да мало ли...

– По-моему, всё началось с того, что Бокину стало известно об этом канале финансирования из-за рубежа. А уж идея

поживиться возникла уже потом, когда выяснилось, что у Леонида весьма доходный бизнес.

– Ну да! Опять эти сказки про бывшего олигарха, про финансирование мятежа...

– Нет, ты постой! Прижать клиента, обвинив его чуть ли не в измене Родины – это посильнее любых других угроз.

– Но ведь не сработало.

– Видимо, Леонид рассчитывал стать жертвой «кровавого режима», а там и общественность встанет на защиту.

– Слишком уж замысловато.

– Да я не утверждаю, что всё было так. Мне только кажется, что уже после этого они взялись за Сержа – ведь жалко было потерять такой кусок!

– Да я тебе битый час о том толкую!

– А что если адвокат соврал, чтобы подставить Бокина?

– Ты сам-то пробовал встать на его место? Это когда ты его головой в толчок?

Ему смешно, а мне что делать? Можно конечно предположить, что был сионистский заговор с целью опорочить замминистра. Да кому он нужен! Вот если бы оказался педофилом, а у Леонида на него был компромат... Тогда оказывается всё просто – засадить, чтобы помалкивал. А то и вовсе, чтобы там поставили на нож. Всё остальное – мишура, обман, галлюцинация...

Нет, если так оно пойдёт, всё может вновь закончиться психушкой...

– Да я не удивлюсь. Похоже, ты уже свихнулся.

Он замолчал, а я снова продолжил свой анализ. Придумывал и тут же отвергал самые невероятные гипотезы, искал причины тех или иных поступков замешанных в этих событиях людей. Однако не было никакой уверенности в том, что прав. И лишь одно не вызывало у меня сомнения. Уж Бокину с этим замминистра незабвенная Кларисса не сказала бы: «Вы против меня – НИЧТО!» Приходится признать, что за десяток лет достойная смена подросла, да что там говорить – чубатая им даже в подмётки не годится.

Глава 45. Ужин с депутатом

На эту встречу я согласился исключительно по рекомендации Раис – сам бы точно не додумался. Вначале даже отнекивался, поскольку к политикам у меня двойственное отношение. Вроде бы что-то делают, за это всем им низкий поклон, но почему-то не всё получается так, как они задумали или, во всяком случае, как наобещали. Да по большому счёту мне от них не нужно ничего! Только если уж пообещал, так выполни, а если нет – имей мужество подать в отставку. Я не то чтобы за регулярную сменяемость, но вот ведь видно, что не тянет – так почему бы не уйти?

Собственно говоря, идея этой встречи состояла в том, чтобы через влиятельного депутата организовать запрос в Генпрокуратуру по поводу противоправных действий замминистра. На то, чтобы спасти Леонида с Сержем, пока те два ублюдка ещё «наверху», я не надеялся. Даже нечего пытаться! Однако сразу выложить на стол весь компромат, это явно ни к чему, это было бы рискованно. Кто знает, что за человек, и не повязан ли как-то с этим Бокиным. Поэтому поводом для нашей встречи стало то, что произошло с несчастным Леонидом Фёдоровым.

Честно говоря, я бы предпочёл поужинать в компании друзей или, на худой конец, посидеть где-нибудь с Раис – но только если не в «Жан-Поле». Однако привычка доводить

дело до конца, видимо, это у меня врождённое. К тому же не могу избавиться от ощущения, что, если не потороплюсь, всё может оказаться напрасным, и силы почти наверняка будут истрачены впустую. Вот потому и заказал нам столик в «Фуджи», хоть я и не любитель японских ресторанов. Все эти «сукияки», «сябу-сябу» – нет, это совсем не для меня. Однако вынужден смириться, поскольку право выбора места и времени этой встречи принадлежало не мне, а депутату.

Он опоздал на полчаса. Мордастый, всегда довольный жизнью – я сразу же его узнал и сделал знак рукой, хотя метрдотель уже спешил ему навстречу. Едва усевшись за столик, депутат сразу заявил:

– Должен предупредить, что у меня даже вечер расписан по минутам. Сами понимаете, комиссии, заседания, встречи с избирателями. Забот, как говорится, полон рот! Так что давайте сразу к делу.

– Да я не против...

– Ну и ладно. Итак, я ознакомился с материалами, кое с кем переговорил и вот что хочу сказать. Дело очень трудное, там целый букет преступлений – от криминальных способов минимизации налогов до распространения наркоты.

– Не может быть! – от неожиданности я сразу не нашёлся, что ещё сказать. – Это довольно странно. Про наркотики я ничего не слышал.

– Ещё услышите. Это признание он сделал несколько часов назад. Пока я ехал сюда, мне по телефону сообщили.

Кстати, тут нет ничего сверхординарного. Вы разве не знаете, что Леонид владеет несколькими ресторанами в Москве? Но согласитесь, ночной клуб, казино или ресторан – это самое удобное место, чтобы предложить клиенту понюшку «кокса», травку или «экстази». Так что пока вот такая штука получается.

– Неужели сделать ничего нельзя?

– Это зависит...

Он продолжал говорить, проникновенно глядя мне в глаза, словно бы пытался разобраться – доходит или не доходит?

– Вы меня поймите правильно. Чтобы закрыть дело, одного моего желания явно недостаточно. Что тут поделаешь, если все берут? Мы, конечно, с этим боремся, но пока без особого успеха. Ну вот добились увольнения одного хапуги, а кто ему на смену-то пришёл? Да снова точно такой же, как и он, если ещё не хуже. Это, знаете, как беготня по замкнутому кругу. Вроде бежишь, а через некоторое время оказываешься там, откуда стартовал.

– Но всё это как-то некрасиво.

– Согласен. Мало сказать, просто отвратительно! Конечно, куда приятнее посетить, скажем, выставку импрессионистов в Музее изобразительных искусств, а не заниматься решением таких проблем. Но там искусственно созданная красота, а рядом с нами – проза жизни. И надо воспринимать её такой, какая она есть.

– Грустную картину вы рисуете.

– Вы знаете, мне приятель как-то говорил, очень давно, когда я ещё был в плену иллюзий: «Стасик!» – так меня в ту пору называли – «Стасик, дорогой! Будь ты попроще!» А? Хорошо сказал? Вот я и спрашиваю, даёте же вы официанту чаевые? А почему же здесь нельзя? Согласитесь, это как-то нелогично. Я бы сказал, противостоестественно, – и уже не глядя на меня, он стал разливать японское саке по рюмкам.

К этому времени принесли заказанные депутатом суши. И вот, запихивая их в свой рот, он с явной усмешкой снова смотрит на меня и говорит:

– Да вы не беспокойтесь! Здесь все свои. К тому же хозяин гарантирует отсутствие прослушки.

– Мне, общем-то, нечего бояться, – признаться, я немного удивлён.

– Ну а мне тем более.

Да при его-то статусе...

Итак, многое теперь становилось если не явным, то достаточно прозрачным. Будь даже депутат никак не связан с Бюкиным или тем же Юриком, все они одного поля ягоды – довольно аппетитные снаружи и ядовитые внутри. Так что попробовать никому бы не советовал. В принципе, можно было бы встать и уйти, однако за свои деньги хотелось получить ещё кое-какие данные о мировоззрении народного избранника, а заодно о взглядах тех людей, которые за него голосовали на последних выборах. Впрочем, народ у нас доверчивый, простой – ему что ни пообещай, он всё равно поверит.

В какой-то степени прав был экс-министр там, у Жан-Поля. Если же не прав, тогда почему этого мошенника избрали?

Но ближе к делу:

– А вот вы не могли бы объяснить, ну почему всё так устроено? Отчего одним всё сходит с рук, а другому непременно в карман подложат пакетик с героином?

Он вытер рот салфеткой, на несколько секунд задумался, разглядывая плафон на потолке, а потом сказал с очень умным видом:

– Тут вот в чём дело. Мы с вами стоим на пороге новой мировой войны, а потому крайне важны внутренняя сплочённость и единство, иначе экономика развалится, и в результате мы окажемся просто не готовы в нужный момент ударить по врагу.

– Вы это к чему?

Признаться, я был в недоумении. И как всё это объяснить? Ну разве что депутат и впрямь ходил весь день из ресторана в ресторан, о чём-то договариваясь, и вешая собеседникам на уши лапшу вместо того, чтобы закусывать. По виду и не скажешь, но можно предположить, что уже бухой изрядно.

– Мне кажется, вы меня не поняли. Воевать мы не собираемся, дело тут совсем в другом. Как бы это популярно объяснить? Вы понимаете, ваш протеже просто не вписался. Возможно, нас-тупил кому-то на мозоль, а может, сотворил иную глупость... Ну вот когда вы сочиняете какой-нибудь сюжет и вдруг обнаруживаете, что некий персонаж тут ни к

селу ни к городу – что вы при этом делаете? Выбрасываете его к чертям долой! Верно я говорю? Вот так приблизительно и здесь.

– А как же права, как же свобода? Все эти ваши демократические ценности?

– Да бросьте вы! Мы не на трибуне, нашли о чём в ресторане говорить. Это всё для публики, для лохов, – депутат усмехнулся и снова устремил свой взгляд на стол. – Кстати, вы напрасно игнорируете суши. Вещь очень полезная, даже в вашем возрасте ещё не поздно... Мне тут Раис на днях рассказывала, что вы не прочь...

К счастью, в этот момент его внимание отвлёк официант с новой порцией закусок: всё те же суши и ещё что-то похожее на рыбное рагу, неделю выдержанное на солнцепёке. После недолгой паузы, заполненной унылым чавканьем и звоном рюмок, он снова устремил взгляд на меня. Смотрел, смотрел... А потом вдруг задаёт вопрос:

– Так что надумали?

А что я должен этому сказать? Нажрался за мой счёт, а теперь начнёт давить, выкручивать мне руки. Мол, если не подсуетитесь, Леонида могут засадить пожизненно. Да кто бы удивлялся? Да с них станется! Мало ли таких гуляет по России! Шумливые, мордастые, с заgreбушими руками. И что не маловажно, научились говорить, причём без мата, ну разве что обстоятельства заставят. Приходится признать, что даром убеждения их господь не обделил. И внешность, как не

верти его, как ни разглядывай со всех сторон, весьма и весьма располагает – на уголовника нисколько не похож. Я вообще с симпатией отношусь к подобным жуликам. Этот, если и украдёт бумажник, то сделает это изящно и легко, с милой улыбкой на устах. Да ещё подведёт идеологическую базу, что тоже очень важно.

Но как же быть? Само собой разумеется, что той суммой, которую он имел в виду, я не располагаю. Наверняка тут дело миллионное. Но в то же время и явно отвергать этот вариант нельзя.

– Дайте-ка время мне подумать.

– Не возражаю! Тогда кофе с коньяком?

Уже на выходе из ресторана я почувствовал, что его изрядно развезло. К счастью, тут рядом оказалась подворотня. Я закурил, а депутат тем временем блевал, долго и натужно.

Глава 46. О Моисеях

За пару дней до моего отъезда в Москву мы с Пьером продолжили наш спор. Помнится, был дивный вечер, мы сидим и пьём. Боюсь только, что ни Пьер, ни я не смогли бы объяснить, зачем снова этот разговор затеяли. Такое впечатление, будто, начавшись ещё года три назад, битва двух титанов завершится лишь тогда, когда один из нас рухнет бездыханным. В иных обстоятельствах можно было бы предположить, что цель не имеет отношения к политике. Желание выглядеть сильным в глазах любимой женщины или намерение попросту отбить у оппонента его прелестную подружку – вот то, что заставляет привлекать доселе никем не озвученные аргументы, изощряться в логике, попутно прибегая к таким надёжным инструментам, как ирония и, конечно же, сарказм. Но здесь было совсем не так. Здесь словно бы кто-то дёргал нас за ниточки, словно бы каждый из нас открывал свой рот, даже не имея подобного желания. Вполне возможно, что это самая настоящая болезнь. Честно говоря, у меня давно уже возникло подозрение, что ни политики, ни экономики вовсе нет, что их не существует. Есть только психология, психоаналитика и психиатрия...

– Влад, ты не прав. Зачем Моисей сорок лет водил евреев по пустыне? Затем, чтобы умерло поколение рабов и появилось поколение свободных людей...

– Ладно, предположим – дождались, и нет рабов. А дальше не знаете, что делать. Стоите посреди пустыни и аukaете. А вам в ответ Моисей с Лазурного берега по мобильнику указания даёт: «Сто километров вправо, потом тысячу налево, а там и до процветания рукой подать».

Пьер рассмеялся, а Эстер почему-то не смешно. Наверное, обиделась за Моисея. Да не хотел я никого обидеть!

– Но согласись, что прошлые поколения заслуживают уважения хотя бы за то, что они шли в нужном направлении, – не унимался Пьер.

– В нужном для кого? – я посмотрел на Пьера так, как будто именно он был инициатором этого похода. – Мне вдруг припомнились слова из одной известной пьесы: «те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом?» Надо признать, меня вовсе не заботит, помянут или на могилу будет кто-нибудь плевать. Вопрос в другом – туда ли мы пробиваем ту самую дорогу?

– Но ведь история расставила всё по своим местам. Коммунисты потерпели крах, а в мире победили демократия, либерализм, – не удержалась Эстер, вмешавшись в спор.

– Не так всё просто. Скажем, в основе либерализма лежит свобода для всех, за исключением буйно-помешанных и преступников. В основе коммунизма – несвобода до тех пор, пока уровень нравственности народа не будет достаточно высок, во всяком случае, так это замышлялось. Что вызы-

вает сомнения – это свобода для безнравственных людей при господстве либерализма и духовный уровень людей, контролирующих уровень нравственности в то время, пока строят этот самый коммунизм.

– Так что же получается по-твоему, тупик?

– Не знаю. Но с тем, что происходит, не могу смириться. Особое отвращение у меня вызывает тщательно закамуфлированное воровство и ещё больше – его лицемерные защитники. А всё от-того, что все эти «жирные коты» презирают свой народ, считая, что он только того и достоин, чтобы его ограбили.

– Это не так! За что мне презирать французов? – воскликнул Пьер.

– Извини, я что-то увлёкся, это совсем не о тебе.

Я махнул рукой в ту сторону, где, как предполагал, находится восток и великая страна по имени Россия. Собственно говоря, спорил-то я не с Пьером – с теми, кто остался там. К ним были обращены эти слова. Эх, жаль, что не услышат...

– Так чем тебе не по душе защитники свободы? – продолжал допытываться Пьер.

– Тем, что для них права выше обязанностей. Но это означает прямой призыв, по сути, к грабежу. Потому что в соответствии с этим предложением любой человек может получить свободу брать и жрать прежде, чем обязуется соблюдать юридические и нравственные нормы. Вот представь себе, что сейчас стоит за этой дверью человек. Ты готов дать

ему полную свободу? – я обратился к Пьеру.

– Ты что имеешь в виду?

– В том-то и дело, что, не зная, кто он и что, давать ему все мыслимые права недопустимо. Что если там стоит сейчас потенциальный насильник, сексуальный маньяк, а ты, даже не глядя на него, доверяешь ему охранять свою жену.

Вижу, что Эстер стало не по себе, а в глазах Пьера возникла паника. Похоже, он вообразил себе именно такую ситуацию.

– Это к чему ты клонишь?

– А к тому, что нельзя никому давать никакие гражданские права, если он не готов уважать права других сограждан и соблюдать прочие обязательства перед обществом. А хочешь обойтись без обязательств, построй избушку в глубине тайги, там и живи.

– Нет уж, такая жизнь мне не по душе.

– Тогда докажи, что твои желания, интересы не противостоят интересам общества.

– Ну, тут пошли какие-то закавыки, непонятные мне тонкости. Как мне это доказать? Я этого не представляю.

– А жаль! Потому что корень всех проблем в духовной сфере, в сфере нравственности.

– И всё-таки я настаиваю на примате экономики над всем остальным, – не сдавался Пьер.

– Да нет никакого примата! И политика, и экономика – каждая сама по себе. Притом, что одна другой может и ме-

шать, а может и способствовать, – мне уже надоело втолковывать ему простые истины, однако же приходится. – Ну, вот представь, что некий мужик стремится к власти. Зачем это ему? Первое желание, особенно если приехал из провинциальной глухомани – хорошенько подхарчиться, получить массу жизненных удобств в виде зарплаты, квартиры, машины, дачи... ну и прочее. А потом вдруг захотелось ему бабу! И не какую-нибудь, а из тех самых топ-моделей, грудастых, длинноногих...

– На что ты намекаешь? – возмутился Пьер.

Эстер только недоумённо подняла свои красивые брови и ничего не сказала. А я продолжил:

– Не принимайте близко к сердцу, это только для примера, – я и вправду увлёкся, представив Эстер рядом с собой, в постели... ну что-то в этом роде. – Итак, причём тут экономика, если срабатывает тривиальный физиологический инстинкт? А дело в том, что получается следующая цепочка: политика – экономика – материальный достаток – плотские удовольствия – надгробие за низенькой оградой.

Я перевёл дух и продолжал, не дожидаясь, пока Пьер переварит мною сказанное:

– Но может быть и другой вариант. Клиент к мужикам и бабам равнодушен. Тогда звено «плотские удовольствия» в этой цепочке заменяется чем-нибудь другим. Скажем, удовольствием от власти над людьми, иногда это доходит до садизма. Однако возможен и третий вариант! Представь себе,

что претендент на властный пост уже достаточно богат. Тогда цепочка выглядит так: экономика – политика – удовольствие от власти над людьми – скромная могилка на кладбище под Лондоном или же в Сибири. Словом, тут такой набор возможностей, что на все вкусы хватит. Было бы желание.

– А у тебя оно есть? – Эстер задала вопрос с намёком, но я делаю вид, что не понимаю.

– Мои желания связаны с литературой. Ну, может быть, ещё с Катрин. А всё остальное по фигу!

– А, скажем, мировой кризис... Разве тебя это не волнует? – Пьер снова возвращается к любимой теме.

– Кризис – это естественное отправление либеральной экономики. Как это может волновать? Сами напридумывали чёрт-те что, а теперь мучайтесь, пока не надоест.

– Ну а свобода?

– Зачем нужна свобода, если есть права?

– А демократия? – кажется, Пьер уже вовсе выдохся, не находил аргументов для предметного спора и потому только задавал примитивные вопросы.

– Про демократию Черчилль хорошо сказал. Что-то вроде того, что ничего лучше человечество так и не придумало. А я бы уточнил – могли бы придумать, но не захотели. Тем же из нас, кто попытался, крепко дали по мозгам. Да что тут говорить, каждый из так называемых демократов мечтает лишь о том, чтобы у него была своя собственная демократия, для личного употребления. Это особенно характер-

но для тех, кто находится у власти.

– Нет, ты не прав! Демократия вполне приемлема для большинства людей из самых разных стран.

– Да, в основном, для сытых.

– Но выборы, всенародное волеизъявление... Неужели ты способен замахнуться на святое?

Не знаю, то ли он уже в стельку пьян, то ли и в самом деле его обуял дикий ужас, судя по глазам. Ну что ж, добивать, так добивать, мне это не впервой:

– Представь себе семинар по теоретической физике, где правильность некой теории решается голосованием. Абсурд! То же и в политике, и в экономике.

– Нет, подожди! Критерием теории всегда являлась практика.

– Это справедливо только в том случае, если эксперимент по проверке теории выполнен корректно.

– А разве не так?

– Тогда скажи, зачем тратят сотни тысяч долларов на предвыборную кампанию в какой-нибудь вполне цивилизованной стране? Для чего устраивают пышные предвыборные митинги, зачем обрушивают на наши головы мегатонны политической рекламы? Да только для того, чтобы промыть мозги. Чтобы избиратель принимал решение под влиянием эмоций, а не в результате размышлений. Причём промывают мозги как минимум два месяца, а на размышления оставляют день. Так где же тут свободное воле-изъявление? Да тут

демократией и не пахнет!

Дальше я не стал продолжать, а Пьер только и смог произнести:

– Ну, я тогда не знаю...

Эстер загадочно молчала, размышляя о своём. Возможно, о предстоящем свидании со мной. А Пьер был явно потрясён нашим разговором. Я даже пожалел о том, что затеял этот спор. И с какой стати на меня нашло? Жил бы он себе и жил, верил бы в эти сказочки – тем более, если они доход приносят. А тут, здравствуйте вам, явился я! Явился и попытался всё разрушить. Да ладно уж, какие ещё требуются разрушения, когда до сих пор разруха в головах...

Пусть так. Но что же останется в сухом остатке? Увы, тогда я этого не знал. Но вот теперь, вспомнив этот разговор, я вдруг представил себе Юрика, депутата и прокурора Бокина в роли Моисеев. Сидят себе в шикарном ресторане, закусывают, пьют вино и время от времени дают по мобильнику указания тем, кто бродит по пустыне в поисках земли обетованной. И набивая себе рот, депутат сокрушается по поводу того, что кто-то не выдержал трудностей пути. А прокурор требует от подчинённых списать очередную жертву как естественную убыль. И даже Юрик знает, чем себя занять – сочиняет текст постановления об объявлении траура по погибшим за последнюю неделю.

Однако же, господа, вы хорошо устроились!

Глава 47. Ну вот и всё!

Это даже удивительно – за последние дни я ни разу не вспомнил о Катрин. Словно бы она тут ни при чём, и вся эта суета исключительно ради Сержа. Вот так увлечёшься каким-нибудь сюжетным ходом, напишешь целую главу и напроочь забываешь – зачем, ради чего писал? Словно бы процесс для меня важнее результата. И тут примерно то же самое. По сути, я выполнил целое исследование, накопил массу фактов, даже сделал предварительные выводы. Но спрашивается, кому нужен этот компромат? Десять лет назад, слава богу, был какой-то прок – Лулу разумно распорядилась информацией, и кое-кого упрятать за решётку всё же удалось. Да просто они тогда слишком обнаглели! Ну а теперь? Всё то же, но под более приличным соусом. Так если надежда на удачу минимальна, стоило ли снова это дело затевать?

Отличие, пожалуй, в том, что они меня очень уж достали. Я их и тогда терпеть не мог, однако позже так решил, что будто бы смогу исправить кое-что своими книгами. Как это у поэта?.. Что-то такое он лирой пробуждал... Да, чувства добрые. Возможно, пробудил – так ведь на то и Пушкин! Но только в наше время и сотни Пушкиных не хватит, чтобы эти чувства разбудить. Слишком уж глубоко запрятаны, спят летаргическим сном, замурованы в подкорке. Я даже не исключаю, что кое-кто выставил их на продажу, чтобы с голоду

не помереть. И вот пылятся они теперь на барахолке, стоят совсем не дорого – так всё равно никто их не берёт. Что тут поделаешь, неходовой товар! К тому же быстро портятся – ещё немного полежат и начнут вонять...

Ну ладно, нашёл время философствовать. Ясно лишь то, что иначе поступить не мог, даже если всё делал против логики. Видимо, так уж я устроен, и не мне это менять. И потом, остаётся шанс спасти хотя бы Сержа.

И вот я снова у Раис. Держится, как и положено популярной шоуменше – макияж в норме, одета по последней моде, даже немного вызывающе. Однако по глазам вижу, что порадовать меня ничем не сможет.

– Так что, куда пропал Сергей?

– Мне удалось выяснить, что он прилетел в Москву три дня назад рейсом Аэрофлота из Женевы, – говорит, заглядывая в свой блокнот, примерно так вот школьница на экзамене использует шпаргалку.

– Это я и сам знаю. Дальше!

– Дальше я опросила знакомых его покойного отца, потом обзвонила все гостиницы. Всё безрезультатно. Тогда решила подключить к поискам Артёма. Он прежде занимался криминальной хроникой, у него сохранились кое-какие связи.

– И что? – спросил я, всё ещё на что-то надеясь, хотя давно уже мучило нехорошее предчувствие.

– Да ничего. Ни в одном СИЗО, ни в Бутырках, ни в Матросской тишине...

– А морги? А больницы? Может быть, по дороге из аэропорта что-нибудь произошло, скажем, автомобильная катастрофа...

– Больницы, морги – все проверила. Ничего! В милиции сообщили, что за последнюю неделю неопознанных трупов у них не было.

Так я и думал, что похитили. Теперь выбивают показания на Леонида. Либо и того хуже... Да я не сомневаюсь, что они на всё способны, лишь б загрести «бабла». Только бы Серж выдержал, тогда ещё сохранялась бы слабая надежда.

В этот момент Раис включила телевизор.

– Я теперь все криминальные новости смотрю. А вдруг...

Даже в кошмарном сне я такого не испытывал! Даже когда летел с семнадцатого этажа! Даже когда санитары напяливали на меня смирительную рубашку!.. Словами это ощущение не описать. А всё потому, что диктор размеренным тоном и, как мне показалось, довольно равнодушно произнёс:

– Сегодня утром в лесу близ Киевского шоссе обнаружен труп. Как установили компетентные органы, это останки Сергея Фёдорова, историка, работавшего последние годы во Франции. Несколько дней назад он прилетел в Москву, однако затем его никто не видел. Согласно версии следствия, по дороге из аэропорта Сергей Фёдоров был убит с целью ограбления. Милиция разыскивает частное такси, которым мог воспользоваться погибший...

Ну вот и всё! Дальше можете не продолжать. А мне оста-

ётся лишь одно – напиться! Догадливая Раис достаёт початую бутылку водки, а я даже не в состоянии себе налить – руки дрожат, тошнота подкатывает к горлу... Можно подумать, что стою над трупом и смотрю в его открытые глаза, а он мне и говорит: «Ну вот, Вовчик! Ты добился своего. Теперь Катрин твоя, я вашему счастью не помеха»... Он тяжело вздохнул, и всё... Нет, Серж, стой! Какое счастье? Как ты можешь это говорить? Серж, ты не торопись, подумай! Ну зачем мне убивать, если и без того Катрин моя... То есть была моей, а вот теперь наверняка меня возненавидит.

Раис! Нет, не рюмку, а стакан... Так хорошо... Ты спрашиваешь, отчего переживаю? Ну как ты не поймёшь! Ведь так всё просто. Ведь человека же убили!.. Нет-нет, не родственник, не друг и не товарищ по работе. Да мне бы его вообще не знать! Откуда он взялся на мою больную голову?.. Ты говоришь: при-лечь? Да-да, вот лягу, сложу руки на груди... У тебя дома свечки не найдётся?.. Жаль! Ну тогда налей ещё стакан... Да ты не бойся, я хоть и пьяный, приставать к тебе не стану – мне, видишь ли, теперь не до того...

Вот странно, вроде бы рта не раскрывал, а впечатление, будто что-то говорю и говорю... Да кто бы прекратил это безобразие! Разве так можно? Бутылка опустела, а у меня даже ни в одном глазу... Раис, гадкая, что ты мне подсунула?.. Ну ладно, вот не хватало ещё в чём-то обвинять Раис. Потом, чего доброго, дойдёт и до Катрин. А там ещё Светлана и Эстер... Да никому и в голову не придёт, что они в чём-то ви-

новаты! Виноват лишь я один, даже доказательств никаких не надо. Не предусмотрел, не предупредил...

Так что же я наделал? Что натворил? Вот вроде бы после трудных лет можно было радоваться, наслаждаться жизнью. Иногда даже создавалось впечатление, что находишься в земном раю. Ну не совсем там, но где-нибудь поблизости. Причём заметьте, что добился этого своим трудом. И что теперь? Стоило ли тратить столько сил, чтобы в итоге убедиться – всё оказалось зря.

Послушай, господи! Хоть ты скажи, в чём я виноват? В том, что хотел всё сделать по-хорошему? Что избегал конфликтов? Вот вроде бы много чего в этой жизни понимал, но даже не пытался что-то реально изменить, только книжечки пописывал. И улыбался, и, сдерживая тошноту, обнимал тех, кого прежде обходил за километр. Так, может, прав был Он, и я самый что ни на есть типичнейший приспособленец, конформист? И то, что делал – исключительно для собственного блага, для удовлетворения гордыни? Кто мне теперь поверит, что не так?

Увы, теперь всё кончено. Надежды больше нет. И остаётся пустить пулю себе в лоб из наградного пистолета, либо надеть вериги и отправиться на покаяние куда-то в дальний скит. А толку что? Ну вот нашёл и снова потерял Лулу. Вполне закономерный результат. А потому что ничего другого я не заслужил. Только лишь боль и сознание того, что ничего мне в этой жизни не исправить!

И всё же, в чём причина? Что, разве я такой урод или же наш мир настолько отвратительно устроен? Ну почему всё так? Скажи мне, господи, ну почему алчность правит миром? Ну почему доброта и сострадание к человеку сегодня не в чести? И почему стремление обмануть, унижить ближнего своего – стало постепенно нормой нашей жизни? Я спрашиваю тебя, господи, и сам же отвечаю: всё потому, что нет любви...

Очнулся я на широченной кровати под белоснежным балдахинном. После того, что выпил накануне, страшно болела голова. Стучало сердце, словно бы из груди рвалось наружу. Хотелось пить. Но ещё больше я хотел опять заснуть. Вот так бы и остался здесь лежать – не двигаясь, не шелохнувшись, не открывая глаз. Только бы не знать, не видеть и не слышать.

Я поплотнее сжал веки, но ничего не получалось, сна не было, осталась только явь. При этом явь гнусная, уж я-то знал, что хуже этой яви не бывает.

В этот момент раздался скрип открываемой двери... Нет, этого не может быть, я голову на отсечение даю, что ничего подобного уже не будет! Того кошмара, что случился десять лет назад, я вновь не перенесу! Теперь совсем другие времена! Теперь всё не по понятиям, а по закону!

И вот я слышу, что кто-то подбирается ко мне, шаги всё ближе, уже осталось всего-то ничего. А я боюсь открыть глаза – вдруг это те самые, наследники Клариссы? Да чёрт с ни-

ми, мне уже на это наплевать. Вот что ужасно – целая страна, поедающая лучших из своих детей, а взамен воспроизводящая уродов! Ну как иначе назовёшь то, что происходит?

И вдруг в голове возникла удивительная мысль. Даже не мысль, а так, едва уловимое ощущение, смутная надежда – если это Лулу, тогда не всё ещё потеряно, тогда мы сможем с ней начать сначала...

– Милый, тебе кофе с молоком? Или примешь таблетку аспирина?

Она сказала это тихо, а ощущение такое, что звонят во все колокола. Я открыл глаза. Открыл как можно шире, чтобы всё в мельчайших деталях разглядеть, чтобы запомнить навсегда это мгновение.

Передо мной в розовом полупрозрачном пеньюаре... она и не она. Очень знакомое лицо, но, как ни стараюсь, не могу определить. Вот вроде бы видел, однако категорически утверждать этого не стану... И только хорошенько приглядевшись, я понял, наконец, что меня смутило в ней. На голове – колтун. Некрашенные, какие-то белесые ресницы. Губы без привычного блеска помады от Dior. А брови – вместо бровей вообще нечто бесформенное, причём одна вроде бы короче на сантиметр другой...

Да нет же, какие могут быть сомнения? Тут всё предельно ясно, это не Лулу! Её бы я в любом случае признал, даже будь она хоть в тоненьком халатике, растрёпанная, босиком... Так кто же это? Постой, не может быть...

– Ах, кажется, я макияж забыла сделать, – воскликнула Раис и выпорхнула из-под балдахина, предварительно по-слав мне нежный воздушный поцелуй.

Вот оно что... Дождася! Самое ужасное, что нет никаких сил. Я бы сиганул в окно, однако впечатление такое, будто прирос к этой кровати, привязан к ней, распят. Да, да! Христа распяли на кресте, ну а меня – на этой вот кровати. И кто же экзекутор? Помнится, тогда была Кларисса, а теперь... Раис. У них даже имена похожие, словно нарочно подобрали. Ну и на кой чёрт я сдался этой Раечке? Мало мужиков ей, что ли? И вот что слышу:

– Пойми же, Вовчик, что ты наш. Пока ты этого не признаёшь, но очень скоро всё встанет на свои места. Здесь всё будет точно так, как там, откуда ты недавно прилетел – уютно и приятно. И даже мысли больше не возникнет что-то изменить. Зачем? Пусть голова болит у тех, кому не повезло, кого обошла удача, кто успеха в этой жизни не достиг. Тебе-то что до них? Ты наш, не сомневайся!

– Нет!

Только и смог произнести.

Глава 48. Подведение итогов

Теперь всё это было далеко. Пройдёт ещё пару недель, и я уже не вспомню, что вот почему-то прилетал в Москву, обхаживал влиятельных людей, присутствовал на встрече озабоченных чем-то болтунов и даже лез через забор, рискуя собственным здоровьем. Всё это в прошлом, меня это уже ничуть не волновало. Кто больше в том, что случилось, виноват, да откуда же мне знать? Теперь эта тема для меня закрыта. Пусть голову ломают те, кому всё в диковинку, кто ещё не наигрался. Уж извините, но я пас. Впрочем, не вижу причин, в чём и перед кем мне нужно извиняться.

Всё это было уже далеко. Час назад самолёт взлетел из аэропорта Нарита и взял курс на Полинезию. Катрин, то есть, конечно, это была Катя, сидела рядом со мной, она спала, откинув спинку кресла. Да я бы и сам немножечко поспал, однако не могу, словно бы вдохновение снизошло, какого прежде не бывало. Я торопился описать то, что случилось за ту неделю, что я был в Москве. Обычно требуется время, чтобы всё переосмыслить, во всём предметно разобраться. Но сколько же можно размышлять? Нет, мне хотелось поскорее избавиться от того, что мучило в последние дни, хотелось оставить всё это позади. Ну словно бы захлопнуть за собою дверь, а ключ выбросить, пусть там и лежит, на дне самой глубокой впадины мирового океана.

Должен признаться, что Таити – это давняя моя мечта. Пальмы, жаркое солнце, полуобнажённые тела туземок и бескрайний океан. Как можно было не мечтать об этом? Это мир наслаждений, остров счастья, рай, обретённый на Земле! И вот теперь от прежнего желания не осталось и следа. Наверное, не всякий этому поверит, но что поделаешь, если это так? Лечу за тридевять земель, и сам не знаю, для чего. Бегу, как грешник от греха. Бегу словно бы куда глаза глядят, ну а если упаду без сил, там что-нибудь придумаю. Возможно, подыщу тихий безлюдный остро-вок где-нибудь на отдалённом рифе, построю хижину, и станем жить там вместе с Катей. Будем загорать, одни на пустынном пляже, купаться в тёплом океане. Только я и Катя, и больше никого – ни лицемерных политиков, ни продажных депутатов, да просто ни единой души. Только я и она, как бы с чистого листа, и никаких воспоминаний.

Ну а пока что попробую подвести итоги.

Итак, к чему же я пришёл? Что себе доказал? Или наоборот – какие поставил перед собой неразрешимые вопросы? Ясно лишь то, что опять я проиграл. Конечно, жизнь – это не игра, однако если присмотреться, то найдётся много общего.

Нет, правда, ну чем я недоволен? Катя по-прежнему со мной. Тут нет ничего удивительного – она же заранее все мои грехи простила. Кстати, я её об этом не просил. Ну что ещё? Вот допишу сценарий, по нему поставят фильм, там и для Кати наверняка найдётся роль – с продюсером я уже дого-

ворился. Понятно, что Пьер против этого не стал бы возражать, он вообще предрекает ей удачную карьеру. Что ж, вот закончит фильм, тот, в котором она снимается вместе с Эстер, тогда и поглядим. Хотя у Кати там всего лишь две-три сцены, но для начала и этого вполне достаточно. Да, чуть не забыл: Эстер меня благодарит за то, что я помог прояснить всё, что случилось с Сержем. Даже обещает компенсацию за понесённые расходы. Но эти её намёки я выслушал без особого восторга. И даже не спросил, зачем ей и её тётке это было нужно. Да какая разница!

Так всё же кто я – неудачник? Или же тот, кому несказанно повезло? Каюсь, как ни ломаю голову, не в состоянии ответить на вопрос. Во всяком случае, не могу себя причислить к тем сотням тысяч неудачников, у каждого из которых свой нерастраченный запас – запас желаний, запас того, о чём мечтают, что видят еженощно в своих снах. Однако, допустим, повезло, сбылись эти их желания. Так что, на этом всё? Проблема в том, что стоит лишь желаемое получить, как тут же скажут: «Да, у меня есть всё, но этого мне безусловно мало!»

Нет, у меня не так. Я вроде бы всем доволен. Но почему тогда считаю, что проиграл, откуда такое странное, ничем не оправданное ощущение? Да никому другому в нынешних обстоятельствах это в голову не могло прийти! Скажи я об этом чувстве на людях, меня же высмеют, а то и обвинят в безмерной алчности. Да нет же, вы не правы, всё не так!

Всё дело в том, что мне необходимо видеть результат труда. Нет, не стопки своих книг на прилавках магазинов и не свою фамилию в титрах фильма, которому присудили Пальмовую ветвь на кинофестивале в Каннах. Всё это ерунда, сопутствующие обстоятельства, без которых я вполне бы мог прожить. Однако что это за жизнь, когда сердце, лёгкие и голова работают впустую? Что толку от моих усилий, если я не способен ничего существенного изменить, не в состоянии остановить этот кошмар, прекратить то, что происходит на моих глазах? И вот вроде бы я тружусь не покладая рук, а между тем мир скатывается в пропасть...

Я всё писал и писал, выкладывая свои мысли на бумагу. И как-то незаметно задремал. Приснился сон. Честно говоря, я уже давно не видел добрых снов. Да вот и этот сон я не назвал бы добрым.

Я шёл по улице. Это был какой-то город, но я его не узнавал. Только отдельные фрагменты зданий вроде бы знакомы – вот подворотня, где мы когда-то прятались с подружкой от дождя, а вот подъезд, где я впервые её поцеловал, она же посмотрела на меня удивлённо и дала пощёчину. А потом вдруг закинула руки мне за шею и сама поцеловала. Вот вижу дом, где когда-то, сидя за столиком в кафе, пил пунш с «Шартрезом» и писал стихи... Но это всё не то, потому что я никак не могу найти что-то такое, что мне очень нужно. Не знаю, где это искать, но оно должно быть здесь, близко, где-то рядом. Просто потому что это так, потому что мне так

надо.

Но вот уже стемнело, а я ничего не нахожу. Наверное, стоило бы спросить об этом у прохожих. Но как спросить, когда я даже не догадываюсь, что мне искать – дом, улицу, квартиру? Возможно, это человек, но, если не знать его примет, всё без толку, и поиски не имеют никакого смысла. Неужели так? Ну не могу поверить, что всё было зря, что силы истрачены впустую, что жизнь моя напрасно прожита...

Я проснулся. Катя сидит со мною рядом и, задумчиво переверачивая страницы, читает то, что я написал за последние несколько часов. На лице её, как у ребёнка, отражается всё внутреннее состояние – тревога, любопытство... и, наконец, отчаяние и обречённость.

– Неужели это правда? – шепчет она. – Неужели ничего изменить уже нельзя?